

МИЭТ НАЦИОНАЛЬНЫЙ
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ

Экономические и социально-гуманитарные исследования
Научный журнал

Свидетельство о регистрации
средства массовой информации:
ПИ № ФС77-69191 от 24 марта 2017 г.
Распространяется по подписке
Подписной индекс
в ООО Агентство «Книга-Сервис»:
80114

№ 3(43)
Июль — сентябрь 2024 г.

ISSN 2409-1073

Издается с июня 2014 г. Выходит 4 раза в год

Включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.

Включен в Российский индекс научного цитирования.

MIET NATIONAL RESEARCH
UNIVERSITY OF ELECTRONIC
TECHNOLOGY

Economic and Social Research
Scientific Journal

Certificate of the journal registration
PI No. FS77-69191 was issued on 24 March 2017
The journal is distributed by subscription
Subscription index of LLC Agency “Book-Service”:
80114

No. 3(43)
2024 July — September

ISSN 2409-1073

Published since 2014. Quarterly (4 issues per year)

ESGI journal is included into the List of periodicals recommended for publishing doctoral research results by the Higher Attestation Commission.

ESGI journal is included in Russian Science Citation Index.

Главный редактор
Растимешина Т. В., доктор политических наук, доцент

Редакционный совет

Председатель редсовета

Анискин Ю. П., доктор экономических наук,
профессор, профессор НИУ МИЭТ

Сопредседатель редсовета

Чумаков А. Н., доктор философских наук, профессор,
ведущий научный сотрудник ИФ РАН

Агапов В. С., д. психол. н., проф., РосНОУ
Андрюченко Е. В., д. филос. н., проф., СПбГУП
Бертош Е. В., к. э. н., доц., зав. кафедрой, БНТУ
(Республика Беларусь)

Бондарева Я. В., д. филос. н., проф., ГУП
Гагарин А. В., д. пед. н., проф., РАНХиГС
Гладков И. С., д. э. н., проф., гл. науч. сотр., ИДВ РАН
Данильченко А. В., д. э. н., проф., декан, БНТУ
(Республика Беларусь)

Зазыкин В. Г., д. психол. н., проф., ст. науч. сотр.,
ПИ РАО

Захлебный А. Н., д. пед. н., проф., академик РАО,
Ин-т стратегии развития образования РАО

Инфанте Д., Dr. Sci. (Polit. Econ.), проф.,
Университет Калабрии (Италия)

Князев В. Н., д. филос. н., проф., МПГУ
Лаце Н., Dr. Sci. (Econ.), проф.,
Рижский университет (Латвия)

Лобастов Г. В., д. филос. н., проф.,
РФО «Диалектика и культура»

Михалкин Н. В., д. филос. н., проф., зав. кафедрой,
МГППУ

Моисеева Н. К., д. э. н., проф., проф.-конс., НИУ МИЭТ

Мрочко Л. В., д. филос. н., проф., МосГУ
Пирогов А. И., д. филос. н., проф., НИУ МИЭТ
Пылаева Т., Dr. Sci. (Econ.), проф., Евроакадемия
(Эстония)

Смирнова Ж. Вяч., PhD (Econ.), доц.,
Университет Калабрии (Италия)

Редакционная коллегия

Заместитель главного редактора

Пирогов А. И., доктор философских наук, профессор,
профессор НИУ МИЭТ

Алексеев С. В., д. пед. н., проф., СПб АППО
Алексеева И. Ю., д. филос. н., проф., вед. науч. сотр.,
ИФ РАН

Гуськова Н. Д., д. э. н., проф., МГУ им. Н. П. Огарева
Даниелян Н. В., д. филос. н., доц., проф., НИУ МИЭТ
Евдокимова М. Г., д. пед. н., доц.,
директор Ин-та ЛПО, НИУ МИЭТ

Еленева Ю. Я., д. э. н., проф., зав. кафедрой,
МГТУ «СТАНКИН»

Емец В. С., д. полит. н., проф., РЭУ им. Г. В. Плеханова
Иванова Г. П., д. пед. н., проф., ГУП

Ильин В. В., д. филос. н., проф.,
КФ МГТУ им. Н. Э. Баумана

Кальней В. А., д. пед. н., проф., РМАТ

Лукичева Л. И., д. э. н., проф., НИУ МИЭТ
Мамедов Н. М., д. филос. н., проф., РАНХиГС

Мушта А. А., к. филос. н., доц., вед. спец., Акад. управ-
ления при Президенте РБ (Республика Беларусь)

Папов А. И., д. полит. н., проф., ГУП
Прокофьев А. А., д. пед. н., к. ф.-м. н., доц.,
зав. кафедрой, НИУ МИЭТ

Родин В. Ф., д. пед. н., проф., Моск. ун-т МВД РФ
им. В. Я. Кикотя

Салимова Т. А., д. э. н., проф.,
декан, МГУ им. Н. П. Огарева

Смирнова Ж. Вен., к. пед. н., доц., зам. зав. кафедрой,
НГПУ им. Козьмы Пруткова

Степанов С. А., д. пед. н., проф., проф., МНЭПУ
Стуканова С. С., д. э. н., доц., НИУ МИЭТ

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) 24 мая 2017 года.

Учредитель и издатель: федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Национальный исследовательский университет «Московский институт электронной техники» (НИУ МИЭТ), 124498, Москва, Зеленоград, пл. Шокина, д. 1.

Заведующий редакцией — **А. И. Пирогов**
Научный редактор — **Т. В. Растимешина**
Выпускающий редактор — **Ю. В. Лункина**
Компьютерная верстка — **С. О. Брылев**

Ведущий редактор — **Т. В. Растимешина**
Редакторы — **Е. В. Малинкина, А. В. Лобанова**
Дизайнер обложки — **С. Ю. Рыжков**

Адрес редакции: 124498, Москва, Зеленоград, пл. Шокина, д. 1, МИЭТ.

Тел.: 8-499-729-76-02

E-mail: esgi.miet@yandex.ru **Сайт:** http://esgi-miet.ru

Подписано в печать 20.09.2024. Формат бумаги 60×84 1/8. Цифровая печать.

Объем 26,5 усл. печ. л., 15,5 уч.-изд. л. Заказ № 23.

Отпечатано в типографии ИПК МИЭТ: 124498, Москва, Зеленоград, пл. Шокина, д. 1, МИЭТ.

Editor-in-Chief
Rastimeshina T. V., *Dr. Sci. (Polit.)*, Assoc. Prof.

Editorial Board

Chairman

Aniskin Yu. P., *Dr. Sci. (Econ.)*, Prof., MIET

Vice Chairperson

Chumakov A. N., *Dr. Sci. (Philos.)*, Prof., Acad. of REA,
Lead. Res., Institute of Philosophy of RAS

Agapov V. S., *Dr. Sci. (Psy.)*, Prof., Russian New University

Andriyenko E. V., *Dr. Sci. (Philos.)*, Prof., SPBUHSS

Bertosh E. V., *Cand. Sci. (Econ.)*, Assoc. Prof., BNTU
(Republic of Belarus)

Bondareva Ya. V., *Dr. Sci. (Philos.)*, Prof., SUE

Gagarin A. V., *Dr. Sci. (Ped.)*, Prof., RANEPА

Gladkov I. S., *Dr. Sci. (Econ.)*, Prof.,

Institute of Far Eastern Studies of RAS

Danilchenko A. V., *Dr. Sci. (Econ.)*, Prof., BNTU
(Republic of Belarus)

Zazykin V. G., *Dr. Sci. (Psy.)*, Prof.,
Senior Fellow, PI RAE

Zakhebnny A. N., *Dr. Sci. (Ped.)*, Prof., Acad. of RAE,
Institute of Education Development Strategy of RAE

Infante D., *Dr. Sci. (Polit. Econ.)*, Prof.,
University of Calabria (Italy)

Knyazev V. N., *Dr. Sci. (Philos.)*, Prof., MGPU

Lace N., *Dr. Sci. (Econ.)*, Prof., Riga Technical University
(Latvia)

Lobastov G. V., *Dr. Sci. (Philos.)*, Prof., *Rus. Philos.*
Soc. "Dialectics and Culture"

Mikhalkin N. V., *Dr. Sci. (Philos.)*, Prof., MSPPU

Moiseeva N. K., *Dr. Sci. (Econ.)*, Prof., Visit. Prof., MIET

Mrochko L. V., *Dr. Sci. (Philos.)*, Prof., MosUH

Pirogov A. I., *Dr. Sci. (Philos.)*, Prof., MIET

Põlajeva T., *Dr. Sci. (Econ.)*, Prof., Euroacademy
(Estonia)

Smirnova J. V., *PhD (Econ.)*, Prof., *University of Calabria*
(Italy)

Publishing Board

Deputy Editor-in-Chief

Pirogov A. I., *Dr. Sci. (Philos.)*, Prof., MIET

Alekseev S. V., *Dr. Sci. (Ped.)*, Prof., SPb APPO

Alekseeva I. Yu., *Dr. Sci. (Philos.)*, Prof.,
Institute of Philosophy of RAS

Guskova N. D., *Dr. Sci. (Econ.)*, Prof.,
Ogarev Mordovia State University

Danielyan N. V., *Dr. Sci. (Philos.)*, Assoc. Prof., MIET

Evdokimova M. G., *Dr. Sci. (Ped.)*, Assoc. Prof., *Director*
of Institute of Linguistic and Pedagogical Education,
MIET

Eleneva J. Ya., *Dr. Sci. (Econ.)*, Prof., STANKIN

Emets V. S., *Dr. Sci. (Polit.)*, Prof., PRUE

Ivanova G. P., *Dr. Sci. (Ped.)*, Prof., SUE

Ilyin V. V., *Dr. Sci. (Philos.)*, Prof.,
Kaluga Branch of BMSTU

Kalney V. A., *Dr. Sci. (Ped.)*, Prof., RIAT

Lukicheva L. I., *Dr. Sci. (Econ.)*, Prof., MIET

Mamedov N. M., *Dr. Sci. (Philos.)*, Prof., RANEPА

Mushta A. A., *Cand. Sci. (Philos.)*, Assoc. Prof.,
Lead. Analyst, APA RB (Republic of Belarus)

Panov A. I., *Dr. Sci. (Polit.)*, Prof., SUE

Prokofyev A. A., *Dr. Sci. (Ped.)*, *Cand. Sci. (Phys.-Math.)*,
Assoc. Prof., MIET

Rodin V. F., *Dr. Sci. (Ped.)*, Prof., *Kikot Moscow University*
of the Ministry of the Interior of Russia

Salimova T. A., *Dr. Sci. (Econ.)*, Prof.,
Ogarev Mordovia State University

Smirnova Zh. V., *Cand. Sci. (Ped.)*, Assoc. Prof.,
Minin University

Stepanov S. A., *Dr. Sci. (Ped.)*, Prof., IIUEPS/MNEPU

Stukanova S. S., *Dr. Sci. (Econ.)*, Assoc. Prof., MIET

ESGI is a peer-reviewed scholarly journal registered by the Federal Agency on Press and Mass Communications of the Russian Federation on March 24, 2017.

Founder and publisher: National Research University of Electronic Technology (MIET), 124498, Moscow, Zelenograd, Shokin square, Bld. 1.

Managing editor — **A. I. Pirogov**

Science editor — **T. V. Rastimeshina**

Executive editor — **Yu. V. Lunkina**

Digital page makeup — **S. O. Brylev**

Senior editor — **T. V. Rastimeshina**

Editors — **E. V. Malinkina, A. V. Lobanova**

Cover designer — **S. Yu. Ryzhkov**

Address: Russia, 124498, Moscow, Zelenograd, Shokin square, Bld. 1, MIET.

Tel.: +7-499-729-76-02

E-mail: esgi.miet@yandex.ru **Web:** <http://esgi-miet.ru>

Signed to print 20.09.2024. Sheet size 60×84 1/8. Digital printing.

Conventional printed sheets: 26.5. Published sheets: 15.5. Order No. 23.

Printed at MIET printing workshop: 124498, Moscow, Zelenograd, Shokin square, Bld. 1, MIET.

СОДЕРЖАНИЕ

Экономика инновационного развития: теория и практика

<i>Бертош Е. В.</i> Международное научно-техническое сотрудничество в развитии креативной экономики (на примере Республики Беларусь)	6
<i>Квашинева А. Е.</i> Взаимодействие малого бизнеса и государства в концепции социального капитала	17
<i>Спиридонова Г. В., Мрочко В. Л., Тарасов М. Д.</i> Ресурсы искусственного интеллекта в защите российского бизнеса от киберугроз	28

Философия: мир в человеке и человек в мире

<i>Андрюченко Е. В., Корнюхов Д. В.</i> Лидерство как реализация личностного потенциала	40
<i>Драгут Е. В.</i> Модель мифологического героя как инструмент социальной инженерии: формирование гибрида личностной идентичности	51
<i>Дубова А. А., Бабаева Д. С.</i> Место и роль современного графического дизайна в эволюции форм коммуникации	61
<i>Князт Н. П.</i> Роль философии в формировании классической модели научного познания	69
<i>Князев В. Н.</i> Эпистемологические аспекты становления воззрений на электромагнетизм	84
<i>Михайлина С. А., Хен Ю. В.</i> Зрелое классическое естествознание и становление социально-гуманитарных наук в XIX в.	94
<i>Петрова Е. И., Одицова Е. А.</i> Социальная и гражданская идентичность в парадигме гражданского общества	107
<i>Равочкин Н. Н., Растимешина Т. В.</i> Трансформация инструментария этики в эпоху цифровизации: философский анализ (часть 1)	114
<i>Самольянов О. А.</i> Феноменология лидерства (на примере трилогии Дж. Р. Р. Толкина «Властелин колец»)	122

К 100-летию со дня рождения Э. В. Ильенкова:

XXV Международная научная конференция «Ильенковские чтения»

<i>Лобастов Г. В.</i> Вступительное слово	131
<i>Казанцев О. А.</i> Минимизация формализации: прагматическая аналитика Куайна и практический материализм Науменко	132
<i>Лобастов Г. В.</i> Боль среди одиночества. К столетию со дня рождения Эвальда Васильевича Ильенкова (экзистенциальное эссе)	141
<i>Морозов М. Ю.</i> Проблема идеального и социальный солипсизм: к диалогу Э. В. Ильенкова и М. А. Лифшица (часть 1)	154
<i>Суханов В. Н.</i> Э. В. Ильенков и логика познавательного процесса	164
<i>Ляшко И. А.</i> Ильенковские чтения — 2024: обзор международной научной конференции	173

Педагогическая система координат: образование, воспитание, развитие человека

<i>Егоренко Т. А., Зорина Е. С.</i> Особенности профессиональной идентичности современных старшеклассников	182
<i>Мрочко В. Л., Рощина Т. М., Тарасов М. Д.</i> Обеспечение безопасности в сети Интернет: психолого-педагогические аспекты	196
<i>Итоги круглого стола Института ЛПО «Актуальные вопросы современной лингвистики» 08.04.2024 г. (ч. 2)</i>	
<i>Арсеньева Е. С.</i> Актуальность учебника «Практический курс английского языка» под редакцией В. Д. Аракина в контексте современной парадигмы профессионального обучения	205
<i>Байдикова Н. Л., Давиденко Е. С.</i> Индивидуализация и персонализация обучения иноязычному говорению с помощью нейросети Twee	210
<i>Назарова К. А.</i> Учет ведущего типа мышления студентов в образовательном процессе	218

Информация

Памятные и знаменательные даты	222
Книжные новинки	224
Ретракция	226
К сведению авторов	227

CONTENTS

Economics of Innovation-Driven Growth: Theory and Practice

<i>Bertosh E. V.</i> International scientific and technological cooperation in the development of creative economy (evidence from Republic of Belarus)	6
<i>Kvashneva A. E.</i> Interaction between small business and the state in the social capital concept	17
<i>Spiridonova G. V., Mrochko V. L., Tarasov M. D.</i> Artificial intelligence resources in protecting Russian business from cyber threats	28

Philosophy: Universe in Human and Human in Universe

<i>Andriyenko E. V., Korniyukhov D. V.</i> Leadership as the realization of personal potential	40
<i>Dragun E. V.</i> Model of the mythological hero as a tool of social engineering: Shaping of a hybrid of personal identity	51
<i>Dubova A. A., Babaeva D. S.</i> Place and role of modern graphic design in the evolution of forms of communication	61
<i>Knekht N. P.</i> Role of philosophy in the formation of the classical model of scientific knowledge	69
<i>Knyazev V. N.</i> Epistemological aspects of formation of views on electromagnetism	84
<i>Mikhaylina S. A., Khen J. V.</i> Mature classical natural science and the formation of social sciences and humanities in the 19 th century	94
<i>Petrova E. I., Odintsova E. A.</i> Social and civic identity in the paradigm of civil society	107
<i>Ravochkin N. N., Rastimeshina T. V.</i> Transformation of ethical instruments in the digitalization age: Philosophical analysis (part 1)	114
<i>Samolyanov O. A.</i> Phenomenology of leadership (the case of J. R. R. Tolkien's trilogy "The Lord of the Rings")	122
To the centenary of the birth of E. V. Ilyenkov: 25th International scientific conference "Readings from Ilyenkov"	
<i>Lobastov G. V.</i> Opening remarks	131
<i>Kazantsev O. A.</i> Minimizing formalization: Quine's pragmatic analytics and Naumenko's practical materialism	132
<i>Lobastov G. V.</i> Pain among loneliness. To the centenary of the birth of Evald Vasilyevich Ilyenkov (existential essay)	141
<i>Morozov M. Yu.</i> The problem of the ideal and social solipsism: Towards a dialogue between E. V. Ilyenkov and M. A. Lifshitz (part 1)	154
<i>Sukhanov V. N.</i> E. V. Ilyenkov and the logic of the cognitive process	164
<i>Lyashko I. A.</i> Readings from Ilyenkov — 2024: Review of the international scientific conference	173

Pedagogical Coordinate System: Education, Upbringing, Human Development

<i>Egorenko T. A., Zorina E. S.</i> Features of the professional identity of modern high school students	182
<i>Mrochko V. L., Roshchina T. M., Tarasov M. D.</i> Safety ensuring on the Internet: Psychological and pedagogical aspects	196
Results of the round table of the Institute of LPE "Current issues of modern linguistics" 04/08/2024 (part 2)	
<i>Arsenieva E. S.</i> Relevance of the textbook "Practical Course of English" edited by V. D. Arakin in the context of the modern paradigm of vocational training	205
<i>Baydikova N. L., Davidenko E. S.</i> Individualization and personalization of teaching foreign language speaking using the Twee neural network	210
<i>Nazarova K. A.</i> Consideration of students' leading type of thinking in the teaching/learning process	218

Information

Memorable and remarkable dates	222
New books	224
Retraction	226
For the authors	227

**ЭКОНОМИКА ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ:
ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА
ECONOMICS OF INNOVATION-DRIVEN GROWTH:
THEORY AND PRACTICE**

Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2024. № 3 (43). С. 6—16.

Economic and Social Research. 2024. No. 3 (43). P. 6—16.

Научная статья

УДК 339.9

doi: 10.24151/2409-1073-2024-3-6-16

<https://elibrary.ru/qmwaik>

Международное научно-техническое сотрудничество в развитии креативной экономики (на примере Республики Беларусь)

Е. В. Бертош

Белорусский национальный технический университет, г. Минск, Республика Беларусь

bertosh@bntu.by

Аннотация. Сделан обзор исследований международного сотрудничества, его значения в развитии креативной экономики. Показаны особенности и тенденции реализации международного научно-технического сотрудничества в разных сферах культурной деятельности. Приведены статистические данные развития креативной экономики в мировом масштабе, методология ООН по классификации креативных товаров и услуг. На основании статистических данных развития креативной экономики в Республике Беларусь составлена динамика роста валовой добавленной стоимости. Выделены факторы, замедляющие развитие креативной экономики в Республике Беларусь.

Ключевые слова: креативная экономика, международное сотрудничество, цифровизация, валовая добавленная стоимость, экономика Беларуси

Для цитирования: Бертош Е. В. Международное научно-техническое сотрудничество в развитии креативной экономики (на примере Республики Беларусь) // Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2024. № 3 (43). С. 6—16. <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2024-3-6-16> EDN: QMWAIK.

Original article

International scientific and technological cooperation in the development of creative economy (evidence from Republic of Belarus)

E. V. Bertosh

Belarusian National Technical University, Minsk, Republic of Belarus

bertosh@bntu.by

© Бертош Е. В.

Abstract. In this work, a review of studies of international cooperation and its importance in developing the creative economy is done. The peculiarities and realization tendencies of international scientific and technological cooperation in different spheres of cultural activity are shown. Statistical data on the development of the creative economy on a global scale, UN methodology for creative goods and services classification are presented. Based on statistical data on creative economy development in the Republic of Belarus, the dynamics of the growth of gross value added has been compiled. The factors slowing down the development of creative economy in the Republic of Belarus have been identified.

Keywords: creative economy, international cooperation, digitalization, gross value added, economy of Belarus

For citation: Bertosh E. V. “International Scientific and Technological Cooperation in the Development of Creative Economy (Evidence from Republic of Belarus)”. *Economic and Social Research* 3 (43) (2024): 6–16. (In Russian). <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2024-3-6-16> EDN: QMWAJK.

Одной из важнейших тенденций развития мирового сообщества сегодня является углубление процессов интеграции. Яркий пример этому — вступление Республики Беларусь в Шанхайскую организацию сотрудничества (ШОС). Международное сотрудничество становится ключевым фактором не только экономического, но и социального развития. Как отметил А. Г. Лукашенко, «Беларусь приступает к работе в Шанхайской организации сотрудничества с пониманием, что ШОС — это не только безопасность, экономика и торговля. Это и взаимное обогащение культур, что приведет к обязательному сближению наших народов» [19]. Обратим внимание на тот факт, что «...многие белорусские идеи, высказанные ранее, уже получили международную поддержку. Это касается трансфера технологий, информационной безопасности, транспорта и логистики, промышленности, торговли и инвестиций» [19].

Направления развития Республики Беларусь в рамках ШОС демонстрируют объективную необходимость международного научно-технического сотрудничества (МНТС). На первой научной конференции Организации Объединенных Наций по сохранению и использованию ресурсов в 1949 г. были заложены основы для обмена мнениями и опытом среди ученых в рамках их научных исследо-

ваний. Однако особую значимость МНТС приобрело на Конференции Объединенных Наций по науке и технике в интересах поддержки наименее развитых регионов, состоявшейся в Женеве в 1963 г. В повестку дня конференции впервые были внесены вопросы научно-технической политики в качестве основной ее темы.

Важно отметить, что теоретическая база МНТС остается сложной и комплексной, и анализ тенденций развития МНТС представляет собой серьезную методологическую задачу. Терминологическая система МНТС варьируется в зависимости от области научных исследований: экономическая, правовая, социологическая и др. В области внешнеэкономических отношений (анализируют: К. А. Задумкин, С. В. Терехова, В. А. Колотухин, В. В. Гончаров, Д. В. Никеев) МНТС является одним из наиболее перспективных и активно развивающихся направлений внешнеэкономической деятельности (ВЭД), включает совместную работу над решением научно-технических проблем, обмен опытом и результатами исследований, а также подготовку квалифицированных кадров [11]. В условиях масштабирования санкций (анализирует М. В. Шугуров) подчеркивается значимость МНТС в формировании научного и промышленного потенциала Российской Федерации [21].

Правовое регулирование МНТС изучают В. О. Фетисенко [20], К. Е. Коваленко [5], Л. А. Гумеров [2], исследователи рассматривают вопросы защиты объектов интеллектуальной собственности в ходе реализации коммерческих и некоммерческих форм сотрудничества с учетом международного опыта, опыта государств-участников СНГ и отдельно взятого государства.

Реализация МНТС продолжает оставаться актуальной и на региональном уровне (анализируют: К. А. Задумкин с соавторами [11], М. Дженовезе [3], К. В. Лосев и С. М. Молчанова [8]). Ученые акцентируют внимание на наличии региональных особенностей в ходе формирования инновационных систем и роли МНТС в этом процессе.

Коммерческие формы МНТС требуют изучения особенностей коммерциализации и трансфера результатов научно-технической деятельности. Теоретические основы этого вопроса развивают белорусские ученые Ю. В. Нечепуренко [12], А. И. Киселевич [4], О. Ф. Малащенко [9], С. И. Симановский [17].

Однако несмотря на активное изучение целесообразности и актуальности реализации МНТС в экономике, остается неопределенность в построении системы научного знания и в методологии разработки теоретического знания о данном факторе современного экономического развития. Сложность заключается в том, что в мировом масштабе стремительное развитие техники и технологий порождает формирование множества различных типов экономики: инновационная экономика, зеленая экономика, экономика знаний, цифровая экономика, креативная экономика. Остается нерешенным вопрос о влиянии МНТС на уже сложившиеся типы экономики и на формирование новых направлений экономического развития. В связи с этим положением затруднены и прогнозирование особенностей применения МНТС, и верификация данной деятельности в различных отраслях экономики.

Современным типом экономики можно назвать креативную экономику. Данной точки зрения придерживается И. В. Логунцова: исследователь называет креативную экономику одной из самых перспективных и быстрорастущих отраслей в современном постиндустриальном мире [7]. По мнению В. Н. Махалина, креативная экономика «обобщает инновационную экономику, экономику знаний, экономику творчества, креативно инновационную экономику и ее различные сферы. <...> Понятие “креативная экономика” по сути объединяет все экономические сферы, в которых осуществляется разработка креативных продуктов и услуг, включая и сферу научно-технологических разработок и их коммерциализации <...> креативная экономика представляет собой синтез научных знаний о создании и широком применении оригинальных идей, элементов моделей, новой упаковки уже существующих технологий, генерации знаний, критическом мышлении, выработки ключевых компетенций и их реализации» [10, с. 20—21].

В докладе «Проектирование креативной индустрии» Министерства культуры, СМИ и спорта (DCMS) Великобритании в 1998 г. впервые была предложена концепция креативной экономики страны. Затем в 2001 г. Д. Хоукинс ввел в научный оборот понятие креативной экономики в следующей трактовке: любая бизнес-деятельность по производству товаров и услуг, имеющих экономическую ценность и созданных за счет оригинальной идеи (приводится по: [23]). Величина креативной экономики, по мнению специалистов Международной финансовой корпорации в составе Группы Всемирного банка, составляет 2 трлн долл., она формирует от 2 до 7 % ВВП стран мира, а также обеспечивает почти 50 млн рабочих мест по всему миру. Сектор имеет важный экономический мультипликативный эффект: 1 вложенный доллар создает 2,5 доллара для экономики [18].

Специалисты Конференции ООН по торговле и развитию (ЮНКТАД) оценивают

креативную экономику как быстрорастущую, открывающую возможности «для экономического развития и диверсификации, особенно в развивающихся странах» [18]. На ее долю приходится 3,1 % мирового ВВП, 6,2 % рабочих мест в мире. Доля экспорта креативных товаров составляет 3 % от мирового объема экспорта. Согласно методологии ЮНКТАД, к креативным товарам относятся: ремесленные и дизайнерские товары, приставки и сопутствующие товары для видеоигр, предметы искусства, книги. Наибольший удельный вес в торговле креативными товарами приходится на продукты дизайна (62,9 %), затем медиатовары (13,4 %) и предметы искусства (6,2 %). Основными экспортёрами креативных товаров являются развивающиеся страны: в 2020 г. их доля экспорта составила 296 млрд долл., что на 67 млрд долл. больше доли экспорта развитых стран (229 млрд долл.). Среди развивающихся стран в 2020 г. по объему экспорта креативных товаров лидировал Китай (169 млрд долл.). Более 2/3 мирового экспорта креативных товаров приходится на КНР, США (32 млрд долл.), Италию (27 млрд долл.), Германию (26 млрд долл.) и Гонконг (КНР) (24 млрд долл.) [16; 18].

Доля экспорта креативных услуг составляет 19 % мирового объема услуг. Это реклама и маркетинговые исследования; архитектурные и дизайнерские услуги; аудиовизуальные услуги; культурные, рекреационные и связанные с культурным наследием услуги; информационные услуги; научно-исследовательские и опытно-конструкторские услуги (НИОКР); программное обеспечение. На НИОКР и программное обеспечение приходится наибольшая доля экспорта креативных услуг: 30,7 и 41,3 % соответственно. Причем 90 % мирового объема экспорта НИОКР и аудиовизуальных услуг создают развитые страны. Доля развитых стран в мировом объеме экспорта услуг в 2020 г. составила 82,3 %. Лидерами являются США (206 млрд долл.) и Ирландия (174 млрд долл.), в пятерку лидеров также вошли

Германия (75 млрд долл.), Китай (59 млрд долл.), Великобритания (57 млрд долл.).

Скорость увеличения объема экспорта креативных услуг и креативных товаров высокая. За период с 2002 по 2022 г. объем экспорта креативных товаров вырос в 3,5 раза. За период с 2012 по 2022 г. объем экспорта креативных услуг вырос в 2,8 раза [16; 18].

По мнению экспертов аудиторской компании PricewaterhouseCoopers, рост объема экспорта креативных услуг в мире связан в первую очередь с применением цифровых технологий в их создании и дальнейшем продвижении, так как «...цифровизация лежит в основе новых бизнес-моделей <...> расширяет процесс геймификации в различных отраслях, связанных в том числе с туризмом и культурным наследием, а также в отраслях, не относящихся к числу креативных, таких как образование и здравоохранение; и способствует росту межотраслевого сотрудничества, например, между разработчиками видеоигр, музыкантами и киностудиями» [24].

Однако в международной практике отсутствует единый подход к отнесению товаров и услуг к креативным. Развивающиеся страны чаще всего для этих целей используют методику ЮНЕСКО для определения индустрии культуры и классификацию товаров ЮНКТАД для количественной оценки международной торговли. Например, Индонезия использует национальные методики и на основании их определила 16 креативных отраслей [18].

Для стран с переходной экономикой показателен опыт России, где создана и реализуется «Концепция развития творческих (креативных) индустрий и механизмов осуществления их государственной поддержки в крупных и крупнейших городских агломерациях до 2030 года». Согласно Концепции, все креативные товары и услуги сгруппированы в четыре крупных блока, каждый из которых включает от двух до десяти наименований [6].

Принимая во внимание зарубежный опыт, составим классификацию креативных товаров и услуг в Республике Беларусь, чтобы выделить виды деятельности, которые могут быть отнесены к креативным. Используя Общегосударственный классификатор «Виды экономической деятельности» Республики Беларусь, выделим 15 видов креативной деятельности:

- 1) издательская деятельность, аудио- и видеозапись, воспроизведение и вещание, в том числе издание программного обеспечения и компьютерных игр;
- 2) производство кино-, видеофильмов и телевизионных программ;
- 3) звукозапись и издание музыкальных произведений;
- 4) создание программ радио- и телевещания;
- 5) деятельность в области телекоммуникаций, информационных технологий, информационное обслуживание и компьютерное программирование;
- 6) консультационные и сопутствующие им услуги;
- 7) информационное обслуживание;
- 8) деятельность в области архитектуры, инженерных изысканий, технических испытаний и анализа;
- 9) научные исследования и разработки;
- 10) рекламная деятельность и изучение конъюнктуры рынка;
- 11) прочая профессиональная, научная и техническая деятельность, в том числе специализированные работы по дизайну, фотографии;
- 12) туристические услуги, в том числе бронирование;
- 13) творческая деятельность, искусство;
- 14) деятельность библиотек, архивов, музеев и прочая деятельность в области культуры;
- 15) деятельность в области физической культуры и спорта, организация отдыха и развлечений [13].

Структурируем предложенный обширный список креативных видов деятельности, условно выделим соответствующие им четыре группы креативных товаров и услуг.

Группа 1. Индустрия информационно-коммуникационных технологий (ИКТ), контента и СМИ, цифровой торговли: цифровые креативные товары и услуги.

Группа 2. Издательская деятельность, деятельность библиотек, архивов, музеев и прочая в области культуры: сохранение историко-культурного наследия.

Группа 3. Архитектура, дизайн, деятельность в области физической культуры и спорта, индустрия развлечений и отдыха, туристическая индустрия: товары и услуги в области развлечений и искусства.

Группа 4. НИОКР, прочая профессиональная, научная и техническая деятельность: товары и услуги, связанные с научными изысканиями.

Согласно данным Национального статистического комитета Республики Беларусь, цифровые креативные товары и услуги занимают в общем объеме креативных товаров и услуг наибольший удельный вес. Их доля валовой добавленной стоимости (ВДС) в ВПП страны в 2022 г. составила 6,9 %. Причем в 2021 г. данный показатель имел значение 7,9 %. Тенденция к его росту активизировалась с 2016 г. За период с 2016 по 2022 г. наибольший вклад в формирование ВДС внес сектор ИКТ. В 2016 г. его доля составляла 91,1 %, в 2022 г. — 93,6 % от общей величины ВДС цифровых креативных товаров и услуг. Доля индустрии контента и СМИ за рассматриваемый период снижается — от 6,5 % в 2016 г. до 3,5 % в 2022 г. В результате снижается величина ВДС индустрии контента и СМИ и увеличивается величина ВДС индустрии ИКТ. Доля цифровой торговли составляет от 2,5 до 3,0 % от общего объема ВДС креативных товаров и услуг. В отличие от индустрии ИКТ и контента, СМИ, доля ВДС сектора цифровой торговли в общем объеме ВВП имеет тенденцию к росту (см. табл.).

Динамика цифровых креативных товаров и услуг в 2016—2022 гг.

Сектор креативной экономики	Показатель валовой добавленной стоимости (ВДС)						
	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022
1. Сектор ИКТ в текущих ценах, млн руб.	4 265,5	5 539,6	6 792,6	8 725,3	10 930,5	13 258,8	12 471,1
в общем объеме НДС, %	91,1	92,0	92,2	93,2	93,9	94,7	93,6
к ВВП, %	4,5	5,2	5,6	6,5	7,3	7,5	6,5
2. Сектор контента и СМИ в текущих ценах, млн руб.	301,7	341,2	406,3	441,3	423,5	442,9	460,9
в общем объеме НДС, %	6,4	5,7	5,5	4,7	3,6	3,2	3,5
к ВВП, %	0,3	0,3	0,3	0,3	0,3	0,3	0,2
3. Сектор цифровой торговли в текущих ценах, млн руб.	113,3	138,6	167,6	198,1	286,1	298,9	397,4
в общем объеме НДС, %	2,4	2,3	2,3	2,1	2,5	2,1	3,0
к ВВП, %	0,1	0,1	0,1	0,2	0,2	0,2	0,2
Всего НДС цифровых креатив- ных товаров и услуг, в текущих ценах, млн руб.	4 680,5	6 019,4	7 366,5	9 364,7	11 640,1	14 000,6	13 329,4
к ВВП, %	4,9	5,7	6,0	7,0	7,8	7,9	6,9

Источник: составлено автором на основе данных Национального статистического комитета Республики Беларусь [21].

К сожалению, Национальный статистический комитет не предоставляет данных о величине НДС креативных товаров и услуг в таких сферах деятельности, как сохранение историко-культурного наследия, организация развлечений, искусство, научно-исследовательские изыскания. О наличии и объеме креативных товаров и услуг можно судить

по стоимости платных услуг, оказанных населению библиотеками, архивами, музеями и прочими организациями в области культуры. В 2023 г. было оказано платных услуг на сумму: 54 191,1 тыс. руб. — в сфере сохранения историко-культурного наследия; 1 523 444,4 тыс. руб. — в сфере организации развлечений и сфере искусства [14].

В профессиональной деятельности объем выполненных научных исследований и разработок, оказанных научно-технических услуг в 2023 г. составил 1 312 176 тыс. руб. [15].

Для того чтобы объективно оценить объем креативной экономики отдельно взятой страны и мировой экономики в целом, необходима консолидация знаний и опыта всех субъектов мировой экономики, заинтересованных в развитии креативных индустрий. Выработка методологического подхода возможна на единой диалоговой площадке, организуемой МНТС. Об актуальности применения различных форм МНТС в решении данной задачи свидетельствуют 44 мероприятия ЮНКТАД (2021 г.), нацеленных на путь «повышения осведомленности о креативной экономике, развития сотрудничества и создания сетей, поощрения обмена передовым опытом и создания благоприятных условий для всех участников креативной экономики» [16]. На Форуме ЮНКТАД по креативной экономике и цифровизации принимается дорожная карта, в которой запланированы этапы достижения целей проектов. Эксперты ЮНИДО приняли участие в четырех международных мероприятиях, посвященных развитию креативной экономики и поддержке совместных технических проектов. Всемирная организация интеллектуальной собственности ВОИС в 2021 г. организовала 12 международных проектов по продвижению креативной экономики [18].

Согласно Программе развития ООН, Республика Беларусь имеет высокий интеллектуальный потенциал, достаточный для создания конкурентоспособных креативных товаров и услуг, и находится на 69-й позиции среди 193 стран мира [1]. Вместе с тем развитие креативной экономики в Беларуси нестабильно.

Во-первых, не регламентируется порядок отнесения произведенных, экспортируемых и импортируемых товаров и услуг к креативным.

Во-вторых, не проводится статистический анализ, показатели оценки уровня развития креативной экономики не сопоставляются. Однако по сектору ИКТ, контента и СМИ и сектору цифровой торговли имеются аналитические данные, которые целесообразно привести в сопоставимый с международной статистикой вид, чтобы определить мировую позицию Республики Беларусь в развитии креативной экономики.

В-третьих, экспорт креативных товаров и услуг Республики Беларусь может быть затруднен за счет санкций и юридических проблем, связанных с взаимодействием национального права с нормативно-правовым регулированием торговли на мировом рынке товаров и услуг, в том числе со стороны ВТО.

Наконец, в 2022 г. только 3,6 % организаций в Беларуси использовали технологии искусственного интеллекта; 18,5 % — технологии «интернет вещей»; 12,5 % — «большие данные» [21]. Преодоление цифрового разрыва в применении данных технологий позволит повысить эффективность производства креативных товаров и услуг и создать новые условия их реализации с учетом охвата потребителей по всему миру.

Подведем итог. Тенденции международного научно-технического сотрудничества в формировании креативной экономики позволили дать классификацию креативных индустрий Республики Беларусь и выявить проблемы формирования креативной экономики в Республике Беларусь.

Список литературы и источников

1. Беларусь в цифрах [Электронный ресурс] // Президент Республики Беларусь: [портал]. URL: <https://president.gov.by/ru/belarus/numbers> (дата обращения 31.07.2024).
2. *Гумеров Л. А.* Международно-правовое регулирование научно-технического сотрудничества государств-участников СНГ: монография. М.: РАП, 2005. 188 с. EDN: QWPETN.

3. **Дженовезе М.** Научно-техническое сотрудничество Европейского Союза с крупнейшими регионами мира // Форсайт. 2008. Т. 2. № 1. С. 73—77. EDN: NURNIT.
4. **Киселевич А. И.** Проблемы коммерциализации инноваций и возможные пути их решения // Стратегические направления социально-экономического и финансового обеспечения развития национальной экономики: материалы II Междунар. науч.-практ. конф. (27—28 сент. 2018) / под ред. В. В. Пузикова. Минск: Право и экономика, 2018. С. 104—105. EDN: YSEOPB.
5. **Коваленко К. Е.** Основные правовые формы международного научно-технического сотрудничества // Российско-азиатский правовой журнал. 2019. № 2. С. 64—66. EDN: KOUYFW.
6. Концепция развития творческих (креативных) индустрий и механизмов осуществления их государственной поддержки в крупных и крупнейших городских агломерациях до 2030 года [Электронный ресурс]: Утв. распоряжением Правительства Российской Федерации от 20 сентября 2021 г. № 2613-р // Правительство России: официальный сайт. <http://static.government.ru/media/files/HEXNAom6EJunVlxBCjIAtAya8FAVDUfP.pdf> (дата обращения: 28.08.2024).
7. **Логунцова И. В.** Особенности креативной экономики Китая // Государственное управление. Электронный вестник. 2023. № 98. С. 21—30. <https://doi.org/10.24412/2070-1381-2023-98-21-30> EDN: DYYEZV.
8. **Лосев К. В., Молчанова С. М.** Инновационная система Великобритании // Экономические отношения. 2019. Т. 9. № 4. С. 2433—2444. <https://doi.org/10.18334/eo.9.4.41261> EDN: FKAYUI.
9. **Малашенкова О. Ф., Каминская В. В.** Трансфер технологий в западной экономической науке // Беларусь и мировые экономические процессы: сб. науч. статей. Вып. 10. Минск: БГУ, 2013. С. 14—25. EDN: MТBNDJ.
10. **Махалин В. Н.** Государственное регулирование креативной экономики России: креативный климат и креативный класс // Экономика и управление: анализ тенденций и перспектив развития. 2014. № 17. С. 19—24. EDN: TDRRRL.
11. Международное научно-техническое сотрудничество: региональный аспект / К. А. Задумкин, С. В. Теребова, В. В. Гончаров и др. Вологда: Ин-т соц.-экон. развития территорий РАН, 2012. 154 с. EDN: RVXUJT.
12. **Нечепуренко Ю. В.** Коммерциализация результатов научно-технической деятельности в Республике Беларусь: монография. Минск: НИИ ФХП БГУ, 2012. 225 с. EDN: ZTRXHM.
13. Общегосударственный классификатор Республики Беларусь ОКРБ 005-2011 [Электронный ресурс]. Виды экономической деятельности [Изменение № 6 введено в действие постановлением Национального статистического комитета Республики Беларусь от 29 октября 2021 г. № 99] // Национальный статистический комитет Республики Беларусь: [официальный сайт]. URL: https://www.belstat.gov.by/upload-belstat/upload-belstat-pdf/klassifikatory/OKRB%20005-2011_30_12_2016.pdf (дата обращения 28.08.2024).
14. Объем платных услуг населению [Электронный ресурс] // Национальный статистический комитет Республики Беларусь: [официальный сайт]. URL: https://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/solialnaya-sfera/uslugi/godovye-dannye_8/obem-platnyh-uslug-naseleniyu/ (дата обращения: 28.08.2024).
15. Основные показатели деятельности организаций, выполнявших научные исследования и разработки [Электронный ресурс] // Национальный статистический комитет Республики Беларусь: [официальный сайт]. URL: <https://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/realny-sector-ekonomiki/nauka-i-innovatsii/nauka/godovye-dannye> (дата обращения: 28.08.2024).

16. Перспективы креативной экономики в 2022 году [Электронный ресурс]: UNCTAD/DITC/TSCE/2022/1 // Конференция ООН по торговле и развитию: [официальный сайт]. URL: https://unctad.org/system/files/official-document/ditctsce2022d1_overview_ru.pdf (дата обращения: 31.07.2024).
17. **Симановский С. И.** Международное сотрудничество Республики Беларусь в научной и научно-технической сферах // Весці БДПУ. Серыя 2. Гісторыя. Філасофія. Паліталогія. Сацыялогія. Эканоміка. Культуралогія. 2015. № 1 (83). С. 11—14. EDN: OPIULN.
18. Торговля креативными услугами [Электронный ресурс]: Записка секретариата ЮНКТАД TD/B/C.I/MEM.4/32 // Конференция ООН по торговле и развитию: [официальный сайт]. URL: https://unctad.org/system/files/official-document/c1mem4d32_ru.pdf (дата обращения: 31.07.2024).
19. Участие в заседании Совета глав государств — членов ШОС в Астане [Электронный ресурс] // Президент Республики Беларусь: [портал]. 04.07.2024. URL: <https://president.gov.by/ru/events/ucastie-v-sammite-sanhajskoj-organizacii-sotrudnicestva> (дата обращения: 31.07.2024).
20. **Фетисенко В. О.** Становлення міжнародного співробітництва в науково-технічній сфері: міжнародно-правовий аспект // Правова держава. 2016. № 21. С. 269—275.
21. Цифровая экономика [Электронный ресурс] // Национальный статистический комитет Республики Беларусь: [официальный сайт]. URL: <https://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/makroekonomika-i-okruzhayushchaya-sreda/informatsionno-telekommunikatsionnye-tekhnologii/tsifrovaya-ekonomika/> (дата обращения: 31.07.2024).
22. **Шугуров М. В., Серебряков А. А., Печанов[а] Ю. В.** Международное научно-исследовательское сотрудничество России в условиях масштабирования санкций: характеристика институциональных разрывов // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2022. № 4-3 (67). С. 235—244. <https://doi.org/10.24412/2500-1000-2022-4-3-235-244> EDN: KNGJQJ.
23. **Newbiggin J.** What is the creative economy? [web] // Creative Economy: British Council programme [site]. URL: <https://creativeeconomy.britishcouncil.org/guide/what-creative-economy/> (дата обращения: 29.07.2024).
24. Resetting expectations, refocusing inward and recharging growth [web]: Perspectives from the Global Entertainment and Media Outlook 2023—2027 // PwC: [international company site]. URL: <https://www.pwc.com/gx/en/industries/entertainment-media/outlook/downloads/PwC-GEMO-2023-PDF.pdf> (accessed: 28.08.2024).

References

1. “Belarus in Figures”. *President of the Republic of Belarus*. N. d. Web. 31 Jul. 2024. <<https://president.gov.by/ru/belarus/numbers>>.
2. Gumerov L. A. *International Legal Control of Scientific and Technological Cooperation of Member States of the CIS*: monograph. Moscow: RAP, 2005. 188 p. (In Russian). EDN: QWPETN.
3. Genovese Michele. “The EU S&T Co-operation with the Largest Regions of the World”. *Forsayt = Foresight Russia* 2.1 (2008): 73—77. (In Russian). EDN: NURHIT.
4. Kiselevich A. I. “Problems of Commercialization of Innovations and Possible Ways of their Solution”. *Strategicheskkiye napravleniya sotsial'no-ekonomicheskogo i finansovogo obespecheniya razvitiya natsional'noy ekonomiki: materialy II Mezhdunar. nauch.-prakt. konf.* (27—28 sent. 2018). Ed. by V. V. Puzikov. Minsk: Pravo i ekonomika, 2018. 104—105. (In Russian). EDN: YSEOPB.
5. Kovalenko K. E. “Main Legal Forms of International Scientific and Technical Cooperation”. *Rossiysko-aziatskiy pravovoy zhurnal = Russian-Asian Law Journal* 2 (2019): 64—66. (In Russian). EDN: KOUYFW.

6. “Concept for the Development of Originative (Creative) Industries and Mechanisms for their State Support in Large and Major Urban Agglomerations until 2030: RF Government Executive Order of September 20, 2021 No. 2613-r”. *Pravitel'stvo Rossii*. N. d. (In Russian). Web. 30 Aug. 2024. <<http://static.government.ru/media/files/HEXNAom6EJunVIxBCjIAtAya8FAVDUfP.pdf>>.
7. Loguntsova I. V. “Special Features of China’s Creative Economy”. *Gosudarstvennoye upravleniye. Elektronnyy vestnik = E-Journal Public Administration* 98 (2023): 21–30. (In Russian). <https://doi.org/10.24412/2070-1381-2023-98-21-30> EDN: DYYEZV.
8. Losev K. V., Molchanova S. M. “The Innovation System of Great Britain”. *Ekonomicheskiye otnosheniya = Journal of International Economic Affairs* 9.4 (2019): 2433–2444. (In Russian). <https://doi.org/10.18334/eo.9.4.41261> EDN: FKAYUI.
9. Malashenkova O. F., Kaminskaya V. V. “Technology Transfer in the Western Economics”. *Belarus’ i mirovyye ekonomicheskiye protsessy*: collection of scientific articles. Iss. 10. Minsk: BSU, 2013. 14–25. (In Russian). EDN: MTBNDJ.
10. Makhalin V. N. “State Regulation of Creative Economy of Russia: Creative Climate and Creative Class”. *Ekonomika i upravleniye: analiz tendentsiy i perspektiv razvitiya* 17 (2014): 19–24. (In Russian). EDN: TDRRRL.
11. Zadumkin K. A., Terebova S. V., Goncharov V. V., Kolotukhin V. A., Nikeyenko D. V. *International Scientific and Technological Cooperation: Regional Aspect*. Vologda: Intsots.-ekon. razvitiya territoriy RAN, 2012. 154 p. (In Russian). EDN: RVXUJT.
12. Nechepurenko Yu. V. *Commercialization of R&D Deliverables in the Republic of Belarus*: monograph. Minsk: Res. Institute for Phys.-Chem. Problems of the BSU, 2012. 225 p. (In Russian). EDN: ZTRXHM.
13. “Belarus Republic National Classifier OKRB 005-2011. Types of Economic Activity [Amendment No. 6 enacted by Resolution of Belarus Republic National Statistical Committee No. 99 of 29 October 2021]”. *National Statistical Committee of the Republic of Belarus*. N. d. (In Russian). Web. 28 Aug. 2024. <https://www.belstat.gov.by/upload-belstat/upload-belstat-pdf/klassifikatory/OKRB005-2011_30_12_2016.pdf>.
14. “Services Purchased by the Public”. *National Statistical Committee of the Republic of Belarus*. 2023. (In Russian). Web. 28 Aug. 2024. <https://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/solialnaya-sfera/uslugi/godovye-daniye_8/obem-platnyh-uslug-naseleniyu/>.
15. “Main Indicators of Research and Development (R&D)”. *National Statistical Committee of the Republic of Belarus*. 2023. Web. 28 Aug. 2024. <<https://www.belstat.gov.by/en/ofitsialnaya-statistika/real-sector-of-the-economy/science-and-innovation-/science/annual-data/>>.
16. UNCTAD. “Creative Economy Outlook 2022: UNCTAD/DITC/TSCE/2022/1”. *United Nations Conference on Trade and Development*. Oct. 2022. Web. 31 July 2024. <https://unctad.org/system/files/official-document/ditctsce2022d1_en.pdf>.
17. Simanovskiy S. I. “International Cooperation of the Republic of Belarus in the Scientific and Technical Areas”. *Vyestsi BDPU. Syeryya 2. Historyya. Filasofiya. Palitalohiya. Satsyyalohiya. Ekanomika. Kul'turalohiya* 1 (83) (2015): 11–14. (In Russian). EDN: OPIULN.
18. UNCTAD Trade and Development Board. “Trade in Creative Services: Note by UNCTAD Secretariat TD/B/C.I/MEM.4/32”. *United Nations Conference on Trade and Development*. 1 May 2024. Web. 31 July 2024. <https://unctad.org/system/files/official-document/c1mem4d32_en_1.pdf>.
19. “Shanghai Cooperation Organization Summit in Astana”. *President of the Republic of Belarus*. 4 July 2024. Web. 31 July 2024. <<https://president.gov.by/en/media/details/ucastie-v-zasedanii-soveta-glav-gosudarstv-clenov-sos>>.
20. Fetysenko Valeriia. “The Formation of International Cooperation in the Scientific and Technical Sphere: the International Legal Aspect”.

- Pravova deržava = Constitutional State* 21 (2016): 269—275. (In Ukrainian).
21. “Digital Economy”. *National Statistical Committee of the Republic of Belarus*. 2023. Web. 31 July 2024. <<https://www.belstat.gov.by/en/ofitsialnaya-statistika/macroeconomy-and-environment/information-and-communication-technologies-/digital-economy/>>.
22. Shugurov M. V., Serebryakov A. A., Pechatnova Yu. V. “International Research Cooperation of Russia in the Conditions of Scaling Sanctions: Characteristics of Institutional Gaps”. *Mezhdunarodnyy zhurnal gumanitarnykh i estestvennykh nauk = International Journal of Humanities and Natural Sciences* 4-3 (67) (2022): 235—244. (In Russian). <https://doi.org/10.24412/2500-1000-2022-4-3-235-244> EDN: KNGJQJ.
23. Newbiggin John. “What is the Creative Economy?”. *Creative Economy: British Council programme*. N. d. Web. 29 July 2024. <<https://creativeconomy.britishcouncil.org/guide/what-creative-economy/>>.
24. PricewaterhouseCoopers. “Resetting Expectations, Refocusing Inward and Recharging Growth: Perspectives from the Global Entertainment and Media Outlook 2023—2027”. *PwC*. N. d. Web. 28 Aug. 2024. <<https://www.pwc.com/gx/en/industries/entertainment-media/outlook/downloads/PwC-GEMO-2023-PDF.pdf>>.

Информация об авторе

Бертош Елена Васильевна — кандидат экономических наук, доцент, заведующая кафедрой «Бизнес-администрирование» Белорусского национального технического университета (Республика Беларусь, 124498, г. Минск, пр-т Независимости, 65).

Information about the author

Elena V. Bertosh — Cand. Sci. (Econ.), Assoc. Prof., Head of the “Business Administration” Department, Belarusian National Technical University (Republic of Belarus, 220013, Minsk, Nezavisimosti ave., 65).

Статья поступила в редакцию 01.08.2024.

The article was submitted 01.08.2024.

Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2024. № 3 (43). С. 17–27.

Economic and Social Research. 2024. No. 3 (43). P. 17–27.

Научная статья

УДК 334.7:316.4

doi: 10.24151/2409-1073-2024-3-17-27

<https://elibrary.ru/ylijofg>

Взаимодействие малого бизнеса и государства в концепции социального капитала

А. Е. Квашнева

*Коми республиканская академия государственной службы и управления,
г. Сыктывкар, Россия*

project.edu.2024@gmail.com

Аннотация. Анализируются особенности функционирования малых и средних предприятий в современной экономике через формирование социального капитала с целью создать теоретическую базу для повышения качества взаимоотношений государства с малым бизнесом. Рассматриваются особенности стратегий развития на основе сетевого подхода, с задействованием институтов гражданской активности, с учетом потенциала семьи, этнического происхождения социальных групп. С помощью теорий Р. Патнема, П. Бурдьё, Дж. Коулмана раскрывается значение социального капитала в увеличении потенциала малого бизнеса в условиях роста предпринимательской активности. Рассматриваются основные алгоритмы дробления бизнеса как результат приспособления малого предпринимательства к политике налогового режима. Для определения потенциала бизнеса в России используется метод общественной оценки по критериям престижности, доверия и доходности бизнеса.

Ключевые слова: малый бизнес, предпринимательство, экономика бизнеса, социальный капитал, дробление бизнеса, доверие, государственное регулирование, политика налогового режима, этнические меньшинства, общественная оценка

Для цитирования: Квашнева А. Е. Взаимодействие малого бизнеса и государства в концепции социального капитала // Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2024. № 3 (43). С. 17–27. <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2024-3-17-27> EDN: YLJOFG.

Original article

Interaction between small business and the state in the social capital concept

A. E. Kvashneva

The Komi Republican Academy of State Service and Administration, Syktyvkar, Russia

project.edu.2024@gmail.com

© Квашнева А. Е.

Abstract. In this work, the peculiarities of small and medium-sized enterprises functioning in the modern economy through the formation of social capital are analysed in order to create a theoretical basis for improving the quality of relations between the state and small businesses. The peculiarities of development strategies based on the network approach, involving institutions of civic activity, with account for the potential of the family and the ethnic origin of social groups are considered. Using the theories of R. Putnam, P. Bourdieu, J. Coleman, the significance of social capital in increasing the potential of small business in the growth conditions of entrepreneurial activity has been revealed. The main algorithms of business fragmentation as a result of small business adaptation to tax regime policies are examined. The method of public evaluation according to the criteria of prestige, trust and profitability of business is used to determine the potential of business in Russia.

Keywords: small business, entrepreneurship, business economics, social capital, business fragmentation, trust, government regulation, tax regime policy, ethnic minorities, public valuation

For citation: Kvashneva A. E. “Interaction between Small Business and the State in the Social Capital Concept”. *Economic and Social Research* 3 (43) (2024): 17–27. (In Russian). <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2024-3-17-27> EDN: YLJOFG.

Введение

Малый бизнес предоставляет возможность социальной мобильности для людей и граждан с низкими доходами, когда, используя трамплин предпринимательства и рыночные возможности, можно обеспечить собственное экономическое благополучие [3]. Актуальность анализа взаимодействия малого бизнеса и органов государственного управления для России подчеркивается масштабностью реализации национального проекта «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы», который направлен на достижение цели «Достойный, эффективный труд и успешное предпринимательство». Стратегическим показателем, согласно анализу Минэкономразвития РФ, является увеличение численности занятых в малом и среднем бизнесе, включая самозанятых, до 25 млн чел. По данным Федеральной налоговой службы РФ за 11 мес. 2023 г., количество субъектов малого и среднего бизнеса составило 6 238 261 ед., что на 4,5 % больше, чем в 2022 г. (5 969 046 ед.), и на 6,8 % (5 839 009 ед.) больше, чем в 2021 г. [2, с. 27]. Нацио-

нальный проект синтезирует четыре ключевых федеральных проекта: «Поддержка самозанятых», «Предакселерация», «Акселерация субъектов малого и среднего предпринимательства» и «Цифровая платформа малого и среднего предпринимательства». Считаю важным отметить активность органов государственного регулирования в реализации поддержки малого и среднего предпринимательства: например, Банк России разработал соответствующую дорожную карту, где стратегическими приоритетами являются программы развития кредитования, льготного финансирования, создание цифрового профиля и системы быстрых платежей для субъектов малого и среднего предпринимательства, развитие инструментов фондового рынка, системы поддержки, а именно внедрение кредитных каникул, микрофинансирования, повышение финансовой грамотности субъектов малого и среднего предпринимательства [2].

Субъекты малого бизнеса (со штатом менее 10 сотрудников) в Соединенных Штатах Америки составляют 58 % субъектов экономической деятельности, в Бразилии — 99 % [5]. Малый бизнес подвержен влиянию

рынка, и во многих странах мира жизненный цикл сектора малого и среднего предпринимательства составляет пять лет. В целях усиления конкурентного потенциала малый бизнес активно использует различные связи — семейные, личные, диаспоральные и др. [1].

Институциональная синергия экономического взаимодействия государства и бизнеса достигается через активное задействование институтов гражданского общества: женских ассоциаций, этнических групп самоорганизации, некоммерческих организаций, торговых палат. Субъекты малого бизнеса, индивидуальные предприниматели являются уникальной социальной категорией, поскольку получают доход и владеют средствами производства одновременно, не продавая свой труд [14; 15].

Официальный статус индивидуального предпринимательства более близок к пролетариату, чем к подобию капиталистической формы производства. Карл Маркс такие социальные группы характеризовал как мелкую буржуазию, поскольку владельцами собственности они являются формально, к категории буржуазии могут быть отнесены только по материальным и финансовым показателям. Малый бизнес для государства представляет социально-политический интерес, индивидуальные предприниматели зачастую являются опекаемой государством социальной группой, поскольку используют различные налоговые и преференциальные режимы.

Результаты и дискуссия

Подход к значимости социальных сетей через ценности социального капитала описывает социальный и в определенной степени экономический и научно-теоретический аспекты применения этого понятия. В условиях социальных сетей социальный капитал оказывает свое специфическое воздействие на социальные микро- и макроструктуры. Во многих предметных областях социологии и экономики социальный капитал

трактовался как ключевой фактор, влияющий на процессы социальных изменений, проводились активные исследования его влияния на участников различных социальных систем [11].

Первым ученым-социологом, кто ввел термин «социальный капитал», был П. Бурдьё. В своих теоретических исследованиях Бурдьё обращался прежде всего к коммуникативному уровню развития человека, к его способности вступать в социальные связи с личной целью. Социальный капитал в его трактовке — это совокупность текущих и потенциальных ресурсов, связанных с обладанием постоянной сетью более или менее институционализированных отношений взаимного знания и признания, или, другими словами, это ресурсы, основанные на членстве в группах [7].

На микроуровне социальный капитал отражает индивидуальные характеристики и ресурсы, доступные человеку. На макроуровне социальный капитал относится к компонентам социальных структур. Среди социальных структур Р. Патнем выделяет институты гражданского общества и подчеркивает их положительное влияние на социальную сплоченность. Функционирование гражданского общества способствует укреплению гражданских институтов, сплочению общественных групп, а также улучшению качества жизни каждого человека на микроуровне, а значит, увеличивает социальный капитал [10, с. 17—19].

Совершенно иного подхода к теории социального капитала придерживался Дж. Коулман. По его мнению, социальный капитал представляет собой свойство структуры социальных отношений повышать продуктивность коммуникации: если используется социальный капитал, то цель может быть достигнута более эффективно [9]. Коулман иллюстрировал преимущества социальных отношений в достижении различных целей, используя подходы экономической теории и теории рационального выбора. Например,

следовал тезису, что отношения социальных субъектов подвержены влиянию факторов «затраты — выгоды» — как оказание услуги [10] и ожидание вознаграждения, своего рода кредита, который поставщик услуги предоставляет получателю услуги. Оба участника обмена пытаются достичь положительного баланса «затраты — выгоды», рассматривая возмещение или встречное требование как хорошую сделку. Поскольку индивиды обладают разными социальными ресурсами, внутри социальной структуры они могут принести пользу посредством обмена социальным капиталом.

Социальный капитал как динамический ресурс рассматривает П. Бурдьё [7]. Такой социальный капитал возникает в результате эксплуатации постоянной сети более или менее институционализированных отношений, при взаимном доверии или признании. Актеры интегрированы в группу и могут обратиться за поддержкой со стороны отдельных акторов или группы в целом. Как отмечает М. Швингель, чем сильнее социальная сеть как социальный капитал человека, тем больше у него возможностей расширить использование экономического и культурного потенциала этой сети в свою пользу [17].

Многие исследования (в частности, [15]) раскрывают роль сетевых взаимодействий в построении стратегии малого бизнеса. Сетевой контент развития малого бизнеса включает в себя систему торговых отношений и обмена информацией о контрактации товаров и услуг. Сильные социальные связи являются неоднородными, они открывают малому бизнесу доступ к новым типам ресурсов социального капитала, например: группа выпускников университета, национально-этническое автономное учреждение или ассоциация. Многие ученые обратили внимание на роль этнических, религиозных сетей в организации малого бизнеса, среды ограниченных сообществ эмигрантов, которая представляет собой ресурс социального

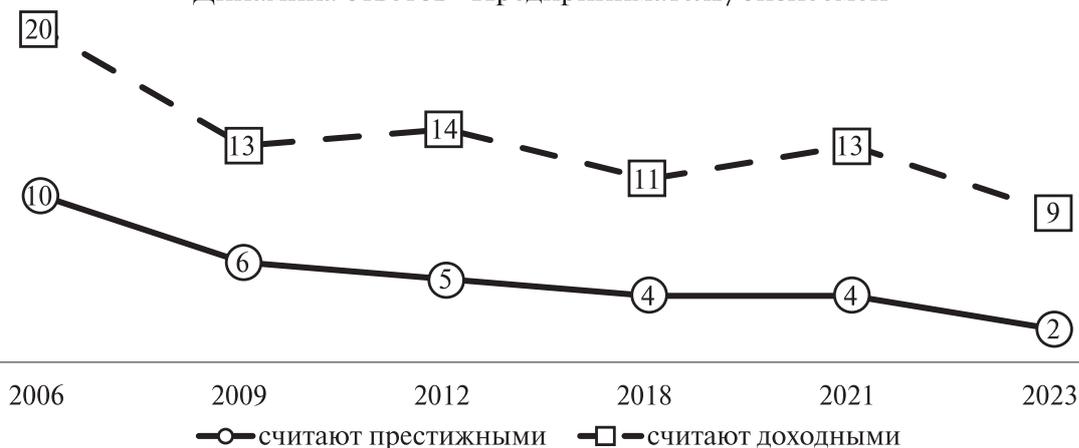
капитала [8; 12]. Примером этнического сетевого взаимодействия является система торговых и коммерческих агентов в сетевых сообществах китайских, корейских, вьетнамских предпринимателей.

С точки зрения актуальности представляет интерес степень влияния органов государственной власти на эффективность сетевого взаимодействия малого бизнеса и предпринимательство, поскольку, по данным исследований ВЦИОМ, граждане России не стремятся стать предпринимателями / бизнесменами, считают данный вид деятельности престижным только 2 % участников опроса 2023 г. (см. рисунок); в сравнении с данными опроса 2006 г. престижность предпринимательства снизилась на 80 %, одновременно снизилась и оценка доходности бизнеса — на 55 %.

Сравним престижность ряда профессий, связанных с бизнесом и предпринимательством (табл. 1), согласно оценке граждан РФ. В 2023 г., в сравнении с 2021 г., престижность профессий экономиста и финансиста снизилась на 66 % в относительном выражении, профессий работника сферы услуг — на 80 %, престижность профессии руководителя / директора осталась на прежнем уровне, однако только 3 % респондентов считают престижной работу руководителя. Вместе с тем выбрали престижность профессий сферы информационных технологий 31 % респондентов, сферы здравоохранения — 28 %, сферы образования — 22 %. Данные исследования представляют важность для государственной политики в сфере профессиональной подготовки, что оказывает влияние на социальный капитал и рынок труда [4].

Анализ социологической информации позволяет отметить: большинство респондентов (78 %) придерживаются мнения, что можно преуспеть в предпринимательстве / бизнесе за счет своих способностей. Это важно для оценки социального капитала общества. Результаты мониторинга

Динамика ответов «Предприниматель/бизнесмен»

Ответы на вопрос: «Какие профессии Вы считаете в настоящее время наиболее престижными / доходными?» (открытый вопрос, не более трех ответов, %, июль 2023 г.)

Источник: данные ВЦИОМ [4].

общественного мнения оказывают влияние на систему профессиональной подготовки кадров для бизнеса, становятся всё более востребованными программы в сфере бизнес-администрирования, налогового и консалтингового сопровождения бизнеса. Как

показывает современная практика, новые типы консалтингового бизнеса помогают индивидуальным предпринимателям нивелировать налоговую нагрузку, что в большей степени можно характеризовать как уклонение от уплаты налогов. В последнее

Таблица 1

Престижность и доходность профессий в оценках граждан РФ, 2021 и 2023 гг.
(открытый вопрос, не более трех ответов, %)

Профессия	2021 г.	2023 г.
Какие профессии Вы считаете в настоящее время наиболее престижными?		
Предприниматель / бизнесмен	4	2
Экономист / финансист	6	4
Руководитель / директор	3	3
Работник сферы услуг (повар, парикмахер, водитель и т. д.)	5	4
Работник торговли	2	2
Какие профессии Вы считаете в настоящее время наиболее доходными?		
Предприниматель / бизнесмен	13	9
Экономист / финансист	5	4
Руководитель / директор	9	9
Работник сферы услуг (косметолог, парикмахер, повар)	2	1
Работник торговли	5	5

Источник: данные ВЦИОМ [4].

Динамика ответов на закрытый вопрос: «По Вашему мнению, в нашей стране человек может сам, благодаря только своим способностям, преуспеть, добиться высокого положения в предпринимательстве, бизнесе?»
(за период с сентября 2017 г. по февраль 2023 г., один ответ по строке, % от количества респондентов)

Вариант ответа	IX.2017	IX.2018	II.2019	I.2020	V.2020	IX.2020	III.2021	X.2021	V.2022	II.2023
Может / Скорее может	78	68	68	69	71	71	73	71	79	78
Не может / Скорее не может	20	29	28	27	26	24	23	24	17	17
Затрудняюсь ответить	2	3	4	4	3	5	5	4	5	5

Источник: Социальные лифты в России: вам наверх? [Электронный ресурс] // ВЦИОМ Новости: [сетевое изд.]. 18.12.2023. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/socialnye-lifty-v-rossii-vam-naverkh> (дата обращения: 30.08.2024).

время многие государства, чтобы повысить эффективность вклада малого бизнеса в общественное развитие, формируют особый хозяйственный, экономический климат как необходимое условие повышения социального капитала. Особенно это заметно в части стимулирования роста малого бизнеса через ускорение создания и сопровождение стартапов, что является следствием активного участия правительства и органов государственной власти в грантовом финансировании проектов.

Чтобы сохранить жизненный цикл бизнеса, предприниматели стремятся увеличить долю бизнеса в сегменте рынка за счет непрерывных инвестиций в бизнес на этапе его роста. Данная стратегия усложняет предпринимательский ландшафт, логистику и хозяйственные операции, что требует рабочей силы и новых инвестиций [13]. Быстрорастущий сегмент в малом бизнесе — это прорывные стартапы, обычно в высокотехнологичном секторе экономики.

Другая стратегия развития жизненного цикла малого бизнеса заключается в формировании собственного, нового сегмента рынка посредством новых технологий и разработок, увеличения доходов за счет ускоре-

ния оборота, инвестиционной активности и приращения социального капитала. Исследовательский подход позволяет раскрыть содержание межличностных отношений в среде малого бизнеса так, чтобы выявить способы приобретения ресурсов — потенциала, формальных и неформальных ценностей, включая информацию. Данный подход учитывает влияние институтов общества на индивидуальную стратегию предпринимателя. Исследовательская оптика рассмотрения социального капитала в контексте взаимодействия малого бизнеса и государства позволяет определить влияние государственной экономической политики на систему социальных взаимодействий и выявить особенности институциональных взаимодействий.

Экономист из Университета Брауна (США) Г. Лаури трактует понятие человеческого капитала через место и роль каждого человека в системе социальных связей и взаимодействий. Общественные ресурсы (или социальный капитал), согласно Лаури, предоставляют соответствующие преимущества, необходимые человеку в приобретении человеческого капитала [14]. Данная трактовка основана на наблюдении, согласно которому социальное происхождение играет

важную роль в системе предпринимательства, зависимой от социальных групп. Несовершенство финансирования образования при расовом неравенстве заставляет полагаться на ресурсы социального и культурного капитала, используя личные связи, социальные экстерналии, психологические процессы, формирующие мировоззрение. Влияние социального неравенства на качество человеческого капитала исследуют ученые Северного экономического района России и делают заключение, что россияне считают важным «обеспечение гражданам равенства возможностей, когда индивиды, имеющие разный социальный опыт, дифференцированную систему ценностей, различные жизненные стратегии траектории личного развития, могли бы сами выбирать сферу и способы приложения своих усилий» [1, с. 17]. Поэтому в исследовании конкурентоспособности малого бизнеса учитываются позиции предпринимателей, система отношений как во внутренней, так и во внешней предпринимательской среде, что в целом составляет структуру социального капитала, формирующего социальную сеть. В свою очередь, система социальных взаимодействий в социальной сети увеличивает объем социального капитала, что в малом бизнесе зачастую укрепляет конкурентные преимущества и придает импульс укреплению экономического и финансового положения.

Многие исследователи отмечают, что феномен социального капитала не всегда соответствует ожиданию положительного эффекта [12]. Во-первых, нет прямой пропорциональности между усилиями, которые вкладывает предприниматель в развитие социальных отношений, и увеличением социального капитала. Во-вторых, высокое чувство групповой солидарности часто заставляет сопротивляться переменам, поскольку групповой договор является ресурсом для достижения общих целей в процессе сетевой кооперации и противоречит микро- или макропреобразованиям. Например,

в развитии микробизнеса задействуется социальный капитал семьи, друзей, этнической общности. При этом социальный капитал мигрантов, создающих микробизнес, на первой фазе его жизненного цикла зависим от окружающей среды. В результате, как отмечают исследователи, формируется предпринимательский изоморфизм [13]. Вместе с тем в узкой среде микропредприятия важен фактор взаимозависимости и доверия — как для внутрисемейного коллектива, так и для этнической группы, социальная закрытость которой повышает качество внутренних взаимодействий, укрепляет взаимовлияние. Например, система частной собственности алмазного рынка в Антверпене или Нью-Йорке принадлежит исключительно нескольким семьям. Согласно статистике [6], в Великобритании в 2023 г. 28 % субъектов малого и среднего бизнеса находились в собственности директоров из числа этнических меньшинств.

Социальной сплоченности в малом предпринимательстве добиваются за счет повышения конкурентных преимуществ и интеграции общих ресурсов, поскольку риски потери доступа к этим ресурсам высоки, как и последствия нарушения принятых неформальных правил. Ряд исследователей [12], изучающих сотрудничество и сетевые альянсы в бизнесе, отмечают тенденцию предпринимателей отдавать предпочтение малому размеру бизнеса и более гибким формам моделирования бизнес-процессов, а также тенденцию к передаче на аутсорсинг функциональных задач, которые изначально выполнялись внутри организации.

Возможно, модель малого бизнеса более предпочтительна в плане нормативных условий, а именно специального налогового режима, установленного только для малого бизнеса. Налоговые преимущества этого режима способствуют созданию равных конкурентных условий для всех участников рынка. С целью получить налоговые преимущества зачастую используется дробле-

ние бизнеса: задействуется несколько организаций и (или) индивидуальных предпринимателей, чтобы перераспределить между ними выручку, имущество или работников. В Российской Федерации понятие «дробление бизнеса» прямо соотносится с положениями статьи 54.1 Гражданского кодекса, предусматривающей законодательно установленные пределы осуществления прав налогоплательщика по исчислению налоговой базы и (или) суммы налога, сбора, страховых взносов. Статья устанавливает запрет на искусственное искажение фактов хозяйственной жизни, лежащих в основе определения объекта налогообложения, и сведений о налоговой базе — запрет на получение налогоплательщиком необоснованной налоговой выгоды путем формального соблюдения условий, установленных законом. Запрещается применение специальных налоговых режимов при участии в едином бизнесе созданных и (или) привлеченных с этой целью одного или нескольких подконтрольных лиц («дробление бизнеса»). Такие схемы организации финансово-хозяйственной деятельности с применением специального налогового режима получили широкое распространение в сферах розничной торговли, общественного питания, жилищно-коммунального хозяйства, автотранспортных, клининговых услуг, услуг по доступу к сети Интернет, в туристской индустрии. По нашему мнению, можно выделить следующие признаки применения схемы дробления бизнеса:

- участники схемы осуществляют аналогичный вид экономической деятельности;
- участники схемы оплачивают расходы как за себя, так и за других участников группы, без дальнейшего возмещения этих расходов со стороны других участников группы;
- фактически должностные обязанности выполняются не только в интересах того работодателя, у которого сотрудник трудоустроен, но и в отношении других участников схемы (обязанности, официально не за-

крепленные в должностной инструкции).

Практика рассмотрения налоговых споров, связанных с применением налогоплательщиками схем дробления бизнеса, указывает на признак, объединяющий все типы дробления бизнеса: отсутствие самостоятельности в принятии управленческих решений в ходе операционной деятельности каждого участника группы.

Роберт Патнем констатирует важность такого симбиоза государства и бизнеса, при котором формируются эффективные государственные институты, создается среда для гражданской активности. Симбиоз институтов государства и бизнеса основан на таких отношениях, когда государство использует социальные ресурсы и институты в интересах всего общества. Органы государственной власти создают условия для роста перспективных отраслей экономики и секторов бизнеса, в том числе посредством инновационных стартапов, акселерации бизнеса в части развития ведущих профессиональных компетенций (см. пример стартапов Сингапура [16; 18]).

Заключение

Подводя итоги, отметим важность социального капитала для стратегического моделирования схем развития малого и среднего предпринимательства. Практика теоретического изучения влияния социального капитала на бизнес-процессы и опыт практического использования его ресурсов позволяют не только выявить факторы, оказывающие влияние на эффективность малого бизнеса, но и разработать наиболее приемлемые механизмы поддержки всех форм предпринимательства. В условиях глобализации значительное влияние на развитие бизнес-сетей в отраслях мировой экономики оказывают культурные факторы, а также национальный фактор (например, влияние на выбор направлений размещения производственных мощностей, на проектирование логистических потоков). Величина социаль-

ного капитала зависит от степени доверия и сотрудничества, от соответствия бизнес-структур определенной культуре, нормам и взаимности.

Социальный капитал представляет ценность для общественной оценки бизнеса и предпринимательства как опорной конструкции экономики. В концепцию социального капитала целесообразно внести отношение общества к бизнесу как к возможности раскрыть и продемонстрировать предпринимательский потенциал личности.

Список литературы и источников

1. **Большакова Ю. М., Большаков С. Н.** Социальное неравенство и проблемы экономического роста // Корпоративное управление и инновационное развитие экономики Севера: Вестник Науч.-исслед. корпоративного права, управления и венчурного инвестирования Сыктывкарского гос. ун-та. 2016. № 3. С. 12—18. EDN: WYCZLP.
2. Ключевые тренды экономического развития Российской Федерации — 2023 [Электронный ресурс]: доклад // Фонд Росконгресс: [сайт]. 16.01.2024. URL: <https://roscongress.org/materials/klyuchevye-trendy-ekonomicheskogo-razvitiya-rossiyskoy-federatsii-2023/> (дата обращения: 30.08.2024).
3. О проблеме взаимодействия современного российского бизнеса и государства: общее и частное / С. Н. Большаков, Ю. М. Большакова, Н. А. Михальченкова, С. А. Ткачев // Корпоративное управление и инновационное развитие Севера: Вестник Науч.-исслед. центра корпоративного права, управления и венчурного инвестирования Сыктывкарского гос. ун-та. 2014. № 2. С. 1—14. EDN: SIFQQL.
4. Профессии в России [Электронный ресурс]: престиж, доходность, востребованность // ВЦИОМ Новости: [сетевое изд.]. 05.07.2023. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/professii-v-rossii-prestizhdokhodnost-vostrebovannost> (дата обращения: 30.08.2024).
5. **Шлухмет А. А.** Средний класс в США и России: отличительные особенности, структурные сдвиги, проблемы на рынке труда и социальная мобильность // Общество и экономика. 2023. № 12. С. 119—132. <https://doi.org/10.31857/S020736760029184-1> EDN: WDYJXQ.
6. **Andrews J.** UK diversity in business statistics 2023 [web] // Money.co.uk: [online comparison service]. 01.02.2023. URL: <https://www.money.co.uk/business/business-statistics/diversity-in-business-statistics> (accessed: 06.09.2024).
7. **Bourdieu P.** Die verborgenen Mechanismen der Macht. Hamburg: VSA-Verlag, 1992. 175 S. (Schriften zu Politik & Kultur; 1).
8. **Coleman J. S.** Grundlagen der Sozialtheorie = Foundations of Social Theory. Bd. 1: Handlungen und Handlungssysteme. Oldenbourg: Oldenbourg Wissenschaftsverlag, 1991. XVI, 474 S. <https://doi.org/10.1515/9783486827262>
9. **Coleman J. S.** Social capital in the creation of human capital // American Journal of Sociology. 1988. Vol. 94. No. 1. P. S95—S120.
10. Democracies in Flux: The Evolution of Social Capital in Contemporary Society / ed. R. D. Putnam. Oxford; New York: Oxford Univ. Press, 2004. 528 p.
11. Gesellschaft und Gemeinsinn: Sozialkapital im internationalen Vergleich / Hrsg. von R. D. Putnam. Gütersloh: Bertelsmann Stiftung, 2001. 798 S.
12. **Gomes-Casseres B.** Alliance strategies of small firms // Small Business Economics. 1997. Vol. 9. Iss. 1. P. 33—44. <https://doi.org/10.1023/A:1007947629435>
13. **Ingram P., Clay K.** The choice-within-constraints new institutionalism and implications for sociology // Annual Review of Sociology. 2000. Vol. 26. P. 525—546. <https://doi.org/10.1146/annurev.soc.26.1.525>
14. **Loury G. C.** Discrimination in the post-civil rights era: Beyond market interactions // Journal of Economic Perspectives. 1998. Vol. 12. No. 2. P. 117—126. <https://doi.org/>

- 10.1257/jep.12.2.117
15. Measuring competitiveness at NUTS3 level and territorial partitioning of the Italian provinces / P. D'Urso, L. De Giovanni, F. G. M. Sica, V. Vitale // *Social Indicators Research*. 2024. Vol. 173. P. 9—51. <https://doi.org/10.1007/s11205-021-02836-y>
 16. Rent a start-up space for as little as \$15 a day [web] // *The Straits Times Singapore*: [online version]. 30.03.2013. URL: <https://www.straitstimes.com/singapore/rent-a-start-up-space-for-as-little-as-15-a-day> (accessed: 06.09.2024).
 17. **Schwingel M.** Bourdieu zur Einführung. Hamburg: Junius Verlag, 1995. 184 S.
 18. Singapore in the New Millennium: Challenges Facing the City-State / ed. D. da Cunha. Singapore: ISEAS Publ., 2002. 281 p.

References

1. Bol'shakova Yu. M., Bol'shakov S. N. "Social Inequality and Problems of Economic Growth". *Korporativnoye upravleniye i innovatsionnoye razvitiye Severa: Vestnik Nauch.-issled. tsentra korporativnogo prava, upravleniya i venchurnogo investirovaniya Syktyvkarского gos. un-ta = Corporate Governance and Innovative Economic Development of the North: Bulletin of Research Center of Corporate Law, Management and Venture Investment of Syktyvkar State University* 3 (2016): 12—18. (In Russian). EDN: WYCZLP.
2. Roscongress Foundation. "Key Trends in Economic Development of the Russian Federation — 2023". *Roscongress*. 16 Jan. 2024. Web. 30 Aug. 2024. <<https://roscongress.org/en/materials/klyucheve-trendy-ekonomicheskogo-razvitiya-rossiyskoy-federatsii-2023/>>.
3. Bol'shakov S. N., Bol'shakova Yu. M., Mikhail'chenkova N. A., Tkachev S. A. "On the Problem of Modern Russian Business' Interaction with State: the General and the Particular". *Korporativnoye upravleniye i innovatsionnoye razvitiye Severa: Vestnik Nauch.-issled. tsentra korporativnogo prava, upravleniya i venchurnogo investirovaniya Syktyvkarского gos. un-ta = Corporate Governance and Innovative Economic Development of the North: Bulletin of Research Center of Corporate Law, Management and Venture Investment of Syktyvkar State University* 2 (2014): 1—14. (In Russian). EDN: SIFQQL.
4. "Occupations in Russia: Prestige, Economic Viability, Demand". *VCIOM News*. 05 July 2023. (In Russian). Web. 30 Aug. 2024. <<https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskiy-obzor/professii-v-rossii-prestizh-dokhodnost-vostrebovanost>>.
5. Shlihter A. "The Middle Class in the US and Russia: Distinctive Features, Structural Changes, Problems in the Labour Market and Social Mobility". *Obshchestvo i ekonomika = Society and Economy* 12 (2023): 119—132. (In Russian). <https://doi.org/10.31857/S020736760029184-1> EDN: WDYJXQ.
6. Andrews James. "UK Diversity in Business Statistics 2023". *Money.co.uk*. 01 Feb. 2023. Web. 06 Sep. 2024. <<https://www.money.co.uk/business/business-statistics/diversity-in-business-statistics>>.
7. Bourdieu Pierre. *Die verborgenen Mechanismen der Macht*. Hamburg: VSA-Verlag, 1992. 175 S. (In German). *Schriften zu Politik & Kultur* 1.
8. Coleman James S. *Handlungen und Handlungssysteme*. Oldenbourg: Oldenbourg Wissenschaftsverlag, 1991. xvi, 474 S. (In German). Bd. 1 aus *Grundlagen der Sozialtheorie [Foundations of Social Theory]*. <https://doi.org/10.1515/9783486827262>
9. Coleman James S. "Social Capital in the Creation of Human Capital". *American Journal of Sociology* 94.1 (1988): S95—S120.
10. Putnam Robert D., ed. *Democracies in Flux: The Evolution of Social Capital in Contemporary Society*. Oxford: Oxford Univ. Press, 2004. 528 p.
11. Putnam Robert D., Hrsg. *Gesellschaft und Gemeinsinn: Sozialkapital im internationalen Vergleich*. Gütersloh: Bertelsmann Stiftung, 2001. 798 S. (In German).
12. Gomes-Casseres Benjamin. "Alliance Strategies of Small Firms". *Small Business Economics* 9.1 (1997): 33—44. <https://doi.org/10.1023/A:1007947629435>
13. Ingram Paul, Clay Karen. "The Choice-

- Within-Constraints New Institutionalism and Implications for Sociology”. *Annual Review of Sociology* 26 (2000): 525—546. <https://doi.org/10.1146/annurev.soc.26.1.525>
14. Loury Glenn C. “Discrimination in the Post-Civil Rights Era: Beyond Market Interactions”. *Journal of Economic Perspectives* 12.2 (1998): 117—126. <https://doi.org/10.1257/jep.12.2.117>
 15. D’Urso Pierpaolo, De Giovanni Livia, Sica Francesca G. M., Vitale Vincenzina. “Measuring Competitiveness at NUTS3 Level and Territorial Partitioning of the Italian Provinces”. *Social Indicators Research* 173 (2024): 9—51. <https://doi.org/10.1007/s11205-021-02836-y>
 16. “Rent a Start-Up Space for as Little as \$15 a Day”. *The Straits Times Singapore*. 30 March 2013: n. p. Web. 06 Sep. 2024. <<https://www.straitstimes.com/singapore/rent-a-start-up-space-for-as-little-as-15-a-day>>.
 17. Schwingel Markus. *Bourdieu zur Einführung*. Hamburg: Junius Verlag, 1995. 184 S. (In German).
 18. Cunha Derek da, ed. *Singapore in the New Millennium: Challenges Facing the City-State*. Sin-

gapore: ISEAS Publ., 2002. 281 p.

Информация об авторе

Квашнева Алена Егоровна — и. о. ректора Коми республиканской академии государственной службы и управления (Россия, 167000, Республика Коми, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, д. 11).

Information about the author

Alyona E. Kvashneva — Acting Rector of The Komi Republican Academy of State Service and Administration (Russia, 167000, Komi Republic, Syktyvkar, Kommunisticheskaya st., 11).

Статья поступила в редакцию 15.08.2024.

The article was submitted 15.08.2024.

Ресурсы искусственного интеллекта в защите российского бизнеса от киберугроз

Г. В. Спиридонова¹, В. Л. Мрочко², М. Д. Тарасов³

^{1, 3} Московский гуманитарный университет, Москва, Россия

² ООО «Центр Специальных Проектов Консалтинг», Москва, Россия

¹ gspiridonova@mosgu.ru

² dr.discussion@yandex.ru

³ MKStarasoff@yandex.ru

Аннотация. Рассмотрены основные факторы киберугроз, рисков информационной безопасности бизнеса, различные формы утечки конфиденциальной информации в соответствии с прогнозом для России 2024 г. Обозначены основные проблемы кибергигиены бизнеса в сети Интернет. В ходе анализа рисков, связанных с вредоносным программным обеспечением и применением искусственного интеллекта, выявлены основные тренды ИТ-сферы и направления применения продукции информационной безопасности для бизнеса. Обозначена двойственная природа применения искусственного интеллекта; выполнена оценка способов информационной защиты российских компаний, намечены задачи информационной безопасности.

Ключевые слова: киберугроза, информационная безопасность, персональные данные, утечка информации, ИТ-сфера, искусственный интеллект, ChatGPT, облачные технологии IoT, интернет вещей, кибергигиена, кибератака, фишинг, АРТ-атака, хактивизм, киберпреступность, большие данные, цифровые технологии, экономика, бизнес, тренд

Для цитирования: Спиридонова Г. В., Мрочко В. Л., Тарасов М. Д. Ресурсы искусственного интеллекта в защите российского бизнеса от киберугроз // Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2024. № 3 (43). С. 28—39. <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2024-3-28-39> EDN: OTEAZT.

Original article

Artificial intelligence resources in protecting Russian business from cyber threats

G. V. Spiridonova¹, V. L. Mrochko², M. D. Tarasov³

^{1, 3} Moscow State University for the Humanities, Moscow, Russia

² ООО “Center for Special Projects Consulting”, Moscow, Russia

¹ gspiridonova@mosgu.ru

² dr.discussion@yandex.ru

³ MKStarasoff@yandex.ru

Abstract. The key factors of cyber threats, of business information security risks, the various forms of confidential information leakage according to the forecast for Russia in 2024 are considered. The main problems of cyber hygiene of business on the Internet are outlined. In analyzing the risks associated with malware and the use of artificial intelligence the principal trends in the IT sphere and directions of information security products application for business were identified. The dual nature of the artificial intelligence application has been outlined; the methods of information protection of Russian companies have been assessed, and information security objectives have been traced.

Keywords: cyber threat, information security, personal data, information leakage, IT sphere, artificial intelligence, ChatGPT, IoT cloud technologies, Internet of Things, cyber hygiene, cyberattack, phishing, APT attack, hacktivism, cybercrime, Big Data, digital technologies, economy, business, trend

For citation: Spiridonova G. V., Mrochko V. L., Tarasov M. D. “Artificial Intelligence Resources in Protecting Russian Business from Cyber Threats”. *Economic and Social Research* 3 (43) (2024): 28—39. (In Russian). <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2024-3-28-39> EDN: OTEAZT.

Бизнес и информационная безопасность стали неразделимым целым для современной экономической реальности. Информационная защищенность современных организаций — это самая обсуждаемая тема на всех уровнях деловой среды и во всех отраслях народного хозяйства. По мнению экспертов рынка информационных услуг и ИТ, в 2023—2024 гг. наибольшее внимание медиа и СМИ сосредоточено на темах искусственного интеллекта, безопасности цифровых технологий и информационной безопасности для российского бизнеса в целом. Экономическое развитие российского бизнеса в 2024 г. требует защиты от киберугроз, среди наиболее актуальных из них эксперты выделяют следующие: быстрое развитие технологии дипфейка; увеличение объема наиболее активных угроз в цифровой среде; упрощение кибератак; широкое распространение цифровых технологий (см. рис. 1) [3]. Наравне с киберугрозами выделим следующие риски для бизнеса: геополитические риски, импортозамещение и вызванные им проблемы, отсутствие значимых изменений в развитии цифровых технологий в 2024 г.

В исследовании факторов киберугроз, рисков информационной безопасности и применения цифровых технологий в России в различных сферах бизнеса в 2023 г.

задействованы мнения экспертов и прогноз на 2024 г. для более 30 отечественных компаний, которые являются ведущими игроками ИТ-индустрии и экспертами по кибербезопасности в РФ, среди них следующие: Axoft, BI.ZONE, Future Crew (ПАО «МТС»), InfoWatch, Innostage, ITD Group, NGR Softlab, Positive Technologies, R-Vision, Security Vision, Start X, STEP LOGIC, UserGate, Xello, Zecurion, «А-Реал Консалтинг», «Айдеко», «АйТи Бастион», «Актив», Группа компаний «Гарда», «ИнфоТеКС», «ИТ-Экспертиза», «Компания Индид», «КриптоПро», «МСофт», МТС RED, «МУЛЬТИФАКТОР», «Перспективный мониторинг», «РуПост» («Группа Астра»), «СёрчИнформ», «СмартСофт», УЦСБ. Обобщенное представление об угрозах и рисках для экономики РФ и бизнеса в сфере ИТ и информационной безопасности (ИБ) составлено на основе результатов мнений экспертов (см. рис. 1).

Согласно прогнозу Н. Головки, первое место (29,9 %) в развитии киберугроз большинство экспертов отводят сферам искусственного интеллекта, машинного обучения и дипфейка. Развитие цифровой среды неизбежно ведет к применению ее технологий в бизнесе. Возможности искусственного интеллекта обрабатывать большие данные сверхбыстро, использовать большие

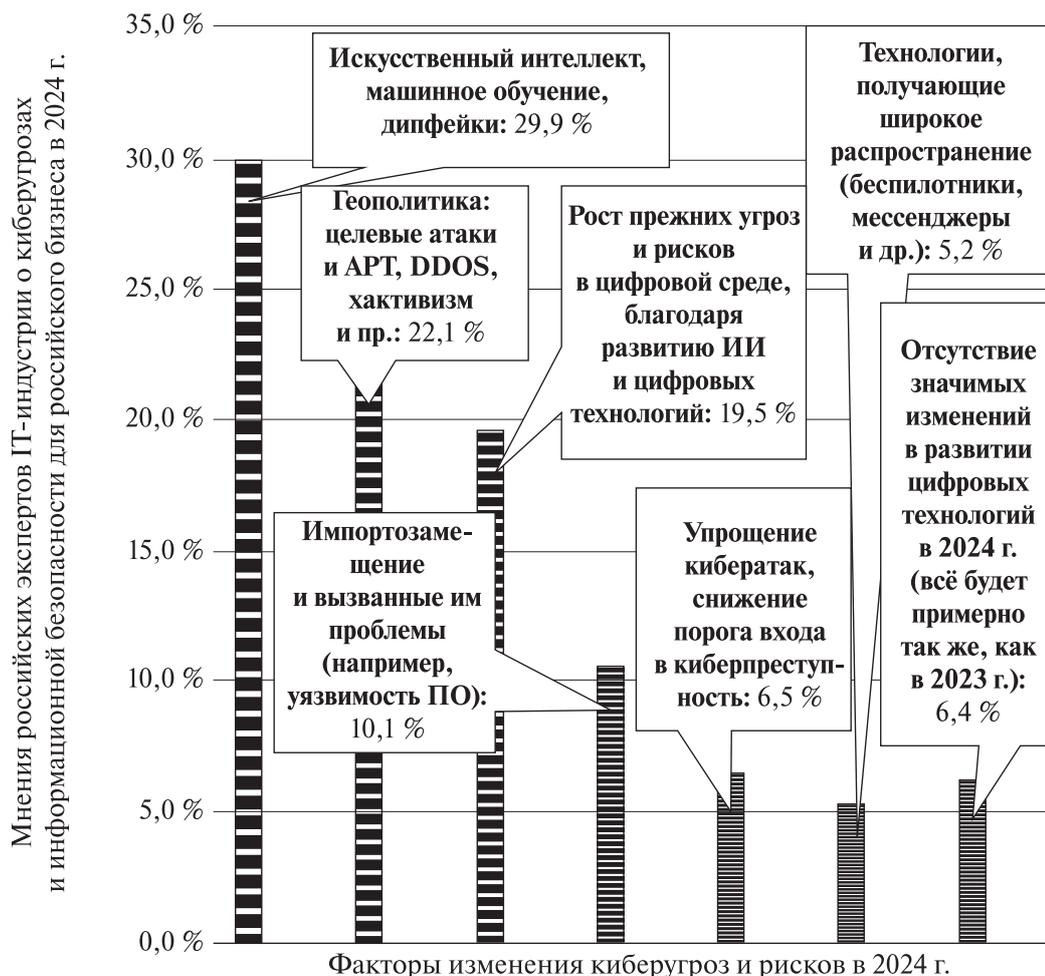

Рис. 1. Динамика распространения киберугроз, по мнению экспертов IT-индустрии, прогноз на 2024 г. Источник данных: [3].

языковые модели (контекст) в социальной и коммерческой среде Интернет стали главной темой обсуждения 2023 г. Для экономики в целом и для отдельных компаний опасны технологические эволюции, не имеющие ограничений в применении не только в незаконном секторе, но и в коммерции, в социальной политической среде. Генерация фишинговых писем, отправка вредоносных кодов с помощью ChatGPT на корпоративную почту либо использование искусственного интеллекта для хакерских (шпионских) атак бизнеса, бесконтрольное извлечение закрытых данных в огромных объемах опасны для любых организаций, государств и экономики в целом. Почти 30 % экспертов считают данный фактор наиболее опасным, в том числе

для развития российской экономики и бизнеса [3].

Второе место в прогнозе киберугроз занимает фактор, отнесенный экспертами к «эволюции социальной инженерии», к связи с искусственным интеллектом и применению человеческого фактора в цифровых технологиях: это геополитика (22,1 %).

Такой тренд в киберпространстве, как хактивизм, получил наибольшее развитие в России в 2022 г. Хактивизм в широком смысле подразумевает кражу и мгновенную публикацию данных, дефейс или провокационное изменение веб-сайта, нарушение работоспособности ресурсов компании. Ранее основной целью хакеров было получение финансовой выгоды, а также промышленный шпионаж. Сегодня философия

хактивизма преследует более глобальную цель — нанести ущерб организации, которая не разделяет политических, социальных или экономических взглядов ее противников. Развитие хактивизма может быть спонсировано государствами с целью вывести из строя предприятия отрасли народного хозяйства другой страны, внести дисбаланс в ее экономику. Участники российского рынка киберзащиты объединились в 2022 г., чтобы противостоять данному тренду. При Национальном координационном центре по компьютерным инцидентам в РФ был создан штаб по линии ГосСОПКА РФ (Государственной системы обнаружения, предупреждения и ликвидации компьютерных атак на информационные ресурсы РФ). Также в 2022 г. создан коммерческий киберштаб, курирующий производство продукции для защиты от киберугроз, отвечающий за информационную безопасность бизнеса. В него вошли четыре основных игрока российского рынка кибербезопасности: РТК-Солар, Лаборатория Касперского, Positive Technologies и ViZone. Эти объединения на коммерческом и государственном институциональном уровне создали систему защиты наиболее уязвимых и подвергаемых массированным хакерским атакам направлений российской экономики: сайты продажи авиа- и железнодорожных билетов; приемная комиссия на сайтах вузов; сайты телеканалов; порталы госуслуг, содержащие доступ к данным граждан РФ; сайты банковских систем, которые, кроме того, работают над индивидуальной защитой в онлайн-среде; туристические государственные сайты; сайты промышленных госкорпораций [4].

В функции киберштаба ГосСОПКА РФ входит также защита от АРТ-атак (advanced persistent threat — целевая продолжительная атака повышенной сложности). Задача АРТ-атак — обнаружить на устройствах пользователя секретную, конфиденциальную информацию, использовать ее в преступных целях. Объектами АРТ-атак становятся крупные компании и правительственные организации,

которые имеют отношение к коммерческим, военным, финансовым, патентным или политическим данным. Для обеспечения безопасности компаний и госкорпораций важно наличие проверенного и надежного программного обеспечения¹. Российские эксперты прогнозировали активизацию АРТ-атак и на объекты за рубежом, например, штаб-квартиру оргкомитета Олимпийских игр в Париже, избирательные комиссии на президентских выборах в США, вендорные предприятия в дружественных России странах в Юго-Восточной Азии.

Третье место (19,5 %) в прогнозе киберугроз отведено тем рискам, которые были распространены ранее, а сегодня получили новый прочный фундамент за счет трансформации цифровых технологий и более свободного доступа в интернет-пространство. Это программы-вымогатели и вредоносные программы-шифровальщики, эксперты ожидают их применение и в будущем [3].

Четвертое место (10,4 %) среди угроз бизнесу, по мнению российских экспертов, принадлежит импортозамещению. Спешка в производстве IT-программ и продукции ИБ для российского бизнеса в условиях ухода с российского рынка международных корпораций IT-сектора может привести к уязвимости российской продукции IT и продукции ИБ, что скажется на уровне защищенности российских компаний при переходе экономики на отечественные решения ИБ [3].

Пятое (6,5 %) и шестое (5,2 %) места в списке релевантности угроз для экономики в целом и для отдельных крупных компаний отведено экспертами фактору упрощения кибератак за счет открытого доступа к технологиям киберпреступности на основе искусственного интеллекта. Эксперты считают опасным для бизнеса не качество

¹ 5 признаков АРТ-атаки и советы по ее предотвращению [Электронный ресурс] // Лаборатория Касперского: [сайт компании]. URL: <https://www.kaspersky.ru/resource-center/threats/advanced-persistent-threat> (дата обращения: 07.06.2024).

распространенных программ, а количество коммерческих предложений. Сегодня, к сожалению, доступ к разработке вредоносных программ открыт не только для профессионалов, но для любого пользователя, «бизнесу на потребу». В 2024 г. ожидается рост числа непрофессиональных атак, не изощренных, но многочисленных. Есть и положительный прогноз экспертов: порог входа в киберпреступность можно ограничить благодаря искусственному интеллекту. Очевидно, что данный тренд позитивно скажется на киберзащите российского бизнеса [3].

Седьмое место (6,4 %) в прогнозе киберугроз занимает фактор отсутствия значимых изменений в ИТ-сфере и продукции ИБ. Это связано прежде всего с кадровым голодом в российских ИТ-компаниях. По мнению экспертов, искусственный интеллект (ИИ)

не сможет полностью заменить человека, но снизит нагрузку на специалистов [3]. Поэтому ИИ стоит на первом месте среди инновационных средств защиты в 2024 г. в сфере внедрения цифровых технологий в машинное обучение и работу по генерации контента. Это использование ИИ для обработки больших данных и выявления, например, тех же фишинговых писем, которые создает ChatGPT. Это также предупреждение корпоративных ИТ-систем об искусственном происхождении электронных фишинговых писем в целях эффективной ликвидации возможных киберугроз. Сегодня не все российские компании применяют ИИ, эксперты отводят главную роль в защите от кибератак машинному обучению, ИИ, в этом убеждены 34 % экспертов российского бизнеса в сфере ИТ- и ИБ-продукции (рис. 2).

Рис. 2. Динамика развития инноваций защиты от киберугроз, по мнению экспертов ИТ-индустрии, прогноз на 2024 г.

Источник данных: [3].

Следующая крупная доля прогноза развития киберугроз на 2024 г. для ИТ-сферы и продукции ИБ обусловлена облегчением и упрощением развертывания и эксплуатации ИБ-решений (24 %). Основные цели применения ИТ-разработок и продукции ИБ в этой сфере — защита среднего бизнеса как наиболее уязвимого российского сектора, в первую очередь пострадавшего от санкций и ухода профессионалов западного рынка ИТ- и ИБ-решений. Малый и средний бизнес, пострадавший в условиях кризиса 2022 г., а также при выходе из кризиса периода пандемии, в 2023 и 2024 гг. сильно ограничен в ресурсах технического обеспечения. Более того, отсутствие собственных разработок программного обеспечения и сервиса ИТ, закупку продуктов ИБ за рубежом, скачивание продукции ИБ из открытых источников, к сожалению, можно расценивать как способы сокращения затрат, увеличивающие риски киберугроз.

В прогнозе ожидаемых инноваций доля в 14 % отведена цифровым технологиям повышения осведомленности, сегментации сети, причем мнения экспертов свидетельствуют о неравномерном распределении инноваций по отраслям экономики. Часть экспертов склонны утверждать, что в 2024 г. больше будут востребованы системы защиты информации в целом для всей работы малого и среднего бизнеса. Другие отмечают повышенный интерес бизнеса к альянсам cross-vendor, когда крупные компании сами поставляют отечественное программное обеспечение и продукцию ИБ для своих партнеров.

Вендор — относительно новое понятие в российском бизнесе, но уже популярное, чаще вендором называют поставщика услуги или товара. Вендора от дистрибьютора и оптовика отличает право собственности на владение товарным знаком. Если все участники бизнеса используют для взаимодействия единое программное обеспечение и единую продукцию ИБ, это делает бизнес защищенным и закрытым. Конечно, здесь есть свои

нюансы, технологические минусы, однако в целом такой подход дает возможность малому и среднему бизнесу не только контролировать производственные процессы, но и предугадывать желания потребителей. Это направление развития инноваций в средствах защиты зависит от факторов, которые усиливают ИБ бизнеса и применение отечественной ИТ-продукции: платформенность и экосистемность. Среди важных факторов ИБ 14 % экспертов отметили необходимость и актуальность применения в бизнесе в 2024 г. практик и процедур осведомленности бизнеса о новых решениях безопасности в сфере отечественного ИТ и ИБ-решений.

Развитие технологических возможностей применения ИИ в незаконной сфере бизнеса обостряет вопрос скорейшего обучения персонала компаний новым инструментам ИИ. Ценность человеческого фактора с приходом ИИ не уменьшается, освоение новых цифровых технологий на разных уровнях обучения — от адаптации до повышения квалификации и компетенции сотрудников всех звеньев — увеличивает эффективность бизнеса. Эксперты прогнозируют социальную и профессиональную активность не только в обучении новым цифровым технологиям, но и в развитии таких навыков защиты профессиональной и личной информации, как кибербезопасность и кибергигиена [3; 4].

О важности аналитики угроз в ИТ-сфере и внедрения ИБ-решений свидетельствует статистика. Так, по данным Роскомнадзора, только за первые шесть месяцев 2023 г. более 200 млн записей о личных данных граждан России получили огласку в сети Интернет. Объем утечки персональных данных из года в год увеличивается не только по вине самих пользователей, но и за счет усложнения инструментов кибератак, мошеннических действий, навязчивых рекламных кампаний, использующих полученные обманом путем данные. В связи с этим штрафы за утечку личных данных предполагается увеличить в 10 раз.

Геополитические конфликты сегодня стали причиной усиления кибератак на бизнес россиян. По данным эксперта рынка ИБ и IT-продукции в России, во втором полугодии 2023 г. были отмечены две волны фишинговых атак на учреждения государственного и промышленного секторов РФ, кибератаки наивысшего балла опасности на индустриальные предприятия Восточной Европы на основе программного обеспечения FourteenHi и MeatBall. Такие атаки сложно выявить самостоятельно до тех пор, пока ущерб для бизнеса или разрушение компании не станет очевидным [1].

К факторам кибергигиены стоит отнести культуру информационной среды для каждого пользователя: правила применения инструментов личной безопасности на различных уровнях интернет-коммуникаций, как в частной практике, так и в деловой среде организации.

Меры и практики защиты конфиденциальных данных от несанкционированного доступа, использования, раскрытия, изменения или уничтожения направлены на снижение риска компрометации, неправильного использования личной информации или злоупотребления ею, оценку рисков и управление ими, выявление уязвимости, внедрение соответствующих средств контроля безопасности, а также регулярный мониторинг и анализ мер безопасности [9; 14]. Выделим основные формы киберугроз, на предотвращение которых направлены меры и практики информационной безопасности и кибергигиены.

А. Вредоносное программное обеспечение (malicious software) — этот широкий термин охватывает различные типы программного обеспечения, предназначенного для нарушения работы сетей, повреждения компьютерных систем или получения несанкционированного доступа к персональным устройствам [8].

Б. Фишинговые атаки являются наиболее распространенными и опасными не только

для коммерческих организаций, но и для госструктур, и для частных лиц. Фишинг — это вид кибернетической атаки, в ходе которой людей обманом заставляют раскрыть конфиденциальную информацию, такую как имена пользователей, пароли, данные кредитных карт или номера социального страхования. Обычно фишинг осуществляется с помощью мошеннических электронных писем, мгновенных сообщений или веб-сайтов, которые повторяют дизайн законных авторитетных организаций, например банков и онлайн-сервисов. С целью украсть личные данные или денежные средства мошенники используют различные тактики, например: копию логотипа законной организации, имитацию адреса электронной почты, эмоциональную речь, чтобы вызвать психологический эффект срочности или важности [13].

В. Нарушение данных — это ситуация, когда неавторизованные лица получают доступ к конфиденциальной или секретной информации, хранящейся в организации. Нарушение данных может произойти по следующим причинам: кибератака, человеческий фактор вовне и внутри как неконтролируемая киберугроза от клиента, партнера или сотрудников, уязвимость компьютерных систем или корпоративных сетей [6].

Обозначим основные меры обеспечения безопасности обработки и хранения конфиденциальной информации.

1. Создание надежных паролей и внедрение многофакторной аутентификации (MFA), цель которой — гарантировать защиту даже при получении пароля мошенником. Это создает дополнительный барьер против несанкционированного доступа. Многие онлайн-сервисы и платформы предлагают настройку MFA в учетной записи.

2. Регулярное обновление программного обеспечения операционных систем, приложений и мобильных устройств — важнейшее условие безопасности личной информации. При обновлении стираются файлы, которые

связывают вирусное ПО с системой, которая выходит на новые уровни защиты [5; 10].

3. При подключении к незащищенным или публичным сетям Wi-Fi есть риск утечки незашифрованных данных — учетных, финансовых или частных сообщений. Мошенники используют метод спуфинг, или атаку «человек посередине», чтобы обманом заставить пользователя подключиться к вредоносной сети, имитирующей легитимную. К безопасным сетям Wi-Fi отнесем домашнюю, предоставляемую авторитетным учреждением или требующую аутентификации [2; 11].

4. Защита информации в Интернете требует проактивного подхода, культуры информационной безопасности, кибергигиены. Информированность и проактивность являются ключевыми факторами поддержания безопасного и надежного цифрового присутствия в онлайн-бизнесе.

Инструменты ИИ эффективно выполняют генерацию контекста, производственные задачи, основанные на обработке огромного количества данных, не только обнаруживают вредоносное ПО и кибератаки, но и прогнозируют и анализируют последствия угроз и рисков работы с цифровыми технологиями [7]. Обратим внимание на облачные технологии в цепочке поставок в промышленности и других отраслях российской экономики. Разработка компаниями собственной продукции ИБ и применение облачных технологий во многом улучшает эффективность поставок и усиливает защиту поставщиков. Об эффективности облачных технологий отечественных ИТ- и ИБ-решений свидетельствует динамика роста их применения в 2023 г. более чем на 40 %. При этом повышается сложность атак на облачные хранилища, что заставляет российский бизнес переосмысливать подходы к ИТ-сфере и применению ИБ-решений [1; 15].

Вместе с тем проблемы безопасности бизнеса остаются актуальными в ИТ-сфере и ИБ. Искусственный интеллект для

современного социума стал двуликим. Его действие носит противоречивый характер: положительное и отрицательное воздействие на бизнес делает его сущность уникальной, сложной, трудно прогнозируемой в применении. Высокая скорость развития ИИ ставит вопрос о целесообразности открытого доступа к его технологиям, активизирует задачи кибергигиены и этики работы бизнеса в Интернете. Например, в 2022 г. были зафиксированы кибератаки на оборонных предприятиях государственных учреждений ряда стран Восточной Европы, России и Афганистана. Цель кибершпионажа — с помощью ИИ найти уязвимость в системе ИБ госкорпораций этих стран.

Остается опасность DDoS-атак на компании и государственные учреждения России. Таким атакам подверглась во втором полугодии 2023 г. система Leonardo — импортозамещение зарубежных систем продажи авиабилетов. Разнообразие применения террористами технологий ИИ должно консолидировать усилия по разработке нового альтернативного программного обеспечения для отечественного бизнеса. Эксперты отмечают активность киберпреступлений, связанных с использованием чат-ботов. Так, с помощью ChatGPT рассылаются фишинговые сообщения под видом деловой или секретной документации компании. В 2023 г. ИИ активно использовался для усиления и масштабирования фишинговых атак. Речь идет о проекте WormGPT, действие которого было локализовано благодаря системам ИБ российских корпораций [7; 12; 15].

Одно из главных преимуществ применения ИИ в бизнесе — возможность аналитики угроз для компании, быстрого определения уязвимости. Помимо этого российские эксперты отметили ряд возможностей применения ИИ, значительно улучшающих ситуацию с ИБ для российского бизнеса и его партнеров: круглосуточный мониторинг, уменьшение нагрузки на ИТ-персонал, оптимизация затрат на ИБ, масштабируемость

и адаптивность. Например, в таком секторе российской экономики, как банковская деятельность, только в первом полугодии 2023 г. инструменты ИИ (AI\AM) смогли зафиксировать и обойти 279,7 тысяч мошеннических банковских операций. Инструменты ИИ (антифрод-проверка) сегодня позволяют банкам выявлять попытки онлайн-покупок с помощью украденных данных. Перечисленные возможности расширяют перспективу внедрения и развития продуктов ИБ на основе ИИ [1; 12; 15].

Среди драйверов рынка облачных технологий в России необходимо отметить развитие интернета вещей (IoT) и Big Data — это тренд в развитии IT-сферы и продукции ИБ для зарубежных и отечественных компаний. О значимости интернета вещей для бизнеса свидетельствуют данные прогнозов аналитической корпорации Mordor Intelligence: к 2026 г. объем рынка IoT достигнет 6 трлн долл., а расходы в этой сфере к 2027 г. — 12 млрд долл. Согласно прогнозам международной исследовательской консалтинговой компании Gartner, в 2025 г. более 50 % промышленных предприятий будут использовать IoT-платформы, что значительно улучшит взаимодействие с потребителями и поставщиками. Заинтересованность в технологиях IoT во всем мире огромная: в 2022 г. затраты на технологии IoT всех экономик мира составили в целом около 200 млрд долл., количество подключенных к технологии IoT устройств в 2023 г. превысило 15 млрд, к 2030—2035 гг. эта цифра должна увеличиться в 2 раза. В российских компаниях разных отраслей экономики активно внедряются технологии IoT. Так, компания «Инферит» совместно с компанией Softline Digital реализовали проект «Умные каски» для промышленных предприятий в РФ. Основная задача проекта — обеспечить безопасность персонала промышленных предприятий в сфере строительства, тяжелой металлургии, машиностроения и нефтедобывающего сектора. С помощью технологий

IoT проект отслеживает работу человека в сложных условиях и связанных с риском для жизни; система прогнозирует и выявляет угрозы для персонала, предупреждая кризисные ситуации в технологических производственных процессах [1; 12; 15]. В ноябре 2023 г. в России началась разработка национальной сети IoT в диапазоне 450 МГц. На проект единого федерального оператора IoT-сети на период с 2025 по 2030 г. планируется выделить свыше 100 млрд руб.

Основные тренды защиты российского бизнеса от киберугроз в прогнозе на 2024 г.: применение ИИ, машинного обучения сотрудников, выявление сгенерированного контента, кибергигиена; единообразие и упрощение развертывания и эксплуатации ИБ-решений, гибридность, экосистемность; практики и процедуры ИБ для бизнеса и госкорпораций; защита доступа к государственным сайтам, распространение политики кибербезопасности на подрядчиков и партнеров; стратегия развития отечественных IT-решений (например NGFW); новые технологические требования со стороны регуляторов IT-сферы и ИБ.

Более 60 % российских предприятий применяют ИИ и тратят миллионы рублей на обеспечение информационной безопасности. Отметим основные направления применения ИИ в отраслях экономики России: сельское хозяйство, промышленное производство и управление, добыча и переработка нефти и газа, энергетика, авиа- и железнодорожный транспорт, автотранспорт, телекоммуникации, медиасфера, киноиндустрия, банки, здравоохранение, строительство, жилищно-коммунальное хозяйство, образование, культура и искусство. В сельском хозяйстве в 2023 г. благодаря применению инструментов ИИ (беспилотные комбайны и трактора) эффективность бизнеса увеличилась на 30—40 %. Применение технологий ИИ позволило снизить затраты бизнеса сельскохозяйственной отрасли за счет уменьшения затрат на персонал и обслуживание.

Сегодня российский бизнес достаточно широко использует цифровые технологии и возможности нейросети с целью:

- в здравоохранении — существенно сократить сроки разработки лекарственных препаратов;
- в аналитической химии — повысить качество молекулярного анализа и аналитики взаимодействия молекулярных соединений;
- в строительстве — ускорить выбор подрядчика и определение затрат и сроков строительства;
- в сфере ЖКХ — выявить кризисы технических коммуникаций и оптимизировать энергосбережение;
- в банковской сфере — определить платежеспособность клиентов и риски банковских операций, анализировать большие данные и выявить подозрительные транзакции;
- в сфере продаж — анализировать данные клиентов и исследования маркетинга, улучшить качество обратной связи во взаимодействии с потребителем товаров и услуг;
- в транспорте и логистике — оптимизировать доставку; наращивать производство беспилотного транспорта;
- в медиасфере — определить предпочтения целевой аудитории (в музыке, кино или другом контенте), направление рекламных и маркетинговых коммуникаций. С помощью ИИ пишутся новости в журналистике, создается музыка и другие виды художественного контента.

Такая обширная палитра применения ИИ в экономике делает его незаменимым и перспективным [1; 11]. Значимость ИИ подтверждает статистика АО «Русатом Инфраструктурные решения», аналитики констатируют интерес к внедрению IoT в российский бизнес. Например, в 2022 г. многие компании (41 %) сократили расходы в среднем на 17 % благодаря цифровой трансформации с использованием IoT, а 22 %

компаний увеличили доходы на среднем на 35 %. Наибольшие инвестиции в технологии IoT приходятся на производственный сектор РФ (почти 30 %). Сегодня в России технологии IoT внедряют крупные нефтегазовые и нефтехимические компании, металлургические, судостроительные, автомобиле- и авиастроительные компании [1; 4; 11].

С учетом того, что бизнес в России всё чаще становится целью кибератак, акцент в использовании ИИ для обеспечения информационной безопасности должен быть сделан на разработке многоуровневой защиты и обучении сотрудников основам кибербезопасности. Речь идет о создании культуры ИБ компании, о непрерывном обучении сотрудников кибергигиене внутри компании на всех уровнях ее подразделений. Среда кибербезопасности и ИБ-решений в бизнесе постоянно меняется. Задачи российского бизнеса в условиях создания новых систем защиты и антизащиты — анализировать угрозы и риски сферы IT и продукцию ИБ, адаптироваться к новым угрозам, инвестировать в новейшие технологии, в ИИ, поддерживать обучение персонала, взаимодействовать с коммерческими и государственными альянсами IT-сферы и производства решений ИБ.

Список литературы и источников

1. *Андреевский С.* Кибербезопасность [Электронный ресурс]: провожаем 2023 и встречаем 2024 год // РБК Компании: [интернет-медиа]. 04.12.2023. URL: <https://companies.rbc.ru/news/NOHdmtq5p0/kiberbezopasnost-provozhaem-2023-i-vstrechaem-2024-god/> (дата обращения: 10.06.2024).
2. *Артамонова Я. С., Артамонов П. А.* Информационная безопасность и информационные коммуникации // Т-Comm: Телекоммуникации и транспорт. 2012. Т. 6. № 4. С. 69—70. EDN: PWMATL.
3. *Головкин Н.* Прогноз развития киберугроз и средств защиты информации — 2024 [Электронный ресурс] // Anti-Malware.ru:

- [интернет-медиа]. 28.12.2023. URL: https://www.anti-malware.ru/analytics/Threats_Analysis/2024-Forecast (дата обращения: 10.06.2024).
4. **Дрюков В.** Как 2022 год изменил в России подходы к киберзащите [Электронный ресурс] // РБК Отрасли: [интернет-медиа]. 09.10.2023. URL: <https://www.rbc.ru/industries/news/651fbbc19a7947008ce7b9d5> (дата обращения: 10.06.2024).
 5. Информационная безопасность и информационные технологии / Д. В. Авласевич, Н. А. Дмитриев, О. В. Шаврина, В. В. Чураев // Форум молодых ученых. 2020. № 10 (50). С. 9—11. EDN: HNGFIG.
 6. **Левда М. В.** Информационная безопасность РФ // Форум молодых ученых. 2017. № 11 (15). С. 549—553. EDN: YOBQJV.
 7. **Мантуров М.** Облачное будущее России — Часть 1 [Электронный ресурс]: Драйверы, новые вызовы и решения // РБК Компании: [интернет-медиа]. 14.12.2023. URL: <https://companies.rbc.ru/news/oVH538kHiQ/oblachnoe-buduschee-rossii---chast-1-drajveryi-povyie-vyuzovyi-i-resheniya/> (дата обращения: 10.06.2024).
 8. **Метелев И. С., Устинов А. Ю.** Информационная безопасность // Сибирский торгово-экономический журнал. 2016. № 4 (25). С. 76—79. EDN: WMGNKV.
 9. **Сидельникова Н. В., Беседина Т. В.** Информационная безопасность // Образование. Карьера. Общество. 2018. № 1 (56). С. 71—72. EDN: USNLHT.
 10. **Смоленский М. Б.** Информационное общество и информационная безопасность // Европейский журнал юридических и политических наук. 2017. № 1. С. 3—6. <https://doi.org/10.20534/EJLPS-17-1-3-7> EDN: YMQYDP.
 11. **Сорокина М. Ю.** Информационная безопасность vs информационные технологии // Научные труды Вольного экономического общества России. 2014. Т. 186. С. 566—571. EDN: VKOTCN.
 12. **Сухоруков М.** Как обеспечить кибербезопасность своего бизнеса в 2024 году: [Электронный ресурс] // РБК Компании: [интернет-медиа]. 29.01.2024. URL: <https://companies.rbc.ru/news/wUFvbgOC3l/kak-obespechit-kiberbezopasnost-svoego-biznesa-v-2024-godu/> (дата обращения: 11.06.2024).
 13. **Турдумамбетова Б. Н., Субанбекова С. С.** Информационная безопасность // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2018. № 6-1. С. 190—195. EDN: UUDNLT.
 14. **Чесноков А. Д.** Информационная безопасность // StudNet. 2022. Т. 5. № 1. Ст. 54. EDN: ПPKSO.
 15. **Шевелев А.** Александр Шевелев, гендиректор «Северстали» в интервью CNews [Электронный ресурс]: Перейти на импортонезависимые решения металлургам мешает нехватка отечественного «железа» / беседовала А. Патракова // CNews: [сетевое изд.]. 13.06.2024. URL: https://ai.cnews.ru/articles/2024-06-10_aleksandr_shevelevgendirektor_severstali (дата обращения: 21.06.2024).

References

1. Andriyevskiy S. “Cybersecurity: Let’s See Out 2023 and Ring In 2024”. *RBK Kompanii*. 4 Dec. 2023. (In Russian). Web. 10 June 2024. <<https://companies.rbc.ru/news/HOHdmtq5p0/kiberbezopasnost-provozhaem-2023-i-vstrechaem-2024-god/>>.
2. Artamonova Ya., Artamonov P. “Information Security and Information Communications”. *T-Comm* 6.4 (2012): 69—70. (In Russian). EDN: PWMATL.
3. Golovko Nikolay. “Projected Growth of Cyber Threats and Information Security Facilities — 2024”. *Anti-Malware.ru*. 28 Dec. 2023. (In Russian). Web. 10 June 2024. <https://www.anti-malware.ru/analytics/Threats_Analysis/2024-Forecast>.
4. Dryukov Vladimir. “How the Year 2022 Has Changed the Approaches to Cyber Security in Russia”. *RBK Otrاسli*. 09 Oct. 2023. (In Russian). Web. 10 June 2024. <<https://www.rbc.ru/industries/news/651fbbc19a7947008ce7b9d5>>.

5. Avlasevich D. V., Dmitriev N. A., Shavrina O. V., Churaev V. V. "Information Security and Information Technology". *Forum molodykh uchenykh* 10 (50) (2020): 9–11. (In Russian). EDN: HNGFIG.
6. Levda M. "Information Security of the Russian Federation". *Forum molodykh uchenykh* 11 (15) (2017): 549–553. (In Russian). EDN: YOBQJV.
7. Manturov Maksim. "Cloud-Based Future of Russia — Part 1: Drivers, New Challenges and Solutions". *RBK Kompanii*. 14 Dec. 2023. (In Russian). Web. 10 June 2024. <<https://companies.rbc.ru/news/oVH538kHiQ/oblachnoe-budushee-rossii---chast-1-drajveryi-novyie-vyizovyi-i-resheniya/>>.
8. Metelev I. S., Ustinov A. Yu. "Information Security". *Sibirskiy torgovo-ekonomicheskii zhurnal* 4 (25) (2016): 76–79. (In Russian). EDN: WMGNKV.
9. Sidel'nikova N. V., Besedina T. V. "Information Security". *Obrazovaniye. Kar'yera. Obshchestvo* 1 (56) (2018): 71–72. (In Russian). EDN: USNLHT.
10. Smolenskiy M. B. "The Information Society and Information Security". *Evropeyskiy zhurnal yuridicheskikh i politicheskikh nauk = European Journal of Law and Political Sciences* 1 (2017): 3–6. (In Russian). <https://doi.org/10.20534/EJLPS-17-1-3-7> EDN: YMQYDP.
11. Sorokina M. Yu. "Information Security Vs. Information Technology". *Nauchnyye trudy Vol'nogo ekonomicheskogo obshchestva Rossii = Scientific Works of the Free Economic Society of Russia* 186 (2014): 566–571. (In Russian). EDN: VKOTCN.
12. Sukhorukov Mikhail. "How to Ensure Cyber Security of Your Business in 2024". *RBK Kompanii*. 29 Jan. 2024. (In Russian). Web. 10 June 2024. <<https://companies.rbc.ru/news/wUFvbgOC3l/kak-obespechit-kiberbezopasnost-svoego-biznesa-v-2024-godu/>>.
13. Turdumambetova B. N., Subanbekova S. S. "Information Security". *Mezhdunarodnyy zhurnal gumanitarnykh i estestvennykh nauk = International Journal of Humanities and Natural Sciences* 6-1 (2018): 190–195. (In Russian). EDN: UUDNLT.
14. Chesnokov A. D. "Information Security". *Stud-Net* 5.1 (2022): 54. (In Russian). EDN: ППКSO.
15. Shevelev A. "Aleksandr Shevelev, Director General of 'Severstal', in Interview to CNews: Lack of Domestic Hardware Hampers Steelworkers' Switching Over to Import-Independent Solutions". By A. Patrakova. *CNews*. 13 June 2024. (In Russian). Web. 21 June 2024. <https://ai.cnews.ru/articles/2024-06-10_aleksandr_shevelevgendirektor_severstali>.

Информация об авторах

Спиридонова Галина Владимировна — кандидат экономических наук, доцент кафедры теории рекламы и массовых коммуникаций Московского гуманитарного университета (Россия, 111395, Москва, ул. Юности, 5).

Мрочко Владимир Леонидович — кандидат исторических наук, генеральный директор ООО «Центр Специальных Проектов Консалтинг» (Россия, 109028, Москва, Покровский б-р, 16/10, стр. 1).

Тарасов Максим Денисович — ведущий менеджер (супервайзер) компании «Свит Лайф Фудсервис» (Россия, 196240, Санкт-Петербург, ул. Кубинская, 84); магистрант Московского гуманитарного университета (Россия, 111395, Москва, ул. Юности, 5).

Information about the authors

Galina V. Spiridonova — Cand. Sci. (Econ.), Associate Professor at the Department of Advertising Theory and Mass Communications, Moscow State University for the Humanities (Russia, 111395, Moscow, Yunosti st., 5).

Vladimir L. Mrochko — Cand. Sci. (Hist.), Director General, ООО "Center for Special Projects Consulting" (Russia, 109028, Moscow, Pokrovsky ave., 16/10, bld. 1).

Maxim D. Tarasov — Leading Manager (Supervisor), "Sweet Life Foodservice" company (Russia, 196240, St. Petersburg, Kubinskaya st., 84); Master's student, Moscow University for the Humanities (Russia, 111395, Moscow, Yunosti st., 5).

Статья поступила в редакцию 19.07.2024.

The article was submitted 19.07.2024.

ФИЛОСОФИЯ: МИР В ЧЕЛОВЕКЕ И ЧЕЛОВЕК В МИРЕ PHILOSOPHY: UNIVERSE IN HUMAN AND HUMAN IN UNIVERSE

Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2024. № 3 (43). С. 40—50.

Economic and Social Research. 2024. No. 3 (43). P. 40—50.

Научная статья

УДК 1:316.46 + 37.035.91

doi: 10.24151/2409-1073-2024-3-40-50

<https://elibrary.ru/afpfgq>

Лидерство как реализация личностного потенциала

Е. В. Андриенко¹, Д. В. Корнюхов²

¹ Санкт-Петербургский Гуманитарный университет профсоюзов, Санкт-Петербург, Россия

² Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Россия

¹ elena_andrienko8@mail.ru

² kornuhovd@gmail.com

Аннотация. Авторы раскрывают проблему лидерства в контексте не только лидерских качеств, но и личностного потенциала, который определяется как внутренние ресурсы и осознается через *Я-концепцию*. Методом оппозиции анализируются индивидуальная, естественная природа лидерства и социальная, целенаправленно созданная. Аналогичный подход применяется и к экзистенциальным модусам формирования лидерской харизмы — этического и неэтического харизматического лидерства, к позиционному и динамичному аспектам лидерства, а также в отношении к нормам лидерского поведения. К изучению харизмы применен историко-сравнительный метод. Рассмотрены мифологические силы личностного потенциала как древнейшие источники лидерского мировоззрения. Авторы связывают лидерство с духовными свойствами личности и с эмоциональным интеллектом и обращают внимание на применение модели лидерства-служения в целях предупреждения таких рисков лидерства, как одиночество и конфликты.

Ключевые слова: позиционное лидерство, динамичное лидерство, личностный потенциал, личность, нормы, ценности, лидерская харизма, хариты, мана, эмоциональный интеллект, одиночество

Для цитирования: Андриенко Е. В., Корнюхов Д. В. Лидерство как реализация личностного потенциала // Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2024. № 3 (43). С. 40—50. <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2024-3-40-50> EDN: AFPFGQ.

Leadership as the realization of personal potential

E. V. Andriyenko¹, D. V. Kornukhov²

¹ Saint-Petersburg University of the Humanities and Social Sciences, St. Petersburg, Russia

² Volgograd State University, Volgograd, Russia

¹ elena_andrienko8@mail.ru

² kornuhovd@gmail.com

Abstract. In this work, the authors reveal the problem of leadership in the context of not only leadership qualities, but also personal potential, which is defined as internal resources and realised through self-concept. The method of opposition was used to analyze the individual, genuine nature of leadership and its social, purposefully created one. Similar approach was applied to the existential modulations of leadership charisma formation — ethical and unethical charismatic leadership, to the positional and dynamic aspects of leadership, as well as in relation to the norms of leadership behaviour. The historical-comparative method was used to study charisma. The mythological forces of personal potential as the oldest sources of leadership worldview have been considered. The authors link leadership to the spiritual properties of the individual and to emotional intelligence and draw attention to the application of the leadership-serving model to prevent leadership risks such as loneliness and conflicts.

Keywords: leadership, personal potential, personality, norms, values, charisma, loneliness

For citation: Andriyenko E. V., Kornukhov D. V. “Leadership as the Realization of Personal Potential”. *Economic and Social Research* 3 (43) (2024): 40—50. (In Russian). <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2024-3-40-50> EDN: AFPFGQ.

Личность — это наиболее глубокая и интегральная составляющая человека, его сущее. Античный призыв «Человек, познай самого себя!» сохраняет свою актуальность на всех этапах социокультурного развития. Феномен лидерства основан на свойствах личности и, по сути, есть проявление личностного потенциала — творческих, интеллектуальных, волевых и эмоциональных сил личности. Философское исследование феномена лидерства, очевидно, будет неполным без обращения к персоналистическому аспекту, в котором можно выделить мировоззренческо-психологическую и поведенческую части. Мировоззренческо-психологическая часть включает идеи, убеждения, ценности личности лидера, а также его

личностный потенциал. Поведенческая часть как проявление личностного потенциала включает нормы лидерского поведения, механизмы и особенности взаимодействия лидера с другими, в том числе с последователями и другими лидерами.

Наиболее активное изучение личности лидера пришлось на период конца XIX в. — начала 1930-х гг. Позднее (до 1960-х гг.) массовый исследовательский интерес в этой предметной области был обусловлен вопросами лидерского поведения. Следующим этапом (до 1980-х гг.) стало исследование социокультурного контекста проявлений лидерства. Далее, до конца XX в., формировались ценностные подходы к лидерству. Вопрос о личностных качествах лидера

активизировался в 1920-х — 1930-х гг. в ходе исследований в зоопсихологии (значение результатов исследований в получении ответов на вопросы психической деятельности и сознания человека как биологического объекта), рефлексологии (понимание связи социальной психики и психической деятельности индивида) и ряде других научных дисциплин.

На современном этапе в изучение феномена лидерства внесли вклад работы М. Ю. Ананченко [1], Р. Гринлифа [2], Т. Г. Гусевой и А. А. Садофьева [3], Р. Ф. Дафта и П. Лейна [5], Ч. Манца, К. Нека, Г. Симса [13; 14], Ю. В. Давтян и Е. А. Савчук [4], Л. И. Иванкиной и Н. В. Мартыновой [6], Н. С. Мангутова и Л. И. Уманского [7], Г. В. Михайловой и С. В. Сарычева [10], М. Реджая и К. Филлипс [15], Р. М. Стогдилла [16], Н. П. Романовой [11], С. Р. Филоновича [12] и др. Однако определение роли личностного потенциала в лидерстве сегодня остается недостаточно разработанным. Лидерство — это всегда результат социокультурной реализации личностного потенциала (от лат. *potentia* — сила, возможность) — психологических ресурсов личности: 1) когнитивных — получение знания и восприятие информации; 2) аксиологических — приобретение в процессе социализации ценностных представлений, помогающих ориентироваться в различных сферах общественного бытия; 3) коммуникативных — установление социальных контактов, достижение поставленных в коммуникации целей, конструктивный выход из конфликтных ситуаций; 4) творческих — создание новых идей, проектов, а также реализация их на практике.

Психологической основой личности лидера является *Я-концепция*, становление которой происходит всю жизнь, но наиболее интенсивно — в период юности. *Я-концепция* — это осознание характеристик собственной личности и своего личностного потенциала. Н. С. Мангутов и Л. И. Уманский

выделили критерии, характеризующие личность лидера [7, с. 204].

1. Когнитивный критерий — самопобуждение к лидерству в результате осознания своего личностного потенциала во всех его аспектах: в личностном интересе к организации деятельности членов группы; готовности к свободе и ответственности как неотъемлемым атрибутам лидерства; способности находить творческие решения в организации группового взаимодействия; эффективном решении конфликтных ситуаций; создании атмосферы, способствующей групповой интеграции и координации через объединение позиций отдельных членов группы.

2. Статусный критерий — социальное принятие лидерства личности членами группы на рациональном уровне: признание лидерской позиции и статуса и делегирование лидеру различных полномочий; восприятие лидера как фактора, влияющего на групповые отношения; ориентация членов группы на мнение и поведение лидера при формировании суждений, оценок, отношений, принятии решений.

3. Эмоциональный критерий — эмоционально-волевая способность лидера влиять на поведение членов группы через эмоции и чувства: формирование под влиянием лидера благоприятной психологической атмосферы в группе, которая способствует реализации значимых для группы целей; конструирование эффективных связей и отношений; преобразование конфликтных ситуаций в конструктивные формы, способствующие эволюции группы; нахождение разумных компромиссов.

4. Деятельный критерий — вклад лидера в групповую деятельность, проявляющийся в результатах ее интеграции и организации: формирование групповой сплоченности (включенности каждого в деловой процесс) для достижения общих целей; нахождение эффективных алгоритмов организаторской деятельности; применение опыта организации

групповой деятельности; гибкость лидера и ситуативность лидерства, умение прогнозировать проблемные ситуации, видеть ошибки и оперативно их исправлять.

Идеи и убеждения личности лидера, как и личности как таковой, складываются в результате получения социокультурного опыта, основанного на идеях, наделенных высокой значимостью со стороны общественного сознания. Успех лидера во многом зависит от того, насколько он умело апеллирует к ценностям, находящим эмоциональный отклик в общественном сознании.

Не менее важным, чем ценности, мировоззренческо-психологическим элементом личности лидера являются лидерские качества. Согласно определению М. Ю. Ананченко, «лидерскими являются такие качества, умения и навыки, которые способствуют реализации субъектно-субъектных отношений и социально-эмоционального влияния» [1, с. 169]. Постановка вопроса о системе обязательных качеств, присущих личности лидера, сама по себе является спорной ввиду разнообразия моделей лидерства. При этом в контексте социально-психологических исследований часто выделяются качества личности, которые считаются необходимыми предпосылками лидерской позиции: экстравертность; развитые навыки коммуникации; высокий интеллект и профессионализм, под которым понимается прежде всего умение адаптироваться к ситуации и использовать обстоятельства для реализации своих целей; практичность; инициативность и активная жизненная позиция; стремление обучаться новому, открытое мышление; настойчивость как проявление силы воли; трудолюбие и психологическая устойчивость, позволяющая долгое время выдерживать состояние психоэмоционального напряжения; самообладание; наблюдательность; способность к самоорганизации и высокая степень личностной автономии (включая самостоятельность суждений, быстроту принятия

решений); творческие способности, умение находить нестандартные пути реализации поставленных задач.

Важен для деятельности лидера также его индивидуальный опыт [4, с. 40]. В период становления личности, в подростковом возрасте и раннем юношестве для формирования лидерских качеств очень важен позитивный опыт преодоления некой сложной индивидуальной ситуации. Это могут быть отношения в семье, со сверстниками, некая ситуация в обучении. Опыт преодоления закладывает глубокую веру в собственные силы и возможность успешно действовать в сложных ситуациях в будущем.

Примем во внимание, что рассматривать лидерство односторонне — только как результат удачного сочетания индивидуальных лидерских качеств — ошибочно. Лидерство — это феномен не только индивидуальный, но и социокультурный. Лидерство как продукт социальной среды связано с последовательными, их мировоззрением, целями и характеристиками [15, с. 93]. Неповторимая индивидуальность лидера всегда формируется в ответ на запрос определенного социального окружения. Исчерпывающий перечень личностных качеств лидера определить не представляется возможным по причине бесконечной вариативности индивидуальных лидерских моделей и характеристик социальных групп, в которых действуют лидеры.

Лидерские качества не обязательно должны быть изначально присущими личности, их можно развивать целенаправленно. В этом контексте также имеется в виду двойная — индивидуальная и социокультурная — природа лидерства. На становление личности лидера влияет окружение, система воспитания и обучения. Такой же подход можно применить и к лидерской харизме. Харизма может быть присуща личности благодаря индивидуальным качествам и опыту, а также сформирована целенаправленно, в процессе соответствующей подготовки,

актуализирующей лидерские качества, задатки, способности. Харизму определяют и как некую экстраординарную силу, присущую лидеру, и как инструмент реализации лидерского влияния, и как дар высших сил. Харизма — это характеристика ярко выраженной способности лидера оказывать сильное воздействие на своих последователей, а также высокая степень его личной притягательности. Н. П. Романова выделяет три основных значения понятия «харизма»: «Первое указывает на существование некоей универсальной силы; второе — на личную энергию конкретного лица, события или вещи; третье — на впечатление, воздействие, оказываемое на нас этой харизматической личностью... <...> Ключевым здесь выглядит именно первое значение, второе вытекает из него, а третье — из второго» [11, с. 118].

Первое значение харизмы, обозначенное Н. П. Романовой, выходит, по ее мнению, за пределы научной рациональности. Однако рассмотрим его укоренение в сфере религиозно-мистического трактования мира, в анимистических представлениях, а именно в вере в существование некой безличной сверхъестественной силы, которая может быть «разлита» на определенной территории (в «местах силы», священных местах) или воплощена в отдельных явлениях, предметах или людях. Ярким примером такой веры выступает полинезийское религиозное понятие «мана». Роберт Маррет с помощью индуктивного метода вывел трактовку этого понятия: «инстинктивное чувство чудодейственной силы» [8, с. 102]. Вместе с тем, продолжает Маррет, «от понимания как “постоянно действующей силы” мана трансформируется в “интеллект”, “активность характера”, “дух”» [8, с. 102]. Причем природа духа является высшей в анимистической иерархии и свойственна только человеку.

Полагаем, что в дедуктивном умозаключении понятие маны объединяет ряд представлений по тождественным признакам. Например, мана есть сила, которая

может присутствовать в определенной местности, предмете (камне, дереве), а также мана — неотъемлемая характеристика личности вождя в первобытных представлениях о мире. Далее проведем параллель от экзистенциального модуса человеческой природной силы как примера древнейшего первобытного понимания лидерской харизмы через мифологическое мировоззрение до современного толкования личностного потенциала лидера.

В мифологии Древней Греции богини имели нарицательное имя хариты (греч. χα'ρι — милость, доброта), а их имена собственные символизировали качества красоты — сияющая, благомыслящая, цветущая, желанная — и качества силы: умножающая, цветение, плодоносящая, убеждение, руководящая [9, с. 1047]. Обратим внимание на объем лексического значения слова «хариты»: «В мифах о Х[аритах] заметна их связь с вегетативными силами природы и упорядочением человеческой жизни, трудовой и художественной деятельностью» [9, с. 1047—1048]. Следовательно, можно предположить, что наименование «хариты» есть мифологическое свойство привлекать биологические силы человеческой природы с благодетельной целью. Можно предположить, что по нарицательному принципу собирать признаки оно является своего рода древним ключевым словом семиотического ряда, развитие которого продолжается и в современном обществе в контексте исследования характеристик и свойств сознания лидера как биологического объекта и его личностного потенциала. Если сопоставить качества, которые придавались харитам, с лидерскими, то в современной интерпретации эти качества можно положить в основу модели профессионального лидера.

Следуя толкованию чудодейственной силы духа в анимистической иерархии, сопоставим ее с идеей Духа святого в религиозном представлении: «...идея Д[уха] с[вятого]

сохраняла близость к сфере вдохновения, не связанного институциональными формами, к избранничеству (“харизматичности”), не зависящему от сана, от места в иерархии» [9, с. 341]. Таким образом, семантическое поле харизмы и в первобытных культурах (мана), и в культуре Древнего мира (хариты) восходит к высшей силе Духа, имеющей сверхъестественную и божественную природу. Также харизма является составляющей объема древнеиранского понятия «фарн», что означает силу божественного огня, как материальную, так и принадлежащую божественным персонажам «Авесты», дарующим ее людям: «...В иранской мифопоэтической традиции божественная сущность, приносящая богатство, власть и могущество; державная сила» [9, с. 1022].

Представим структуру современного феномена харизмы как совокупность элементов: 1) легенда о прошлом; 2) миссия (представления о целях лидера); 3) дистанция по отношению к рутинным личностям и нестандартное мышление и поведение; 4) наличие «стигматов» — неких запоминающихся особенностей внешности, походки, поведения, речи и др. В противоположность анимистическим, мифологическим и религиозным представлениям, в современном социокультурном контексте харизма позиционируется как совокупность личностных качеств, которые можно развить целенаправленно. Качества харизматической личности, утверждает Н. П. Романова, в целом совпадают с лидерскими качествами: уверенность и самообладание; коммуникабельность, умение устанавливать долгосрочные связи; развитая способность к мотивации и самомотивации; личное обаяние; положительное восприятие жизни; постоянное самосовершенствование; умение концентрироваться на наиболее важных задачах [11, с. 122—123].

Стратегию формирования лидерской харизмы предлагают Т. Г. Гусева и А. А. Садофьев: 1) работа над имиджем (внешний вид, голос, манеры — всё то, что влияет на

внешнее впечатление о человеке); 2) толерантное и уважительное отношение к последователям; 3) развитие способности к концентрации, решение наиболее сложных проблем, внимание к деталям, способность уловить правильное решение в потоке информации и ситуаций, а также спрогнозировать дальнейшее развитие событий; 4) осознание собственной уникальности, умение выявлять свои сильные стороны и опираться на них в своей деятельности [3, с. 166—167]. Продолжим исследование этих ученых и обозначим не менее важные условия развития лидерской харизмы: акцентирование деятельности на новизну и разрушение стереотипов; опыт озарения (инсайта) в результате переживания неординарных событий и ситуаций; выработка индивидуальных ритуалов, символики, атрибутики; радикализм в отстаивании своих убеждений; успех и победа над врагами; пробуждение в окружающих двойственных эмоций — страха и трепета, ужаса и восторга (эта стратегия связывает современное понимание харизмы с первобытными переживаниями в восприятии вождя). Новизну представляет социокультурная суть современного понимания харизматического воздействия, это — обращение к чувствам и эмоциям людей через сопоставление лидера с архетипами: Созидатель, Герой, Спаситель, Революционер, Служитель. В одном и том же харизматическом лидере может одновременно сочетаться несколько архетипических образов.

Экзистенциальные модусы современного лидерства покажем методом оппозиции — как этичный и неэтичный характер харизмы. Этичный предполагает служение другим с учетом их интересов и потребностей; открытость к обмену мнениями, критике и коммуникации; опору на гуманистические ценности (свобода, равенство, справедливость, права человека, уважение к личности). Неэтичный, напротив, подпитывает эгоцентризм и нарциссизм, деструктивно влияет как на личность самого

лидера, так и на личности последователей, дает непререкаемый авторитет и величие лидеру, а его последователям — состояние неуверенности и страха.

Рассмотрим позиционные и динамические характеристики лидерства. Эта оппозиция обусловлена возможностью трактовать лидерство и как социокультурное явление, и как процесс реализации личностной активности в социокультурном контексте. Безусловно, невозможно изучать лидерство без мысленной фиксации его в качестве феномена, имеющего свою структуру и функционально-типологические особенности. Но не менее важно исследовать лидерство как процесс. Отметим, что не всегда лидер как личность имеет выраженную мотивацию к тому, чтобы вести за собой других людей. Многие деятели науки, искусства, спорта и других областей культуры, кто достиг выдающихся результатов в своей деятельности, не стремились сознательно вести других к неким целям. Характеризуем их деятельность как позиционное лидерство (лидерство как социальная позиция). Позиционными лидерами выступают А. Эйнштейн, С. Дали, многие выдающиеся спортсмены. Динамическое лидерство, напротив, предполагает наличие у лидера учеников, последователей, одним словом, людей, которые в него верят и которых лидер стремится развивать, возвращать в личностном плане и вести к определенным целям. С. Р. Филонович выдвинул гипотезу о связи эмоционального выгорания личности лидера с ориентированием его на позиционное лидерство — на стремление утвердиться в своей социальной нише посредством высоких достижений. Исследователь пишет: «...Эффективное взаимодействие с последователями компенсирует <...> энергию, затрачиваемую лидером при стремлении к реализации поставленной цели, что снижает риск “выгорания”» [12, с. 98].

Не только позиционное, но и динамическое лидерство имеет недостатки. К недостаткам динамического лидерства относятся:

риск снижения ответственности, если решение принимается в группе, а не индивидуально; риск снижения эффективности лидерства при зависимости лидера от последователей (это явление можно соотнести с «диалектикой раба и господина» у Г. Гегеля, когда «господин» становится «рабом своего раба»); риск снижения уровня самостоятельного критического мышления, когда формируется групповое единомыслие.

В деятельности лидера важнейшую роль играет эмоциональный интеллект — совокупность способностей и навыков, направленных на умение распознавать эмоции, управлять своими эмоциями, а также оценивать и формировать мотивацию для практических целей. Чтобы сформировать эмоциональный интеллект, личность должна постоянно находиться в состоянии самосознания и самопознания, что означает прежде всего внимательное отношение к своему внутреннему миру, а затем и к внутренней психологической реальности других людей, требует рефлексии и саморефлексии. В связи с этим возникает вопрос о практической необходимости обращения лидера к знаниям в области философии и психологии. Лидерству можно обучаться. Как справедливо подчеркивает М. Ю. Ананченко, «...через обучение и самообразование может быть сформирован габитус лидерства, развиты знания о лидерстве, умения и навыки конструирования лидерских ролей и функций, лидерские качества» [1, с. 159]. При этом исследователь выделила три подхода к развитию лидерских качеств личности: 1) психологический; 2) педагогический; 3) комплексный.

Психологический подход объединяет этическую компетентность лидера и знания о механизмах психологического воздействия, психологических закономерностях и особенностях развития личностного сознания. Такой синтез позволит глубже понимать и себя, и последователей.

Преимуществом педагогического подхода является работа над формированием

лидерского поведения через обучение действиям, необходимым для реализации роли и функций лидера. Оптимальным представляется комплексный подход, который может быть назван философским, поскольку объединяет психологический и педагогический подходы — интегрирует знания о внешнем (социокультурном) и внутреннем (психологическом) аспектах лидерства. На поведенческом уровне лидерство как реализация личностного потенциала через механизмы взаимодействия связано с системой норм, действующих в социокультурном пространстве. К ним относятся этические, правовые, религиозные и другие нормы (по регуляции отдельных сфер общественной жизни), а также общечеловеческие, национальные, классовые, групповые, межличностные и ролевые (по масштабу действия). Непосредственное влияние на нормы индивидуального лидерства оказывают групповые нормы, а также нормы межличностные и ролевые, поскольку именно они определяют характер непосредственного взаимодействия лидера с его окружением [5, с. 116; 6, с. 181]. Кроме того, нормы лидерства зависят от типа культуры. В культурах, ориентированных на коллективизм, значение социокультурных норм выше, чем в культурах, ориентированных на индивидуализм — на свободу в выборе норм и ответственность за свои действия перед собой и перед обществом. Нормы выполняют регулятивную, оценочную, санкционирующую и стабилизирующую функции. Для личности лидера характерна диалектика в отношении соблюдения норм и их нарушения. С одной стороны, нормы помогают интеграции группы, поддерживают ее целостность и облегчают коммуникацию. Деятельность лидера должна соответствовать нормам, принятым в группе: лидер демонстрирует, что он разделяет групповые ценности, на которых основываются нормы. С другой стороны, следование нормам всегда предполагает групповой конформизм, и в этом заключается парадокс. Если

лидер не отступает от групповых норм, группа не может развиваться. Поскольку важнейшими условиями лидерского поведения являются трансформация и инновационность, лидер обязан показывать новые альтернативные пути, способствуя развитию группы и достижению групповых целей, в итоге лидер формирует новые групповые нормы, ритуалы, традиции и образцы поведения.

Межличностное взаимодействие лидера с последователями может выстраиваться на различных основаниях. Помимо групповых норм, важным фактором для формирования основания взаимодействия здесь выступает личностная позиция лидера: он может либо находиться над системой и выстраивать отношения по вертикали, либо позиционировать себя как связующее звено в ткани групповых взаимодействий и возвращать лидеров в своей группе. Для обозначения такого типа лидерской позиции в 1970 г. Р. К. Гринлиф ввел термин «лидерство-служение» [2]. Лидерство-служение — это не конкретная технология, а именно личная мировоззренческая позиция, основанная на эмпатии, самокритике, убедительности, ответственности за развитие своей группы и поддержание заинтересованности в этом ее членов. Лидерство-служение, по утверждению Р. М. Стогдилла, ведет к более здоровым и демократичным отношениям в группе, что является позитивным как для группы, так и для лидера [16].

Нередко проблемой для лидера является одиночество. Само по себе одиночество — это нормальное психологическое состояние, сопровождающее самопознание и являющееся одним из ресурсов развития. В экзистенциальном модусе страх одиночества, наряду со страхом свободы, смерти и потери смысла жизни, является общечеловеческой данностью. Трактую в данном контексте понятие «одиночество лидера», мы имеем в виду его деструктивную сторону, а именно состояние личностной изолированности

и непонимания, например, если имеется вынужденная дистанция — с членами семьи лидера, которые не разделяют сферу его деятельности, а также с членами группы, где четкая дистанция обусловлена корпоративной иерархией и соблюдается сознательно. Решением проблемы одиночества можно считать взаимодействие с другими лидерами. Практика подготовки коллективов в целях выполнения работ в экстремальных условиях (например, в открытом космосе или за полярным кругом) показывает, что наиболее эффективным (а часто необходимым для выживания) является гибкое (переходящее) лидерство. Оно базируется на способности каждой личности в коллективе (именно коллективе как высшей форме развития группы) выполнять различные социальные роли в зависимости от ситуации. В социокультурной практике часто для реализации различных стадий одного проекта требуются разные модели лидерства. Для того чтобы такой проект состоялся, лидеры должны принимать саму идею множественного лидерства, а также уметь конструктивно взаимодействовать друг с другом. По результатам исследования Г. В. Михайловой и С. В. Сарычева, в различных условиях (в том числе экстремальных) в зрелой группе всегда действуют разные типы лидеров, реализующие следующие модели лидерства: лидер-стратег, определяющий масштабные цели, а также лидеры-тактики и лидеры-операционалисты. Такая группа обладает большим потенциалом развития и в оптимальных условиях производит новых лидеров. Даже в малочисленных, но развитых, высокоорганизованных группах стратегический лидер может объединять в себе разные роли, эта модель названа «универсальным лидерством» [10, с. 238—239]. Лидер-стратег заинтересован в формировании лидеров-тактиков и лидеров-операционалистов из числа членов группы. Эта модель согласуется с концепцией «лидерство-служение», здесь лидерские функции предполагают предупреждение внутриличностных

и межличностных рисков лидерства — одиночества лидера, деструктивных тенденций в развитии группы, конфликтов, связанных с борьбой за лидерскую позицию.

Список литературы и источников

1. **Ананченко М. Ю.** Введение в философию и практику лидерства: монография. Архангельск: Помор. ун-т, 2005. 277 с. EDN: QOFDRJ.
2. **Гринлиф Р. К.** Слуга в роли лидера. М.: Рубиновый луч, 2003. 48 с.
3. **Гусева Т. Г., Садофьев А. А.** Имидж и харизма как важнейшие инструменты лидерства // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия: Экономика. 2019. № 4 (250). С. 161—167. EDN: FPPFWJ.
4. **Давтян Ю. В., Савчук Е. А.** От смиренности к сервант-лидерству: Новая этика и культура управления // Концепт: философия, религия, культура. 2022. Т. 6. № 1 (21). С. 39—49. <https://doi.org/10.24833/2541-8831-2022-1-21-39-49> EDN: JGFYOB.
5. **Дафт Р. Л.** Уроки лидерства / при участии П. Лейн. М.: Эксмо, 2007. 480 с.
6. **Иванкина Л. И., Мартынова Н. В.** Лидерство как механизм институционализации порядка и развития социальной системы // Известия Томского политехнического университета. 2012. Т. 321. № 6. С. 178—182. EDN: PVIEWJ.
7. **Мангутов Н. С., Уманский Л. И.** Организатор и организаторская деятельность. Ленинград: Изд-во ЛГУ, 1975. 311 с.
8. **Маретт Р. Р.** Формула *табу* — мана как минимум определения религии // Классики мирового религиоведения: антология. Т. 2: Мистика. Религия. Наука / сост. и общ. ред. А. Н. Красников. М.: Канон+, 1998. С. 99—108.
9. Мифы народов мира: энциклопедия: электрон. изд. / гл. ред. С. А. Токарев. М.: Сов. энциклопедия, 1980 // Интернет-архив: [цифровая библиотека]. 2008. URL: https://archive.org/details/Myths_of_the_Peoples_of_the_World_Encyclopedia_Electronic

- publication_Tokarev_and_others_2008 (дата обращения: 02.08.2024).
10. Михайлова Г. В., Сарычев С. В. Экспериментальное исследование лидерства в стандартных, напряженных, экстремальных и оптимальных условиях совместной деятельности // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2018. № 1 (45). С. 234—240. EDN: OTLAEB.
 11. Романова Н. П. Харизма как экстраординарное свойство лидера: общие представления // Вестник Читинского ГУ. 2011. № 8 (75).
 12. Филонович С. Р. Лидерство как интегральная проблема наук о поведении // Российский журнал менеджмента. 2007. Т. 5. № 4. С. 91—100. EDN: HMZHMJ.
 13. Manz C. C., Neck C. P. *Mastering Self-Leadership: Empowering Yourself for Personal Excellence*. New York: Pearson/Prentice Hall, 2004. 154 p.
 14. Manz C. C., Sims H. P. Jr. *Superleadership: Leading Others to Lead Themselves*. New York: Prentice Hall Direct, 1989. 245 p.
 15. Rejai M., Phillips K. *Leaders and Leadership: An Appraisal of Theory and Research*. Westport: Praeger Publ., 1997. 146 p.
 16. Stogdill R. M. *Handbook of Leadership: A Survey of Theory and Research*. New York: The Free Press, 1974. 613 p.
 4. Davtian Yu. V., Savchuk E. A. “From Humility to Servant Leadership: New Governance Ethics and Culture”. *Kontsept: filosofiya, religiya, kultura = Concept: Philosophy, Religion, Culture* 6.1 (21) (2022): 39—49. (In Russian). <https://doi.org/10.24833/2541-8831-2022-1-21-39-49> EDN: JGFYOB.
 5. Daft Richard L., Lane Patricia G. *The Leadership Experience*. 3rd ed. Mason, OH: Thomson/South-Western, 2005. 681 p.
 6. Ivankina L. I., Martynova N. V. “Leadership as Mechanism of Order Institutionalization and Social System Development”. *Izvestiya Tomskogo politekhnicheskogo universiteta = Bulletin of the Tomsk Polytechnic University* 321.6 (2012): 178—182. (In Russian). EDN: PVIEWJ.
 7. Mangutov N. S., Umanskiy L. I. *Organizer and Organizing Activity*. Leningrad: Leningrad State Univ. Publ., 1975. 311 p. (In Russian).
 8. Marett Robert R. “The Conception of Mana”. *The Threshold of Religion*. By R. R. Marett. London: Methuen & Co., 1909. 99—121.
 9. *Myths of the Peoples of the World*. Ed. by S. A. Tokarev. Moscow: Sov. entsiklopediya, 1980. *Internet Archive*. 2008. (In Russian). Web. 02 Aug. 2024. <https://archive.org/details/Myths_of_the_Peoples_of_the_World_Encyclopedia_Electronic_publication_Tokarev_and_others_2008>.
 10. Mikhaylova G. V., Sarychev S. V. “Experimental Study of Leadership under Standard, Pressurized, Extreme and Optimal Conditions of Joint Activity”. *Uchenyye zapiski. Elektronnyy nauchnyy zhurnal Kurskogo gosudarstvennogo universiteta* 1 (45) (2018): 234—240. (In Russian). EDN: OTLAEB.
 11. Romanova N. “Charisma as Extraordinary Feature of the Leader: General Review”. *Vestnik Chitinskogo GU* 8 (75) (2011): 118—124. (In Russian). EDN: OGKAFT.
 12. Filonovich S. R. “Leadership as Integral Problem of Behavioral Sciences”. *Rossiyskiy zhurnal menedzhmenta = Russian Management Journal* 5.4 (2007): 91—100. (In Russian). EDN: HMZHMJ.
 13. Manz Charles C., Neck Christopher P. *Mastering Self-Leadership: Empowering Yourself for*

References

1. Ananchenko M. Yu. *Introduction to Philosophy and Practice of Leadership*: monograph. Arkhangel'sk: Pomor Univ., 2005. 276 p. (In Russian). EDN: QOFDRJ.
2. Greenleaf Robert K. *The Servant as Leader*. Cambridge, MA: Center for Applied Studies, 1970. iv, 37 p.
3. Guseva T. G., Sadofiev A. A. “Image and Charisma as the Most Important Tools of a Leader”. *Vestnik Adygeyskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika = Bulletin of the Adyghe State University. Series: Economics* 4 (250) (2019): 161—167. (In Russian). EDN: FPPFWJ.

Personal Excellence. New York: Pearson/Prentice Hall, 2004. 154 p.

14. Manz Charles C., Sims Henry P. Jr. *Superleadership: Leading Others to Lead Themselves*. New York: Prentice Hall Direct, 1989. 245 p.
15. Rejai Mustafa, Phillips Kay. *Leaders and Leadership: An Appraisal of Theory and Research*. Westport: Praeger Publ., 1997. 146 p.
16. Stogdill Ralph M. *Handbook of Leadership: A Survey of Theory and Research*. New York: The Free Press, 1974. 613 p.

Информация об авторах

Андрienko Елена Владимировна — доктор философских наук, профессор кафедры философии и культурологии Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов (Россия, 192236, Санкт-Петербург, ул. Фучика, 15). ORCID: 0000-0002-2342-2404

Корнюхов Денис Викторович — аспирант кафедры философии и теории права Волгоградского государственного университета (Россия, 400062, г. Волгоград, пр-т Университетский, 100). ORCID: 0009-0006-0439-7879

Information about the authors

Elena V. Andriyenko — PhD (Philos.), Professor at the Chair of Philosophy and Cultural Studies, Saint-Petersburg University of the Humanities and Social Sciences (Russia, 192236, St. Petersburg, Fuchika st., bld. 15). ORCID: 0000-0002-2342-2404

Denis V. Korniyukhov — Postgraduate Student at the Chair of Philosophy and Theory of Law, Volgograd State University (Russia, 400062, Volgograd, Universitetsky ave., bld. 100). ORCID: 0009-0006-0439-7879

Статья поступила в редакцию: 14.05.2024.

The article was submitted: 14.05.2024.

Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2024. № 3 (43). С. 51—60.

Economic and Social Research. 2024. No. 3 (43). P. 51—60.

Научная статья

УДК 1:316.4 + 1(091)

doi: 10.24151/2409-1073-2024-3-51-60

<https://elibrary.ru/ucqnbс>

Модель мифологического героя как инструмент социальной инженерии: формирование гибрида личностной идентичности

Е. В. Драгун

Государственный университет просвещения, Москва, Россия

edragun27@gmail.com

Аннотация. Исследуется роль мифологических героев в формировании личностной идентичности и социальных норм через призму социальной инженерии. Мифические образы, заимствованные из индийских и древнегреческих философских и литературных источников, рассматриваются как инструменты передачи культурных и философских идей, которые влияют на индивидуальные и коллективные ценности. Особое внимание уделено анализу социальной инженерии, использующей культурные нарративы для формирования общественного сознания и трансформации личностных характеристик. Рассматривается связь между мифологическими архетипами и социальными структурами, а также роль философских концепций в этом процессе.

Ключевые слова: античная философия, касты, космология, индийская философия, мифологический герой, социальная инженерия

Для цитирования: Драгун Е. В. Модель мифологического героя как инструмент социальной инженерии: формирование гибрида личностной идентичности // Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2024. № 3 (43). С. 51—60. <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2024-3-51-60> EDN: UCQNBC.

Original article

Model of the mythological hero as a tool of social engineering: Shaping of a hybrid of personal identity

E. V. Dragun

State University of Education, Moscow, Russia

edragun27@gmail.com

© Драгун Е. В.

Abstract. The author examines the role of mythological heroes in personal identity and social norms shaping through the lens of social engineering. Mythical images, borrowed from Indian and ancient Greek philosophical and literary sources, are viewed as tools for conveying cultural and philosophical ideas that influence individual and collective values. Particular attention is paid to the analysis of social engineering, which uses cultural narratives to shape public consciousness and transform personal characteristics. The author has studied the connection between mythological archetypes and social structures, as well as the role of philosophical concepts in this process.

Keywords: ancient philosophy, castes, cosmology, Indian philosophy, mythological hero, social engineering

For citation: Dragun E. V. “Model of the Mythological Hero as a Tool of Social Engineering: Shaping of a Hybrid of Personal Identity”. *Economic and Social Research* 3 (43) (2024): 51–60. (In Russian). <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2024-3-51-60> EDN: UCQNBC.

В данной статье исследуется роль мифологических героев в формировании личностной идентичности и социальных норм на антропологическом этапе социально-инженерных преобразований общества, охватывающем первобытное общество и древний мир. В древнеиндийской и древнегреческой философских традициях мифологические герои символизировали мудрость, храбрость и справедливость, что делало их важными проводниками социально-инженерных идей, направленных на укрепление общественных норм и идеалов.

Данные образы использовались для объяснения природных явлений, исторических событий и социальных норм. Они служили символами мудрости, силы, храбрости, справедливости и других важных качеств, которые считались идеальными для человека. В контексте социальной инженерии эти образы использовались для передачи культурных и философских идей, которые затем влияли на формирование индивидуальных и коллективных ценностей.

Таким образом, модель мифологического героя является мощным инструментом социальной инженерии, позволяющим формировать и трансформировать общественное сознание и личностные характеристики. Она сочетает в себе культурные и философские идеи, которые целенаправленно воздействуют

на общество и индивидуумов, направляя процессы социального развития и личностного роста.

Рассматривая концепцию модели мифологического героя, нужно отметить, что она нашла наиболее полную реализацию в утопических социально-инженерных проектах, описанных в философских и литературных источниках Древней Индии и Древней Греции. Безусловно, до периода появления в VII — VI вв. до н. э. основных центров философского знания не существовало формализованных школ философии, а были лишь разрозненные философские идеи, основывающиеся на мифологических предпосылках. Важным аспектом этих предпосылок являются теогонические мифы, основанные на рассказах о происхождении богов, а также мифы, связанные с космосом и повседневной жизнью. Такие мифы формировали основу для развития ранних философских концепций.

Мифы, в свою очередь, сформировали социально-инженерные проекты, направленные на комплексное воздействие на индивидуальные и коллективные убеждения и ценности. Эти проекты реализовывались через систематическое применение культурных, религиозных и идеологических программ, включающих в себя не только устное и письменное содержание, но и визуальные

и музыкальные произведения. Они формировали глубокие символические и эмоциональные связи между индивидами и коллективами, что способствовало созданию определенных общностей и элитарных групп. Бенефициаром и заказчиком социально-культурных преобразований выступала знать, что способствовало формированию классового превосходства и укреплению позиций знати в обществе.

Тем самым социальная инженерия в VII — VI вв. до н. э. использовала культуру и идеологию как основные инструменты для формирования и переформирования социальных норм и ценностей, подчеркивая значимость культурного наследия и традиций в процессе социальных изменений, что явной линией представляется в критических работах Карла Поппера. Он определил понимание социальной инженерии не как механистического воздействия на пассивных индивидов, а как динамичного взаимодействия между индивидуальными и коллективными объектами в рамках общественных связей. Согласно Попперу, важно осознавать ограниченность индивидуальной свободы в социальном контексте и необходимость нравственной ответственности каждого человека в выборе и реализации своих действий, но с определенными оговорками [10, с. 218—220]. Поппер критиковал исторический детерминизм и тоталитарные режимы [10, с. 23], утверждая, что историческое развитие не следует неизбежным закономерностям и что общества должны стремиться к открытости и демократии, а не к закрытым, авторитарным системам. Он выступал против утопических социальных инженерий, которые пытаются радикально перестроить общество на основе абстрактных идеалов, аргументируя свои доводы тем, что такие попытки часто приводят к неожиданным и нежелательным последствиям.

Нужно еще раз подчеркнуть, что использование культуры, идеологии и социальных норм для формирования социальных структур древности несколько отличается от

утопических сценариев, критикуемых Поппером. Критика Поппера подчеркивает опасность упрощенного применения теоретических концепций к сложным социальным системам и предостерегает от попыток внедрить ригидные, догматические структуры управления обществом.

Тем самым критику Поппера можно рассматривать в той мере, в какой обсуждаемые процессы социальной инженерии могут вести к установлению ограничивающих свободу индивида систем. Поппер в своих суждениях напоминает о важности баланса между стремлением к социальной стабильности и сохранением открытого, демократического общества, способного адаптироваться к изменениям без потери основополагающих ценностей свободы и индивидуального выбора.

Перейдем от социальной инженерии в понимании Карла Поппера к божественной мифологии как основной идее Платона о справедливости [8, с. 37—40]. В его трудах приобретает отчетливые очертания справедливость по отношению к людям исключительно со стороны богов, наделяющих людей божественным благом. Всё человеческое в философии Платона лежит в истолковании предложенного человеку кем-то свыше, что также не противоречит общей концепции идеализма. И выбрав проект государственного устройства общества, Платон (умышленно или нет) скопировал идею общественного построения каст (варн), сформировавшихся в Древней Индии.

В индийской общественной организации общества брахманы стали посвященными, мудрецами со всеми вытекающими из этого статуса благами — как и философы у Платона. По мнению автора статьи, для европейской цивилизации этот виток преобразований был обусловлен пониманием личного блага, которое более точно определил Аристотель [3], так как для формирования личных представлений у индивида нужно было сформировать общую идею / доктрину

причинности и донести ее через академическую среду. Аристотель был в большей степени системным методологом и предложил идею, которая была воплощена в учебном заведении — академии. Как точно заметил К. Г. Юнг, развитие психики индивида (подобно героическому мифу) начинается с примитивной детской стадии [15]. Аристотель направлял энергию познания молодого человека в правильное русло, формируя у учеников непротиворечивую идею-программу представлений о мире — в отличие от Платона, который постоянно использовал образы и не структурировал систему обучения, передавая знания в устной форме. Как мы знаем из истории многих народов, мифология сохранялась в устной традиции. В дальнейшем, с появлением книгопечатания, сложилась система передачи знаний и тиражирование знания стало более системным. Платон обладал живым сознанием, нацеленным на красивые мыслеобразы, — по-своему прекрасен образ пещеры, где человек видит только тень реальности, — но когда речь идет о знании, для его передачи нужно предложить систему. Аристотель и предложил полную систему знаний.

В фундаментальном труде Аристотеля «Метафизика» [2] изложена доктрина о первопричинах и элементарных началах всего сущего, которая укоренена в структуре архетипа мифологического героя, служащего ключевым элементом культурного кода эпоса и мифа, особенно в индийской и античной литературе. Аристотелевский анализ четырех типов причинности можно коррелировать с характеристиками мифологических героев. Первый тип, материя как «то, из чего», находит отражение в мифологии, где герои часто ассоциируются с элементарными силами природы, такими как воздух, вода, земля, огонь и эфир. Эти стихии не просто формируют физическую основу мифологических персонажей, но и символизируют различные грани их существования. Второй тип, форма, определенная как «то, что», в мифологии

представлена через уникальные характеристики и цели героев, аналогичные аристотелевскому пониманию формы, придающей смысл и направленность материи. Третий тип причинности, действующая причина, или «то, откуда», в мифологическом контексте соотносится с происхождением героев, часто связанным с божественным вмешательством или космическими событиями, что находит параллель в аристотелевском понятии энергетической силы. Наконец, конечная причина, или «то, ради чего», в мифологических рассказах отражена через индивидуальные миссии и цели героев, что согласуется с аристотелевским видением цели как основополагающего принципа для существования и действий. Таким образом, аристотелевский анализ создает цельную картину для понимания мифологических героев, их роли и значения в культурном эпосе, открывая новые горизонты для изучения связи между античной философией и мифологическими нарративами.

В рамках исследования темы осветим роль мифологического героя как ключевого элемента культурного кода эпоса и мифа, присутствующего в индийской и античной литературе. Это особенно актуально в контексте работы Д. В. Бугая [4], который исследует эволюцию понятия справедливости от архаических религиозных концепций до философских теорий. Д. В. Бугай обращает внимание на то, как менялся фокус исследования справедливости в античной философии, начиная с ранних памятников греческой мысли и заканчивая более поздними работами. Особое значение вначале имело определение понятий, связанных со справедливостью, тогда как позже внимание смещается на разработку концепций справедливости, формируемых на фоне изменяющейся социальной действительности. Особенно интересно, как Бугай анализирует греческую элегию VI — V вв. до н. э., в частности творчество Солона и Феогнида, где тема справедливости обогащается новыми аспектами, включая моральную

оценку обогащения и начала теодицеи. Это показывает, как ранние мифологические и религиозные концепции справедливости постепенно уступают место более рационализированным и философским подходам.

Преобразования в понятии справедливости, отслеживаемые от мифологических нарративов до философских доктрин, подчеркивают фундаментальное значение мифологических образов в культурной структуре общества и его концепции справедливости. Мифологические герои, с их глубоким символизмом, заложили основы для понимания справедливости как ключевого элемента социального устройства и моральных ориентиров. Этот аспект имеет особое значение в анализе социальной инженерии и формировании личностных идентичностей в разнообразных культурных традициях.

Идея Платона о справедливости, представляющей собой выгоду для сильнейшего, обуславливает важность героической идентичности в определении социальных структур и норм. Данная концепция героя-правителя, пользующегося абсолютным обожанием, резонирует с образами героев древнеиндийских и греческих мифов, подчеркивая транскультурную универсальность идеи героизма как социального агента справедливости [9, с. 174—193]. Тем самым переосмысление справедливости через призму мифологических и философских концепций выявляет сложную взаимосвязь между культурным наследием и социальными идеалами, подчеркивая роль культурного кода и символизма мифологических героев в формировании общественного сознания и социальных структур. Эта связь между мифом и философией в контексте справедливости иллюстрирует важность глубокого понимания культурных и идеологических основ социальной инженерии для становления новых форм личностной идентичности в многообразии культурных практик.

В рамках социально-философского анализа, представленного в научной работе

Н. В. Фоминой «Аристократия и аристократическая форма правления» [12], представлено интересное наблюдение, основанное на парадигме «мифологического героя». Автор сочла целесообразным осветить использование символики и архетипов мифологических героев в контексте укрепления аристократической власти и формирования социальных иерархий. Н. В. Фомина подчеркивает, что архетипические образы мифологических героев, обладающих такими качествами, как благородство, храбрость и мудрость, являются ключевыми в античной литературе и играют значительную роль в символизации идеалов, пропагандируемых аристократическим классом. Эти образы не только отражают превосходство аристократии, но и служат важным инструментом в укреплении ее политического и социального статуса. Кроме того, как отмечает Н. В. Фомина, аристократические лидеры активно использовали мифологическую риторику для обоснования своих политических решений, создавая связь между современными действиями и возвышенными идеалами, представленными в мифах. Образовательная система, которая в наибольшей степени была доступна аристократии, включала изучение классической литературы и мифологии, что способствовало не только культурному, но и интеллектуальному господству этого класса в обществе. Таким образом, рассмотрев исследованные Н. В. Фоминой механизмы, через которые мифологические архетипы и символы способствовали укреплению аристократической власти и формированию социальных иерархий, можно получить глубокое понимание взаимосвязи между культурными нарративами и социально-политическими структурами в античном обществе.

В рамках философского анализа, представленного А. Г. Ивановым в работе [6], особое внимание уделяется изучению мифологических героев в контексте социальной мифологии. Эти фигуры, воплощающие культурные и моральные идеалы, играют значительную роль в формировании

социальных установок и поведенческих норм в обществе. Анализ действий и символического значения мифологических героев позволяет проследить их вклад в создание общественных нарративов, которые глубоко повлияли на социальное сознание, мировоззрение и поведенческие паттерны. Анализируя культурные аспекты, А. Г. Иванов предположительно раскрывает, как мифологические герои служат носителями и передатчиками культурных ценностей и норм, подчеркивая их роль в формировании общественных представлений и культурной интеграции. Важным элементом здесь является изучение гендерной идентичности через призму мифологических архетипов, которые могут иллюстрировать и даже укреплять гендерно-специфические роли и представления в обществе. Так, диссертация Иванова представляет собой комплексное исследование, в котором архетипические образы мифологических героев рассматриваются как ключевые элементы в процессе социального отражения и формирования идентичности, охватывая аспекты национальной принадлежности, культурных традиций и гендерных норм.

Углубленный взгляд на понимание и интерпретацию мифологических образов, которые играют ключевую роль в формировании культурного кода и философских идей в индийской традиции, акцентирует внимание на том, как мифологические герои индийской культуры отражают формирование философских концепций и влияют на культурное самосознание [11].

При сравнении образов героев индийской мифологии и античных мифических персонажей выявляются как уникальные характеристики, так и общие черты в понимании героизма, морали и космических законов в различных культурах. Такой подход обогащает понимание влияния мифологических образов на культурные и философские аспекты индийской цивилизации и предоставляет фундамент для сравнительного анализа с другими мифологическими традициями.

Если обратиться к исследованию пифагорейских учений и их взаимодействия с мифологическими концепциями, этот подход предоставляет уникальную возможность исследовать, как античные философские традиции трансформировали и адаптировали мифологические образы, включая героев и божеств [7]. Находя параллели и взаимное влияние между философией пифагореизма и индийскими мифологическими традициями, Н. Д. Лечич четко прослеживает, как мифологические персонажи были включены в философские системы мысли, способствовали развитию концепций добра и зла, логики и космического порядка в рамках пифагорейской школы.

В этом контексте софисты, выступавшие ключевыми фигурами в образовательной и интеллектуальной сфере Древней Греции между серединой V и началом IV вв. до н. э., заметно повлияли на формирование образовательных и мыслительных традиций [8]. Их роль в обучении молодежи, охватывавшем как риторику, так и разнообразные гуманитарные и точные науки, подчеркивает важность их вклада в подготовку к политической и общественной деятельности. Софистическое движение, отличавшееся педагогическим и просветительским характером, стало значимым этапом в развитии культуры Древней Греции. Эта педагогическая деятельность, обусловленная расширением образовательного идеала среди элиты общества того времени, находит параллели с ролями мифологических героев в эпических традициях индийской и античной литературы. Софисты, обещавшие обучение искусству убедительной речи, а также добродетели и широкому кругу знаний, могут быть сравнимы с мифологическими героями, которые символизировали мудрость, знания и этические ценности своего времени. Тем самым влияние софистов на образовательные и культурные процессы в Древней Греции можно рассматривать как современный аналог влияния мифологических героев на формирование философских и моральных идей.

Изучение процессов становления философии, начиная с ее многоцентрового зарождения (в Древней Индии, древнем Китае и Древней Греции) и продолжая анализом аристотелевской доктрины о первопричинах, позволяет глубже понять социальную инженерию в контексте становления новой личности. Философия, возникшая из мифологических представлений и ранних научных познаний, предлагает уникальные инструменты для формирования личностной идентичности в рамках социальной инженерии.

Мифологические герои, служащие ключевыми элементами в культурном коде эпоса и мифа, отражают социальные идеалы, нормы и ценности, которые существенно влияют на формирование индивидуальной и коллективной идентичности. В контексте социальной инженерии это позволяет использовать мифологические нарративы как средство формирования и трансформации общественного сознания и личностных характеристик. Социальная инженерия в этом смысле применяет культурные и философские идеи для целенаправленного воздействия на общество и индивидуумов, определяющего ход процессов социального развития и личностного роста.

Аристотелевская концепция четырех причинностей [2] — материи, формы, действующей и конечной причины — обеспечивает глубокий аналитический инструмент для исследования мифологических героев, особенно в контексте социальной инженерии. Эти причины позволяют раскрыть многогранность и многослойность мифологических персонажей, которые не просто символизируют ключевые аспекты человеческого существования, но и функционируют как средства передачи социальных норм и ценностей, способствуя формированию новых типов личностей и ответственных структур.

С другой стороны, история социальной инженерии в обществе, начиная от древнеиндийской философии и до Нового времени,

демонстрирует, что эффективное влияние на большие массы людей всегда было сложной задачей. Исследователи отмечают несостоятельность утопических проектов прошлого, подчеркивая трудности в реализации глобальных социальных изменений. В индийской философии, особенно в Упанишадах, обсуждаются концепции первооснов бытия, включая высшее знание (духовный абсолют) и низшее знание (эмпирическая действительность). Эти идеи подчеркивают важность понимания как духовных, так и материальных аспектов жизни, что немало важно в социальной инженерии. Теория каст, также представленная в Упанишадах, иллюстрирует попытку систематизировать и упорядочить общество, что является еще одним примером социальной инженерии в действии.

В индийской философии, как указывается в «Мундака Упанишад» (I. 1.4-5), утверждается [1, с. 88], что существуют два вида знания: высшее и низшее. Низшее знание включает в себя ведические писания, грамматику, астрономию и другие науки, в то время как высшее знание посвящено пониманию непреходящего, вечного. Это разделение знаний отражает глубокое понимание духовных и материальных аспектов жизни, которое является фундаментальным для социальной инженерии.

Первоначально в древнеиндийском обществе существовала система варн, замкнутых социальных образований, которые объединяли людей определенных профессий и исключали возможность перехода из одного слоя общества в другой. Эта система позднее трансформировалась в более сложную систему каст. Такая социальная структура не только определяла социальный порядок, но и влияла на восприятие индивидуумом своего места в мире и возможности социального взаимодействия.

Эти исторические и философские контексты подсказывают, как древние учения и мифологические сюжеты могут быть

использованы в современных условиях для создания более справедливых и гармоничных общественных систем. Это особенно важно в эпоху цифровизации и глобализации, когда традиционные социальные установки подвергаются переосмыслению и требуют адаптации к новым реалиям.

Так, в Упанишадах определены основные понятия социологии и социальной философии того времени: в точности описано устройство мира и его деление на касты (брахманы, кшатрии, вайшьи, шудры) как важный элемент гармонии в мире людей [1, с. 8—21]. Кроме того, приводятся основные понятия блага, справедливости и богатства, являющиеся ключевыми в учениях древних философов. Основным же источником философской мысли служит эпическая поэма «Махабхарата», состоящая из 18 книг. Помимо увлекательного сюжета кровной вражды между двумя связанными по крови родами Пандавов и Кауравов, поэма содержит и глубокие философские идеи.

Самая известная книга «Махабхараты» — «Бхагават-гита» (в переводе — «Божественная песнь») из VI книги «Бхишмапарвы», которая представляет собой диалог между предводителем войск Пандавов Арджуной и богом Кришну (духовным абсолют — Брахманом). Во-первых, два персонажа ведут диалог, как Сократ и его собеседники в основных литературных и философских произведениях Платона. На наш взгляд, основная суть данного произведения именно в передаче «посвященным», богом Кришну, основных социальных законов общества незрелому Пандаву. В дальнейшем в индийской философии эти идеи были развиты в философских монистических учениях санкхьи и веданты [1, с. 94—95]. Так, С. Чаттерджи и Д. Датта в фундаментальном труде, посвященном индийской философии, отметили: «Школы Шанкары и Рамануджи придерживаются упанишад, согласно которым “все есть Брахман” (*сарвам кхалу идам Брахма*), а материя и ум не являются незави-

симыми реальностями, но коренятся в том же Брахмане» [13, с. 301]. Но если не рассматривать высокодуховное учение об Атмане-Абсолюте, основные литературные произведения содержат вполне понятную социальную картину индийского общества. По значимости вклада в культуру древнего мира, безусловно, Упанишады и «Махабхарата» стоят в одном ряду с эпосом о Гильгамеше [14] и «Одиссеей» Гомера [5].

В контексте социальной инженерии «Бхагават-гита» может рассматриваться как первоисточник древних принципов управления и саморазвития, которые актуальны и в современном мире. В диалоге между Арджуной и Кришной обсуждаются вопросы долга (дхармы), правильного действия (карма) и пути к самореализации, что может быть интерпретировано как руководство к созданию сбалансированной и гармоничной социальной структуры. Кришна, выступая в роли идеального советника, предлагает модель поведения, согласно которой каждый индивидум играет свою роль в обществе, следуя своему долгу, что способствует общему порядку и стабильности.

Развитие идей философии веданта о неделимости Брахмана отражает монистическое видение мира, где индивидуальные различия сливаются в единое абсолютное существование, аналогично современным интегрированным и взаимозависимым социальным структурам, формируемым информационными технологиями и цифровой связью. Принципы, изложенные в «Бхагават-гите», могут применяться в современной социальной инженерии для управления обществом и формирования этических и моральных норм, поддерживающих социальную гармонию и порядок как функцию и ответственность каждого. Наряду с этим исследование концепций мифического героя и его антагонистов от древности до античности выявляет эволюцию стремления к идеалу утраченного «Золотого века», который символизирует в мифологиях разных

культур апофеоз гармонии и совершенства. Исторический анализ развития образов мифологических героев и их антагонистов, начиная с древнего мира и заканчивая современностью, отражает широкий спектр культурных и социальных трансформаций, включая влияние западной культуры и критику современного массового потребления. В рамках социальной инженерии изучение эволюции понятия справедливости предоставляет инструменты для понимания изменений в общественных ценностях и нормах и управления ими. Мифологические и религиозные концепции справедливости, эволюционирующие в более рационализированные и философские подходы, подчеркивают динамичность социальных процессов и потенциал для формирования новых социальных идентичностей. Это знание предоставляет ценные инструменты для целенаправленного формирования новой личности в различных культурных и исторических контекстах. В данном аспекте индийская философия и литература предлагают уникальный взгляд на социальную инженерию, особенно через теорию эволюции мира санкхьи, известную как паринамавада, которая описывает эволюцию через модификации праkritи.

Древние тексты, такие как «Махабхарата» и «Упанишад», обладают непреходящим культурным и социальным значением, поскольку они предлагают универсальные принципы для создания справедливых и функциональных социальных систем. Эти принципы могут быть эффективно использованы при разработке современных моделей социальной интеграции и развития. Особенно актуально это становится в контексте наращивания темпов развития индийского общества, которому необходимы переосмысление и адаптация традиционных форм социального устройства к новым условиям. Так, принципы, заложенные в древнеиндийских философских и мифологических текстах, могут служить фундаментом для создания гибких и адаптивных социальных

систем, способных отвечать на вызовы современности. Важность таких текстов заключается в их способности предложить проверенные временем концепции, которые могут быть интегрированы в современные стратегии социальной инженерии для построения более гармоничных, справедливых и устойчивых общественных структур.

Список литературы и источников

1. Антология мировой философии: в 4 т. Т. 1: Философия древности и средневековья / ред.-сост. и авт. вступ. ст. В. В. Соколов. Ч. 1. М.: Мысль, 1969. 575 с.
2. *Аристотель*. Метафизика. М.: Эксмо, 2015. 442 с. (Антология мысли).
3. *Аристотель*. Этика / [пер. Н. В. Брагинской, Т. А. Миллер; вступ. ст. Ф. Х. Кессиди]. М.: АСТ: Астрель, 2011. 492 с.
4. *Бугай Д. В.* Платоновская концепция справедливости и ее исторические предпосылки: дис. ... д-ра филос. наук: 09.00.03. М., 2019. 637 с. EDN: VTFEEW.
5. *Гомер*. Одиссея / [пер. с древнегреч. В. Жуковского]. М.: АСТ, 2010. 314 с. (Книга на все времена).
6. *Иванов А. Г.* Социальная мифология как феномен общественной жизни: монография. Воронеж: НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2015. 188 с. EDN: YTPWMS.
7. *Лечич Н. Д.* Общий источник генезиса логики и теории зла в идеях ранней пифагорейской школы: дис. ... канд. филос. наук: 09.00.03. М., 2016. 271 с.
8. *Лосев А. Ф.* История античной эстетики. Т. 4: Аристотель и поздняя классика. М.: Искусство, 1975. 775 с.
9. *Платон*. Государство / [вступ. ст.: К. А. Сергеев, Л. С. Камнева; пер. А. Н. Егунова]. СПб.: Наука, 2005. 570 с. (Слово о сущем; т. 53).
10. *Понтер К.* Открытое общество и его враги / пер. с англ. под ред. В. Н. Садовского. Т. 1: Чары Платона. М.: Феникс: Междунар. фонд «Культурная инициатива», 1992. 446 с.

11. **Псху Р. В.** Ситуативная герменевтика как историко-философский метод исследования восточных философских текстов: дис. ... д-ра филос. наук: 09.00.03. М., 2017. 289 с.
12. **Фомина Н. В.** Аристократия и аристократическая форма правления: социально-философский анализ: дис. ... канд. филос. наук: 09.00.11. Красноярск, 2005. 157 с.
13. **Чаттерджи С., Датта Д.** Индийская философия: пер. с англ. М.: Селена, 1994. 416 с.
14. Эпос о Гильгамеше: («О все видавшем») / отв. ред.: В. В. Струве; пер. с аккад. И. М. Дьяконова. СПб.: Наука, 2006. 212 с. (Литературные памятники).
15. **Jung C. G.** The Structure and Dynamics of the Psyche / ed. and transl. G. Adler, R. F. C. Hull. Reprint of 1975 ed. Princeton: Princeton Univ. Press, 2014. 608 p. (Collected Works of C. G. Jung; 8).
8. Losev A. F. *Aristotle and the Late Classics*. Moscow: Iskusstvo, 1975. 775 p. (In Russian). Vol. 4 of *Istoriya antichnoy estetiki*.
9. Plato. *The Republic*. Transl. by D. Lee. Introd. by M. Lane. London: Penguin Books, 2007. 416 p. (Penguin Classics).
10. Popper Karl R. *The Spell of Plato*. Princeton: Princeton Univ. Press, 1971. 368 p. Vol. 1 of *The Open Society and its Enemies*. 2 vols.
11. Pskhu R. V. *Situational Hermeneutics as Historical and Philosophical Method of Studying Eastern Philosophical Texts*: Diss. for the Dr. Sci. (Philos.). Moscow, 2017. 289 p. (In Russian).
12. Fomina N. V. *Upper Class and Aristocracy: Socio-Philosophical Analysis*: Diss. for the Cand. Sci. (Philos.). Krasnoyarsk, 2005. 157 p. (In Russian).
13. Chatterjee Satischandra, Datta Dhirendramohan. *An Introduction to Indian Philosophy*. 5th ed. Calcutta: Univ. of Calcutta, 1954. 443 p.
14. *Epic of Gilgamesh*. Transl. by N. K. Sandars. London: Penguin Books, 1960. 128 p. Penguin Classics.
15. Jung Carl G. *The Structure and Dynamics of the Psyche*. Ed. and transl. G. Adler, R. F. C. Hull. Reprint of 1975 ed. Princeton: Princeton Univ. Press, 2014. 608 p. Collected works of C. G. Jung 8.

References

1. *Philosophy of Ancient Times and Middle Age*. Ed., comp. and introd. by V. V. Sokolov. Pt. 1. Moscow: Mysl', 1969. 575 p. (In Russian). Vol. 1 of *Antologiya mirovoy filosofii*. 4 vols.
2. Aristotle. *Metaphysics*. Transl. with an introd. by H. Lawson-Tancred. London: Penguin Books, 1999. 528 p. Penguin Classics.
3. Aristotle. *The Ethics of Aristotle*. London: Wentworth Press, 2019. 316 p.
4. Bugay D. V. *Plato's Conceptual Idea of Justice and its Historical Preconditions*: Diss. for the Dr. Sci. (Philos.). Moscow, 2019. 637 p. (In Russian). EDN: BTFEEW.
5. Homer. *The Odyssey*. Transl. by E. Vieu. Introd. by V. Knox. London: Penguin Books, 1999. 541 p. Penguin Classics.
6. Ivanov A. G. *Social Mythology as Phenomenon of Social Life*: monograph. Voronezh: NAUKA-YUNIPRESS, 2015. 188 p. (In Russian). EDN: YTPWMS.
7. Lechich N. D. *Common Source of Genesis of Logic and Theory of Evil in the Ideas of Early Pythagorean School*: Diss. for the Cand. Sci. (Philos.). Moscow, 2016. 271 p. (In Russian).

Информация об авторе

Драгун Евгений Витальевич — аспирант кафедры философии Государственного университета просвещения (Россия, 105005, Москва, ул. Радио, 10А, стр. 2).

Information about the author

Evgeny V. Dragun — Postgraduate Student at the Department of Philosophy, State University of Education (Russia, 105005, Moscow, Radio st., 10A, bldg. 2).

Статья поступила в редакцию 12.09.2024.

The article was submitted 12.09.2024.

Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2024. № 3 (43). С. 61—68.

Economic and Social Research. 2024. No. 3 (43). P. 61—68.

Научная статья

УДК 18 + 7.012

doi: 10.24151/2409-1073-2024-3-61-68

<https://www.elibrary.ru/vgvftk>

Место и роль современного графического дизайна в эволюции форм коммуникации

А. А. Дубова¹, Д. С. Бабаева²

^{1, 2} Национальный исследовательский университет «МИЭТ», Москва, Россия

¹ dubajo@mail.ru

² darixi@mail.ru

Аннотация. Рассмотрено такое современное состояние графического дизайна, как коммуникативный дизайн. Затронуты особенности создания знаков и образов (с позиции инструментального аспекта), вопросы преодоления оптических иллюзий и искажений, а также вопросы интерактивности цифровой среды. Указано, что смещение фокуса дизайна на вопросы коммуникации акцентирует технологические и социальные проблемы, организацию информации и визуальную привлекательность. Подчеркивается растущая значимость социального аспекта в дизайне, где общество воспринимает «технологический» стиль как глобальную идентичность, формируя стандарты в графическом интерфейсе.

Ключевые слова: мобильное приложение, дизайн, коммуникативный дизайн, знак, образ, пользовательский опыт, пользовательский интерфейс, графический интерфейс

Для цитирования: Дубова А. А., Бабаева Д. С. Место и роль современного графического дизайна в эволюции форм коммуникации // Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2024. № 3 (43). С. 61—68. <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2024-3-61-68>
EDN: VGVFTK.

Original article

Place and role of modern graphic design in the evolution of forms of communication

A. A. Dubova¹, D. S. Babaeva²

^{1, 2} National Research University of Electronic Technology, Moscow, Russia

¹ dubajo@mail.ru

² darixi@mail.ru

© Дубова А. А., Бабаева Д. С.

Abstract. In this work, the authors examine the communicative design as a current state of a graphic design. The issues of the peculiarities of creating signs and images (through the lens of instrumental aspect), including those of overcoming optical illusions and distortions, and of the digital environment interactivity are raised. It has been pointed out that shifting the focus of design to communication issues emphasizes technological and social problems, information organization, and visual appeal. The authors highlight the growing importance of the social aspect in design, where society perceives the “technological” style as a global identity, forming standards in the graphical interface.

Keywords: mobile application, design, communicative design, sign, image, user experience, user interface, graphic interface

For citation: Dubova A. A., Babaeva D. S. “Place and Role of Modern Graphic Design in the Evolution of Forms of Communication”. *Economic and Social Research* 3 (43) (2024): 61—68. (In Russian). <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2024-3-61-68> EDN: VGVFTK.

В данной статье рассматривается ряд понятий и явлений, входящих в орбиту графического дизайна в его современном состоянии, характеризуемом как «коммуникативный дизайн». До сего дня практика графического дизайна по созданию и трансляции знаков и образов не столько участвовала в непосредственной вербальной коммуникации между людьми, сколько была задействована в коммуникации, нацеленной на передачу информации, в которой интерпретируются и трактуются, соединяясь в новый нарратив, отдельные фрагменты и сообщения.

На область непосредственной коммуникации между людьми как одну из главных полезных функций дизайна обратили внимание еще в начале 1990-х гг. Впоследствии эта практика широко распространилась в связи с появлением интернета и новой культуры общения через посредничество различных интеллектуальных устройств. Этот период в истории культуры характеризуется усилением социальной составляющей в жизни общества, увеличением количества всевозможных некоммерческих организаций и, соответственно, необходимостью разработки для них признаков идентичности.

Графический дизайн не замедлил отреагировать на новую культурную парадигму.

Понятие «коммуникативный дизайн» возникло в 1960-х гг., когда дизайнер-график расширил прикладную область деятельности. Наряду с традиционными рекламными продуктами, он начал транслировать идею необходимости присутствия айдентики в телевизионной и кинопродукции. В России в одном из ведущих дизайнерских вузов, РГХПУ им. С. Г. Строганова, в середине 1990-х гг. произошло слияние кафедры «Графический дизайн» и отделения «Дизайн I» (бывшее отделение «Художественное конструирование»). Объединенная кафедра получила наименование «Коммуникативный дизайн» и стала выпускать специалистов по специализации не только «Дизайн», но и «Графический дизайн».

По широте охвата термин «коммуникация» так же широк, как и термин «всеобщий дизайн», — и отсылает нас к парадигме деятельностной теории дизайна. Коммуникация стала популярным предметом исследования в социологии, психологии, филологии и философии — практически во всей области гуманитарного знания. Применительно к наглядной составляющей коммуникации мы всё чаще используем термин «визуальный», чтобы обозначить ее основной предмет. Попробуем разобраться в особенностях трансформаций предметного поля современного

графического дизайна: что стало с его целеполаганием, что осталось в плоскости его философии и как новые носители графики и новые механики взаимодействия привели к рождению новых элементов в художественном языке дизайна. Для этого рассмотрим предмет нашего исследования с нескольких ракурсов, а именно с позиций:

- взаимосвязи культуры и дизайна,
- эволюции и трансформации коммуникации в обществе,
- технико-технологического уклада как одной из определяющих предпосылок дизайна.

Сегодня в графическом, или коммуникативном, дизайне (приведем сейчас эти термины как синонимы) выделяют несколько направлений, обособленных по своему предметному полю. Одно из наиболее активно развивающихся направлений — «визуальные коммуникации». Под этим термином понимаются «...коммуникации (передача информации) посредством визуального языка (изображений, знаков, образов, типографики, инфографики), с одной стороны, и визуального восприятия (органов зрения, психологи восприятия) с другой»¹. По мнению В. Курушина, визуальная коммуникация — такой способ общения, «...информационного взаимодействия между людьми, которое осуществляется с помощью зрительно воспринимаемых образов» [2]. Характеризуя содержательную составляющую образа знака, профессор лингвистики Уильям О'Грейди, специализирующийся, среди прочего, на происхождении языка, писал: «...Все письменные системы эволюционировали от пиктографических репрезентаций, называемых пиктограммами. Каждая пиктограмма была изображением предмета или предметов (в некоторых случаях концептов), которые она репрезентовала, и, насколько нам известно, не содержала никакого намека

на выражение. Этот тип коммуникации находим как среди древних людей, так и в современном мире» (цит. по: [9]). В контексте нашего исследования также нельзя не отметить, какой вклад в развитие нашего представления о символах и знаках внесла семиотика, особенно ее отечественная — тартуская — школа Ю. Лотмана, где в центр семиотической системы ставили такое понятие, как «культура». Эта традиция понимания знаковой системы принимает то, что знак не существует изолированно, а отсылает как к материальным предметам, так и к другим знакам, — и характеризует сам знак как явление контекстуальное. Тот же контекст культуры и среды, который помогает считать знак элементом в системе коммуникации, используют и в дизайне.

Еще одним ракурсом, в котором рассматривается предмет нашего исследования, следует назвать соотношение всей культуры и дизайна — в качестве одной из ее сфер. К настоящему моменту в научных кругах, связанных с культурой и культурологией, общепризнанно, что структурно культура состоит из двух уровней: «явного» и «скрытого». Явная культура видна в своих материальных проявлениях, легко описывается, а скрытая культура невидима, и вычленив ее трудно даже для подготовленного наблюдателя, так как она еще более контекстуальна и рефлексивна, чем культура как таковая. Многие исследователи культуры не всегда могут договориться о терминологии, описывающей культурные слои, но они согласны с теорией, согласно которой культура состоит из частей, отличающихся друг от друга степенью наблюдаемости, осязаемости и абстрактности. Приведенная выше теоретическая модель культуры говорит о том, что для полного понимания системности культуры в целом необходимо взглянуть не только на уровни наблюдаемые, но и на уровень бессознательной, скрытой культуры. Многие исследователи кросс-культур, ставящие подобную цель, твердо убеждены в том, что

¹ Родькин П. Визуальные коммуникации — это? (2010) (цит. по: [8, с. 6]).

любая культура должна обладать определенными функциональными предпосылками, если она, образно говоря, хочет выжить. Это применимо и к культуре скрытой, бессознательной. В англоязычной литературе встречаются такие категории-модели, как «ценностная ориентация», «культурное измерение», «культурные переменные» и т. п. У модели «культурных переменных» есть два важных условия: *универсальные*, свободные от конкретной культуры *категории*, с помощью которых культура может быть описана и смоделирована, и возможность *сравнения и сопоставления* культур. Различные модели культурных переменных сравнивают и суммируют, и в результате получается восемь культурных переменных:

- представление о природе,
- восприятие времени,
- взаимоотношения с людьми,
- представление об авторитете,
- выражение эмоций,
- контекст сообщения,
- невербальное общение,
- соблюдение правил.

Не правда ли, все эти переменные весьма функциональны? Аналогично, дизайн также обладает набором атрибутов, которые можно разделить на «явные» (материал, цвет, текстура, конструкция и т. д.) и «неявные» (эмоциональные ощущения и символическое значение). Эстетический атрибут более субъективен, не поддается количественной оценке, а символический атрибут без контекста можно оценить ошибочно.

Сходство между структурами культуры и дизайна становится еще очевидней, если рассмотреть циклическое развитие на каждом уровне: от изобретения до обретения объектом статуса личного и общественного ценностного артефакта.

Приведенное сопоставление структуры культуры и дизайна может внести ясность в осмысление поля деятельности дизайна и помочь с определением его новых элементов. Как и в культуре в целом, в новом

предметном поле — визуальной коммуникации — дизайнерская деятельность направлена на сбор информации о функциональных, эстетических и символических свойствах того или иного объекта. После сбора фокус внимания смещается на то, чтобы выявить различия и сходства изучаемого объекта с родственными ему объектами в аспекте традиции и новизны. Предметное поле графического дизайна, в которое входят такие категории, как «фирменный знак», «знаки навигации», «пиктограммы», пополнилось теперь и специфическими знаками графического интерфейса.

Графические интерфейсы — часть нового цифрового пространства. Здесь контекстуальное окружение знаков и образов требует еще более тщательной работы. Есть знаки, приобретшие устойчивый смысл, который может быть кросс-культурным или принадлежать какой-либо закрытой культуре. Более того, мы сталкиваемся с чисто инструментальными вопросами: как использовать оптические иллюзии, искажения и текстовые трактовки. Для русскоязычной культуры актуальна и проблема различия в языке устном и письменном, что также находит отражение в графическом дизайне. Основное затруднение для визуальной коммуникации — это интерактивность цифровой среды. Изменения масштаба в результате воздействия пользователя, необходимость создавать разветвленный сценарий действий, работа с миниатюрными объектами (например, в мобильном приложении) — все эти факторы становятся почвой для разработки новых приемов и форм гармонизации.

Мобильное приложение — как форма донесения информации до пользователя и возможность получить отклик — представляется новым пространством коммуникации, которое позволяет людям, машинам и разнообразным экономическим агентам обмениваться информацией и взаимодействовать друг с другом на расстоянии. Оно лишь начинает существовать как артефакт.

Исследование этого пространства и форм взаимодействия в нем не только затрагивает технико-технологический аспект [1], но также поднимает социальный и культурологический вопросы. А где «человеческие» науки, там и дизайн. Так, немецкий социолог, классик социологии XX в. и создатель теории общества Никлас Луман в статье «Невероятность коммуникации» писал: «Человеческие отношения, да и сама общественная жизнь невозможны без коммуникации. Поэтому теория коммуникации не может ограничиться изучением лишь конкретных сфер общественной жизни или отдельных видов коммуникации, даже если они привлекают особое внимание в современном обществе своими новейшими достижениями» (цит. по: [5, с. 56]).

В теории Лумана основополагающей единицей общества названа коммуникация: не индивид, а *отношения* между несколькими индивидами, что само по себе ведет к созданию некоей системы и появлению признаков ее идентичности. Эта системная теория пересматривает основания социологии, перемещает акценты от действия к коммуникации и исследует социальную систему, где коммуникацию можно отождествить с обществом. Луман определяет коммуникацию как действие, характеризующее исключительно социальные системы [4]. Если рассуждать с подобной позиции, дискурс фирмы, компании, любого организованного сообщества создан с определенной целью и призван к тому, чтобы включить индивидуумов в орбиту собственной коммуникации, — и это обязательно имитирует социум.

Также для того, чтобы понять современное состояние коммуникативного дизайна, необходимо кратко охарактеризовать основные линии исторических изменений, которые привели к его оформлению в самостоятельное направление графического дизайна.

В первую очередь, следует обратить внимание на смену технологических укладов. Одним из первых культурологов, который

обратил внимание на свойства коммуникации как таковой, был канадец Герберт Маршал Маклюэн. Он приводит рассуждения Алексиса де Токвиля о том, что «...книгопечатный принцип единообразия, непрерывности и линейности переборол сложности древнего феодального и устного общества» [3, с. 17]. С позиции дизайна, работающего с идентичностью, это наблюдение — потрясающее открытие. Именно благодаря Маклюэну изобретение и внедрение книгопечатания можно считать отправной точкой, рождением массовой западной коммуникативной культуры. Последующая цепочка открытий и изобретений, направленных на нужды коммуникации, привела к появлению совершенно своеобразной практики представления сообщений: от точного воспроизведения начального сообщения (закрепленного в печатном тексте) до трактуемого образа, подчиненного технологическим возможностям носителя. Приоритет образности можно представить, воскресив в памяти невозможные, но грандиозные космические взрывы в космооперах 1980-х гг. Современные технологии позволяют представить информацию как достоверную и доказательную, полноценно «подать» ее: описать, проиллюстрировать, систематизировать и т. п., но в то же время возможно и транслировать образы совершенно фантазийные и абстрактные, цель которых — эмоциональное воздействие на человека. На таком уровне развития технологий пользователь не готов удовлетворяться увиденным, он требует, чтобы информация не только предоставлялась, но усваивалась сама собой. Поэтому исследовательский приоритет в области коммуникации отдан изучению вопросов человеческого восприятия.

Другой аспект рассмотрения эволюции графического дизайна — изменение самих технологий медиа. Появление новых коммуникационных технологий всегда порождало новые формы медиа, а сегодня, наоборот, медиа сформировали новые каналы

коммуникации. Скорость обнародования информации многократно выросла. Авторы может оказаться больше, чем зрителей (читателей и пользователей) — соответственно, растет конкуренция в области выразительности, а чтобы, в свою очередь, добиться успеха в такой конкуренции, необходимо анализировать интересы и запросы аудитории — и внедрять требуемые формы медиа и контексты. Сейчас информационный контент затрагивает почти все каналы восприятия и использует разнообразные средства, такие как текст, графика и звук. Ключевым критерием эффекта воздействия контента становится его интерактивность, т. е. способность активно взаимодействовать с пользователем. Следовательно, современный профессионал в области дизайна обладает навыками работы не только с представлением информации, но и с различными формами взаимодействия с ней. Таким образом, современный этап развития коммуникативного дизайна актуализирует творческую деятельность, направленную на передачу контента через различные медиа. Американский графический дизайнер Пол Рэнд писал: «...Плохой дизайн, если он не является инструментом коммуникации и не служит ее целям» [7, с. 9].

Помимо теоретического осмысления, необходимо также рассмотреть и *практический аспект* развития коммуникативного дизайна. Этот вопрос возникает и при осмыслении среды, в которой существует дизайн. На современном этапе эта среда — практически полностью цифровая. Но основные принципы визуального дизайна сформировались еще в *статичной* печатной среде или в *динамичной* аналоговой среде.

Средовой подход как ключ для понимания особенностей коммуникативного дизайна предложил исследователь А. А. Полеухин в первом десятилетии XXI в. Автор предлагает рассматривать среду как «средства и инструменты для хранения, обработки, передачи и приема информации или данных»

[6, с. 291]. Этот подход позволяет сохранить как предпосылку проектирования «вещественность» — и перевести ее из производственного фактора в проектный. Автор исследования, видимо, не профессиональный дизайнер, так как фокус рассматриваемой проблемы у него направлен на онтологию, инструментарий и возможности автоматизации (в том числе и в процессе проектирования), а исследование содержит неоднозначный вывод: «...Электронная [среда. — *Прим. ред.*] позволила впервые отделить разработку формы сообщения от проектирования его материального носителя» [6, с. 296]. Также автор приходит к спорному умозаключению: он считает, что к электронной среде необходим иной подход, нежели к бумажной. Дело в том, что со временем стало очевидно: это не так. Пропорции и размеры по-прежнему выверяют в статике, так что не суть важно, происходит это на бумаге или в цифре. Другое дело, что ставшая особенно актуальной временная компонента теперь заставляет уделять больше времени категориям масштабности и масштабирования. То есть задачи дизайна вовсе не упростились путем «автоматизации», а, наоборот, осложнились — причиной этому стало усиление процессуальности в пользовательском взаимодействии.

Подведем итоги. Эволюция дизайна от графического до коммуникативного актуализировала ряд проблем: технологических, инструментальных и социальных. Технологии визуализации и носители смещают акценты: сейчас пользователь может требовать, чтобы информация легко усваивалась. Теперь предлагаемое должно быть одновременно зрелищно, но правдиво, и красиво, но удобно. Вся автоматизация заканчивается на увеличении какой-либо численной составляющей объекта либо на исправлении ошибок, но никак не отменяет вопросов композиции, колорита, стиля и демонстрации «новизны», а лишь заставляет дизайнера углублять свои навыки в области

прогнозирования и проектирования контекста произведения.

Социальный аспект коммуникативного дизайна касается нескольких явлений. Во-первых, общество готово признать в дизайне наличие «технологического» стиля — как атрибута его глобальной идентичности. Во-вторых, пользователи предъявляют требования к наличию определенных шаблонов и стандартов в том, что касается разработки новых средств коммуникации и их графического интерфейса. Сам этот интерфейс теперь стал определенной схемой коммуникации, где пользователи манипулируют с кнопками и виджетами, а потому пиктограммы действий сами стали определенными знаками, которые необходимо соблюдать и возможно лишь стилизовать. Художественный язык дизайна развивается в рамках формирующихся ограничений и стандартов, пользуется инструментами стиля, регулирующего идентичность, и преодолевает трудности пространственной и временной составляющей на плоскостном носителе.

Список литературы и источников

1. **Власенкова А. О., Гузнова А. Д., Прокин А. А.** Тенденции развития мобильных приложений / *E-Scio*. 2023. № 5 (80). С. 387—395. EDN: HBCYTO.
2. **Курушин В. Д.** Дизайн и реклама: [самоучитель]. М.: ДМК Пресс, 2006. 272 с.
3. **Маклюэн Г.-М.** Понимание Медиа. Внешние расширения человека / пер. с англ.: В. [Г.] Николаев; закл. ст.: М. [К.] Вавилов. М.: Жуковский; КАНОН-пресс-Ц; Кучково поле, 2003. 464 с.
4. **Назарчук А. В.** Теория коммуникации в современной философии: учебник. М.: Прогресс-Традиция, 2009. 320 с. EDN: RAYUIZ.
5. **Назарчук А. В.** Учение Никласа Лумана о коммуникации М.: Весь мир, 2012. 248 с.
6. **Полеухин А. А.** Развитие коммуникативного дизайна // *Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена*. 2009. № 115. С. 289—299. EDN: KVRSGH.
7. **Рэнд П.** Мысли о дизайне / пер. с англ.: О. Вершкова; ред.: Л. Родионова. СПб.: Питер, 2016. 96 с.
8. **Станишевская Л. С., Левковская Е. С.** Визуальные коммуникации в дизайне: учебно-методическое пособие. Благовещенск: Изд-во АмГУ, 2017. 60 с.
9. **Швед О. В.** Визуальная коммуникация в современном мире // *Literature, Language and Culture Influenced by Globalization: monograph. Vol. 7 / ed. by L. Shlossman*. Vienna: “East West” Association for Advanced Studies and Higher Education GmbH, 2015. P. 70—82.

References

1. Vlasenkova A. O., Guznova A. D., Prokin A. A. “Trends in the Development of Mobile Applications”. *E-Scio* 5 (80) (2023): 387—395. (In Russian). EDN: HBCYTO.
2. Kurushin V. D. *Design and Advertising: self-study*. Moscow: DMK Press, 2006. 272 p. (In Russian).
3. McLuhan H. M. *Understanding Media: The Extensions of Man*. New York: McGraw-Hill, 1965. 309 p.
4. Nazarchuk A. V. *Theory of Communication in Modern Philosophy: textbook*. Moscow: Progress-Traditsiya, 2009. 320 p. (In Russian). EDN: RAYUIZ.
5. Nazarchuk A. V. *Niklas Luman’s Doctrine of Communication*. Moscow: Ves’ mir, 2012. 248 p. (In Russian).
6. Poleukhin A. [A.] “Development of Communication Design”. *Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gertsena = Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences* 115 (2009): 289—299. (In Russian). EDN: KVRSGH.
7. Rand P. *Thoughts of Design*. New York: Van Nostrand Reinhold Co., 1970. 95 p.

8. Stanishevskaya L. S., Levkovskaya E. S. *Visual Communications in Design: educational and methodological manual*. Blagoveshchensk: Amur State Univ. Publ., 2017. 60 p. (In Russian).
9. Shved O. [V]. “Visual Communication in Contemporary World”. *Literature, Language and Culture Influenced by Globalization: monograph*. Vol. 7. Ed. by L. Shlossman. Vienna: “East West” Association for Advanced Studies and Higher Education GmbH, 2015. 70—82. (In Russian).

Информация об авторах

Дубова Анастасия Анатольевна — кандидат искусствоведения, доцент Института цифрового дизайна Национального исследовательского университета «МИЭТ» (Россия, 124498, Москва, Зеленоград, пл. Шокина, 1).

Бабеева Дарья Сергеевна — выпускница магистерской программы «Лаборатория дизайна» по направлению подготовки 54.04.01 «Дизайн» Национального исследовательского университета «МИЭТ» (Россия, 124498, Москва, Зеленоград, пл. Шокина, 1).

Information about the authors

Anastasia A. Dubova — Cand. Sci. (Art Hist.), Associate Professor at the Institute of Digital Design, National Research University of Electronic Technology (Russia, 124498, Moscow, Zelenograd, Shokin sq., 1).

Darya S. Babaeva — M.Sc. (Design) of the Master’s program “Design Laboratory” (Direction of Training 54.04.01 “Design”), National Research University of Electronic Technology (Russia, 124498, Moscow, Zelenograd, Shokin sq., 1).

Статья поступила в редакцию 12.05.2024.

The article was submitted 12.05.2024.

Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2024. № 3 (43). С. 69—83.

Economic and Social Research. 2023. No. 3 (43). P. 69—83.

Научная статья

УДК 122

doi: 10.24151/2409-1073-2024-3-69-83

<https://www.elibrary.ru/balkaf>

Роль философии в формировании классической модели научного познания

Н. П. Кнэхт

Национальный исследовательский университет «МИЭТ», Москва, Россия

nataknekht@gmail.com

Аннотация. Статья инициирована постпозитивистским переворотом, который произошёл во второй половине XX столетия и ознаменовался призывом обратиться к богатейшему материалу истории науки. В наше время вопросы о пользе философии, о том, как соотносится философия и история науки, не теряют актуальности. Автор пытается увязать с философской рефлексией конкретные историко-научные исследования, когда проясняет вопросы: что такое наука, когда появляется наука, где черта, отделяющая науку от ненауки, и что движет ее развитие. Анализируются причины появления историографической традиции, отсчитывающей историю формирования рационального мышления с античных времен. Автор выделяет основные сюжетные траектории, ответственные за конечный результат — формирование рационального мышления, которое легло в основание классической науки. В статье проясняется момент, имеющий важное эпистемическое значение, а именно появление представлений о существовании разных онтологических регионов: разделение знания на φύσις — ἐπιστήμη — τέχνη — ἐμπερία.

Ключевые слова: философия науки, апория, мифологическое мировоззрение, логос, фюсис, космос, теория, технэ, эмпирия, эпагогэ, эпистема

Для цитирования: Кнэхт Н. П. Роль философии в формировании классической модели научного познания // Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2024. № 3 (43). С. 69—83. <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2024-3-69-83> EDN: BALKAF.

Original article

Role of philosophy in the formation of the classical model of scientific knowledge

N. P. Knekht

National Research University of Electronic Technology, Moscow, Russia

nataknekht@gmail.com

© Кнэхт Н. П.

Abstract. The article was initiated by the post-positivist revolution that took place in the second half of the 20th century and was marked by a call to turn to the richest material in the history of science. In our time, questions about the benefits of philosophy, about how philosophy and the history of science relate do not lose their relevance. The author tries to link specific historical and scientific research with philosophical reflection in terms of clarifying the issues: what is science, when science appears, where the line separating science from non-science is and what is the driving force behind its development. The author analyzes the reasons for the emergence of a historiographical tradition counting the history of the formation of rational thinking since ancient times. The author identifies the main plot trajectories responsible for the final result — the formation of rational thinking, which formed the basis of classical science, and clarifies a point having significant epistemic meaning — the emergence of ideas about the existence of different ontological regions: the division of knowledge into φύσις — επιστήμη — τέχνη — εμπειρία.

Keywords: philosophy of science, aporia, mythological worldview, logos, physis, cosmos, theory, technē, empyria, epagogue, epistēmē

For citation: Knekht N. P. “Role of Philosophy in the Formation of the Classical Model of Scientific Knowledge”. *Economic and Social Research* 3 (43) (2024): 69—83. (In Russian). <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2024-3-69-83> EDN: BALKAF.

Предисловие

Современное представление о науке складывается из рассмотрения этого феномена в различных аспектах: как некоторой *формы знания*; как своеобразного *вида деятельности*; как особого *социального института*; и, наконец, как важного *сегмента культуры*. Самое общее абстрактное представление о науке обычно отсылает к некоторой системно организованной форме знания, которая институционализована и опирается на определенный тип практик — как правило, материальных и наблюдаемых, выполняемых этим социальным институтом (т. е. научным сообществом). Основные явные признаки науки: стремление к формализации, опора на опыт и эксперимент, т. е. наука в наиболее эталонных, хорошо систематизированных формах тяготеет к математизации. Исключения могут составлять отдельные гуманитарные науки. Иначе говоря, представление о науке как о *правильной* форме знания, которое осваивают со школьной скамьи и в дальнейшем пополняют и систематизируют на протяжении всей образовательной траектории, кажется вполне естественным.

Когда интересуются истоками формирования классического рационального знания и ролью философии в этом процессе, возникает вопрос: а могло ли в принципе знание возникнуть и далее существовать в какой-то *иной* форме? Один из возможных ответов предполагает, что на протяжении всего периода развития человеческой истории знание всегда стремилось именно к научной форме. Просто в древние времена знание было как бы несовершенным, но качественно не отличалось от современного научного знания, хотя практика производства знания была хуже оснащена инструментально, объем знаний был невелик, но в принципе все понимали одно и то же и думали об одном и том же и одинаковым способом.

В какой мере такой ответ уместен? Согласно сложившейся историографической традиции, историю возникновения и развития науки и рационального мышления пытаются отсчитывать с античных времен. Мы все родом из детства, и для нас — современников XXI в. — античная культура видится не содержимым антикварных магазинов,

музейных экспонатов, сохранившихся храмов и пр., а «материнским молоком» для всей европейской цивилизации.

Почему всегда делают отсылки к Платону и Аристотелю, а иногда и к представителям еще более глубоких временных пластов древнегреческой мысли? Этот историографический момент связан с двумя причинами. Первая причина сугубо историческая: вся культура Нового и Новейшего времени выросла из интуитивного поклонения античности. Вторая — содержательная — причина связана с тем, что принято называть «греческим чудом» — с рождением рациональности. Впервые возникнув в Древней Греции, интеллектуальная культура, опирающаяся на рациональные механизмы, затем нашла продолжение в интеллектуальной истории Европы [5]. Основные протонаучные проблемы, из которых впоследствии сложились старейшие научные дисциплины, родом из древнегреческой мысли. В этот период философская мысль была натурфилософской и в большей мере носила характер мировоззренческой физики [1]. Всё когда-то было в лоне философии, а впоследствии «отпочковалось» от нее, «выползло» из нее. Историю науки можно писать, следовательно, и как историю *отчуждения* от философии отдельных сегментов науки, исторически находившихся внутри философии. Вот один из способов реконструкции начальных этапов истории науки.

Интерес представляют сами истоки. Этот длинный период, продолжавшийся примерно два-три столетия (VII — V вв. до н. э.), по традиции принято считать периодом архаики, или этапом зарождения философии. Это период перерождения мифологической, дорациональной культуры в рациональную интеллектуальную культуру. Основными значимыми особенностями последней явились: во-первых, оперирование *абстрактными понятиями*; во-вторых, требования *доказательств логического типа*, т. е. обоснований, тяготеющих к доказательному

формализму. Это, в сущности, и есть процесс перехода к рациональной культуре — базису европейской науки.

Кроме этого, можно выделить еще один важный аспект этого перехода — лингвистический, т. е. можно показать специфику использования языка в древнегреческой философии. Именно в связке с формированием абстрактности мышления и отделением языка от предмета, имени вещи от самой вещи принципиально меняется отношение к миру в целом.

От мифа к логосу

Отличие мифологической культуры от научно-рациональной таково: носители первой не замечают того, что они отделены от реальности, в которой живут. Носители мифосознания включены в мифологическую картину мира и растворены в ней [8; 11]. Синкретизм мировосприятия проявляется в неразличении (отождествлении) двух реальностей — объективной и субъективной, материальной и идеальной. Рациональная культура выкристаллизовывается в тот момент, когда возникает дихотомия, разделение на Я и «МИР». Позднее разделение приобретает форму субъект-объектного отношения, которое содержит дистанцию между составными частями и создает специфическую проблему — ее решением занимались, используя все познавательные практики, возникшие в интеллектуальной истории Европы в последующие после Античности периоды. Эту проблему можно обозначить как проблему «обратного присвоения». Когда обнаруживается, что между людьми и вещами есть какое-то расстояние, то возникает проблема: как вернуть вещи обратно? Не обманывают ли нас вещи? Таковы ли они, какими мы их видим? То, на что мы смотрим, совпадает с тем, что мы видим? То, что мы думаем о мире, как соотносится с миром? Можно задать и радикально скептический вопрос: а есть ли вообще мир? Эти проблемные вопросы непосредственно

связаны с «греческим чудом», т. е. с зарождением рационального мышления.

Абстрактные понятия в процессе общения позволяют успешно справляться с действительностью, так как способны вмещать в себя огромное количество вещей и явлений. Самые простые абстракции обладают потрясающей емкостью. Например, такой часто встречающийся в обиходе предмет, как стол, может оказаться и конкретным, в данный момент наблюдаемым, а может — и любым другим предметом из множества столов, которые существуют где-то сейчас, или могут появиться в будущем, или уже существовали когда-то в прошлом. Одним словом «стол» мы охватываем всё разнообразие не только актуальных или потенциальных столов, но и столов, различающихся по форме, размерам, цвету, материалу и функциональному назначению. Однако цена этого «схватывания» в эпистемологическом смысле высока. Совсем не просто выяснить, что, в сущности, мы имеем в виду, когда произносим слово «стол», *что именно «собирает» все столы в одно слово.* Старые, хорошо известные проблемы семантики начинаются с того момента, когда слова отделяются от вещей. Рождение рациональности связано с этим важнейшим эффектом, возникающим, когда язык «отлипает» от реальности.

В культуре, которую мы сегодня называем мифологической, в культуре, где еще не случился переход от мифа к логосу, повествование велось так, что говорящий и слушающий не различали рассказ и событие, легшее в его основу, вещь и знание о вещи, материальное и идеальное, объективное и субъективное. Когда мы имеем дело с мифом, стандартные познавательные вопросы, предполагающие способность отличать текст от предмета, который в этом тексте изложен, неуместны [8; 11].

Рассмотрим хорошо известный миф о Сизифе, который должен закатить камень на вершину горы, но в самый кульминационный момент камень всегда неизбежно

срывается — и попытку его закатить вновь и вновь приходится повторять. Если мы попробуем отнестись к этому событию аналитически, т. е. приписать ему время и место, то у нас ничего не выйдет, т. е. на вопрос «где это?» мы не получим ответа. Однако не значит, что событие не локализовано. Оно локализовано, но только не географически, т. е. мы не сможем пойти и посмотреть на конкретного Сизифа в конкретном месте, хотя все понимаем значение выражения «сизифов труд». Внутри мифа событие может быть локализовано относительно какой-то другой локализации и сцеплено с некоей временной точкой: либо предшествовать какому-либо событию, либо следовать за ним, но это не имеет никакого отношения к современной привязке по времени, к нашим часам: Сизиф *вечно* катит камень на вершину горы — вчера, сегодня, завтра, всегда. Вопросы «почему он так делает?» и «чем всё закончится?» не имеют смысла. Миф протекает бесконечно.

Все герои мифа и то, с чем им приходится сталкиваться, — это имена собственные. Любой деятель, любое событие или обстоятельство в мифе персонифицированы. Они все существуют в единственном экземпляре. Для них верным считается то же, что верно при использовании имен собственных: имя «приклеено» к вещи, к носителю, они не различимы. На этом основана первобытная магия. Отсюда же проистекает мифическая функция языка: нельзя называть имя божества или умершего родственника. Также нельзя называть демонов или злых духов: произнося имена, можно вызвать их реальное появление, «вытащить» их в мир людей с помощью слова. В некоторых этносах известны случаи, когда при рождении ребенок получал два имени: благозвучное имя (вслух его не произносили) и охранное имя (по нему к человеку обращались, а оно было непривлекательным для злых духов). Например, имя Заратустра означало «Староверблюдный». Назвать имя — это значит

получить доступ к человеку или к вещи, доступ в некотором смысле материальный, аналог материального взаимодействия или физического контакта.

Основная посылка мифологического мышления — в слиянии вещи и ее названия. Вещь и имя вещи не различимы. Они взаимозаменяемы. Оперирование мифом и мифологическими структурами предполагает включенность в событие, нахождение внутри него, когда рассказчик не имеет дело с чем-то, происходящим снаружи, а вовлекается в событие, которое происходит везде и всегда. И в этом смысле он тоже становится соучастником мифа.

Этот ход обладает мощным объяснительным потенциалом. В какой-то мере подобное объяснение сохранилось и в наши дни. Его можно интерпретировать следующим образом: в основе мифологического мышления лежит проецирование бытовой повседневности на предполагаемое устройство действительности. Любой теогонический миф, повествующий о сотворении мира, базируется на динамических эффектах, связанных с появлением и развитием мироздания, в основе которых лежат личностные отношения конфликтного типа [11; 12]. Это базовые биологические взаимодействия живых существ, взятые в контексте самых примитивных мотивов, не устранимых по естественным причинам, которые действуют и у людей. Мифологическое объяснение упирается, в конечном счете, в контекст повседневности, в которой вопрос «почему боги действуют таким образом?» снимается очевидным ответом «потому что они так хотят». Действия богов — произвол. Если мыслить божество антропоморфно, по аналогии с собой, то такое объяснение кажется нормальным. Мы что-то обыденно делаем или совершаем поступки потому, что желаем их совершить. При этом мы не обязаны быть строго рациональными и действовать исключительно по правилам. Наше волеизъявление тоже входит в систему правил. Такая

детерминация интуитивно понятна, поэтому пространство мифа мыслится как сама жизнь человека, только спроецированная, масштабированная и немного мистифицированная: боги всё делают так же, как и люди, но размах и масштаб их действий увеличен. Миф обретает (и дарует) понятность. Огромный мир — отчасти то же, что и маленькая семья, с теми же правилами. Это дает возможность улаживать дела мирно: если боги действуют, как люди, то богов можно попытаться задобрить. Такая проекция делает мир близким, объяснимым и интуитивно понятным. Но когда «ломается» объяснение, когда человек сталкивается с неприятными явлениями, например, с наступлением засухи и гибелью урожая, то с богами приходится договариваться иначе, следуя принятым для таких случаев коммуникативным правилам. Например, принести жертву, поблагодарить, задобрить. Иначе говоря, установить договорные отношения с богом как с патроном. При этом каждый раз всё происходит единственным и уникальным образом. Поскольку на действительность проецируют бытовое понимание, то любое действие с любым исходом не «взламывает» схему объяснения, даже если результат получается отрицательный. С точки зрения человека рациональной культуры это называется эмпирическим опровержением. Для носителя мифосознания такое ожидаемое событие рано или поздно наступит. Объяснения, базирующиеся на мировой мифологической практике, неопровержимы, так как не существует способа показать их ошибочность. Мифологическое объяснение не вызывает состояния тотальной беспомощности, не дает усомниться в правильности действий, однако и не коррелирует с действительностью, не меняется, консервативно по форме [11; 12].

В середине XIX в. психологи заметили, что мифологическое мышление напоминает ранние стадии формирования мышления

ребенка: онтогенез повторяет филогенез. Это сравнение допустимо и тогда, когда речь заходит об объективно-исторических причинах. Те фазы развития, которые человечество проходило в процессе антропосоциогенеза давным-давно и длительно, отдельный его представитель проходит ускоренно и сжато. Так, в ранней фазе сознательной жизни ребенок выделяет фрагменты реальности, с которой он (или она) вступает в отношения. Эта практика постоянного взаимодействия позволяет вещи сначала быть замеченной, а затем и поименованной. Процесс присваивания имен собственным фрагментам реальности происходит при содействии взрослых, что помогает ребенку через действие усвоить язык как некоторую готовую форму. Ребенок пропускает этот процесс через свою маленькую жизненную практику. Если зафиксировать раннюю фазу развития языка, то мы получим детский мир.

С древними греками случилось то, что можно квалифицировать как переход из детства к интеллектуальной зрелости, — а именно переход к понятийному мышлению и частичное разрушение системы мифологических представлений о действительности. Мифологическая картина мира осталась, но над ней возникла более сложная, более развитая абстрактная надстройка. Речь идет о событии, растянутом на столетия, — о том самом, что и принято называть «греческим чудом». Этот незавершенный процесс постепенного вытеснения мифа и постоянного воспроизводства рационального мышления не наблюдался ни в одной культуре: ни до появления древнегреческого феномена, ни одновременно с ним [8].

Траектории формирования рационального мышления

Можно выделить основные сюжетные траектории, ответственные за конечный результат — формирование рационального

мышления, которое легло в основание классической науки¹.

Первый сюжет (политический режим и административно-хозяйственный уклад жизни) связан с особым образом жизни древних греков, который предписывала им полисная организация жизни [2; 7]. Историки обсуждают полисную административно-хозяйственную систему как некий инвариант «чистого полиса». Полисы были разные, и не во всех существовала демократия — ее особая форма, так называемая *античная демократия*. Принято выделять некоторые общие сущностные черты полиса. Так, он — образование городского типа, но не в современном смысле. В основе полисной системы лежало наличие земельного надела, которым владело сельское население. В сущности, это компактное деревенское образование. Полисное устройство соответствовало автаркии, описанной Платоном: полис не должен быть большим, но должен иметь оптимальную площадь. История Древней Греции повествует о том, что можно выделить условный центр — Афины, а также образованные колонии — другие автономные города-государства, другие полисы. При сохранении режима автаркии компактность городов-полисов позволяла воспроизводить демократический механизм социальной организации. В типичном случае полисом управляют сами граждане, но не все жители, а только свободные мужчины из коренного населения, способные носить оружие. Таким образом каждое домохозяйство было представлено в системе городского самоуправления. Если бы полис разрастался, этот механизм было бы сложно применить. В большой общности

¹ Основным замыслом статьи — проследить сквозные траектории формирования рационального мышления от Античности до Нового времени — мы обязаны Вархотову Тарасу Александровичу, его лекциям для студентов МГУ.

Вархотов Т. А. История науки [Электронный ресурс] / Филсфак МГУ // Открытые видеолекции учебных курсов МГУ: сайт. URL: <https://teach-in.ru/file/synopsis/pdf/history-of-science-M.pdf> (дата обращения: 19.09.2024).

с большим числом участников прямую демократию невозможно реализовать по техническим причинам: не удастся собрать людей в одном месте и выслушать мнение каждого [7].

Постепенно земледелие переходит в удел рабов, а основным занятием свободного горожанина становится умственный труд. Появляется досуг — свободное время для интеллектуальных занятий и умозерцания, что было востребовано и повлияло на развитие способности эффективно договариваться. Из этих стихийно складывающихся практик постепенно оформлялись особые правила пользования речью. Она должна быть операбельной и понятной всем участникам, иначе невозможно будет договориться. Такая новая форма речи плохо сочеталась с речью мифологической: миф не предполагает договоренности, но базируется на согласии. В мифосознании отсутствует критическая функция. Никому в голову не придет критиковать миф: его либо принимают, либо отвергают, но *предмета для дискуссии* в нем не существует. Если нужно будет договориться, то придется искать формы рационального построения речи. Быть мыслителем, философом считается почетной формой деятельности, доступной не всем. Именно в социальной практике управления полисом берет начало увлечение риторикой, характерное для греческой и особенно для римской культуры. Таким образом, социальная практика стала мощным стимулом для замены мифа рациональным использованием языка, диалогом в понятиях, для развития дискурсивного мышления.

Второй сюжет (фонетическое письмо и доступность образования) в предпосылках для формирования рационального мышления связан с появлением у греков в IX — VIII вв. до н. э. алфавитного письма на основе финикийского алфавита [3]. До сих пор идут споры о том, считать ли финикийский алфавит первой полноценной формой

фонетической письменности. Как известно, все ранние, дофонетические формы письменности были семантизированы, т. е. основывались на том, что знак в некотором смысле был подобен значению, которое передавали с его помощью. Такая связь именуемого и имени характерна для мифосознания. В ранних, иероглифических формах письменности наглядные знаки привязаны к объектам, которые они обозначают. Это семантические знаки, на них надо смотреть как на иллюстрации. Они содержательно прикреплены к предмету обозначения. Алфавитное, фонетическое (буквенное или слоговое) письмо отображает *звуки* и никакой понятийной нагрузки не несет. Когда переходят к фонетической записи, то письменный язык «отклеивается» от передаваемого значения. Запись отсылает к *звучанию* слов, а не к *смыслам*, которые они обозначают, — в отличие от иероглифа, который не несет (или *может* не нести) информацию о звучании, но несет информацию о названном предмете, который обозначает. Алфавитное письмо четко обозначает момент абстрагирования: разделение в языке слова и вещи, на которую это слово указывает. Кроме того, алфавитное письмо намного демократичнее: чтобы стать образованным человеком, достаточно за короткий промежуток времени освоить, например, 27 букв, а не годами заучивать тысячи иероглифов, чтобы минимально овладеть письменным китайским языком. Степень доступности письменного языка для освоения у греков и, например, у китайцев различается на порядки. Таким образом, алфавитное письмо открывает путь ко всеобщей грамотности, упрощает вхождение в интеллектуальную культуру и увеличивает общую численность носителей развитых форм рациональности и дискурсивного мышления. Это проявлялось в стремлении сделать речь в суде, на агоре или в народном собрании более убедительной, последовательной и доказательной, а для этого использовать риторические приемы и законы логики.

Третий сюжет (десакрализация знания) связан с тем, что древнегреческая культура оказалась частично секуляризованной и динамичной. Речь идет не о выборе религии, веры или неверия. В античной культуре быстро исчезло давление *жреческого слоя*. Эта культура была свободна от авторитета церковного сословия и давления религиозных представлений (в отличие от культуры Средних веков). Несмотря на ослабление *жреческого авторитета*, остается обращение к оракулам, которые были умеренно религиозны и постепенно выпали из клана жречества. Знание перестало быть «законсервированным» и эзотеричным — такой статус оно имело в Древнем Египте, где требовалось много усилий для того, чтобы получить доступ к традиционному, охраняемому знанию. Там и тогда знание представляло собой ценность, не всем доступную. Однако как только знание покидает границы храма, оно теряет сакральность. Таким образом расширяются ряды посвященных. Эффект деконституализации мотивирует искать альтернативные пути для работы со знанием.

Четвертый сюжет (образование общих понятий, переход от конкретного к абстрактному) связан с появлением абстрактных понятий, порожденных самой повседневной практикой культуры [3; 4]. Появляются такие большие абстрактные, трудно определяемые формы, как Бытие, Прекрасное, Справедливость (и т. д.). Трудно объяснить истоки происхождения этих понятий, которые существуют так же объективно, как и вещи, но при этом не относятся к предметам материального мира. Идея справедливости возникает из практики, а следовательно, существует объективно, а затем закрепляется в языке.

Так, например, сама практика торговых отношений заставляет заметить, что вещи обладают «странным» свойством: их можно обменивать. «На огонь обменивается все, и огонь — на все, как на золото — товары и на товары — золото» — так замечал Гераклит

(фр. 90) [6, с. 49]. Каким образом происходит обмен? Это вовсе не абстрактная практика. В основе обмена лежит соизмеримость вещей, что позволяет людям установить их меновую стоимость и договориться между собой в процессе обмена. Тема соразмерности, обмена, меры, поиска общего основания определяет один из главных онтологических сюжетов. Само «общее» невидимо, оно сверхопытно, т. е. не открывается чувственно. «Соразмерность», «мера», «стоимость», «обмен» — уже абстракции, даже когда в обиходе нет слова «стоимость». Торговая практика подталкивает к тому, чтобы эту «стоимость» овеществить. Так появляются деньги. Изначально деньги представляли собой товар. Это могли быть драгоценные металлы, чеканка, кусок золота или мешок зерна. Овеществленная абстракция — деньги — суть товар с полезными свойствами, который можно использовать как украшение, а можно — как средство обмена. Таким образом, до появления термина уже существует материальная абстракция в виде вещественного знака, существует то, что есть у всех вещей, — стоимость.

Пятый сюжет (становление научных понятий и отделение философии от мировоззренческой физики). Греки пошли дальше в постановке вопроса: «Есть ли что-то общее у всех вещей вообще, что соединяет все вещи, делает их сравнимыми, хотя все они разные?» Наличие этой субстантивности (субстратности) запускает процесс размышления, заставляя двигаться вверх, переходя от бытовой терминологии к научно-философской.

Вся древнегреческая терминология важна, потому что она стала формообразующей. Исходно она вся существует в виде бытовых слов и значений. У античных авторов в словах спрятаны проявления бытовой интуиции.

Попробуем восстановить эту интуитивно понимаемую траекторию рассуждений.

У Аристотеля много размышлений связано с понятием «место». Каждая вещь имеет место. Если у вещи нет места, то и нет самой вещи. Не может быть предмета без места. Это подтверждается и социальной практикой: изначально, чтобы обрести существование в полисе, грек должен был иметь место в полисе, а именно земельный надел. Если вы имеете земельный надел, то вы существуете как социальная единица, как человек, как эллин. Вы можете назвать свое место. В мифологических сюжетах человек произрастает из места. В античной медицинской терминологии термин «хорион» (χωρίον) означает оболочку зародыша — место рождения. Так же, как младенец, пока не родился, покрыт оболочкой, связан с телом матери и как бы произрастает из нее, так и грек как социальный человек вырастает из надела.

Феномен VII — V вв. до н. э., именуемый «греческим чудом», включал в себя первые шаги древнегреческой науки и философии, связанные с необходимостью «пересобрать» представления о действительности, переформулировать древние мифологические вопросы, из которых со временем родятся большие научные дисциплины. Все науки формируются вокруг простого старого набора их собственных задач. Так, старейшая наука — физика — возникает вокруг комплекса задач, связанных с очевидной проблемой движения. И в Новое время физика — наука о движении. В античности же физика — наука «про всё».

Термин «физика» закрепил Аристотель, который обозначал с его помощью весь наблюдаемый мир. Сюда же он относил все причины, ответственные за то, что мир таков. Греческое заимствование «фюсис» (φύσις) в латинской терминологии означает «природа», но с некоторыми поправками. «Фюсис» от нашей «природы» отличается тем, что наша природа наблюдаема, т. е. ее можно изучать с помощью опыта, в ней можно поставить эксперимент. Для древних

греков природа не наблюдаема, но представляет собой *совокупность причин*, которые делают вещи такими, каковы они есть. Греки рассматривали природу со стороны *причин*, которые сами по себе *природой не являются*, но ответственны за мир, который нам является.

В античности, как и в науке Нового времени физика, как уже было сказано, складывается вокруг проблемы движения — одной из старейших проблем античной культуры. К V в. до н. э. в понимании движения сложились две позиции: одной придерживался Гераклит, другой — элеаты (Парменид и его ученик Зенон). Согласно Гераклиту, в окружающем мире всё движется, изменяется. Движение он рассматривал не только как механическое перемещение, но и как рождение, уничтожение, количественный рост.

Основные тезисы позиции Гераклита:

- 1) движение есть изменение вообще;
- 2) «в изменении покоится» (фр. 84) [6, с. 49];
- 3) движение абсолютно, покой относительно;
- 4) «война — отец всего и всего царь» (фр. 53) [6, с. 46].

То есть источником движения и изменения здесь названо взаимодействие противоположностей.

Альтернативную позицию занимали элеаты, когда пытались описать движение *рационально* [10]. Ученик Парменида Зенон в апориях «Дихотомия», «Ахиллес и черепаха», «Летающая стрела» и «Стадий» показал, насколько трудно непротиворечиво описать движение в логике понятий. Впервые Зенон, прежде чем излагать апории, сформулировал аксиомы, которые кажутся очевидными:

- 1) тело в пространстве занимает равное самому себе место (оно не может занимать больше или меньше места, согласно своей метрике);
- 2) в процессе движения тело обязано последовательно проходить все точки пути;

3) на какое элементарно малое расстояние ни перемещалось бы тело (Δl), оно обязано затратить элементарное время (Δt), т. е. тело не может перемещаться мгновенно.

Если мы принимаем эти аксиомы, то вынуждены принять и доказательство *невозможности* движения. Так, в апории «Дихотомия» тело, чтобы преодолеть конечный отрезок пути ($A - B$), должно пройти половину пути, а прежде половины четверть и т. д. В итоге оно должно пройти *бесконечное множество* очень малых отрезков за конечное время, тело не преодолевает бесконечность, т. е. не сдвинется с места. Аргументом против возможности движения в апории «Летающая стрела» служит рассуждение, согласно которому в каждый определенный момент времени летящая стрела занимает фиксированное место. Тогда где же она летит? Если место определить нельзя, то и движения стрелы нет. Таким образом, с использованием рациональных аргументов объяснить движение невозможно [10]. Эпистемологически напрашивается вопрос: чему мы можем больше доверять — чувственным ощущениям или разуму? Парменид и Зенон считают, что доверять можно одному лишь разуму — и не только потому, что чувства могут нас обманывать. А еще и потому что возникает напряженность между чувством и разумом. То, что наблюдается в чувственном опыте, не поддается рациональной реконструкции. «Режимы доступа к реальности» не очень хорошо согласованы. Решение Парменида заключается в том, чтобы отбросить чувственный опыт, так как на нем основано мнение ($\delta\acute{o}\xi\alpha$), и признать в качестве доказательства рациональные аргументы, дающие истинное знание ($\epsilon\lambda\iota\omicron\tau\acute{\eta}\mu\eta$).

Следующий важный момент, связанный с пониманием движения, заставляет принять, что в нашей повседневной реальности движение *существует*. Если преобразовать проблему движения в задачу и попытаться объяснить наблюдаемое движение, опираясь на опыт, то встанет вопрос о *причинах*

движения [1; 13]. Человек довольно поздно начинает задумываться об *общих* причинах движения, потому что большая часть наблюдаемых видов движения имеет *наблюдаемые* причины. Человек держит предмет в руке и затем бросает — следовательно, он и есть причина движения. Однако когнитивное беспокойство возникает в случае свободного падения. Если руку с предметом поднять вверх и разжать пальцы, то предмет должен остаться на месте, так как, кажется, никаких *видимых* причин, которые бы заставили его падать, нет. Никакой причины, отвечающей за происходящее падение предмета, нет. До сих пор теория тяготения — «столбовая» проблема физики. Можно множить и разнообразить задачи: почему дым поднимается вверх, а пушинка не может определиться с движением? Какие-то невидимые причины заставляют их двигаться.

Другая задача связана с *движением по инерции* и с *определением траектории движения*. Понятия инерции в античном мире еще не существовало. Когда мы бросаем предмет, и он отрывается от руки, и его уже никто не двигает, почему он летит и летит не вечно? И почему он летит не по прямой, а по трапециевидной линии, состоящей из совокупности прямых отрезков? Нужно заметить, что только в XVI в. Никколо Тарталья в работе *Nuova scienza* (1537) положил начало исследованию кривой движения, которая получила название баллистической, а к понятию инерции («импетуса») подошли Жан Буридан и Николай Орем — ученые позднего Средневековья. Эти начинания были положены в основу большой науки [9].

В античности закладываются контуры физики и астрономии, в основании которых лежат два познавательных инструмента, связанных с проблемой доступа к реальности.

Согласно античным представлениям, самый тяжелый элемент — Земля — находится в центре Космоса. Физика занимается подлунным миром, а астрономия — надлунным. В подлунном мире всё неправильно,

движение и изменение понимается как претерпевание, страдание. У Аристотеля Земля шарообразна: за горизонтом видны верхушки мачт кораблей. Мир Космоса — это правильный, выверенный мир. В нем ничего не происходит.

Астрономия в античности обладает особым статусом: это математическая гипотетическая дисциплина. Формула «Спасение планет», своеобразный «Символ Веры» Птолемея², базируется на интуитивно априорном знании о том, что Космос не может быть устроен неправильно. Космос — это строй, порядок, симметрия, гармония. Однако наблюдательная астрономия вступает в противоречие с моделью гипотетико-теоретической. Наблюдаемые директные и ретроградные движения планет свидетельствуют о неправильности, которая не согласуется с ожидаемым правильным математическим представлением. Для любой «неправильности» нужна причина, требуется объяснение. В основу описания движения была положена модель равномерного движения по окружности. Круговое движение объяснять не нужно: оно принимается как совершенное и правильное. Проблема заключается в совмещении «неправильной» картины движения планет, эмпирически наблюдаемой в астрономии, с математическими представлениями, которые пришлось усложнить. Для этого Птолемей вводит дополнительные понятия: эпициклы, деферент, эквант — фиктивную точку, из которой движение планеты *выглядит* равномерным. Такая точка не совпадает с геометрическим центром траектории движения планеты. Это наталкивает на мысль: астрономия претендует лишь на гипотетическую картину мира, которая не может быть достоверной, поскольку наши наблюдательные способности ограничены.

Отсюда напрашивается очень важный гносеологический вывод: существует две

возможности получить доступ к миру. Первая — естественное, непосредственное отношение к действительности, в котором не существует различия между тем, что наблюдатель *видит*, и тем, на что он *смотрит*, как было характерно для первых физиков. Второе — опосредованное, критическое отношение к действительности, когда между наблюдателем и миром пролегает дистанция. Такая тематизация идет от философии и имеет важное значение не только для эпистемологии, но и для становления новоевропейской науки.

Шестой сюжет (развитие протонаучных знаний в медицине). Еще одна протонаучная традиция, сложившаяся в античности, — медицинская. Она основывалась на учении о первоэлементах, лежащих в основе строения материальных тел. Вплоть до XIX в. медицина опиралась на идею: тело человека уникально и есть сочетание первоэлементов. Здоровье и нездоровье связано с нарушением баланса первоэлементов. Для здоровья характерна стабильность, а для болезни — отклонение от нее. Протонаучная форма, на которой основывалась диагностика, базируется на учении о четырех жидкостях. К ним относятся: *желчь, черная желчь, слизь и кровь*. Доминирование той или иной жидкости отражается не только на физическом, но и на психическом состоянии человека. Отсюда берет начало теория темпераментов в психологии:

- холерик — желчь — огонь;
- меланхолик — черная желчь — земля;
- флегматик — слизь — вода;
- сангвиник — кровь — воздух.

Диагностика и последующая за ней терапия заключаются в наведении баланса: нужно изъять избыточное или, наоборот, дополнить недостающее. Основные инструменты терапии — питание, диета, иногда техника кровопускания, часто опасная.

Таким образом, можно выделить две разные традиции, складывающиеся в античности, которые повлияли на дальнейшее

² Вархотов Т. А. Указ. соч.

формирование классической модели научно-го знания:

1) *физика*, ответвившаяся от философии, и *астрономия* как гипотетическая математическая дисциплина, отличная от физики;

2) *медицина*, восходящая к «технэ», к практикам (врач не занимается исследованием «последних причин», он занимается пациентом).

Однако знания, полученные разными путями, согласованы. Именно в философии фиксируется и тематизируется дистанция между чувственным и рациональным познанием. Разум не ощущает вещи, не трогает их. Это альтернативный познавательный инструмент. Именно философия пытается «состыковать» чувственную и рациональную стороны познания.

Седьмой сюжет (разделение знания на: φύσις — ἐπιστήμη — τέχνη — ἐπιτελεῖα). Аристотель — «энциклопедическая голова древности» — подводит итог традиции, примиряющей разум и чувство. Чувственное знание привязано к субъекту, оно всегда *чье-то*. Слух и зрение рисуют разные картинки мироздания, но они согласуются между собой и с самим мирозданием. Чувства принципиально ограничены: мы не видим дальше, чем *можем* увидеть. Чувственное восприятие локально и гораздо *уже* существующего мира. Есть вещи, вообще не воспринимаемые чувственно, — например, справедливость.

Может возникнуть кажущееся представление о коллективном опыте. Но синтезировать опыт разных людей, т. е. получить коллективный опыт невозможно, как невозможно передать чувственный опыт. Можно рассказать о боли через коммуникацию, но сам чувственный опыт боли передать не удастся. Границы опытного знания существенно *уже* окружающего нас мира, а сам мир не является опытным объектом.

Тем не менее уже с древности существуют возможные решения, позволяющие вооружить чувственное познание различными приспособлениями. Так, можно

снабдить естествоиспытателя лупой или очками, подзорной трубой и т. д. — и тем самым усилить зрение, как это будут делать в Новое время. Однако любое вооружение требует *искусственных* средств, которые сразу выбрасывают наблюдателя из *естественного* мира. Для греков происходит разделение мира на природный (φύσις), где вещи существуют сами по себе, и технический (τέχνη), который не имеет самостоятельного онтологического существования. Ни одна искусственная вещь не может существовать сама по себе.

Аристотель предложил хороший аналитический инструмент — *учение о четырех причинах*. В отношении любой вещи можно задать такие четыре вопроса, что ответами на них станут четыре причины, благодаря которым вещь состоялась.

Во-первых: «Какова форма вещи? Что позволяет увидеть в куске мрамора фигуру?» — это *формальная причина*.

Во-вторых: «Из чего состоит вещь? Что позволяет потенциальной возможности осуществиться в актуальной вещи, в соединении материи и формы? Что позволяет воплотиться вещи?» — это *материальная причина*.

В-третьих: «Благодаря чему появляется вещь?» — это *действующая причина*.

В-четвертых: «Чем была бы вещь, если бы она полностью состоялась? Каков желательный финал динамического события — борьбы материи и формы?» — это *целевая причина*.

Поясним на примере. Сравним два объекта: дерево и стол, изготовленный из дерева. Какую форму имеет дерево? Ответ: форму дерева. Из чего состоит дерево? Ответ: из дерева. Что порождает дерево? Ответ: дерево самостоятельно растет. Целевая причина дерева — само дерево. Все причины заложены внутри самой природы дерева. В отношении второго объекта — рукотворного стола — *формальной причиной* будет инженерный замысел, который воплощают в данном столе. Этот замысел находится в голове

у создателя. Стол появляется не сам по себе, а благодаря созданному человеком проекту, продиктованному потребностью. *Материальная причина* — искусственный материал (древесина). *Действующая причина* — человек. Целевая причина также находится вне стола: стол существует «для нас», в отличие от дерева, которое существует «для себя».

Вывод

В отличие от природного (естественного) мира мир «технэ» отсылает вовне. Это искусственный мир, который всего лишь *выглядит* как природный. Однако подобное сходство — только «кажимость», хорошая подделка. На это, как известно, обратил внимание Платон. Искусственные объекты могут порождать только искусственные объекты. А следовательно, знание, полученное при помощи и посредством искусственных объектов, не будет знанием о природе, так как речь идет об онтологически разных регионах! Эту тонкость, имеющую принципиально важное эпистемологическое значение для формирующейся классической модели научного познания, интуитивно осознают в процессе философской рефлексии — и осознавали уже в античности.

В новоевропейской науке, когда Галилей изобрел и сконструировал телескоп, проблема доступа к реальности возобновилась и теперь обрела форму вопроса: то, что видит наблюдатель в телескоп, *действительно существует* на небе — или это картинка, *созданная телескопом*? Для древнего же грека *любое* приспособление, усиливающее возможности глаза (зрения), создавало искусственный мир, подделку под мир природный.

Альтернативного способа доступа к реальности у нас нет: мы либо видим в телескоп, либо не видим никак. Радикально решить эту проблему можно при наличии полноценной физической оптики, действие которой опирается на теоретически обоснованные работы, а данные, полученные при

наблюдении, хотя бы допускают проверку альтернативными способами. Как известно, оптическая теория появилась лишь спустя 50 лет после изобретения Галилеем телескопа.

Понятна логика рассуждений греков: если мы не *можем* вооружиться так, чтобы познать природу и избежать погрешностей чувственного познания, то любой вопрос (например: почему предметы падают?) выведет нас в чисто рассудочную сферу. В итоге «последние причины» можно познавать только рассудочным путем, что приведет Аристотеля к разграничению «Физики» и «Метафизики».

Физика основана на знании, которое предполагает чувственную опору. Метафизика — чисто рациональное знание, открывающее подлинные законы, которые возможно познать лишь при помощи умозрения, так как на уровне чувств их невозможно обнаружить.

Таким образом, философская рефлексия над основаниями знания заложила основы классической модели научного познания, а именно утвердила разделение знания на: φύσις — ἐπιστήμη — τέχνη — ἐμπειρία.

Техническое знание предполагает уровень связности *знания*, «представленного *рукой*», и *знания умозрительного*, а также правил их согласованности. Эмпирическое знание имеет дело со случайными, частными фактами. Разум выходит за границы чувственного эмпирического (опытного) знания, которое служит своеобразным триггером, пробуждающим интерес к размышлению.

Список литературы и источников

1. Ахутин А. В. Экспериментирующая мысль: История принципов физического эксперимента от Античности до XVII в. // Эксперимент и природа / А. В. Ахутин. СПб.: Наука, 2012. Кн. 1. С. 39—388. (Слово о сущем).

2. **Боннар А.** Греческая цивилизация / пер. с фр. О. В. Волкова; ред.: В. И. Авдиев, Ф. А. Петровский; предисл.: В. И. Авдиев. М.: Изд-во иностр. лит., 1958—1962. Т. 1: От Илиады до Парфенона. 1958. 256 с., 16 л. ил.
3. **Васильева Т. В.** Афинская школа философии: Философский язык Платона и Аристотеля. М.; Л.: Наука, 1985. 161 с. (Из истории мировой культуры).
4. **Вернан Ж.-П.** Происхождение древнегреческой мысли / пер. с фр.; общ. ред. Ф. Х. Кессиди, А. П. Юшкевича; послесл. Ф. Х. Кессиди. М.: Прогресс, 1988. 224 с.
5. **Гайденко П. П.** Эволюция понятия науки: Становление первых натурфилософских программ / под ред. С. Р. Микулинского; отв. ред. И. Д. Рожанский. М.: Наука, 1980. 568 с. (Библиотека всемирной истории естествознания).
6. **Гераклит.** Фрагменты Гераклита / пер. М. А. Дынника // Материалисты Древней Греции: собрание текстов Гераклита, Демокрита и Эпикура / общ. ред. и вступ. ст.: М. А. Дынник. М.: Госполитиздат, 1955. С. 39—52.
7. **Доватур А. И.** Политика и Политии Аристотеля / отв. ред. В. В. Струве. М.; Л.: Наука, 1965. 393 с.
8. **Кессиди Ф. [Х.]** От мифа к логосу: Становление греческой философии. Изд. 2-е, испр. и доп. СПб.: Алетейя, 2003. 360 с. (Античная б-ка. Исследования).
9. **Койре А.** Очерки истории философской мысли. О влиянии философских концепций на развитие научных теорий / пер. с франц. Я. А. Ляткера, общ. ред. и предисл. А. П. Юшкевича; послесл. В. С. Черняка. М.: Прогресс, 1985. 288 с.
10. **Комарова В. Я.** К текстологическому анализу античной философии. Вып. II: Младшие натурфилософы — младшие элеаты. Л.: Изд-во ЛГУ, 1974. 88 с.
11. **Лосев А. Ф.** Диалектика мифа / сост., подгот. текста, общ. ред. А. А. Тахо-Годи, В. П. Троицкого. М.: Мысль, 2001. 558 с.
12. **Лосев А. Ф.** Мифология греков и римлян / сост. А. А. Тахо-Годи; общ. ред. А. А. Тахо-Годи, И. И. Маханькова. М.: Мысль, 1996. 975 с.
13. **Рожанский И. Д.** Развитие естествознания в эпоху античности: Ранняя греческая наука о природе / под ред. С. Р. Микулинского. М.: Наука, 1979. 485 с. (Б-ка всемирной истории естествознания).

References

1. Akhutin A. V. "Experimenting Thought: History of the Principles of Physical Experiment from Antiquity to the 17th Century". *Eksperiment i priroda*. A. V. Akhutin. St. Petersburg: Nauka, 2012. Book 1. 39—388. (In Russian). Slovo o sushchem.
2. Bonnard André. *De l' Iliade au Parthenon*. Lausanne: La Guilde du Livre, 1954. 231 p. (In French). Tome 1 de *Civilisation grecque*. A. Bonnard. 3 tomes. 1954—59.
3. Vasil'yeva T. V. *Athenian School of Philosophy: The Philosophical Language of Plato and Aristotle*. Moscow: Nauka, 1985. 161 p. (In Russian). Iz istorii mirovoy kul'tury.
4. Vernant J.-P. *Les origines de la pensée grecque*. 12e éd. Paris: PUF, 2013. 152 p. (In French).
5. Gaydenko P. P. *The Evolution of the Concept of Science: The Becoming of the First Natural-philosophical Programmes*. Ed. by S. R. Mikulinskiy; exec. ed. I. D. Rozhanskiy. Moscow: Nauka, 1980. 568 p. (In Russian). Biblioteka vsemirnoy istorii estestvoznaniya.
6. Heraclitus. "Fragments of Heraclitus". *Materialisty Drevney Gretsii: sobraniye tekstov Geraklita, Demokrita i Epikura*. Ed. and introd. by M. A. Dynnik. Moscow: Gospolitizdat, 1955. 39—52. (In Russian).
7. Dovatur A. I. *Politics and Policies of Aristotle*. Exec. ed. V. V. Struve. Moscow: Nauka, 1965. 393 p. (In Russian).
8. Kessidi F. [Kh.] *From Myth to Logos: The Becoming of Greek Philosophy*. 2nd ed., rev. and suppl. St. Petersburg: Aleteyua, 2003. 360 p. (In Russian). Antichnaya b-ka. Issledovaniya.

9. Koyré A. *Études d'histoire de la pensée philosophique*. Paris: Librairie Armand Colin, 1961. 329 p. (In French). Cahiers des Annales 19.
10. Komarova V. Ya. *Junior Natural Philosophers — Junior Eleates*. Leningrad: Leningrad State Univ. Publ., 1974. 88 p. (In Russian). Iss. II of *To textological analysis of ancient philosophy*. V. Ya. Komarova. 2 iss. 1969—74.
11. Losev A. F. *Dialectics of Myth*. Comp., text prep., gen. ed. A. A. Takho-Godi, V. P. Troitskiy. Moscow: Mysl', 2001. 558 p. (In Russian).
12. Losev A. F. *Mythology of the Greeks and Romans*. Comp. A. A. Takho-Godi; ed. by A. A. Takho-Godi, I. I. Makhan'kov. Moscow: Mysl', 1996. 975 p. (In Russian).
13. Rozhanskiy I. D. *Development of Natural Science in the Age of Antiquity: Early Greek Science of Nature*. Ed. by S. R. Mikulinskiy. Moscow: Nauka, 1979. 485 p. (In Russian). В-ка vseмирnoy istorii estestvoznaniya.

Информация об авторе

Кнэхт Наталья Петровна — кандидат философских наук, доцент, доцент Института высокотехнологического права, социальных и гуманитарных наук Национального исследовательского университета «МИЭТ» (Россия, 124498, Москва, Зеленоград, пл. Шокина, 1).

Information about the author

Natalia P. Knekht — Cand. Sci. (Philos.), Assoc. Prof., Associate Professor at the Institute of High-Tech Law, Social Sciences and Humanities, National Research University of Electronic Technology (Russia, 124498, Moscow, Zelenograd, Shokin sq., 1).

Статья поступила в редакцию 18.07.2024.

The article was submitted 18.07.2024.

Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2024. № 3 (43). С. 84—93.
Economic and Social Research. 2024. No. 3 (43). P. 84—93.
Научная статья

УДК 137.8
doi: 10.24151/2409-1073-2024-3-84-93
<https://elibrary.ru/cqnzsm>

Эпистемологические аспекты становления воззрений на электромагнетизм

В. Н. Князев^{1, 2}

¹ *Московский педагогический государственный университет, Москва, Россия*

² *Национальный исследовательский университет «МЭИ», Москва, Россия*

kvn951@inbox.ru

Аннотация. Автор исходит из того, что философское осмысление развития физического познания включает в себя единство онтологического и эпистемологического аспектов, где онтологический аспект задается самой предметностью исследовательской направленности на явления природы (световое излучение, намагничивание и электризация тел). Основной акцент сделан на эпистемологических особенностях познавательной деятельности физиков в период становления новоевропейской классической науки — в части эволюции взглядов на электромагнитные процессы. Утверждается, что отдельные результаты исследования магнетизма, наэлектризованности тел и световых явлений — как самостоятельных объектов изучения — за период первых трех столетий составили теоретическую базу, достаточную для выяснения единой сущности этих явлений посредством классической электродинамики Максвелла. Сделан вывод, что выдающаяся заслуга Максвелла перед физической наукой XIX в. повлияла на развитие квантовой и релятивистской физики XX в.

Ключевые слова: эпистемология физики, становление классической физики, физическое познание, электромагнетизм, электродинамика Максвелла

Для цитирования: Князев В. Н. Эпистемологические аспекты становления воззрений на электромагнетизм // Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2024. № 3 (43). С. 84—93. <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2024-3-84-93> EDN: CQNZSM.

Original article

Epistemological aspects of formation of views on electromagnetism

V. N. Knyazev^{1, 2}

¹ *Moscow State Pedagogical University, Moscow, Russia*

² *National Research University “Moscow Power Engineering Institute”, Moscow, Russia*

kvn951@inbox.ru

© Князев В. Н.

Abstract. The author assumes that philosophical understanding of the physical cognition development includes unity of ontological and epistemological aspects, where the ontological aspect is set by the very subject matter of the research focus on natural phenomena (light radiation, magnetization and bodies electrification). The main emphasis is on epistemological peculiarities of physicists' cognitive activity in the formative years of New European classical science — as regards of evolution of views on electromagnetic processes. It is argued that individual results from the research on magnetism, electrified bodies, and light phenomena — as independent objects to be studied — over the first three centuries have formed the theoretical basis sufficient to elucidate the unified essence of these phenomena by means of classical Maxwell electrodynamics. It has been concluded that Maxwell's outstanding service to 19th-century physical science has influenced the development of 20th-century quantum and relativistic physics.

Keywords: physics epistemology, classical physics formation, physical knowledge, electromagnetism, Maxwell electrodynamics

For citation: Knyazev V. N. “Epistemological Aspects of Formation of Views on Electromagnetism”. *Economic and Social Research* 3 (43) (2024): 84–93. (In Russian). <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2024-3-84-93> EDN: CQNZSM.

Философия науки без истории науки пуста;
История науки без философии науки слепа.

И. Лакатос

Введение

Человечество обнаружило существование в природе загадочных свойств электричества и магнетизма еще в древние времена. Разумеется, древний человек, видя грозовую молнию, испытывал страх, трепет и боязнь, совершенно не понимая ее природы, и лишь мог мыслить о ее сверхъестественном происхождении. «Первые упоминания о природных постоянных магнитах, таинственных камнях, притягивающих железо, появились в Китае в глубокой древности. Такие камни называли “сидеритами”, “геркулесовыми” <...> а позже за ними сохранилось название “магнит”. Римский натуралист Плиний писал, что это название произошло от имени пастуха Магнеса... <...> О магнитах в Европе знали еще в VII веке до н. э. (Фалес Милетский)» [5, с. 4]. Первоначальное выявление свойств притяжения мелких предметов натертыми кусочками янтаря (*древнегреч. словом ἤλεκτρον* (электрон) был назван янтарь) невозможно исторически достоверно проследить. Развитие мореплавания привело

к открытию компаса в позднем Средневековье, что способствовало открытию Америки (Вест-Индии) Хр. Колумбом в 1492 г. Собственно пионером в исследовании магнетизма и электричества следует считать У. Гильберта (1544—1603), главный труд которого «О магните, магнитных телах и о большом магните — Земле» (1600) представил более 600 осуществленных им опытов [3] и впервые ввел термин *electricity*. Опираясь на историю классической физики, выявим теоретико-познавательные «шаги» в развитии представлений об электромагнитном поле, электромагнитных феноменах и в теоретическом осмыслении электродинамики новоевропейской наукой, в рамках теории Дж. К. Максвелла. Здесь следует высказать два предварительных замечания.

Первое. Вычленение эпистемологических аспектов естественно-научного знания — не самая простая задача: эпистемология как философия научного познания весьма многообразна. При этом проявим солидарность с философствующим физиком

Кенигсбергского университета П. Фолькманом, который 130 лет тому назад написал: «Теория познания не может претендовать, да и никогда не станет претендовать на то, чтобы предсказать, в каком направлении будет совершаться дальнейшее развитие познания в той или другой дисциплине. Напротив, ей всегда придется черпать свой материал в большей или меньшей степени в прошлой истории отдельных дисциплин» [14, с. 13].

Второе. Общеизвестно, что основоположником науки в современном смысле этого выражения является Г. Галилей. Своими открытиями в механике и астрономии он не только заложил основы классической науки, но и разработал фундамент научной методологии. Метод, названный в последующем *гипотетико-дедуктивным*, обосновывает математическую гипотезу как «постулат, абсолютная правильность которого обнаружится впоследствии, когда мы ознакомимся с выводами из этой гипотезы, точно согласующимися с данными опыта» [2, с. 248]. Именно это подчеркивал и А. Эйнштейн, разъясняя сложную взаимосвязь умозрения и опыта, логического и эмпирического в науке: «Часто утверждают, что Галилей стал отцом современной науки, заменив умозрительный, дедуктивный метод экспериментальным, эмпирическим методом. Думаю, однако, что подобное мнение не выдерживает более внимательной проверки. Не существует эмпирического метода без чисто умозрительных понятий и систем, и не существует систем чистого мышления, при более близком изучении которых не обнаруживался бы эмпирический материал, на котором они строятся.

Резкое противопоставление эмпирического и дедуктивного подходов неверно, и было совершенно чуждо Галилею. Логические (математические) системы, полностью лишённые какого бы то ни было эмпирического содержания, были созданы лишь в девятнадцатом веке. Кроме того, эксперимен-

тальные методы, которыми располагал Галилей, были столь несовершенны, что только с помощью чистого мышления можно было свести их в единое целое» [15, с. 342].

Процесс развития теоретических представлений об электрических и магнитных явлениях природы происходил в рамках исторического становления науки Нового времени [8]. С позиций современного научного знания нам понятно, что вся природная действительность реализует единство и различие трех областей вселенского мира: микро-, макро- и мегамиров. Человеческая цивилизация и весь макромир в своей физической основе имманентно пронизаны и структурно организованы электромагнитными процессами — и сегодня мы живем в мире электроники, интернета, нейронных сетей и грядущих возможностей искусственного интеллекта, и всё это основано на электромагнетизме. Каковы же основные исторические особенности теоретико-познавательных достижений в осмыслении электромагнетизма?

Исторические вехи развития взглядов на электромагнетизм

Представляется, что строго выделить этапы в развитии теоретических воззрений на природу электромагнетизма нелегко. При этом начало движения познания, характеризованное эмпирическими исследованиями свойств природного магнетизма и наэлектризованности тел, следует связывать с началом становления новоевропейской классической науки в XVII — XVIII вв., а именно с первыми теоретико-познавательными «шагами» в механике и оптике, приведшими в XIX в. к революционным открытиям явления электромагнитной индукции и, главное, к созданию теории электромагнитного поля — с последующим многообразием практического приложения этой теории к жизни человечества. Важнейшим теоретическим достижением XX в. следует считать создание квантовой электродинамики

как исходного раздела квантовой теории поля (и более широко — всей квантовой физики).

Направления познавательных исследований в XVII в. охватывают спектр явлений природы, недостаточный для создания метода изучения электромагнетизма. В начале XVII в. стали известны законы небесной механики, гениально открытые И. Кеплером, ряд закономерностей механических движений, найденных Г. Галилеем, в середине века геометрические и волновые свойства света изучены Хр. Гюйгенсом и несколько позже — И. Ньютоном. Р. Декарт еще в годы своей молодости в ходе философской разработки системы познавательных методов, описание которых он включал в «Правила для руководства ума» (1628—1629, работа осталась незавершенной), стремился к выработке ясных, отчетливых и достоверных знаний и сформулировал правило V: «Весь метод состоит в порядке и расположении тех вещей, на которые надо обратить взор ума, чтобы найти какую-либо истину. Мы будем строго придерживаться его, если шаг за шагом сведем запутанные и темные положения к более простым, а затем попытаемся, исходя из усмотрения самых простых, подняться по тем же ступеням к познанию всех прочих» [6, с. 91]. Общеизвестно, что Декарт — основоположник философского и научного рационализма — учитывал возможности человеческих органов чувств, в частности восприятия зрительных образов, — и в трактате «Мир, или трактат о свете» выразил свое понимание оптики в большей степени через размышление о радуге¹. При этом, сохраняя положения, свидетельствующие о значимости рационализма, он раскрыл в произведении «Страсти души» чрезвычайно широкий спектр человеческих чувств, восприятий, переживаний

и собственно страстей во взаимодействии души и тела.

Проблемы становления научно-экспериментальных знаний в исследовании электричества и магнетизма на рубеже XVI — XVII вв. связаны с творческими работами У. Гильберта, который осознанно критически относился как к схоластическим традициям Средневековья, так и к множеству алхимических методов поиска новых веществ на основе веры в мистические силы. Вместе с тем и его гипотезы, и гипотезы ряда других ученых-практиков в последующем критически отвергались. Будучи современником Фр. Бэкона (старшим по возрасту), он способствовал формированию более декларативно-теоретической позиции Бэкона, которая провозглашала необходимость развития научного знания посредством опытов и их индуктивных обобщений. Сам же Гильберт в предисловии своей книги писал: «Так как в открытии тайн и исследовании скрытых причин вещей от точных опытов и доказанных положений получают более прочные выводы, нежели от вероятных догадок и мнений рутинных философов, то для лучшего понимания совершенно неизвестной доселе славной субстанции великого магнита, всеобщей матери земли, и превосходных, выдающихся сил сего шара, — мы поставили себе задачу начать с обыкновенной магнитной материи, каменной и железной, а также с ближайших магнитных тел и частей земли, которые можно трогать руками и воспринимать чувствами, а затем уже идти далее через очевидные магнитные опыты и впервые проникнуть в сокровенную глубину земли» [3, с. 5]. В этой работе Гильберт приводит много примеров электризации предметов, что несколько позже было проанализировано Фр. Дюфе в книге «История электричества» (1698—1739). Дюфе в 1729 г. выявил существование двух видов электричества — «стеклянное» и «смоляное», возникающие соответственно при трении стекла о шелк и янтаря (или смолы) о шерсть [11, с. 27].

¹ Здесь следует сказать, что Декарт, и еще ранее Леонардо да Винчи, и многие оптики XVII и XVIII вв. совершенно не представляли сущностного природного единства магнетизма, электричества и световых явлений.

Постепенное накопление результатов разнообразных опытов ученых в XVII в. (Р. Бойль, О. фон Герике и др.) привело к созданию электроскопов и затем электрометров, что способствовало интенсификации дальнейших исследований. В 1740-е гг. электростатические генераторы и конденсаторы дали возможность проводить опыты с существенно большими в количественном отношении зарядами. Следует также подчеркнуть, что Б. Франклин (1706—1790) в 1751 г. ввел понятие о положительном и отрицательном электрическом заряде. В России в это время М. В. Ломоносов писал, что электрическая сила «начала в ученом свете возрастать славою и приобретать успехи около 1740 г.» [12, с. 438]. Действительно, петербургский физик-экспериментатор Г.-В. Рихман (1711—1753) в статье «Новые опыты с электричеством, порождаемым в телах» (1745) развернуто представляет свой прибор «электрический указатель», по сути — электрометр [13, с. 245]. При этом Рихман руководствуется мыслью, что субстанцией электричества является своеобразная «электрическая жидкость». Рихман, совместно с Ломоносовым, не только создает концепцию атмосферного электричества, но и опытно, с помощью «громовых машин», изучает причины явлений атмосферных электрических зарядов и разрядов [13, с. 28—29]. В работе «Теория электричества, разработанная математически» Ломоносов подчеркивает, что единственной причиной происхождения электричества является трение. Он пишет: «Электрические явления — притяжение, отталкивание, свет и огонь — состоят в движении. Движение не может быть возбуждено без другого движущегося тела. Но тела, удаленные от электризованных тел, не находятся в соприкосновении с ними. Поэтому должна существовать нечувствительная жидкая материя, которая распространяется вне электризованного тела и, изменяемая его силой, производит такого рода действия» [12, с. 283].

Полагаю, что в словах «нечувствительная жидкая материя» мы сегодня можем усмотреть то явление, которое только через столетие (!) было открыто как электромагнитное поле природного существования.

Отдельно следует сказать о творчестве не очень известного немецкого ученого Ф. У. Т. Эпинуса (1724—1802), которому свойства притяжения и отталкивания зарядов представлялись универсальными свойствами электричества, аналогичными всемирному тяготению, но совершенно не полностью. Он пишет в отношении этих свойств так: «Я отнюдь не считаю их, как поступают некоторые неосторожные последователи великого Ньютона, силами, внутренне присущими телам, и я не одобряю учение, которое постулирует действие на расстоянии. Действительно, я считаю несомненной аксиомой предложение, по которому тело не может производить никакого действия там, где его нет» [16, с. 21]. Такой взгляд имманентно содержит в себе возможность наличия особого типа среды-посредника между зарядами, в духе суждения о «единой электрической жидкости» Б. Франклина. Эпинус довольно подробно раскрывает эластичность такой жидкости, способной проникать через поры предметов; более того, он выдвигает гипотезу, что не только электрические, но и магнитные силы обратно пропорциональны квадрату расстояния между предметами.

Признаем, что ряд ученых второй половины XVIII в. и начала XIX в., например Л. Эйлер (1707—1783) и С. Д. Пуассон (1781—1840), настолько были убеждены в существовании таинственного эфира, что и явления электричества пытались объяснить, ссылаясь на эфир². В каком-то смысле, за неимением более глубоких теоретических

² Идея *эфира* как представления об особой гипотетической всепроникающей среде, идущая от античной мифологии через взгляды Декарта и даже Максвелла, сохранила свою культурную статусность с различными вариациями вплоть до современности.

познаний, представления об эфире носили определенно позитивный характер. В этом отношении я солидарен с высказыванием Б. Г. Кузнецова: «Эфир электродинамики XIX в. имел своим предшественником эфир, фигурировавший в теории электричества XVIII в. Отсюда идет непрерывная линия последовательного изменения идеи эфира как причины электрических явлений, при сохранении, развитии и конкретизации общего представления о реальной среде, движение которой лежит в основе явлений электричества и магнетизма» [11, с. 56]. Подчеркну значимость открытия Ш. Кулоном в 1785 г. закона взаимодействия электрических зарядов как итога становления электростатики³. Во «Втором мемуаре по электричеству и магнетизму, где определяется, следуя каким законам действует магнитная жидкость, так же как и жидкость электрическая, либо при отталкивании, либо при притяжении» Кулон буквально пишет: «...Взаимное притяжение электрической жидкости, называемой положительной, к электрической жидкости, называемой обыкновенно отрицательной, обратно пропорционально квадрату расстояний» (цит. по: [4, с. 252]). Как видим, сохраняется терминология электрической и магнитной жидкости. Далее ответим на вопрос, изменились ли воззрения на эти явления в первую половину XIX в.

Развитие представлений об электромагнитных явлениях и создание классической электродинамики

Дальнейшие исследования электричества и магнетизма реализовались в большей степени в западноевропейских странах, во многом в кругу французской политехнической

школы, основанной еще в 1794 г. В первое десятилетие работы школы выпускниками ее стали, например, С.-Д. Пуассон, Ж.-Б. Био, О. Френель, Л. Гей-Люссак, Ф. Араго и др. В направленности проводимых ими опытов и анализе результатов учитывалось движение зарядов в проводниках (электрический ток) и в растворах-электролитах. Открытия Л. Гальвани, А. Вольты, А.-М. Ампера, Г. С. Ома и др. совершались в ходе возрастающей силы экспериментов и дискуссий между десятками исследователей, причем важнейшим объектом интеллектуального осмысления всё более становился не столько электрический заряд, сколько электрический ток. Летом 1820 г. датский физик Х. К. Эрстед опубликовал статью о наблюдении им влияния электрического тока на поведение магнитной стрелки. Вскоре Ж.-Б. Био и Ф. Савар, и затем П. С. Лаплас установили количественные характеристики между величиной тока и возникающим магнитным полем. Именно в 1820-е гг. постепенно имплицитно формировались представления об электромагнитном поле, они пришли на смену «электрической жидкости», «магнитной субстанции» и «эфиру» и окончательно победили только при создании электродинамики, в воззрениях Максвелла.

Здесь следует подчеркнуть следующую эпистемологическую тонкость: сама форма использования терминов, по содержанию и объему обозначаемых ими понятий, должна была получить в научном сообществе признание в ее содержательной ценности. Новизна исследований неизбежно требовала новых терминов. Частично об этом пишет А.-М. Ампер в статье «Теория электродинамических явлений, выведенная из опытов»: «Поскольку явления, о которых идет здесь речь, могут быть названы лишь электричеством, находящимся в движении, я счел нужным обозначить их наименованием *электродинамических явлений*. Наименование *электромагнитных явлений*, которое им

³ Историкам науки известно, что за несколько лет до этого, а именно в 1781 г., Г. Кавендиш, по сути, первым открыл эту закономерность, но в силу своей скромности и замкнутости не опубликовал результаты. Рукописи Кавендиша опубликовал только почти через сто лет Максвелл.

давали до сих пор, было уместно, пока дело шло только об открытии г. Эрстедом взаимодействий между *магнитом* и *электрическим током*, но это наименование может ввести в заблуждение после того, как мною доказано, что явления такого же рода возникают без всякого магнита, лишь при взаимодействии двух *электрических токов*» [1, с. 128].

Следуя дальнейшему развитию идей электромагнетизма, выделим миссию М. Фарадея, который еще в 1822 г. написал в своей тетрадке: «Превратить магнетизм в электричество», — этот девиз послужил для него своеобразной путеводной звездой в дальнейших исследованиях. В последующие годы Фарадей проводил множество опытов, которые привели его летом 1831 г. к выдающемуся открытию явления электромагнитной индукции, т. е. к фиксации эмпирического знания о порождении индукционного тока при вариациях магнитного поля исходного тока в проводнике. Это послужило толчком на теоретическом этапе анализа результата к формированию еще не четкого взгляда Фарадея на существование электромагнитного поля как самостоятельной объективной реальности.

Будучи прирожденным экспериментатором и носителем мощной интуиции, Фарадей, однако, слабо владел методами, необходимыми для терминологических новаций. Его современник британский филолог У. Хьюэлл (1794—1866), знаток древних языков, помог Фарадею в решении лингвистической задачи — выработать точные термины, соответствующие содержанию формирующейся парадигмы электромагнетизма. В 1834 г. Фарадей открыл законы электролиза и именно сам «очень подробно его описал, но затруднялся концептуализировать этот процесс» [7, с. 31]. Хьюэлл помог ему ввести термины «катод», «анод», «электрод», «ионы» и ряд других. Кстати, их дружеское сотрудничество способствовало удачному описанию экспериментальных результатов и их теоретизации.

15 декабря 1845 г. Фарадей высказал гениальное предчувствие — о близости сути природы света к сущности электромагнитных процессов, а именно — написал примечание к своей статье «О намагничивании света и об освещении магнитных силовых линий»: «Я не принимаю и не отвергаю гипотезы об эфире, или корпускулярной гипотезы, или какого-либо иного воззрения, которое может быть предложено относительно природы света. Насколько я усматриваю, о луче света в действительности нам известно не более, чем о линии магнитной или электрической силы... <...> С помощью луча света мы можем *простым глазом* указать направление магнитных линий в теле, а по изменению луча и его оптического действия на глаз мы можем видеть ход этих линий совершенно так же, как мы можем видеть ход стеклянной нити или нити какого-либо другого прозрачного вещества, которая стала видимой благодаря свету» (цит. по: [4, с. 362—363]). Подчеркну, что подлинное доказательство природы света как электромагнитного процесса состоялось только через несколько десятилетий.

Существенным дополнением к исследованиям Фарадея, к его научному воззрению на явление, названное им самим «магнито-электрической индукцией», явилось открытие Э. Х. Ленцом общего закона направления тока индукции. Изучением энергетических свойств электрического тока занимались Дж. Джоуль и Г. Гельмгольц вплоть до формулировки закона сохранения энергии.

Выдающаяся заслуга Дж. К. Максвелла перед физической наукой состоит в создании математической теории электродинамики: на основе 20 переменных величин, характеризующих свойства магнитных и электрических процессов, он сформулировал 20 уравнений. Несколько позже уравнения Максвелла, связывающие величины магнитного и электрического полей, были обобщены до четырех важнейших уравнений. Так,

в 1864—1865 гг. была создана великая теория электромагнитного поля, а в ее составе — электромагнитная теория света. По этому поводу А. Эйнштейн пишет: «...Произошел великий перелом, который навсегда связан с именами Фарадея, Максвелла, Герца. Львиная доля в этой революции принадлежит Максвеллу. Он показал, что все тогдашнее знание о свете и об электромагнитных явлениях выражается в его хорошо известной двойной системе дифференциальных уравнений в частных производных, в которой электрические и магнитные поля выступают как зависимые переменные... <...> Это понимание электромагнитного поля как не сводимой далее сущности на рубеже двух столетий уже получило общее признание» [15, с. 138]. Действительно, революционным моментом является выработка представления о физической реальности как о единстве вещественной материи и поля. И хотя Максвелл был уверен, что создал теорию «электродинамического эфира» и сделал открытие своеобразной всепроникающей неподвижной среды, всё же последующие эксперименты Майкельсона — Морли — в 1887 г., через 8 лет после кончины Максвелла — не подтвердили существование эфира. В ходе множества тщательно проведенных опытов в период 1888—1890 гг. Г. Герц убедительно доказал существование электромагнитных волн и обобщил эмпирическое доказательство теоретическим путем приведения уравнений Максвелла к современному их виду. Первыми основателями беспроводной связи считаются Т. Эдисон (1876), Г. Герц (1888) и Н. Тесла (1891). В 1895 г. передачу радиосигналов осуществили независимо друг от друга А. С. Попов и Г. Маркони, а К. Рентген открыл рентгеновское излучение электромагнитных волн. Достижения этих ученых явились критериями правильности научной теории Максвелла.

Заключение

Слово «становление» в названии данной статьи «Эпистемологические аспекты становления воззрений на электромагнетизм» означает тот методологический компонент исследования, который связан с рассмотрением эволюции классических воззрений на электромагнетизм до XX в. Это становление завершилось созданием теории электродинамики и опытно-экспериментальным доказательством ее истинности. При этом вплоть до начала XX в. были физики, относившиеся к ней несколько скептически (например, знаменитый У. Томсон-Кельвин). Упомянем здесь высокую оценку заслуг Фарадея и Максвелла, данную Эйнштейном: «Переход от сил дальнего действия к полям, как основным величинам, делал эту теорию революционной. То, что оптика нашла себе место в теории электромагнетизма, установившей связь между скоростью света и абсолютной электрической и магнитной системой мер... <...> все это было для меня как откровение. Помимо перехода к теории поля, т. е. к выражению элементарных законов при помощи дифференциальных уравнений, Максвеллу понадобился всего один гипотетический шаг — введение электрического тока смещения в пустоте и в диэлектриках с его магнитным действием; это нововведение было почти что продиктовано свойствами самих дифференциальных уравнений. В этой связи я не могу удержаться, чтобы не отметить удивительное внутреннее сходство между сочетанием Фарадей — Максвелл и сочетанием Галилей — Ньютон. Первый в каждой паре интуитивно схватывал соотношения, а второй их точно формулировал и применял количественно» [15, с. 270—271]. Таким образом, Эйнштейн дает здесь глубокую оценку основополагающим результатам развития классической физики на основе выявления связи и аналогий между механикой, оптикой и электромагнетизмом посредством диалектики эмпирических и теоретических методов развития

физики. В его рассуждениях подчеркивается единство онтологического и эпистемологического аспектов физического познания.

Современные взгляды на природу электромагнитных явлений, повседневно использование в быту и на производстве электротехнических и радиотехнических приборов, компьютеров, электронных сетей, интернета — всё это привело к мощнейшим технико-практическим трансформациям, выраженным в принципиальном воздействии техносферы на общество. Электромагнитные явления ныне изучены гораздо лучше, чем остальные фундаментальные силы природы. В кругу теоретических новаций XX в. следует отметить создание квантовой электродинамики (Р. Фейнман, Дж. Швингер, С. Томонага), затем теории электрослабых взаимодействий (Ш. Глэшоу, С. Вайнберг, А. Салам) и теории Великого объединения (Г. Джорджи, Ш. Глэшоу) [9, с. 114—139].

В последние несколько десятилетий в фундаментальной теоретической физике в области реляционной парадигмы довольно удивительным выглядит теоретико-познавательный «шаг» в развитии представлений о первичности электромагнитных взаимодействий и вторичности гравитационных взаимодействий [10], что свидетельствует о сохранении принципиальной проблемности в современном физическом познании, направленном на понимание основ мироустройства. Есть уверенность в том, что современные научно-исследовательские программы и подходы должны глубже вскрывать эпистемологические смыслы человеческого отношения к природной реальности, в том числе к сущности электромагнетизма.

Список литературы и источников

1. *Ампер А.-М.* Электродинамика / ред. и примеч. Я. Г. Дорфмана. М.: Изд-во АН СССР, 1954. 492 с. (Классики науки).
2. *Галилей Г.* Избранные труды: в 2 т. Т. 2. М.: Наука, 1964. 571 с.
3. *Гильберт В.* О магните, магнитных телах и о большом магните — Земле: Новая физиология, доказанная множеством аргументов и опытов / пер. с лат. А. И. Доватура; ред. и коммент. А. Г. Калашникова. М.: Изд-во АН СССР, 1956. 412 с. (Классики науки).
4. *Голи Г. М., Филонович С. Р.* Классики физической науки (с древнейших времен до начала XX в.): [сб. текстов]. М.: Высшая школа, 1989. 576 с.
5. *Григорьев В. И.* Электромагнетизм космических тел. М.: Физматлит, 2004. 111 с.
6. *Декарт Р.* Сочинения: в 2 т. / пер. с лат. и франц.; сост., ред. В. В. Соколов. Т. 1. М.: Мысль, 1989. 654 с. (Философское наследие; т. 106).
7. *Касавин И. Т.* Рождение философии науки из духа Викторианской эпохи // Эпистемология и философия науки. 2019. Т. 56. № 1. С. 23—33. EDN: VUDDNE.
8. *Князев В. Н.* Истоки и становление классической физики // Проблемы онто-гносеологического обоснования математических и естественных наук. 2017. № 8. С. 34—44. EDN: ZXPCGN.
9. *Князев В. Н.* Концепция супервзаимодействия в философии физики. М.: МПГУ, 2018. 194 с. EDN: YKYPJB.
10. *Князев В. Н.* Статус электромагнитных взаимодействий в реляционной парадигме // VI Декартовские чтения «Декарт и современные формы трансляции научного знания»: материалы Междунар. науч.-практ. конф. / под общ. ред. А. И. Пирогова, Т. В. Растимешинной. М.: МИЭТ, 2019. Ч. 2. С. 29—39. EDN: MNFXFF.
11. *Кузнецов Б. Г.* Эволюция основных идей электродинамики. М.: ЛЕНАНД, 2023. 296 с. (Физико-математическое наследие: физика (электродинамика)).
12. *Ломоносов М. В.* Полное собрание сочинений. Т. 3: Труды по физике. 1753—1765 гг. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. 607 с.
13. *Рихман Г.-В.* Труды по физике. М.: Изд-во АН СССР, 1956. 712 с.
14. *Фолькман П.* Теория познания естественных наук: связь их с духовной жизнью нашего времени: пер. с нем. Изд. 2-е. М.: URSS, 2010. 366 с. (Из наследия мировой философской мысли: теория познания).
15. *Эйнштейн А.* Собрание научных трудов: в 4 т. Т. 4: Статьи, рецензии, письма. Эволюция физики. М.: Наука, 1967. 600 с.

16. Эпинус Ф. У. Т. Теория электричества и магнетизма / ред. и примеч. Я. Г. Dorfmana. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1951. 564 с. (Классики науки).

References

1. Ampère André-Marie. *Electrodynamics*. Ed. and comment. by Ya. G. Dorfman. Moscow: Izd-vo AN SSSR, 1954. 492 p. (In Russian).
2. Galileo. *Selected Writings*. New transl. by W. R. Shea, M. Davie. Oxford: Oxford Univ. Press, 2012. 480 p. Oxford World's Classics.
3. Gilbert William of Colchester. *On the Loadstone and Magnetic Bodies, and on the Great Magnet the Earth: A New Physiology, Demonstrated with Many Arguments and Experiments* (1600). Transl. by P. Fleury Mottelay. Ann Arbor, MI: Edward Brothers, 1892. 368 p.
4. Golin G. M., Filonovich S. R. *Classics of Physical Science (from Stone Age to the Early 20th Century)*: [collection]. Moscow: Vysshaya shkola, 1989. 576 p. (In Russian).
5. Grigor'yev V. I. *Electromagnetism of Space Bodies*. Moscow: Fizmatlit, 2004. 111 p. (In Russian).
6. Descartes René. *Oeuvres complètes*. Т. 1. Sous la dir. de D. Kambouchner. Paris: Gallimard, 2016. 760 p. (In French).
7. Kasavin Ilya T. "The Birth of Philosophy of Science from the Spirit of Victorian Era". *Epistemologiya i filosofiya nauki = Epistemology & Philosophy of Science* 56.1 (2019): 23–33. (In Russian). EDN: VUDDNE.
8. Knyazev V. N. "Origins and Formation of Classical Physics". *Problemy onto-gnoseologicheskogo obosnovaniya matematicheskikh i estestvennykh nauk* 8 (2017): 34–44. (In Russian). EDN: ZXPCGN.
9. Knyazev V. N. *Conception of Super-Interaction in the Philosophy of Physics*. Moscow: Moscow Pedagogical State Univ., 2018. 194 p. (In Russian). EDN: YKYPJB.
10. Knyazev V. N. "Status of Electromagnetic Interactions in the Relational Paradigm". *VI Dekartovskiy chteniye "Dekart i sovremennyye formy translyatsii nauchnogo znaniya": materialy Mezhdunar. nauchno-prakt. konf.* Gen. eds A. I. Pirogov, T. V. Rastimeshina. Pt. 2. Moscow: MIET, 2019. 29–39. (In Russian). EDN: MNFXFF.
11. Kuznetsov B. G. *Evolution of Basic Ideas of Electrodynamics*. Moscow: LENAND, 2023. 296 p. (In Russian). Fiziko-matematicheskoye naslediyе: fizika (elektrodinamika).

12. Lomonosov M. V. *Works of Physics, 1753 to 1765*. Moscow: Izd-vo AN SSSR, 1952. 607 p. (In Russian). Vol. 3 of *Polnoye sobraniye sochineniy*.
13. Richmann Georg Wilhelm. *Works of Physics*. Moscow: Izd-vo AN SSSR, 1956. 712 p. (In Russian).
14. Volkman Paul. *Erkenntnistheoretische Grundzüge der Naturwissenschaften: Und ihre Beziehungen zum Geistesleben der Gegenwart* (1910). Whitefish, MT: Kessinger Publ., 2010. 482 S. (In German & English).
15. Einstein Albert, Infeld Leopold. *The Evolution of Physics*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1938. 319 p.
16. Aepinus F. U. T. *Aepinus's Essay on the Theory of Electricity and Magnetism*. Introductory monograph and notes by R. W. Home. Transl. by P. J. Connor. Princeton, NJ: Princeton Univ. Press, 216. 530 p. Princeton Legacy Library.

Информация об авторе

Князев Виктор Николаевич — доктор философских наук, профессор кафедры философии Института социально-гуманитарного образования Московского педагогического государственного университета (Россия, 119571, Москва, пр-т Вернадского, 88); профессор кафедры философии, политологии, социологии им. Г. С. Арефьевой (ФПС) Национального исследовательского университета «МЭИ» (Россия, 111250, Москва, ул. Красноказарменная, 13).

Information about the author

Victor N. Knyazev — Doctor of Philosophy, Professor at the Philosophy Department of Institute of Social Studies and Humanities, Moscow State Pedagogical University (Russia, 119571, Moscow, Vernadskogo ave., 88); Professor at the Department of Philosophy, Political Science, Sociology n. a. G. S. Arefieva (FPS), National Research University "Moscow Power Engineering Institute" (Russia, 111250, Moscow, Krasnokazarmennaya st., 13).

Статья поступила в редакцию 11.07.2024.

The article was submitted 11.07.2024.

Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2024. № 3 (43). С. 94–106.
Economic and Social Research. 2024. No. 3 (43). P. 94–106.
Научная статья

УДК 101.8, 116, 141.152, 167.7, 172.4
doi: 10.24151/2409-1073-2024-3-94-106
<https://www.elibrary.ru/hglrgh>

Зрелое классическое естествознание и становление социально-гуманитарных наук в XIX в.

С. А. Михайлина¹, Ю. В. Хен²

¹ Национальный исследовательский университет «МИЭТ», Москва, Россия

² Институт философии РАН, Москва, Россия

¹ mikhaylina_s@mail.ru

² hen@iph.ras.ru

Аннотация. Рассмотрены особенности классической науки в XIX в. Показывается, что речь идет не просто о достижениях научно-технического прогресса, но о смене способа осмысления эмпирических данных, который позволяет теперь четко сформулировать критерии научности (доказательность, общезначимость, системность и т. д.). Объектом переосмысления стало не только естествознание (физика, геология, химия, биология), но и социально-гуманитарная сфера, что повлияло на смену онтологий, научной картины мира. Обнаружилось, что многие явления природы и общества имеют сходные закономерности и механизмы развития, а их исследование требует как схожей, так и специфической методологии. Зримой становится проблема соотношения универсальных и конкретных методов в возникающих социально-гуманитарных науках (философии истории, социологии, лингвистике, психологии). Хотя некоторые теории и концепции со временем изжили себя, можно сказать, что современная наука и образование, да и весь нынешний мир во многом продукты той революции в научном мировоззрении, которая произошла в XIX в.

Ключевые слова: классическая наука, эволюционизм, историзм, научная картина мира, социальные и гуманитарные науки, редукционизм, социальная реальность, методология, научный закон, материализм, научный и общественный прогресс

Для цитирования: Михайлина С. А., Хен Ю. В. Зрелое классическое естествознание и становление социально-гуманитарных наук в XIX в. // Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2024. № 3 (43). С. 94–106. <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2024-3-94-106> EDN: HGLRGH.

Original article

Mature classical natural science and the formation of social sciences and humanities in the 19th century

S. A. Mikhaylina¹, J. V. Khen²

¹ National Research University of Electronic Technology, Moscow, Russia

² Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

¹ mikhaylina_s@mail.ru

² hen@iph.ras.ru

© Михайлина С. А., Хен Ю. В.

Abstract. In this work, the features of classical science in the 19th century are considered. It is shown that the question is not just about the achievements of scientific and technological progress, but about a change in the way of understanding empirical data, which makes it possible to clearly formulate the criteria of scientific character (evidence, general validity, systematicity, etc.). The object of rethinking was not only natural science, but also the social and humanitarian sphere, which influenced the change in ontologies and the scientific world picture. It has been discovered that many natural and social phenomena have similar patterns and mechanisms of development, and their study requires both similar and specific methodology. The problem of the relationship between universal and specific methods in the emerging social and humanities sciences is becoming visible. Although many theories and concepts have become obsolete over time, it is safe to say that modern science and education, and the entire modern world, are the product of the revolution in the scientific worldview that occurred in the 19th century.

Keywords: classical science, evolutionism, historicism, scientific world picture, social and human sciences, reductionism, social reality, methodology, scientific law, materialism, scientific and social progress

For citation: Mikhaylina S. A., Khen J. V. “Mature Classical Natural Science and the Formation of Social Sciences and Humanities in the 19th Century”. *Economic and Social Research* 3 (43) (2024): 94—106. (In Russian). <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2024-3-94-106> EDN: HGLRGH.

XIX в. можно назвать эпохой зрелости классической науки. На данном этапе научного развития произошли следующие кардинальные изменения:

- ▶ Развитие промышленности, индустриализация потребовали технологических инноваций, систематического включения результатов научных исследований в производственную практику. Возник такой синтез науки и техники, который обусловил и определил особую характеристику общественного развития — научно-технический прогресс.
- ▶ Констатация неразрывной связи науки и общественного прогресса сочеталась с идеей самоценности «чистой» науки как пути постижения объективной истины.
- ▶ Наука, укрепляя свою мировоззренческую значимость, впервые обрела функцию *производительной силы общества*, повсеместно расширяя влияние на различные социальные процессы.
- ▶ В немецкой классической философии (первая половина XIX в.) утвердились *принцип историзма, идея всеобщего развития*. Диалектика саморазвития в философии *Г. В. Ф. Гегеля* содержит принцип необходимости осмысления природы как

органической целостности; принцип качественной специфики ступеней развития природы: «Природа должна быть рассмотрена как *система ступеней*, каждая из которых необходимо вытекает из другой» и т. д. [2, с. 33]. При этом философ подчеркивал, насколько важен в естествознании принцип несводимости (антиредукционизма), согласно которому, например, живое не может быть сведено к химическим силам (Г. В. Ф. Гегель «Философия природы», 1817). Там же философ уточнил метод восхождения от абстрактного к конкретному в отношении развития в природе: движение к нарастанию индивидуализации [10, с. 112].

- ▶ В естествознании появилась и закрепились концепция *эволюционизма*. Идея эволюции изменила исследовательскую «оптику», взгляд на предмет изучения: первостепенными стали *процессы* его развития, а не только «готовые» или наличные состояния. Формирование в науках о природе (биологии, геологии, зарождающейся палеонтологии) эволюционных идей подрывало основы механицизма и принцип редукционизма.

- ▶ Исследования в области электродинамики, открытие электрического и магнитного полей изменили физическую картину мира. На смену ньютоновскому механическому образу мироздания пришла электромагнитная, или «максвелловская», картина мира.
- ▶ Завершился переход к дисциплинарной организации научного познания. Во второй половине XIX в. возникли и конституировались социальные и гуманитарные науки.
- ▶ Произошла дальнейшая дифференциация знания, профессионализация науки, объединение образования и научной деятельности (феномен «университета Гумбольдта»), что привело к упрочению позиций науки как социального института.

В рамках классической парадигмы естествознания идея развития природы появляется в формах эпигенеза, кантовской космогонии уже в конце XVIII в. В следующем веке возникают *эволюционистские теории* в геологии, биологии, а также концепциях активно-закономерного развития общества.

Эволюционную идею в *геологической науке* разрабатывал английский ученый сэра Чарльз Лайель (1797—1875). В фундаментальном труде «Основные начала геологии, или Новейшие изменения земли и ее обитателей» (1830—1833) он рассматривал естественные процессы, характеризующие постепенное количественное изменение поверхности Земли под влиянием определенных факторов (среди них — атмосферные и сейсмические явления, воздействие воды и др.). Периодизация геологических эпох третичного периода, предложенная Лайелем (эоцен, миоцен и плиоцен), с незначительными изменениями используется до сих пор. Ученый показал также, что глобальные перемены климата связаны с перемещениями материков и морей, с изменением их конфигураций¹. В геологии он

зложил основы современной классификации горных пород. Также Лайель, придерживаясь принципа «слабых агентов», влияющих на рост и изменения геологических слоев, пришел к выводу: возраст Земли значительно больше, а жизнь древнее, чем было принято считать ранее. «Система Лайеля положила начало геологии как строгой индуктивной науке. Метод его был воспринят в силу своей внутренней необходимости. Физическая геология, поставленная им на твердую почву, продолжала развиваться с поразительной быстротой» [16] (цитата приводится в современной орфографии).

Работа Лайеля значительно укрепила позиции материалистического мировоззрения — и повлияла на становление эволюционного учения Ч. Дарвина. В свою очередь, ознакомившись с работой Дарвина «Происхождение видов путем естественного отбора, или Сохранение избранных пород в борьбе за жизнь» (1859), Лайель признал ее научную значимость и убедил автора опубликовать этот труд. В конце жизни выдающийся геолог написал сочинение «Геологические свидетельства о древности человека», в котором сверил и систематизировал все отрывочные сведения о доисторическом человеке.

Чарльз Роберт Дарвин (1809—1882), знаменитый английский натуралист, выдвинул и обосновал наиболее влиятельную теорию эволюционного развития в *биологии*. Автор книги «Происхождение видов путем естественного отбора, или Сохранение избранных пород в борьбе за жизнь» не просто описал эволюционные явления в живой природе, но открыл *механизмы*, обеспечивающие эту эволюцию. К ним относятся: *естественный отбор* для живых существ в дикой природе (которым движет изменчивость организмов и борьба за выживание), а также

влияют орбитальное положение Земли, космические факторы, включая солнечную активность, а также органическая жизнь на планете.

¹ Современные исследования показывают, что на глобальные климатические изменения в большей мере

искусственный отбор — для культивируемых человеком животных и растений. Открытие опиралось на скрупулезный анализ островных и материковых форм флоры и фауны в рамках исследований, проведенных во время знаменитой кругосветной экспедиции.

Дарвин использовал также достижения предшественников из разных областей биологического знания. Самым значительным доводом в пользу эволюционного процесса стали успехи палеонтологии. Ранее Ж.-Л. де Кювье (1769—1832), основатель палеонтологии и сравнительной анатомии, исследовал окаменелости костей вымерших животных. На основе сформулированного им закона корреляции (соотношения) органов Кювье разработал методику, позволяющую по фрагментам останков реконструировать облик ископаемых существ. Биолог Ж.-Б. де Ламарк (1744—1829) первым выдвинул стройную концепцию эволюции живых организмов. Выдающийся ученый² полагал, что биологические виды в своем развитии структурно усложняются под влиянием внешней среды и внутреннего стремления (силы) организмов к совершенствованию. Но доказать свои положения, вскрыть подлинные причины эволюции Ламарку не удалось.

Чарльз Дарвин выступил основоположником научной теории антропогенеза («Происхождение человека и половой отбор», 1871), в основе которой лежит положение о естественном происхождении человека от животного предка (гоминид), или человекоподобной обезьяны. Любопытно, что биология как самостоятельная наука не существовала до дарвиновской теории; чтобы изучать биологию, надо было получать медицинское либо иное образование [12].

² Он предложил новую классификацию животных, выделив классы позвоночных и беспозвоночных; подробно изучал простейшие организмы. См.: Жан Батист Ламарк — биография ученого-эволюциониста [Электронный ресурс] // Биограф.ру — биографии знаменитостей и личная жизнь звезд: сайт. URL: <https://biographie.ru/uchenie/zhan-batist-lamarck> (дата обращения: 22.08.2024).

Итак, главным выводом исследований Дарвина стало следующее положение: все живые организмы, включая человека, произошли в результате естественного развития органического мира от простейших существ, которые, вероятно, возникли из неживой природы.

В 1838—1839 гг. немецкие ученые М. Шлейден и Т. Шванн, обобщив открытия предшественников (биологов, эмбриологов), создали *теорию клетки*, которую к середине века дополнил ученый и врач Р. Вирхов (основоположник теории клеточной патологии в медицине)³. Было доказано, что клетки всех живых организмов имеют структурное сходство. Развитие клеточной теории вызвало мысль о том, что процесс образования клеток происходит на основе некоего универсального механизма, регулирующего наследственность и изменчивость, что в дальнейшем привело к возникновению новой области биологического знания — генетики. Работы французского ботаника О. Сажре (Augustin Sageret, 1763—1851), посвященные исследованиям отдельных признаков скрещиваемых растений, внесли большой вклад в учение о наследственности. Биолог первым ввел понятия контрастных, или альтернативных, признаков; определил, что наследственность носит дискретный, корпускулярный характер; открыл (совместно с Ш. Ноденом) явление доминантности. Развивая эти идеи, австрийский биолог Г. Мендель (1822—1884) разработал и применил принципы исследования и описания потомства гибридов; открыл законы расщепления и наследования признаков в ряду поколений, применив вариационно-статистический, т. е. математический, метод. Ученый высказал предположение о наследственных задатках, которые позже стали называть генами.

³ «Открытие клетки повлияло на его [К. Маркса. — Прим. авт.] анализ товара как “клетки”, как элементарной, простейшей единицы капиталистической экономической системы» [3, с. 109].

Выдающиеся достижения биологической науки продемонстрировали общность происхождения, единство строения и воспроизводства всего живого.

Основной удар по механистической картине мира и принципу редукции в первой половине XIX в. нанесли открытия в *физике*. Великий экспериментатор *М. Фарадей* (1791—1867) имел множество научных заслуг, например, обнаружил механизм обращения газов в жидкость. Важнейшим же достижением ученого стало то, что, исследуя взаимодействие электрических и магнитных сил, физик открыл электромагнитную индукцию. По результатам огромного количества химических и физических опытов ученый выдвинул концепцию магнитного поля как исходного вида материи, а ранее ввел термин «поле», в том числе на основе открытия датским физиком *Х.-К. Эрстедом* глубокой связи электрического тока и магнетизма. Но концепция поля, предложенная Фарадеем, не была оформлена математически. Физики в этот период предпринимали различные попытки найти единую теорию электрических и магнитных явлений. Успешной оказалась новаторская теория *Дж. Максвелла* (1831—1879), который сформировался как ученый под влиянием работ *М. Фарадея* и *У. Томсона лорда Кельвина*. Максвелл опубликовал в 1864 г. статью «Динамическая теория электромагнитного поля», в которой были заложены основы фундаментальной теории электромагнетизма. Английский физик создал новый раздел физики — электродинамику, предсказал существование электромагнитных волн, выдвинул концепцию электромагнитной природы света. Физики с «...созданием электродинамики Фарадея — Максвелла стали *работать с более сложными понятиями*, которые нельзя получить простым абстрагированием из эмпирических объектов (как получали понятие “материальная точка”» [15, с. 234]. Новая система понятий нуждалась в новом типе математизации. Перед Максвеллом

стояла задача: построить *математическую* теорию, где полученные уравнения позволяли бы вычислять, среди прочего, то, что сформулировано в законах *Ампера*, *Кулона* и других. Выдающийся математик Максвелл разработал математическую модель электромагнитного поля (систему «четырёх дифференциальных уравнений»). «...Интенсивное использование математического анализа для представления элементарных феноменологических отношений в теоретической форме, не сводящейся к классической механике» привело также «...(в основном усилиями французских ученых *С.-Д. Пуассона*, *Ж.-Б. Фурье*, *А.-М. Ампера*, *О. Френеля*)» к развитию математической электростатики, теории теплопроводности, волновой оптики (см.: [1; 15, с. 327—328]). Электродинамика Фарадея — Максвелла показала, что в целом механистическое объяснение мира ограничено: электромагнитные процессы не могут быть сведены к законам механики. Ранее замечательные физики выдвинули волновую теорию света: *Ф.-М. Гримальди*, *Х. Гюйгенс* (XVIII в.) открыли явления дифракции; *О.-Ж. Френель* (нач. XIX в.) и *Т. Юнг* создали волновую оптику. В теории Максвелла предполагалось равенство скорости передачи электромагнитных колебаний и скорости света (c), из чего следовала тождественность электромагнитных и оптических явлений. Работы *С. Карно* (1796—1832), которого считают основоположником термодинамики⁴, стали точкой отсчета для осознания необратимости тепловых явлений, что соответствовало эволюционистскому подходу в естествознании. Затем *Р. Клаузиус* и *У. Томсон лорд Кельвин*, согласовав теорему Карно с законом сохранения энергии, подошли к формулировке второго закона классической термодинамики; далее возник постулат о возрастании энтропии. Одна из

⁴ Термодинамика и создание парового двигателя исторически взаимообусловлены и связаны с развитием и применением паровых машин в промышленной революции XIX в.

формулировок закона Клаузиуса (второго закона термодинамики) — энтропия замкнутой изолированной системы не может уменьшаться. К середине XIX в. целый ряд ученых (*Ю.-Р. фон Майер, Г. Л. Ф. фон Гельмгольц, Дж.-П. Джоуль, Э. Х. Ленц* и другие) на основе электромагнетизма, оптики и термодинамики эмпирически установили и окончательно сформулировали фундаментальный естественно-научный закон *сохранения и превращения энергии*: энергия не возникает из ничего и не исчезает, а только переходит из одной формы движения материи в другую.

Гипотеза единства световых и электрических процессов, выдвинутая Фарадеем и математически обоснованная Максвеллом, была экспериментально доказана немецким физиком *Г.-Р. Герцем* в 1888 г. Таким образом, корпускулярная модель света (шире — корпускулярное представление о материи) окончательно дополнилось волновой, или континуальной (здесь было использовано понятие «сплошная среда»).

Итак, материя (физическая реальность) предстала отныне не только в виде вещества, как в классической механике, но и в виде поля. У вещества и поля различны физические свойства: дискретность-непрерывность, наличие и отсутствие массы покоя; также вещество и поле различаются по скорости движения, по степени проницаемости. При этом вещество и поле стали понимать как абсолютно объективные составляющие мироустройства. В разделах физики сменилась иерархия: механика уступила позиции электродинамике и термодинамике. Подобные изменения открыли пути для нового философского осмысления материализма, в том числе по отношению к обществу, где «материальное» — не только вещественное: есть многообразная реальность в ее объективно складывающихся противоречиях, связях и взаимодействиях — в сочетании с индивидуальным характером исторических событий.

В XIX в. классическая наука достигает зрелости и в области *химии*. Важными этапами развития этой науки стали исследование (выявление с помощью различных методов анализа) и синтезирование органических соединений (в этом преуспели *Ф. Вёлер, Ю. фон Либих, Ж. Л. Гей-Люссак* и др.); создание *А. М. Бутлеровым* структурной теории органических молекул (1861). Открытия в области органического синтеза повлияли на совершенствование фармакологии, развитие физики и химии твердого тела и др.

В 1869 г. *Д. И. Менделеев* создал периодическую систему (классификацию) химических элементов, где установлена зависимость свойств элементов от их атомного веса⁵: с ростом атомной массы свойства элементов меняются не монотонно, а периодически. В этом открытии можно проследить эволюционистский подход, так как был определен вектор изменений, объединяющий вещества разной степени сложности. Система Менделеева позволила ему предсказать существование и точно описать свойства еще не открытых химических элементов.

Эволюционистское мировоззрение, историзм как методологический принцип отчетливо прослеживаются в генезисе *социально-гуманитарных* наук и теорий. Знание о человеке и обществе в различных формах (мифологической, религиозной, художественной и социально-философской) накапливалось в культуре с самых древних времен. Конституирование же социальных и гуманитарных наук относят к середине и второй половине XIX в. В первую очередь к этой группе относятся следующие науки и концепции:

- ▶ Филологические науки: лингвистика, основоположник которой *Вильгельм фон Гумбольдт* (1767—1835) рассматривал язык и культуру в единстве их развития,

⁵ Открытие строения атома в начале XX в. позволило установить, что периодичность изменения свойств элементов определяется величиной заряда в атомном ядре.

стремился выявить общие закономерности развития языков; сравнительно-историческое языкознание (или компаративистика)⁶, где доказывалась общность происхождения и диахроническая эволюция родственных языков (*Ф. Бопп*, *Я. Гримм* — авторы сравнительно-исторических грамматик различных индоевропейских языков, *А. Х. Востоков* — основоположник сравнительного славянского языкознания).

- ▶ Социология *О. Конта* (1798—1857) и *Г. Спенсера* (1820—1903), концепции *В. Дильтея* и *Г. Зиммеля*.
- ▶ Материалистическая концепция развития общества в философии и экономической теории *К. Маркса* (1818—1883).
- ▶ Психология, которая возникает как самостоятельная наука в рамках экспериментальной психологии *В.-М. Вундта* (1832—1920), когда появляются первые психологические лаборатории, сначала в Германии, затем в других странах, а потом в теории психоанализа *З. Фрейда* (1856—1939) (см.: [11]).

Среди разнообразных факторов, которые обусловили возникновение этих наук, можно выделить две основные группы:

- *во-первых*, меняющиеся социально-исторические условия;
- *во-вторых*, дальнейшее развитие теоретико-методологических принципов и установок классического естествознания и классической философии, которые затем транслировались, встраивались в социально-гуманитарные научные исследования.

Центром проблематики социальных наук стало развитие общества — его объективные факторы и закономерности. Бурная капиталистическая индустриализация XIX в.,

опиравшаяся на научно-технический прогресс и тотальное господство рыночных отношений, окончательно превратила культурные ценности, а также человеческие качества в товар. «Именно в эпоху индустриализма объектно-предметное отношение к человеку и человеческим общностям становится доминирующим в техногенной культуре. В это время окончательно оформляется приоритетный статус “отношений вещной зависимости”» [14, с. 38]. Это, в свою очередь, стало диктовать отношение к человеку и его миру как к объекту экспериментального исследования, к предмету возможной рациональной корреляции и регуляции. Методологическое ограничение субъектности личности (детерминированное среди прочего стремлением классической науки к объективному знанию) привело к определенным изменениям установок как антропоцентризма и ренессансного утопизма, так и просвещенческого пафоса.

Возникающие в этот период социально-гуманитарные науки предложили различные варианты дисциплинарной онтологии, специфических картин мира, выстраиваемых на основе вводимых идеальных объектов социальной реальности, конструкций, схем-образов изучаемой предметной области (см.: [14]). Науки о человеке и обществе (филология, социология, психология) самоопределились и конституировались, декларируя свою независимость от философии. С позиций их основателей научность гарантируется прежде всего использованием, заимствованием или переносом важнейших методологических принципов зрелого классического естествознания.

Так, основоположник позитивизма *Огюст Конт* считал систематический сбор эмпирических данных (или, по его словам, «простую статистику», наблюдение постоянных связей между фактами) необходимым основанием для изучения законов, собственных социальным явлениям. В своей классификации (иерархии) наук Конт

⁶ Немецкий лингвист *А. Шлейхер* в статье «Теория Дарвина и наука о языке» (1863) впервые попытался применить концепцию Дарвина в языкознании, когда указывал, что развитие языка происходит помимо воли человека, как и эволюция биологических видов.

исходил из приоритета чисто описательного метода, знание же «абстрактное» ценил значительно ниже. Социология, по его мнению, — на вершине этой иерархии. Главной характеристикой общества Конт полагал историческое развитие, которое он схематизировал посредством выдвижения закона «трех стадий». По его мнению, общество, развиваясь, последовательно достигает теологической, или фиктивной, стадии, затем метафизической, или абстрактной, и далее *позитивной*, или реальной. Примечательно, что такой же путь стадийного развития мыслитель приписал и индивидуальному человеку, его познанию и мышлению. Общество же (его структура и развитие), по Конту, определяется «фундаментальными законами человеческой природы» — т. е., по сути, его можно рассматривать как организм. Развитие позитивной науки определяет прогресс общества. Приверженность идее универсального прогресса явно сформировалась под влиянием концепции биологической эволюции. К наблюдению и эксперименту в социальном познании Конт подключил метод исторического сравнения, а также «субъективный метод» — его он понимал как общечеловеческую или социальную, а также морально-альтруистическую позицию по отношению к изучаемому объекту.

Герберт Спенсер также рассматривал общество как своеобразный целостный организм, а его развитие — как особую стадию мировой эволюции. В его концепции естественный отбор, борьба за выживание стали факторами не только биологическими, но и социальными. Эволюционные изменения в обществе, связанные, в частности, с дифференциацией, Спенсер уподобил противоречивым взаимоотношениям организма и среды. Из биологии социолог почерпнул методы выдвижения гипотез, способы доказательства и проверки выводов. Заслуга Спенсера в том, что он в развернутой форме применил системный подход, сочетая структурно-функциональный и эволюционный

принципы исследования общества. Он не отождествлял напрямую общество с индивидуальным организмом, а скорее сравнивал эти объекты, выявляя сходство и различие, что позволило ему как социологу установить в социальной системе основные функции следующих базовых подсистем:

- 1) поддерживающая (производство),
- 2) распределительная (транспорт, коммуникации, торговля и др.),
- 3) регулирующая (управление).

Спенсер выделял два главных исторических типа общества — воинственное и промышленное, а их специфику определял по различию способов борьбы за существование. В первом типе эта борьба, по его мнению, носит характер *вооруженных конфликтов*, где победа на стороне силы; во втором речь идет в основном о *конкуренции*, где побеждают интеллектуальные способности и достижения, усердие и моральные качества.

Биоорганический подход (в частности, идеи Спенсера) существенно повлиял на концепции выдающегося социолога *Эмиля (Давида-Эмиля) Дюркгейма*. В структуре социологического знания Дюркгейм выделял социальную морфологию, аналогичную анатомии, социальную физиологию, исследующую различные «жизненные проявления общества», опирающиеся на эмпирические данные, и общую социологию, которая, «...подобно общей биологии, осуществляет теоретический синтез» (см.: [3, с. 174]).

Вульгарное истолкование идей Спенсера, которое прослеживается в концепциях социал-дарвинизма (у Л. Гумпловича и др.), расово-антропологических школах (у Ж.-А. де Гобино, Ф. Гальтона, Ч. Ломброзо и др.), являет пример биологического редукционизма. История продемонстрировала несостоятельность и разрушительные социальные последствия таких дискредитировавших себя концепций и методов, как френология, евгеника, антропометрические карточки преступников у А. Бертильона, использование детектора лжи (полиграфа).

Карл Маркс материалистически переосмыслил диалектику, историзм, основные принципы саморазвития Гегеля, с критических позиций применил его методологию к анализу истории социальной жизни. Философ в своем творчестве находился в эпицентре бурного развития науки, историко-философской мысли середины XIX в. Глубоко оригинальная концепция человека, предложенная Марксом, основана на утверждении: суть специфики человека — производительный труд, т. е. преобразующая природу разумная целенаправленная деятельность. Концепция отчужденного труда выявляет причину частичной утраты субъектности личности: «...человеку противостоят, как нечто объективное, от него не зависящее, подчиняющее его своей антигуманной закономерности, — его собственная деятельность, его собственный труд» [5, с. 182—183]; утрата должна быть преодолена в процессе и результате классовой борьбы, революционной активности трудящихся.

Задача социальной науки — обнаружить скрытые сущностные процессы и закономерности социальной реальности. По Марксу, общество — система связей и отношений между людьми, которая формируется в процессе коллективной деятельности, главным образом — производственной. «Общество не состоит из индивидов, а выражает сумму тех связей и отношений, в которых эти индивиды находятся друг к другу» [8, с. 134]. Маркс выстроил на основе данных положений конструкт социальности, или социальной реальности, как онтологическое обоснование науки об обществе и человеке. Он как философ и экономист исходил из объективности социальных процессов, доказывая, что в истории действуют законы, не зависящие от сознания и воли отдельного человека, что история — самовоспроизводящийся процесс. Для доказательства этого положения Маркс сконструировал *идеальный объект*, представляющий сущность социальной реальности, а именно —

способ производства, т. е. диалектически противоречивое единство ведущих элементов⁷ — производительных сил и производственных отношений. «Способ производства материальной жизни обуславливает социальный, политический и духовный процессы жизни вообще» [7, с. 7]. На процесс изменения общества, по мнению Маркса, влияет прежде всего развитие производительных сил, которое он рассматривал как первичный источник объективно вызревающих экономических и социальных противоречий. Отношения собственности на средства производства как юридическое выражение производственных отношений, по сути, выступили для Маркса критерием развития способа производства, хотя он и декларировал производительные силы в качестве основного двигателя прогресса. Обострение противоречий внутри антагонистических способов производства, по мнению Маркса, вызывает напряжение в обществе, становится причиной конфликтов, сопровождаемых классовой борьбой, что приводит к социальной революции. Способы производства, сменяющие друг друга, Маркс рассматривал «...как прогрессивные эпохи экономической общественной формации⁸» [7, с. 7]. Капиталистической общественной формацией завершилась, по Марксу, предыстория человеческого общества. В его трудах эволюционистский подход сопровождался идеей движения истории к подлинно «человеческому обществу». Таким образом, детерминистские взгляды на историю общества⁹ у Маркса дополнялись «...так называемым эссенциализмом — претензией на то, что открыта глубинная, скрытая за явлениями сущность истории, которая якобы всегда

⁷ Каждый из этих элементов представляет собой подсистему из трех основных элементов и ряда важных функциональных составляющих.

⁸ Формация — термин, заимствованный из геологии. Маркс применял аналогии между геологическими и общественными формациями.

⁹ В этих взглядах прослеживается тенденция к экономическому редукционизму.

неизменна и лишь меняет свои проявления в разных эпохах, обстоятельствах, личностях» [4, с. 11]. При этом, чтобы избежать упрощенных представлений, идею универсальности прогрессивного развития обществ Маркс дополнил критическим замечанием: «Так называемое историческое развитие покоится вообще на том, что новейшая форма рассматривает предыдущие как ступени к самой себе и всегда понимает их односторонне, ибо лишь весьма редко и только при совершенно определенных условиях она бывает способна к самокритике» [6, с. 732].

В качестве важнейшего метода, применяемого в науке об обществе, Маркс использовал диалектическое восхождение от абстрактного к конкретному; рассматривал эмпирические данные и теоретически анализировал их, например, в работах «Классовая борьба во Франции с 1848 по 1850 г.», «Восемнадцатое брюмера Луи-Бонапарта» «Капитал» и др., а также обращался к системному подходу: применял по сути структурно-функциональный метод, когда анализировал определенные явления с позиции их вклада в конкретные социальные системы. В работах философа нашли развитие историко-генетический, сравнительно-исторический подходы; идея практической (революционной) нацеленности социальных теорий.

Интерес представляет Марксова идея о различии объективности социальной и того, что принято считать объективным в «точных» науках, — так называемая *концепция превращенных форм*. Например, с точки зрения астрономии, Земля вращается вокруг собственной оси, что вызывает смену дня и ночи. Но в системе социально-практической жизни это явление становится превращенной формой, так как для людей практические смыслы и обыкновения, по которым они организуют свою жизнь, определяют *восход и закат солнца*, а не поворот планеты. Социальная реальность наполнена этими общественно значимыми превращенными

формами: например, в экономической системе денежная форма является превращенной товарной и т. п. (см.: [9]).

Представители неокантианской (Баденской) школы разработали свою методологию познания истории. Так, *В. Виндельбанд* (1848—1915) в работе «История и естествознание» предложил взять в основу классификации наук различие *не по предмету, а по методу*, по характеру познавательных целей. По его мнению, науки о природе (*номотетические* — законополагающие) отыскивают общие законы, а науки о духе (*идеографические* — описывающие особенное) исследуют отдельные исторические факты. Человеческий интерес, оценка относится к единичному и однократному. Еще один представитель Баденской школы *Г.-Й. Риккерт* (1863—1936) в трудах «Науки о природе и науки о культуре», «Философия истории» указывал, что интерес к общему и интерес к индивидуальному — два неустраимых полюса исследования и понимания действительности. Для характеристики исторического события, личности Риккерт ввел понятие «исторический индивидуум». Например, итальянское Возрождение, по его мнению, есть настолько же исторический индивидуум, насколько и Н. Макиавелли, который включен в это целое. Исторический индивидуум как цельное многообразие предстает для теоретического рассмотрения благодаря отнесению к ценности, поскольку философия истории как особая наука призвана изучать ценности, которые, с одной стороны, сообщают единство историческому универсуму, а с другой — разделяют его.

Развитие методологии социально-гуманитарных наук продолжилось в социологических учениях *Э. Дюркгейма* и *М. Вебера*, сочетавших историзм и использование универсальных конструкторов — таких, например, как «идеальные типы» (Вебер). Впрочем, вот что указывает А. М. Руткевич: «Правда историзма заключается в том, что все творения

человеческого ума не просто принадлежат времени, но *своему* времени, своему *Zeitgeist* и уходят вместе со сменой эпохи. Это относится и к самому историзму в том виде, как он сформировался в специфических условиях середины XIX в.» [13, с. 35].

Несмотря на разнообразие конкурирующих друг с другом теоретических реконструкций исторического развития, способов построения дисциплинарных онтологий, можно проследить общие принципы, «...относительно которых явно или неявно уже достигнут консенсус в этих дискуссиях» [14]. Это «...три фундаментальных положения: любые представления об обществе и человеке должны учитывать историческое развитие, целостность социальной жизни и включенность сознания в социальные процессы. Указанные принципы очерчивают границы, в которых осуществляется построение картин социальной реальности» [14, с. 43].

Сравнительно-исторический, генетический методы в социологии и языкознании, акты понимания, в том числе «понимающая социология» М. Вебера и Г. Зиммеля; интроспекция, установка на психологизм, практикуемые в социально-гуманитарных науках в конце XIX в., — стали определенными предпосылками становления неклассической и постнеклассической науки.

Переход к неклассическому естествознанию связан с открытиями в физике последнего десятилетия XIX в., среди которых: рентгеновское излучение (1895, *В.-К. Рентген*), радиоактивность (1896, *А.-А. Беккерель*), новые радиоактивные элементы (1898, *П. Кюри* и *М. Склодовская-Кюри*), электрон (1897, *Дж. Томсон*). *Третья научная революция* начинается с опровержения представления о неделимости атома, с мысли о более сложном строении материального мира, а также со становления релятивистской физики.

Список литературы и источников

1. **Визгин В. П.** Математика в классической физике // Физика XIX — XX вв. в общенаучном и социокультурном контекстах: Физика XIX века / отв. ред. В. П. Визгин, Л. С. Полак. М.: Наука, 1995. С. 6—72.
2. **Гегель Г. В. Ф.** Философия природы // Энциклопедия философских наук: в 3 т. / Г. В. Ф. Гегель. Т. 2 / отв. ред. Е. П. Ситковский; ред. коллегия: Б. М. Кедров, М. М. Розенталь, Е. П. Ситковский. М.: Мысль, 1975. С. 7—579. (Философское наследие; т. 64).
3. **Гофман А. Б.** Семь лекций по истории социологии. Изд. 2-е, испр. М.: «Книжный дом “Университет”», 1997. 224 с.
4. **Гринин Л. Е.** Исторический материализм на Западе: история и будущее. Ч. 1: Исторический материализм до 1920-х гг.: анализ достоинств и недостатков концепции // Философия и общество. 2020. № 2 (95). С. 5—34. <https://doi.org/10.30884/jfo/2020.02.01> EDN: ZRUHXT.
5. **Лукач Г.** История и классовое сознание: Исследования по марксистской диалектике / пер. с нем., предисл. С. Н. Земляного. М.: Логос-Альтера, 2003. 416 с.
6. **Маркс К.** Введение (Из экономических рукописей 1857—1858 годов) // Сочинения / К. Маркс, Ф. Энгельс. Изд. 2-е. Т. 12. М.: Гос. изд-во полит. л-ры, 1958. С. 709—738.
7. **Маркс К.** К критике политической экономии // Сочинения / К. Маркс, Ф. Энгельс. Изд. 2-е. Т. 13. М.: Гос. изд-во полит. л-ры, 1959. С. 1—167.
8. **Маркс К.** Критика политической экономии (черновой набросок 1857—1858 годов): [первая половина рукописи] // Сочинения / К. Маркс, Ф. Энгельс. Изд. 2-е. Т. 46. Ч. I. М.: Гос. изд-во полит. л-ры, 1968. С. 43—293.
9. **Маркс К.** Теории прибавочной стоимости (IV том «Капитала»). Ч. 3 (гл. XIX — XXIV) // Сочинения / К. Маркс, Ф. Энгельс. Изд. 2-е. Т. 26. Ч. 3. М.: Гос. изд-во полит. л-ры, 1964. С. 3—568.

10. Михайлина С. А., Хен Ю. В. Глобальный эволюционизм, антропный принцип и устойчивое развитие в современной картине мира: научный и аксиологический аспекты // Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2022. № 3 (35). С. 110—123. <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2022-3-110-123> EDN: NAUGSX.
11. Основы философии науки: учеб. пособие для аспирантов / В. П. Кохановский, Т. Г. Лешкевич, Т. П. Матяш, Т. Б. Фатхи. Изд. 3-е. Ростов н/Д: Феникс, 2004. 603 с.
12. Рубцов А. С. Чарльз Дарвин и теория эволюции [Электронный ресурс] // Наука и жизнь: [портал издания]. 2009. № 1. URL: <https://www.nkj.ru/archive/articles/15252/> (дата обращения: 30.07.2024).
13. Руткевич А. М. Историзм и его критики // Вопросы философии. 2018. № 12. С. 24—36. <https://doi.org/10.31857/S004287440002580-3> EDN: YPXGMX.
14. Степин В. С. Генезис социально-гуманитарных наук (философский и методологический аспекты) // Вопросы философии. 2004. № 3. С. 37—43. EDN: OPRKSF.
15. Философия науки: учеб. пособие / под ред. А. И. Липкина. М.: Эксмо, 2007. 608 с. (Образовательный стандарт XXI).
16. Энгельгардт М. А. Чарльз Ляйелль: Его жизнь и научная деятельность / биографический очерк М. А. Энгельгардта. СПб.: Тип. «Общественная польза», 1893. 80 с. (Жизнь замечательных людей: Биографическая библиотека Ф. Павленкова).
- Bd. 24.1. *Vorlesungen über die Philosophie der Natur. Nachschriften zu den Kollegien der Jahre 1819/20, 1821/22 und 1823/24.* Hrsg. von W. Bonsiepen. Hamburg: Felix Meiner Verlag, 2012. 187—470. (In German).
3. Gofman A. B. *Seven Lectures on History of Sociology.* 2nd ed., rev. Moscow: Knizhnyy dom “Universitet”, 1997. 224 p. (In Russian).
4. Grinin L. E. “Historical Materialism Before the 1920s: An Analysis of the Merits and Demerits of the Concept”. Pt. 1 of “Historical Materialism in the West: History and Future”. *Filosofiya i obshchestvo = Philosophy and Society* 2 (95) (2020): 5—34. (In Russian). <https://doi.org/10.30884/jfio/2020.02.01> EDN: ZRUHXT.
5. Lukács Georg. *Geschichte und Klassenbewusstsein Studien über marxistische Dialektik.* Berlin: Der Malik Verlag, 1923. 341 S. (In German).
6. Marx Karl. „Einleitung zu den ‚Grundrissen der Kritik der politischen Ökonomie‘“. *Werke.* K. Marx, F. Engels. Bd. 42. Berlin: Dietz Verlag, 1983. 15—45. (In German).
7. Marx Karl. „Zur Kritik der politischen Ökonomie“. *Werke.* K. Marx, F. Engels. Bd. 13. Berlin: Dietz Verlag, 1961. 3—160. (In German).
8. Marx Karl. *Grundrisse der Kritik der politischen Ökonomie; (Rohentwurf) 1857—1858; Anhang 1850—1859.* Berlin: Dietz Verlag, 1974. 1102 S. (In German).
9. Marx Karl. „Theorien über den Mehrwert“. (Vierter Band des „Kapitals“). Dritter Teil. *Werke.* K. Marx, F. Engels. Bd. 26. Dritter Teil. Neunzehntes bis vierundzwanzigstes Kapitel und Beilagen. Berlin: Dietz Verlag, 1968. 7—528. (In German).
10. Mikhaylina S. A., Khen J. V. “Global Evolutionism, the Anthropic Principle and Sustainable Development in the Modern Picture of the World: Scientific and Axiological Aspects”. *Ekonomicheskiye i sotsial’no-gumanitarnyye issledovaniya = Economic and Social Research* 3 (35) (2022): 110—123. (In Russian). <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2022-3-110-123> EDN: NAUGSX.
11. Kokhanovskiy V. P., Leshkevich T. G., Matyash T. P., Fatkhi T. B. *Fundamentals of*

References

1. Vizgin V. P. “Mathematics in Classical Physics”. *Fizika XIX — XX vv. v obshchenauchnom i sotsiokul’turnom kontekstakh: Fizika XIX veka.* Eds. V. P. Vizgin, L. S. Polak. Moscow: Nauka, 1995. 6—72. (In Russian).
2. Hegel Georg Wilhelm Friedrich. „Philosophie der Natur: Vorgetragen von dem Professor G. W. F. Hegel zu Berlin. Anno 1822“. *Hegel Georg Wilhelm Friedrich. Gesammelte Werke.*

- Philosophy of Science*: textbook for graduate students. 3rd ed. Rostov-on-Don: Feniks, 2004. 603 p. (In Russian).
12. Rubtsov A. S. “Charles Darwin and the Theory of Evolution”. *Nauka i zhizn'* 1 (2009): n. pag. (In Russian). Web. 30 July 2024. <<https://www.nkj.ru/archive/articles/15252/>>.
 13. Rutkevich A. M. “Historicism and Its Critics”. *Voprosy filosofii* 12 (2018): 24–36. (In Russian). <https://doi.org/10.31857/S004287440002580-3> EDN: YPXGMX.
 14. Stepin V. S. “Genesis of Social and Humanitarian Sciences (Philosophical and Methodological Aspects)”. *Voprosy filosofii* 3 (2004): 37–43. (In Russian). EDN: OPRKSF.
 15. Lipkin A. I., ed. *Philosophy of Science*: textbook. Moscow: Eksmo, 2007. 608 p. (In Russian). *Obrazovatel'nyy standart XXI*.
 16. Engel'gardt M. A. *Charles Lyell: His Life and Scientific Activity*: biographical sketch by M. A. Engelhardt. St. Petersburg: Tipografiya “Obshchestvennaya pol'za”, 1893. 80 p. *Zhizn' zamechatel'nykh lyudey*: Biograficheskaya biblioteka F. Pavlenkova.

Информация об авторах

Михайлина Светлана Анатольевна — кандидат философских наук, доцент, доцент Института высокотехнологичного права, социальных и гуманитарных наук Национального исследовательского университета «МИЭТ» (Россия, 124498, Москва, Зеленоград, пл. Шокина, 1).

Хен Юлия Вонховна — доктор философских наук, ведущий научный сотрудник Института философии РАН (Россия, Москва, 109240, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1).

Information about the authors

Svetlana A. Mikhaylina — Cand. Sci. (Philos.), Assoc. Prof., Associate Professor at Institute of High-Tech Law, Social Sciences and Humanities, National Research University of Electronic Technology (Russia, 124498, Moscow, Zelenograd, Shokin sq., 1).

Julia W. Khen — Dr. Sci. (Philos.), Senior Researcher, Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences (Russia, 109240, Moscow, Goncharnaya st., 12, bldg. 1).

Статья поступила в редакцию 07.07.2024.

The article was submitted 07.07.2024.

Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2024. № 3 (43). С. 107—113.

Economic and Social Research. 2024. No. 3 (43). P. 107—113

Научная статья

УДК 172+323.2

doi: 10.24151/2409-1073-2024-3-107-113

<https://elibrary.ru/huntmf>

Социальная и гражданская идентичность в парадигме гражданского общества

Е. И. Петрова, Е. А. Одинцова

*Донецкий национальный университет экономики и торговли
им. Михаила Туган-Барановского, г. Донецк, ДНР, Россия*

Elena_i_v@inbox.ru

Аннотация. Рассмотрены актуальные вопросы становления гражданского общества в контексте социокультурных проблем развития человечества. Проанализированы теоретические подходы к понятию «идентичность». Акцентировано влияние процессов развития информационных технологий и инноваций на социокультурную, экономико-политическую и другие сферы общественной жизни. Проанализировано понятие идентичности, которая для каждой коллективной общности выступает как самоопределение собственного образа и содержание самосознания. Отмечена важная роль правового государства, которое во взаимосвязи и взаимообусловленности с гражданским обществом в мире модерна и постмодерна составляет пространство формирования гражданской идентичности людей.

Ключевые слова: идентичность, правовое государство, гражданское общество, конституционные права, свободы, обязанности, духовные ценности, патриотизм

Для цитирования: Петрова Е. И., Одинцова Е. А. Социальная и гражданская идентичность в парадигме гражданского общества // Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2024. № 3 (43). С. 107—113. <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2024-3-107-113>
EDN: HUNTMF.

Original article

Social and civic identity in the paradigm of civil society

E. I. Petrova, E. A. Odintsova

*Donetsk National University of Economics and Trade named after
Mikhail Tugan-Baranovsky, Donetsk, Donetsk People's Republic, Russia*

Elena_i_v@inbox.ru

© Петрова Е. И., Одинцова Е. А.

Abstract. In this work, the current issues of the formation of civil society in the context of socio-cultural problems of the development of all mankind are considered. Theoretical approaches to the concept of “identity” are analyzed. The influence of information technology and innovation development processes on socio-cultural, economic, political and other spheres of public life is emphasized. The concept of identity has been analyzed, which acts for each collective community as self-determination of one’s own image and the content of self-consciousness. The important role of the rule of law is noted, which, in interrelation and interdependence with civil society shapes the space for the formation of people’s civil identity in the world of modernity and post-modernity.

Keywords: identity, rule of law, civil society, constitutional rights, freedoms, duties, spiritual values, patriotism

For citation: Petrova E. I., Odintsova E. A. “Social and Civic Identity in the Paradigm of Civil Society”. *Economic and Social Research* 3 (43) (2024): 107—113. (In Russian). <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2024-3-107-113> EDN: HUNTMF.

Введение

Ставший прошлым XX в. — век событий, который в глобальном ключе изменил восприятие привычной жизни, самосознание человека, сформировал новые содержательные элементы национальной, гражданской и социальной идентичности людей и обществ. Глобальные международные столкновения и войны, «холодное» противостояние и гонка вооружений привели международное сообщество к новым масштабным открытиям и инновационным прорывам и открыли новые горизонты для самопознания социальными группами своих особенностей и качеств.

В последние 150—200 лет модернизационные трансформации социальной жизни привели к полному изменению дизайна социального пространства идентификаций: ранее люди и малые группы осознавали себя преимущественно как вассалы того или иного сюзерена, затем как подданные монарха и прихожане церковной общины (члены сельской общины), но к концу XIX в. оформились и в XX в. получили развитие новые поля идентичностей: нации, этносы, политические партии и пр. Эти факторы обусловили актуализацию изучения и анализа понятия «идентичность» как социокультурного феномена.

Изменения, которые потрясли мировое сообщество уже в XX в. (мировые войны, становление и распад тоталитарных режимов, геноциды, массовые репрессии, антропогенные и техногенные катастрофы, применение ядерного оружия), стали факторами формирования новых идентичностей на социальном уровне, а также новых идей и подходов в изучении самого философского концепта идентичности.

Высокий интерес к проблемам идентичности человека (а также различным аспектам концепта индивидуальности, целостности, самости) проявляет себя в различных социально-философских и теоретико-концептуальных дискурсах; в то же время идентичность рассматривается не только как персональная характеристика, ее носителем могут быть малые и большие социальные группы (семьи, комьюнити, этносы) и институты.

Рассмотрим феномены «социальная идентичность» и «гражданская идентичность» в парадигме концепта гражданского общества. Сама идея гражданского общества с развитием процессов глобализации, унификации и интеграции, которые, в свою очередь, внесли коррективы в социальную, культурную, экономическую и политическую сферы жизни общества, — претерпела масштабные изменения.

Национальное самосознание как основа гражданской и национальной идентичностей

В наступившем XXI в. процессы политической, экономической, культурной глобализации, интеграции, унификации интенсифицировались, поэтому существование и сосуществование людей разных этнических и национальных групп оказалось связано с осознанием этими группами общего (объединяющего для всех групп начала) и особенного (делающего группу не похожей на все другие). По сути, поиски общего, особенного и единичного есть процесс самосознания — осознания группой самой себя как социального, культурного и политического единства разных индивидов, объединенных общими чертами: психологическими (мнениями, чувствами, взглядами), морфологическими (цветом кожи, разрезом глаз), а также языком, вероисповеданием, гражданством и пр. Общность проявляется в наличии общего прошлого и переживания истории и будущего разными людьми в одном нарративе. Национальная идентичность в этом случае может проявляться в самоидентификации людей с историческим, языковым, материальным и нематериальным культурным наследием. Человек, идентифицирующий себя с настоящим и прошлым национального единства, осознает себя как часть общности, имеющей целостное и незыблемое прошлое и будущее; в этом отношении пространство осознанной идентичности есть пространство социального и психологического комфорта индивида.

Проблемы гражданской идентичности и разделение концептов и идей нации и гражданской нации представляют особый интерес, высокую актуальность имеет также проблема сущности гражданской идентичности. Большой вклад в формирование теорий национальной и гражданской идентичности, различение их смысловых характеристик внесли представители разных направлений и школ научной и философской мысли:

психологии (З. Фрейда принято считать ученым, который ввел понятие «идентичность» в научный оборот; Э. Эриксон [7] конкретизировал содержание понятия), философии и политологии. В частности, С. Хантингтон, рассматривая понятие «идентичность» с точки зрения отношения индивидуума к различным этническим и национальным группам, в научной работе «Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности» выявил и предложил считать основными следующие атрибутивные характеристики идентичности: ею могут обладать не только отдельные индивиды, но и группы, причем как личности, так и группы могут обладать множественностью идентичностей; идентичности выступают как некие конструкты, которые формируются людьми по желанию, или по принуждению, или по необходимости; являясь результатом взаимодействия конкретного человека или группы с другими индивидами, идентичность определяется как «самость» [6, с. 63]. Нельзя не отметить: среди современных исследователей до сих пор нет консенсуса по поводу генезиса и содержания понятия «идентичность». Однако есть единство по поводу идеи, что именно пространство идентичности группы (нации) является фундаментальной основой становления личности в социокультурной среде.

Современный мир развивается в условиях модернизаций, поэтому пространство идентификации непрерывно изменяется: сдвигаются границы между государствами, возникают и рассыпаются государственные и межгосударственные институты и сами государства. Цифровизация также вызывает масштабные изменения в различных сферах жизни человека и социальных групп. Для того чтобы удержать границы идентичностей и сохранить гомеостаз формирования идентичностей для будущих поколений, национальные группы и государства прибегают к инструментам нациестроительства: *«Нациестроительство или политика идентичности, — пишет Т. В. Растимешина, —*

проводится большинством современных государств. Как правило, она направлена на формирование у нации определенных представлений о себе, своей истории, языке, культуре, религии. В качестве инструментов политики используются официальный язык, школьные программы, национальная история (память), культурное наследие, религиозный фактор, государственные праздники и символика. Политика идентичности призвана обеспечить интеграцию граждан одной нации и государства “поверх” социальных, этнических, конфессиональных границ. С другой стороны, она нацелена на обеспечение единства общества и политической власти, укрепление оснований политической легитимности» [4, с. 131].

Важнейшим инструментом нациестроительства служит трансляция общих и традиционных для общества ценностей. Аксиологические теории также осмысливают феномен идентичности сквозь призму ценностного содержания бытия, акцентируя, что норма, традиция и ценность лежат в основе любой пирамиды идентичности (профессиональной, онтологической, национальной). В этом отношении в качестве индикатора идентичности выступает соответствие индивидуального понимания ценности, нормы, традиции и идеала групповому и общественному, соответственно, делают вывод А. И. Мурыгин и Ю. М. Лустин, «...характерность <...> сравнительного взаимодействия предполагает ценностную меру культурного принятия личностью тех или иных общественно признанных мировоззренческих идеалов, морально-нравственных идей, законодательных норм и требований социума» [3, с. 155—156].

Важнейшим базисным институтом идентификации и пространством идентичности — выполняющим функцию «связующего звена между личностью и государством, “частной” и “публичной” сферами, частными и общими интересами» [2, с. 88], т. е. между человеком и нацией — является

гражданское общество. Гражданское общество — это надличностное и надынституциональное общественное образование с реальной многосубъектностью общественной, экономической, социальной, политической и культурной жизни, являющееся сферой «самопроявления индивидов, сформированных гражданами ассоциаций и организаций, которые на основе социокультурных ценностей создают механизм негосударственного социального контроля, что способствует созданию в обществе консенсуса и стабильности» (приводится по: [1, с. 64]). Гражданское общество есть форма «негосударственного, неполитического общественного взаимодействия, развивающаяся по принципу саморегуляции на базе участия каждого гражданина...» [1, с. 64]; соответственно, это объединение индивидов в пространство общественных отношений, обеспечивающих удовлетворение потребностей и интересов личностей и социальных групп, в том числе потребности в идентичности и права на гражданскую идентичность.

Гражданская идентичность, помимо осознания человеком себя как гражданина одной с другими гражданами страны и члена гражданских общественных отношений, порождает осознание и рефлексию гражданских прав (на жизнь, свободу, предпринимательскую деятельность и др.) и обязанностей (платить налоги, беречь природу, соблюдать законы и пр.), общественных ценностей и норм. Содержание социальной и гражданской идентичности «имманентно процессу сравнительного познания социокультурных смыслов бытия человека в транспарентной парадигме гражданского общества» [3, с. 156]. В связи с этим гражданская идентичность личности выступает условием социальной коммуникации и развития общественных отношений.

Продуктом социального, социокультурного и политического (гражданского) самопознания людей и социумов является осознание собственных интересов и формирование

запроса на формирование новых институтов и структур для построения дизайна цивилизованного, суверенного, экономически развитого гражданского общества и социального государства, которые могут обеспечивать права, свободы и безопасность своим членам. По мере активизации и развития социального самопознания формируется личностная и гражданская позиция членов сообществ, и эти процессы, в свою очередь, являются пространством формирования новых уровней этнической, национальной, социальной, гражданской идентичностей и ответственностей.

Таким образом, гражданское общество является и продуктом, и пространством формирования гражданской идентичности, поскольку, как отмечают Т. В. Растимешина и Ф. С. Антонов, «...в пространстве гражданского общества сопрягается индивидуальное и общественное, общественное и всеобщее, всеобщее и государственное» [5, с. 172].

Гражданское общество, с одной стороны, способствует тому, чтобы индивид имел возможность наиболее полно раскрыть себя, свою индивидуальность, добился успехов и получил признание в любой из сфер общественной жизни, и индивидуальность (индивид со своей системой потребностей и интересов) представляет собой главную ценность гражданского общества. С другой стороны, единение индивидов создает силу гражданского общества и основание для мощи страны. В связи с этим государство в современном мире заинтересовано не столько в создании препятствий, сколько в благоприятствовании развитию гражданской идентичности индивида и гражданских общественных отношений. Этот режим благоприятствования реализуется в нескольких направлениях:

— государственно-правовая регламентация функционирования субъектов гражданского общества и закрепление их конституционно-правового статуса;

— участие субъектов в организации и деятельности органов государственной власти;

— установление правовых запретов вмешательства государства и его представителей в частную, личную жизнь граждан;

— законодательное закрепление конституционного статуса личности.

Выводы

Из всего сказанного выше можно заключить, что формирование гражданского общества является важнейшей задачей современности. Гражданское общество характеризует уровень развития общества, степень его зрелости, оно имеет определенные признаки, структуру, включает вариативные отношения.

Таким образом, национальное самосознание и есть та самая идентичность общества, которая выступает важнейшим фактором развития национальности и государственности в целом.

Понятие правового государства тесно связано с категорией гражданского общества и взаимообусловлено ею. Именно гражданское общество делает государство правовым, а правовое государство может функционировать на основе гражданского общества.

Список литературы и источников

1. *Боярских А. В.* Обзор основных социально-политических теорий гражданского общества // Пробелы в российском законодательстве. 2011. № 3. С. 64—67. EDN: NTUYZX.
2. *Бюрчиева А. А., Убушиева А. Н., Ходыков Д. В.* К вопросу о теоретической сущности гражданского общества в современных условиях // Вестник Института комплексных исследований аридных территорий. 2013. № 2 (27). С. 87—92. EDN: VIBCBL.
3. *Мурыгин А. И., Лустин Ю. М.* Типология социальной идентичности личности в культуре гражданского общества // Проблема единства и многообразия истории: формы преемственности общественного развития:

материалы республ. студ. науч. конф. (16 мая 2020) / отв. ред. Т. Э. Рагозина. Донецк: Соц.-гуманит. ин-т ДонНТУ, 2020. С. 153—157. EDN: GXPJDV.

4. **Растимешина Т. В.** Религиозный фактор в политике идентичности: тенденции глобализации и нациестроительство в России // Вестник МГОУ: электрон. журн. 2012. № 4. С. 128—134. EDN: RGREYL.
5. **Растимешина Т. В., Антонов Ф. С.** Становление и развитие институтов гражданского общества и их взаимодействие с государством // Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2019. № 1 (21). С. 168—179. <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2019-1-168-179> EDN: ZCNQTR.
6. **Хантингтон С.** Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности / [пер. с англ. А. Башкирова]. М.: АСТ, 2008. 635 с.
7. **Эриксон Э.** Идентичность: юность и кризис: пер. с англ. М.: Прогресс, 1996. 342 с. (Б-ка зарубежной психологии).

References

1. Boyarskikh A. V. “The Review of the Basic Sociopolitical Theories of a Civil Society”. *Probely v rossiyskom zakonodatel'stve = Gaps in Russian Legislation* 3 (2011): 64—67. (In Russian). EDN: NTUYZX.
2. Byurchiyeva A. A., Ubushiyeva A. N., Khodykov D. V. “To the Question of the Theoretical Essence of Civil Society on Modern Conditions”. *Vestnik Instituta kompleksnykh issledovaniy aridnykh territoriy* 2 (27) (2013): 87—92. (In Russian). EDN: VIBCBL.
3. Murygin A. I., Lustin Yu. M. “Typology of Personality’s Social Identity in the Culture of Civil Society”. *Problema edinstva i mnogoobraziya istorii: formy preyemstvennosti obshchestvennogo razvitiya: materialy respubl. stud. nauch. konf.* (16 maya 2020). Publ. ed. T. E. Ragozina. Donetsk: Sots.-gumanit. in-t DonNTU, 2020. 153—157. (In Russian). EDN: GXPJDV.
4. Rastimeshina T. V. “The Religious Factor in the Politics of Identity: The Trends of Globalization

and the Construction of the Nation in Russia”. *Vestnik MGOU: elektronnyy zhurnal = Bulletin of Moscow Region State University* 4 (2012): 128—134. (In Russian). Web. 14 Feb. 2024. EDN: RGREYL.

5. Rastimeshina T. V., Antonov F. S. “Formation and Development of Civil Society Institutions and Their Interaction with the State”. *Ekonomicheskiye i sotsial'no-gumanitarnyye issledovaniya = Economic and Social Research* 1 (21) (2019): 168—179. (In Russian). <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2019-1-168-179> EDN: ZCNQTR.
6. Huntington Samuel P. *Who Are We? Challenges to America’s National Identity*. New York: Simon & Schuster, 2005. 448 p.
7. Erikson Erik H. *Identity: Youth and Crisis*. New York: W. W. Norton & Co., 1968. 336 p.

Библиографический список

1. **Иноземцева Е. А.** Гражданское общество: основные социально-философские идеи / Е. А. Иноземцева // Вестник Воронежского государственного технического университета. — 2012. — Т. 8. — № 6. — С. 81—84. — EDN: OZAXVL.
2. **Тхагапсоев Х. Г.** Идентичность как философская категория и мера социального бытия / Х. Г. Тхагапсоев // Философские науки. — 2011. — № S1. — С. 10—25. — EDN: OUWZEJ.

Bibliography

1. Inozemtseva E. A. “Civil Society: The Basic Socially-Philosophical Ideas”. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta = Bulletin of Voronezh State Technical University* 8.6 (2012): 81—84. (In Russian). EDN: OZAXVL.
2. Tkhangapsoyev Kh. “Identity as a Philosophical Category and a Measure of Social Existence”. *Filosofskiye nauki = Russian Journal of Philosophical Sciences* S1 (2011): 10—25. (In Russian). EDN: OUWZEJ.

Информация об авторах

Петрова Елена Игоревна — кандидат философских наук, доцент кафедры правовых и политических наук Донецкого национального университета экономики и торговли им. Михаила Туган-Барановского (Россия, 283050, ДНР, г. Донецк, ул. Щорса, д. 31).

Одинцова Елена Алексеевна — кандидат юридических наук, доцент кафедры правовых и политических наук Донецкого национального университета экономики и торговли им. Михаила Туган-Барановского (Россия, 283050, ДНР, г. Донецк, ул. Щорса, д. 31).

Information about the authors

Elena I. Petrova — Cand. Sci. (Philos.), Associate Professor at the Department of Legal and Political Sciences, Donetsk National University of Economics and Trade named after Mikhail Tugan-Baranovsky (Russia, 283050, Donetsk People's Republic, Donetsk, Schchors st., 31).

Elena A. Odintsova — Cand. Sci. (Law), Associate Professor at the Department of Legal and Political Sciences, Donetsk National University of Economics and Trade named after Mikhail Tugan-Baranovsky (Russia, 283050, Donetsk People's Republic, Donetsk, Schchors st., 31).

Статья поступила в редакцию после доработки 03.09.2024.

The article was submitted after updating 03.09.2024.

Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2024. № 3 (43). С. 114—121.

Economic and Social Research. 2024. No. 3 (43). P. 114—121.

Научная статья

УДК 17:004

doi: 10.24151/2409-1073-2024-3-114-121

<https://elibrary.ru/wpqbfd>

Трансформация инструментария этики в эпоху цифровизации: философский анализ (часть 1)

Н. Н. Равочкин¹, Т. В. Растимешина²

¹ Кузбасский государственный технический университет им. Т. Ф. Горбачева,
г. Кемерово, Россия

¹ Кузбасский государственный аграрный университет им. В. Н. Полецкова,
г. Кемерово, Россия

² Национальный исследовательский университет «МИЭТ», г. Москва, Россия

² Российский государственный социальный университет, г. Москва, Россия

¹ nickravochkin@mail.ru

² rast-v2012@yandex.ru

Аннотация. С позиции философии авторы рассмотрели трансформацию этического инструментария под влиянием дигитализации и привели мнения известных исследователей о взаимосвязи технологий цифровизации с поведенческими паттернами индивидов. Прослежено становление виртуального пространства с еще не оформившимися нормами и правилами intersubjectивных взаимодействий. Рассмотрены дефиниции добра как базовой этической категории. Руководствуясь системно-деятельностным пониманием добра, авторы установили векторы трансформации добра в социальном контексте цифровой эпохи и выявили возможности информационно-коммуникативных технологий в повышении благосостояния общества. Отмечено значение цифровых инструментов реализации конструктивной деятельности для модернизации института образования, преобразования отношений государства и общества, повышения этического уровня жизни социума.

Ключевые слова: цифровизация, дигитализация, ИКТ, этический инструментарий, общество, добро, свобода, человек, поведение, виртуальное пространство, конструктивная деятельность, государство

Для цитирования: Равочкин Н. Н., Растимешина Т. В. Трансформация инструментария этики в эпоху цифровизации: философский анализ (ч. 1) // Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2024. № 3 (43). С. 114—121. <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2024-3-114-121> EDN: WPQBFD.

Original article

Transformation of ethical instruments in the digitalization age: Philosophical analysis (part 1)

N. N. Ravochkin¹, T. V. Rastimeshina²

¹ Kuzbass State Technical University named after T. F. Gorbachev, Kemerovo, Russia

¹ Kuzbass State Agrarian University named after V. N. Poletskov, Kemerovo, Russia

² National Research University of Electronic Technology, Moscow, Russia

² Russian State Social University, Moscow, Russia

¹ nickravochkin@mail.ru

² rast-v2012@yandex.ru

Abstract. In this work, the authors examined from a philosophical perspective the transformation of ethical instruments under the influence of digitalization and cited the opinions of renowned researchers on the relationship between digitalization technologies and the behavioral patterns of individuals. The formation of virtual space with not yet formalized norms and rules of intersubjective interactions is traced. The definitions of goodness as a basic ethical category are considered. Guided by the system-activity understanding of the good, the authors have established the vectors of transformation of the good in the social context of the digital age and have revealed the possibilities of information and communication technologies in improving the well-being of society. The importance of digital tools for the implementation of constructive activity for the modernization of the institute of education, transformation of relations between the state and society, improvement of the ethical level of life of the society has been outlined.

Keywords: digitalization, ethical instruments, ICT, society, good, freedom, human, behavior, virtual space, constructive action, state

For citation: Ravochkin N. N., Rastimeshina T. V. “Transformation of Ethical Instruments in the Digitalization Age: Philosophical Analysis (pt. 1)”. *Economic and Social Research* 3 (43) (2024): 114–121. (In Russian). <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2024-3-114-121> EDN: WPQBFD.

Последние десятилетия ознаменовались проникновением современных информационно-коммуникативных технологий практически во все сферы и аспекты жизнедеятельности личности. Помимо этого, активное разворачивание процессов глобализации и цифровизации привело не только к онтологическим сдвигам окружающей социокультурной среды, но и к изменению мировоззрения человека, так как повлияло на его мировосприятие, миропонимание, оцени-

вание событий и процессов и их интерпретацию. По словам современных исследователей, «вторая половина XX века — триумф информационно-коммуникативных инноваций, которые существенно изменили облик мира и человека» [7, с. 4], — другими словами, изменили общество, которое традиционно привыкло судить о мире с материально-вещественной точки зрения. Усиление процесса дигитализации переводит бытие на язык буквенно-числовых

символов, не имеющих материальной характеристики.

Современные информационные технологии неоднозначно влияют на человека, обостряя вечно актуальные этические вопросы и создавая новые этические вызовы. Несмотря на очевидную необходимость изучения трансформаций этики в условиях «постинформационного» мира, остаются малоизученными в современной научной теории также многочисленные вопросы новой этики. Малый объем научного материала о том, каким образом меняются базовые этические категории под влиянием дигитализации, и фрагментарная практика исследований этой проблемы не способствуют теоретическому обобщению заявленной проблематики. Для построения научной теории необходимо выявить глубинные связи в решении этических вопросов и развитии цифровых форм коммуникации, что и обуславливает актуальность изучения современного аппарата этики. Несмотря на то, что на протяжении столетий ведущие философы и мыслители человечества стремятся выявить особенности взаимосвязи технического прогресса с развитием этического инструментария, в настоящее время единство в научном познании влияния технологий на формирование, восприятие и оценивание базовых этических категорий отсутствует.

Отметим, что тесные взаимосвязи между научными открытиями и этическими трансформациями обнаруживаются еще в исторический период Нового времени, перманентно приобретая всё более внушительные масштабы и глубину. Ж.-Ж. Руссо оценивал влияние на возникновение науки со стороны суеверия, корыстолюбия, гордыни: «...Наши науки и искусства обязаны своим происхождением нашим порокам; мы не так сомневались бы в преимуществах наук и искусств, если бы они были порождены нашими добродетелями» [8, с. 53]. Мыслитель подчеркивал, что «истина достигается ценою

множества заблуждений, и опасность этих заблуждений во сто крат превышает пользу от этих истин» [8, с. 53]. Й. Хёйзинга также усматривал в науке и технологиях деструктивный потенциал, поскольку «общество требует от науки и техники новых средств разрушения», и добавлял, что «та граница, за которой использование науки <...> становится злоупотреблением, зависит от моральной позиции» [11, с. 403—404].

На наш взгляд, более взвешенной выглядит позиция Э. Фромма, в соответствии с которой передовые открытия не следует оценивать в негативной либо позитивной модальности, поскольку достижения науки и техники «должны стать средствами для осуществления целей, установленных разумом и волей человека» [10, с. 292]. В последующем схожие выводы демонстрирует А. Д. Иоселиани, подчеркивающая, что одной из ведущих задач глобальной цивилизации являются «новые формы человеческих отношений», при этом данное вовсе «не означает, что мы должны отказаться от инновационной науки. Мы должны предложить новый подход к жизни и инновациям с учетом того, что техническая цивилизация диктует свои ценности и приоритеты» [4, с. 118]. Поскольку скорость развития технологий превышает развитие моральных ресурсов, требуется «высокий уровень профессионализма, интеллектуальной зрелости и личной ответственности» [4, с. 118]. Другими словами, повышается запрос на ценностно ориентированную деятельность в условиях недостатка моральных норм.

Итак, развитие науки и технологий всегда приводило к противоречиям в философском дискурсе. Сегодня же человечество столкнулось с беспрецедентными по своему масштабу вызовами, обусловленными становлением новых версий постиндустриального (постинформационного, цифрового, технологически детерминированного) общества, жизнедеятельность которого протекает преимущественно в киберпространстве.

Последнее есть «новая среда для общения, образования, карьеры, развития людей, в которой еще нет сложившейся этики» [6, с. 172]. Таким образом, если в физическом мире поведенческие паттерны индивидов и специфика их взаимодействий с другими, как и основные этические категории, в своем оформлении «прошли сквозь века», то практики контактирования человека с киберпространством представляют собой, без преувеличения, новое проблемное поле, а нормы добра и зла в виртуальной коммуникации находятся в стадии своего становления. М. Кастельс обращает внимание на появление «сетевого общества» [5, с. 41] и приводит слова Джеффри Юриса об интерпретации и маршрутизации информации в социальных сетях активистами-хакерами, которые «комбинируют и рекомбинируют культурные коды» [5, с. 380]. В свою очередь, нельзя не зафиксировать изменения ментальности, которые произошли из-за перманентного онлайн, с его анонимностью, гипертекстуальностью, клиповостью, контекстуальностью и рядом других существенных характеристик.

Как отмечает О. А. Гринева, «изменения, происходящие в информационно-коммуникационной сфере, оказывают значительное влияние не только на познавательную деятельность личности, на формирование ее интеллектуальных способностей, форм и способов мышления, но и на восприятие действительности, ее оценку, а также на уровень практических достижений личности в разных видах деятельности» [2, с. 17]. Закономерно, что в первую очередь социальная структура «сетевого общества» оказывает существенное влияние на самого человека, не только на различные аспекты его жизнедеятельности, но и на его мировоззрение, особенности взаимодействия с внешним миром. Сегодня, по словам ученых, «в рамках глобальной информационной среды формируется новый человек» [7, с. 6].

Дигитализация запускает процессы трансформации базовых этических категорий, а именно добра и зла. Остановимся на дефинициях добра. В широко употребляемом значении добро есть «наиболее общее оценочное понятие, обозначающее позитивный аспект человеческой деятельности; является противоположностью зла» [9, с. 163]. Сюда относится любая конструктивная деятельность человека, которая получает социальное одобрение на определенном историческом этапе развития. Согласно философскому словарю под редакцией И. Т. Фролова, добро соотносится с деятельностью свободной воли. Кроме того, добро есть объективная сторона процесса или явления, поэтому описание этой стороны открывает возможности для учета ее ценности, расширяет этическую ее составляющую, так как эмоционально одобряется. Под добром понимается также полезность конкретных предметов материального либо духовного мира и «нравственное качество человека и его поступков» [9, с. 163]. Чтобы иметь целостное представление о добре, обратимся к понятию нравственности, входящему в определение добра. Обобщая известные подходы к понятию нравственности, О. А. Бахчиева делает вывод: «Нравственность является основой духовности, содержанием которой выступают этические ценности, основанные на знаниях и убеждениях, выступающие регулятором поведения и определяющие нравственное сознание и нравственную позицию личности» [1, с. 152]. При этом интернет-источники информации к нравственным качествам человека относят и положительные, и противоположные им, отрицательные, не свойственные духовности. Поэтому ненаучные цифровые источники информации представляют угрозу потери этических ценностей.

Вместе с тем реалии цифровизации положительно влияют на трансформацию личности как одно из проявлений добра: «Виртуализация способствует раскрытию

человеческих способностей, самоизобретению, или обретению собственного “Я” в новых условиях, расшатыванию стереотипного образа мышления» [2, с. 17]. Свобода и анонимность виртуального пространства дает личности возможность раскрыться, проявить креативность в процессе коммуникации, создать собственный дискурс и собственный образ, позволяет примерить на себя различные роли, дает «возможность творить, созидать окружающий мир и пространство вокруг себя, используя информационно-технологические ресурсы» [2, с. 18]. Блоги, мессенджеры, метавселенные, соцсети — все эти регионы виртуального мира способствуют раскрытию коммуникативного потенциала благодаря анонимности, свободе доступа, отсутствию ограничений во времени и расстоянии, установлению безграничного количества контактов, поиску коммуникантов по интересам. Благодаря анонимности пользователи откровенно делятся проблемами, заботами, получают помощь, советы по практике преодоления недугов. Дискуссионные формы интернет-коммуникаций позволяют проявить лидерские качества, стимулируют находчивость. Таким образом расширяется деятельность свободной воли, соответствующая понятию добра.

Влияние современных цифровых технологий на воображение, интуицию, логику, мышление оценивается как позитивное, развивающее. Главным образом это объясняется оперативным и успешным характером процессов адаптации человека к вечным и новым аксиологическим модусам. По мнению О. А. Гриневой, современные цифровые технологии способствуют участливости. Последнее положение вызывает критику со стороны философов-пессимистов, которые полагают, что исключение личности из системы социальных взаимодействий и погружение в виртуальную реальность, наоборот, влечет за собой снижение умения сопереживать, сочувствовать [3, с. 73].

Под влиянием Интернета у человека формируется способность быстро принимать решения, что может выступать свидетельством формирования новых личностных качеств, которые обеспечат адаптацию личности к новым условиям социокультурной среды. Однако, к сожалению, есть и обратная сторона этого влияния — развитие краткосрочной памяти и «клипового мышления», характерной чертой которого выступает его поверхностность, утрачивается способность глубоко вникать в ту или иную проблему: «Навык к быстрому и постоянному просматриванию сайтов, серфингу в Интернете ведет к тому, что интеллектуальная деятельность становится поверхностной» [3, с. 66]. Вместе с тем высокая скорость получения информации дает пользователям больше знаний о наличной действительности. Виртуальные методы развития креативности действуют благодаря доступу к справочной информации, интерактивным базам научных центров, энциклопедиям, словарям. Характерно, что благодаря регулярному обновлению виртуальных лабораторий, имитационных и электронных ресурсов, а также информационно-поисковых справочников, конструирование которых осуществляется в соответствии с усложнением социального, удовлетворяются когнитивные и смежные им запросы субъектов. Электронные платформы являются также средствами организации взаимодействия в профессиональном сообществе, что способствует повышению уровня компетентности специалистов.

Овладение необходимой информацией и выстраивание на ее основе знаний, реализуемых в решении актуальных задач человеческого бытия, требует технологии развития нравственных, гуманитарных, патриотических качеств, с одной стороны. С другой стороны, способствует развитию таких компетенций, как самостоятельность и самоуправление, ответственность, уменьшает риски взаимодействия в современном обществе: «Формирование способности личности

к самоуправлению, контроля за своим социальным поведением, активной нравственной жизненной позиции, а также потребности в саморазвитии становится главной задачей общества» [3, с. 74]. Социальная миссия высшего образования сегодня решает задачу подготовки личности, способной реализовать себя в жизни и участвовать в решении проблем государства.

К сожалению, вне образовательного процесса человек не всегда имеет возможность для самовыражения по ряду причин: влияние со стороны различных, взаимоисключающих идеологий, политических партий. Это и психологические причины: боязнь осуждения окружающих, врожденная скромность; в сети Интернет влияние последних факторов снижается или полностью нивелируется. В данном аспекте можно говорить о трансформациях морального проявления добра, формировании новых нравственных качеств и свойств личности, скорее, личностных качеств и свойств, которые обладали высокой ценностью еще в традиционном обществе, но сегодня актуализируются под влиянием информационно-коммуникативных технологий (ИКТ) образования. Речь идет о содействии становлению личности обучаемого, постижению «науки добра» (Монтень), без которой образование не имеет смысла, потому что приносит вред. При этом ученые подчеркивают, что «целью изменений человеческой природы является как улучшение конкретных физических и когнитивных человеческих способностей, так и радикальное превращение человека, вплоть до достижения бессмертия» [3, с. 60].

Повышение качества мышления, наличие возможностей для раскрытия креативных потенциалов, свобода выбора, обусловленная таким принципом цифровой дидактики, как персонализация, неизменно оптимизируют систему социальных взаимодействий. Насыщенная образовательная система цифровой дидактики имеет личностную направленность и включает, в отличие

от традиционной системы, принцип оценивания. Это влечет за собой конструктивные изменения личности и общества, в моделировании которого принимают участие свободные, креативные индивидуумы. Оптимистически настроенные философы полагают, что в условиях разобщенности социума под влиянием цифровизации достичь сплочения, требующего нравственных отношений в социуме по принципу социальной справедливости, возможно посредством ИКТ. Обеспечение этой задачи на базе современных ИКТ характеризуется следующими факторами:

1) снимается дихотомия «умственный труд — физический труд»: в результате чередования умственной и физической деятельности стираются границы женского и мужского труда, что способствует равноправию как решению проблемы гендерной дискриминации, соответственно расширяется кадровый потенциал и меняется стратегия кадровой политики в обучении персонала, что способствует повышению профессионального уровня сотрудников;

2) снижается необходимость физического присутствия сотрудников на рабочем месте, с использованием ИКТ практикуется дистанционная рабочая деятельность;

3) современные ИКТ дают участие в производственных, экономических процессах людям разных возрастов, и детям, и пожилым, а также социальной категории граждан с ограниченными возможностями;

4) опосредованный характер сетевого общения приводит к снижению значимости, актуальности важнейших для традиционного межгендерного общения характеристик, например привлекательности [3].

Иными словами, цифровизация вовлекает в производственные процессы людей, которые ранее не имели такой возможности, что позволяет говорить о социальном равенстве в глобальном обществе будущего. В данном аспекте ИКТ, современные цифровые технологии рассматриваются как

средство достижения социальной справедливости, — достижения такого устройства государства, которое устраивало бы все слои общества. Иными словами, переосмысление понятия добра здесь означает гармонию взаимоотношений государства и общества, с использованием цифровых инструментов реализации конструктивной деятельности.

Гибкость, динамичность, обратимость цифровых средств позволяет без внушительных инвестиций осуществить перепрограммирование организации, повысить социальный успех отдельных индивидов, групп и более широких общностей. При этом важно подчеркнуть, что повышение благополучия глобального социума сопровождается усилением позиций культуры потребления, материальные ценности воспринимаются как основные в жизни современного человека и общества, что не отвечает истинным потребностям личности. Иными словами, «в обществе потребления творчество личности представляет собой творчество эгоиста, направленное на удовлетворение личных потребностей» [3, с. 52—53].

Одним из негативных последствий погружения в виртуальную реальность является прогрессирование «пассивного созерцания текущей жизни» [3, с. 40—41], утрата личностью активности, неспособность принять на себя активную жизненную позицию, т. е. утрачивается способность и возможность реализовывать конструктивную деятельность.

Соответственно, на основании анализа теоретических источников можно сделать вывод, что новые формы цифровых коммуникационных технологий оказывают влияние на моральные и социальные факторы проявления добра как следствия конструктивной деятельности. На моральном уровне формируются новые личностные качества, умения, компетенции. Цифровые технологии способны предоставить человеку свободу, избавить от необходимости тяжелой физической работы, от выполнения рутинных обязанностей. Поэтому свободный человек «пост-

информационного мира» сможет посвятить себя творчеству, искусству, науке; можно полагать, что так он обретет долголетие, избавится от физических недугов. В творчестве как деятельности по созданию ценностей духовных человек неизменно руководствуется исключительно нормами морали, нравственности. Общество будущего, богатое ценностями материальными, культурными и духовными, — это общество свободных людей, которые не имеют ограничений для интеграции своих идей и способностей в производственные и экономические процессы.

Список литературы и источников

1. *Бахчиева О. А.* Подходы к определению понятия нравственности // Наука и школа. 2013. № 4. С. 147—153. EDN: RCWEXL.
2. *Гринева О. А.* Трансформация человеческого бытия в условиях современного информационного общества: социально-философский анализ: автореф. дис. ... канд. филос. наук: 09.00.11. Красноярск, 2017. 21 с. EDN: BDHSVQ.
3. *Гринева О. А.* Трансформация человеческого бытия в условиях современного информационного общества: социально-философский анализ: дис. ... канд. филос. наук: 09.00.11. Красноярск, 2017. 154 с. EDN: ZJTQPR.
4. *Иоселиани А. Д.* Особенности повседневной жизни человека в цифровом мире // Манускрипт. 2020. Т. 13. № 4. С. 115—119. <https://doi.org/10.30853/manuscript.2020.4.23> EDN: VYMWIU.
5. *Кастельс М.* Власть коммуникации / пер. с англ. Н. М. Тылевич; под науч. ред. А. И. Черных. 2-е изд., доп. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2017. 590 с. (Переводные учебники ВШЭ).
6. *Осицкая Н. В., Муратова И. А.* Трансформация этических ценностей в условиях развития цифровых технологий // Манускрипт. 2020. Т. 13. № 1. С. 171—175. <https://doi.org/10.30853/manuscript.2020.1.35> EDN: TOVBUT.
7. От «человека информационного» к «человеку цифровому» / А. С. Некрасов, С. И. Некрасов, Н. А. Некрасова, В. В. Клепацкий // Вестник Университета Российской академии образования. 2019. № 3. С. 4—10. EDN: LIQTUO.
8. *Руссо Ж.-Ж.* Рассуждение о науках и искусствах // Избранные сочинения: в 3 т. /

- Ж.-Ж. Руссо. Т. 1. М.: Гослитиздат, 1961. С. 41—64.
9. *Философский словарь* / под ред. И. Т. Фролова. 7-е изд., перераб. и доп. М.: Республика, 2001. 719 с.
10. *Фромм Э.* Душа человека; Революция надежды. М.: АСТ, 2016. 348 с. (Философия — Neoclassic).
11. *Хёйзинга Й.* Homo Ludens. В тени завтрашнего дня / [пер. с нидерл. В. Ошиса]. М.: АСТ, 2004. 539 с. (Philosophy).

References

- Bakhchiyeva O. A. "Approaches to Definition of Concept of Morality". *Nauka i shkola = Science and School* 4 (2013): 147—153. (In Russian). EDN: RCWEXL.
- Grineva O. A. *Transformation of Human Existence under the Conditions of Contemporary Information Society: Socio-Philosophical Analysis*: extended abstract of Cand. Sci. (Philos.) Diss. Krasnoyarsk, 2017. 21 p. (In Russian). EDN: BDHSVQ.
- Grineva O. A. *Transformation of Human Existence under the Conditions of Contemporary Information Society: Socio-Philosophical Analysis*: Diss. for the Cand. Sci. (Philos.). Krasnoyarsk, 2017. 154 p. (In Russian). EDN: ZJTQPR.
- Ioseliani A. D. "Specificity of Human Everyday Life in the Digital World". *Manuskript = Manuscript* 13.4 (2020): 115—119. (In Russian). <https://doi.org/10.30853/manuskript.2020.4.23> EDN: VYMWIU.
- Castells Manuel. *Communication Power*. 2nd ed. Oxford: Oxford Univ. Press, 2013. 574 p.
- Osintseva N. V., Muratova I. A. "Transformation of Ethical Values Under the Conditions of Digital Technologies Development". *Manuskript = Manuscript* 13.1 (2020): 171—175. (In Russian). <https://doi.org/10.30853/manuskript.2020.1.35> EDN: TOVBUT.
- Nekrasov A. S., Nekrasov S. I., Nekrasova N. A., Klepatskiy V. V. "From the 'Information Man' to the 'Digital Man' ". *Vestnik Universiteta Rossiyskoy akademii obrazovaniya = Herald of the University of Russian Academy of Education* 3 (2019): 4—10. (In Russian). EDN: LIQTUO.
- Rousseau Jean-Jacques. *Discours sur les sciences et les arts* (1751). Paris: Le Livre de Poche, 2004. 96 p. (In French).
- Philosophical Dictionary*. Ed. by I. T. Frolov. 7th ed., rev. and upd. Moscow: Respublika, 2001. 719 p. (In Russian).
- Fromm Erich. *The Heart of Man: Its Genius for Good and Evil*. Ed. Ruth Nanda Anshen. New York: Harper & Row, 1964. 151 p.
- Huizinga Johan. *In de schaduw van morgen*. Leusden: ISVW Uitgevers, 2019. 158 p. (In Dutch).

Информация об авторах

Равочкин Никита Николаевич — доктор философских наук, доцент, профессор кафедры истории, философии и социальных наук Кузбасского государственного технического университета им. Т. Ф. Горбачева (Россия, 650000, Кемеровская обл., г. Кемерово, ул. Весенняя, д. 28); профессор кафедры педагогических технологий Кузбасского государственного аграрного университета им. В. Н. Полецкова (Россия, 650056, Кемеровская обл., г. Кемерово, ул. Марковцева, д. 5).

Растимешина Татьяна Владимировна — доктор политических наук, доцент, главный редактор журнала «ЭСГИ» Национального исследовательского университета «МИЭТ» (Россия, 124498, Москва, Зеленоград, пл. Шокина, д. 1); заведующая кафедрой политологии и прикладной политической работы Российского государственного социального университета (Россия, 129226, Москва, ул. Вильгельма Пика, д. 4/1).

Information about the authors

Nikita N. Ravochkin — Dr. of Philosophy, Assoc. Prof., Professor at the History, Philosophy and Social Sciences Department, Kuzbass State Technical University named after T. F. Gorbachev (Russia, 650000, Kemerovo region, Kemerovo, Vesenniyaya st., 28); Professor at the Educational Technologies Department, Kuzbass State Agrarian University named after V. N. Poletskov (Russia, 650056, Kemerovo region, Kemerovo, Markovtseva st., 5).

Tatiana V. Rastimeshina — Dr. Sci. (Polit.), Assoc. Prof., Editor-in-Chief of "ESGI" journal, National Research University of Electronic Technology (Russia, 124498, Moscow, Zelenograd, Shokin sq., 1); Head of the Department of Political Science and Applied Political Work, Russian State Social University (Russia, 129226, Moscow, Wilhelm Pieck st., 4/1).

Статья поступила в редакцию 03.09.2024.

The article was submitted 03.09.2024.

Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2024. № 3 (43). С. 122—130.

Economic and Social Research. 2024. No. 3 (43). P. 122—130.

Научная статья

УДК 1:316.47 + 177.7

doi: 10.24151/2409-1073-2024-3-122-130

<https://elibrary.ru/seyutk>

Феноменология лидерства (на примере трилогии Дж. Р. Р. Толкина «Властелин колец»)

О. А. Самольянов

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Москва, Россия

osamolyanov@hse.ru

Аннотация. Описаны характерные черты российского дискурса о лидерстве конца XX — начала XXI вв., сделаны предположения о природе лидерства, проведен анализ этого феномена на примере трилогии Дж. Р. Р. Толкина «Властелин колец». Предложена и использована методология анализа, основанная на предположении: лидерство обладает своим собственным бытием, и его можно определить как смысло-волевой импульс, который направлен на то, чтобы проявиться в сущем в виде реализации определенной цели, а люди становятся «инструментами» этого проявления в определенных обстоятельствах. Проанализированы проявления феномена лидерства в поведении героев и его диалектическая взаимосвязь с понятием ответственности за результат. Сформулированы выводы относительно влияния сделанного предположения на методику анализа лидерства в различных ситуациях и его результаты.

Ключевые слова: лидерство, феномен лидерства, лидер, поведение лидера, смысл, воля, феноменология, моральный выбор

Для цитирования: Самольянов О. А. Феноменология лидерства (на примере трилогии Дж. Р. Р. Толкина «Властелин колец»). 2024. № 3 (43). С. 122—130. <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2024-3-122-130> EDN: SEYUTK.

Original article

Phenomenology of leadership (the case of J. R. R. Tolkien's trilogy "The Lord of the Rings")

O. A. Samolyanov

National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia

osamolyanov@hse.ru

© Самольянов О. А.

Abstract. In this work, the author describes the characteristic features of the Russian discourse on leadership of the late 20th — early 21st centuries, makes assumptions about the nature of leadership, and analyses this phenomenon on the example of the trilogy “The Lord of the Rings” by J. R. R. Tolkien. The author proposes and uses a methodology of analysis based on the assumption that leadership has its own existence and it can be defined as a meaning-volitional impulse, which is aimed at manifesting itself in being in the form of the realization of a certain goal, and humans become “instruments” of this manifestation in certain circumstances. The manifestations of the phenomenon of leadership in the behavior of heroes and its dialectical interrelation with the concept of responsibility for the result have been analyzed. The conclusions concerning the influence of author’s assumption on the methodology of the analysis of leadership in different situations and its results are formulated.

Keywords: leadership, phenomenon of leadership, leader, leadership behavior, meaning, will, phenomenology, moral choice

For citation: Samolyanov O. A. “Phenomenology of Leadership (the Case of J. R. R. Tolkien’s trilogy ‘The Lord of the Rings’)”. *Economic and Social Research* 3 (43) (2024): 122—130. (In Russian). <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2024-3-122-130> EDN: SEYUTK.

Введение

За последние 30 с небольшим лет слово «лидерство» уверенно вошло в обиход в новом значении, напрямую связанном с понятиями «управление» и «руководство». Для России постсоветского периода характерно среди прочего то, что российские руководители в освоении науки управления стали ориентироваться прежде всего на Запад. Многие из них выучились в западных бизнес-школах, созданные в России образовательные институты (факультеты вузов, бизнес-школы и пр.) тоже либо основывали свои программы на западных моделях, либо заключали прямые партнерские соглашения и преподавали готовые западные курсы, часто на языке оригинала. Обучение на английском языке, появление в России западных корпораций с менеджментом из других стран (в некоторых из них языком внутреннего общения стал английский) привело к созданию своеобразного российского корпоративного пиджина (*pigeon English*), в котором закрепилось новое понимание слова

«лидерство»: в общении с менеджерами крупных корпораций нам приходилось слышать выражения «я лидирую команду из десяти человек» или «мне поручили лидировать проект», хотя в русском литературном языке глагол «лидировать» не относится к переходным.

Данная статья является попыткой разобраться в сути феномена лидерства, осуществить декомпозицию сущности лидерства на примере взаимоотношений героев трилогии Дж. Р. Р. Толкина «Властелин колец».

Обоснуем причины обращения к этой трилогии. Для иллюстрирования наших рассуждений о лидерстве мы решили использовать историю, с большой степенью вероятности известную значительному количеству людей, руководствуясь двумя соображениями.

Во-первых, динамика человеческих отношений — исключительно сложный объект наблюдения, а наличие внутренних переживаний каждого из их участников делает большую часть процесса недоступной для

наблюдателя. Если группа людей совместно пройдет путь к цели, крайне велика вероятность того, что у стороннего наблюдателя (исследователя), а также у каждого члена группы сложится свое, отличное от других видение путешествия. В этом отношении определенные феномены групповой динамики можно исследовать на примере полностью вымышленных или реальных историй, при этом преимущества вымышленной истории в том, что автор также выступает в роли наблюдателя и раскрывает внутреннее переживания героев, которые являются причинами их поступков и поведения по отношению друг к другу.

Во-вторых, вымышленная история должна быть достаточно узнаваемой, поведение героев и причины этого поведения должны быть знакомы на некотором архетипическом уровне, чтобы человек, воспринимающий историю, с интересом следил за ней и ждал продолжения, а не удивлялся нелогичности или невероятности поступков героев. История Братства Кольца в этом смысле кажется нам близкой к идеальной¹. Так, Е. Н. Груздева и В. В. Калмыкова, обсуждая феномен популярности трилогии в СССР, отмечают, что «“Властелин колец” оказался поистине *культовой* книгой, не только популярной, но и чувствительно воздействовавшей на массовое сознание, и, более того, ставшей основой для формирования грандиозной субкультуры. <...> Данный феномен объясняется характеристиками трилогии, которые можно интерпретировать как *характеристики мифа*, необходи-

мого в XX — XXI вв. для того, чтобы *предоставить каждому человеку универсальное пространство персонального бытия и восстановить целостность восприятия мира*» [1, с. 76].

Наше предположение заключается в том, что история не стала бы настолько популярной, если бы не обладала качеством узнаваемости: читатель так или иначе идентифицирует себя с тем или иным героем и понимает, что в схожей ситуации он мог бы испытывать те же самые чувства и совершать такие же поступки. В этом смысле количество поклонников произведения и его неугасающая популярность говорят сами за себя².

Лидерство как явление

Все теории лидерства можно условно разбить на две категории: концепции, выделенные в работе Н. И. Гусевой, согласно которым, лидерство — это или «особый случай межличностного влияния, благодаря которому человек или группа людей делают то, что лидер хочет от них», или «наличие определенного набора качеств, приписываемого тем, кто успешно оказывает влияние...» [2, с. 83]. С нашей точки зрения, лидерство — явление, при котором реализуется способность одного человека (лидера) побуждать другого (последователя) совершать добровольные действия, направленные на достижение определенной цели. Феномен лидерства подразумевает наличие как минимум трех компонентов: лидера (того, кто оказывает влияние, побуждает к действию), хотя бы одного последователя (того, кто подвержен влиянию) и общей цели. Добровольное дей-

¹ По информации издательства HarperCollins Publishers, было продано более 150 млн экз. различных изданий этой знаменитой трилогии Дж. Р. Р. Толкина. По ее мотивам режиссер П. Джексон снял три фильма, получивших в общей сложности 17 статуэток «Оскар».

² По результатам обработки русскоязычных ресурсов с применением разработанного в Воронежском государственном университете количественного подхода к оценке значимости литературных произведений [3] трилогия «Властелин колец» вошла в десятку наиболее влиятельных в мире книг в своем жанре.

ствие — это действие, которое человек инициирует сам на основании убежденности в том, что оно поможет ему достичь желаемой им самим цели. Примем за аксиому, что добровольное действие никогда не делается ради самого действия, у него всегда есть побудительный мотив, причина. Другими словами, действующий верит, что он, совершая действие, достигает какой-то важной для себя цели.

Рассмотрим для примера взаимоотношения в группе из трех человек: лидера, последователя и наблюдателя. Примем, что для того, чтобы признать наличие феномена лидерства, нам нужно, чтобы все трое пришли к согласию относительно определенных воспринимаемых свойств этого феномена³. Исходя из определения, лидер имеет цель и, двигаясь к ней, совершает действия, которые побуждают последователя принять добровольное решение следовать за лидером ради достижения этой цели. Пока никем из последователей никакого действия совершено не было, мы можем говорить лишь о потенциальном или предполагаемом лидерстве. Лидер может думать, что он способен своим поведением сподвигнуть последователя на определенные действия, последователь может думать, что если лидер сделает что-то, он отреагирует определенным образом, наблюдатель тоже может этого ожидать. Но пока действия не совершены, лидерство латентно, не проявилось. Если же, как в случае с Данко (персонажем рассказа М. Горького «Старуха Изергиль»⁴), у героя было намерение занять

лидерскую позицию, он совершил соответствующее действие — призвал людей идти к цели — и они ответили: «Веди ты нас!», т. е. выразили готовность следовать за ним, это означает, что феномен лидерства проявлен полностью. Приняв это как факт, мы можем подвергнуть анализу поведение лидера, наличие у него определенных качеств, реакцию последователей на это поведение и качества, конечные результаты, их зависимость от лидера, последователей, цели и контекста.

Рассматривая аксиологические аспекты лидерства, Д. В. Корнюхов отмечает: «Именно философия способна наиболее целостно обобщить результаты исследований, вывести аксиологические и мировоззренческие основания лидерства и дать наиболее интегральный и системный анализ этой проблематики» [4, с. 66]. Поэтому, прежде чем перейти собственно к анализу текста трилогии, предлагаем совершить определенное мыследействие по переносу фокуса, или «предмет-объектную рокировку». До этого действия методология нашего исследования могла выглядеть так: мы — субъект исследования, группа героев трилогии Дж. Р. Р. Толкина — его объект, а феномен лидерства — предмет. Однако далее предлагаем рассматривать феномен лидерства в качестве объекта исследования, тогда как группу людей, в отношениях которой этот феномен проявляется, — предмета. Иными словами, предположим, что лидерство обладает своим собственным бытием и его можно определить как смысло-волевой импульс, направленный на то, чтобы проявиться в сущем в виде реализации определенной цели, а люди становятся «инструментами» этого проявления в определенных обстоятельствах.

³ Здесь проявляется еще один плюс художественного произведения: в качестве наблюдателя выступает его автор, все его наблюдения зафиксированы и не могут быть изменены.

⁴ *Горький М.* Полное собрание сочинений: художественные произведения: в 25 т. Т. 1. М.: Наука, 1968. С. 92–96.

Введя понятие «смысло-волевой импульс», раскроем его значение, для чего предложим варианты понимания двух составляющих его частей: смысла и воли. За разъяснениями этих понятий обратимся к тем философам, имена которых более всего ассоциируются с этими понятиями. В случае с понятием «смысл» — к австрийскому философу и психотерапевту В. Франклу (1905—1997). Он говорил о смысле как о чем-то, что должно быть реализовано: «Не последний из уроков, которые мне удалось вынести из Освенцима и Дахау, состоял в том, что наибольшие шансы выжить даже в такой экстремальной ситуации имели, я бы сказал, те, кто был направлен в будущее, на дело, которое их ждало, на смысл, который они хотели реализовать» [6, с. 36]. Размышляя о «воле», обратимся к немецкому философу А. Шопенгауэру (1788—1860), который утверждал: «Воля сама по себе бессознательна и представляет собой лишь слепой, неудержимый порыв, — такой она проявляется еще в неорганической и растительной природе и ее законах, как и в растительной части нашей собственной жизни. Но благодаря привходящему, развернутому для служения воле миру представления, она получает познание своего желания и того, что составляет предмет последнего: оказывается, он есть не что иное, как этот мир, жизнь, именно такая, какова она есть» [7, с. 453], и далее: «Воля как таковая свободна: это следует уже из того, что она, согласно нашему взгляду, есть вещь в себе, опора всякого явления» [7, с. 472]. Таким образом, смысло-волевой импульс можно определить как совокупность неудержимого порыва воли и смысла, который с помощью этого порыва должен быть реализован.

Лидерство как проявление особых качеств цели

Важно отметить, что лидерство как явление, как правило, возникает вследствие необходимости, которая, в свою очередь, проявляется как следствие особых качеств цели. Для появления лидерства не подойдет любая цель, она должна быть как минимум нетривиальной. Другими словами, если человек полностью удовлетворен ситуацией, у него не возникнет цели. Чтобы цель возникла, необходим мотив, стремление удовлетворить какую-либо потребность на психофизическом уровне или реализовать одну из задач, которые В. Франкл связывал с самотрансценденцией человеческого существования. Объясняя смысл таких задач, он писал, что «человеческое бытие всегда ориентировано вовне на нечто, что не является им самим, на что-то или на кого-то: на смысл, который необходимо осуществить, или на другого человека, к которому мы тянемся с любовью» [6, с. 29].

В истории, рассказанной Дж. Р. Р. Толкином, цель заключалась в том, чтобы бросить Кольцо Всевластья в жерло горы Ородруин⁵. Контекстом для этой цели является пробуждение Саурана, Темного Властелина, который «воплощает собою максимально возможное приближение к абсолютно злой воле»⁶, его знание о том, что Кольцо нашлось и где его искать. Более широким контекстом — опасность для всего мира, в случае если Саурон найдет Кольцо, и желание Гэндальфа не допустить этого. Еще более широким — глобальное противостояние сил добра

⁵ *Tolkien J. R. R.* The Lord of the Rings [web]. P. 61 // HarperCollins e-books: [site]. URL: <https://www.harpercollins.com/products/the-lord-of-the-rings-jrr-tolkien?variant=39999349817378> (accessed: 01.09.2024).

⁶ *Толкин Дж. Р. Р.* Письма / пер. с англ. С. Б. Лихачевой. М.: АСТ, 2019. С. 357.

и зла, которые в рамках данной истории символизируют Гэндальф и Саурон. Двигаясь таким образом, шаг за шагом от множественности к единому, уместно вспомнить Гераклита: «Должно знать, что война общепринята, что вражда — обычный порядок вещей (δίκη), и что все возникает через вражду и заимообразно...» [5, с. 201] и «Война (Полемос) — отец всех, царь всех: одних она объявляет богами, других — людьми, одних творит рабами, других — свободными» [5, с. 202].

Итак, для того чтобы проявилось лидерство, необходимы лидер, хотя бы один последователь и цель. Цель должна быть нетривиальной, как минимум для последователя. Цель всегда возникает в контексте, который, будучи рассмотрен на высоком уровне обобщения, заключается в некотором противостоянии. Поэтому анализ лидерства как феномена имеет смысл начинать с ответа на вопрос, о какой войне идет речь. Вторым будет вопрос о цели. И только на третьем шаге мы можем наконец задать вопрос «Кто участвует?».

Путешествие Братства Кольца

Мы знаем, что целью группы было уничтожение Кольца и что единственным способом это сделать было бросить его в жерло Ородруина в Мордоре: «...Тогда сила Саурана растаяла бы, а само его существо уменьшилось бы вплоть до полного исчезновения, так что он превратился бы в тень, в жалкое воспоминание о злонамеренной воле. Его нельзя было расплавить ни в каком огне, кроме лишь того неугасимого подземного пламени, где оно было отковано, — недостижимого пламени Мордора»⁷.

⁷ Толкин Дж. Р. Р. Письма, с. 227.

В Братстве Кольца трудно выделить одного лидера. Инициатором похода выступает волшебник Гэндальф, именно он побуждает хоббита Фродо Бэггинса принять решение отправиться в путешествие. Однако сам Гэндальф покидает Шир в одиночестве, а Фродо становится естественным лидером группы хоббитов, которые отправляются с ним. В пути к группе присоединяется Арагорн⁸, который делит с Фродо функции лидера — ведет группу в качестве проводника и защитника, — но Фродо по-прежнему выступает в качестве хранителя Кольца, а хоббиты, друзья Фродо, продолжают считать лидером его.

После того как на совете у Элронда в Ривенделле Фродо берет на себя ответственность за то, чтобы отнести Кольцо в Мордор⁹, Гэндальф возглавляет группу. Эта ситуация демонстрирует интересную диалектику лидерства и ответственности за реализацию цели. Гэндальф, инициатор всего похода, отказался нести Кольцо сам из опасений, что не справится с задачей из-за того, что подпадет под влияние Кольца. Фродо признал свою миссию и связанную с ней ответственность, но не был способен дойти до цели самостоятельно или в качестве формального лидера группы: ему нужен был кто-то, способный защитить группу и указать путь. Таким образом в группе появляются лидерские роли: лидер-инициатор, лидер-проводник и лидер-хранитель.

После того как Гэндальф, спасая отряд, сгинул в подземельях Мории, роль лидера-проводника взял на себя Арагорн¹⁰. В определенный момент Боромир попытался отобрать у хоббита Кольцо. Это была заявка на

⁸ Tolkien J. R. R. The Lord of the Rings, p. 170.

⁹ Tolkien J. R. R. Op. cit., p. 270.

¹⁰ Ibid., p. 331.

смену и лидерства, и цели¹¹, но попытка провалилась, и Фродо принял решение дальше путешествовать в одиночку. Его слуга и соратник Сэм Гэмджи присоединился к нему, и Фродо стал полноценным лидером их маленькой группы¹², объединив в себе роли и лидера-проводника, и лидера-хранителя. Важно отметить, что несмотря на разделение группы каждый из участников, вышедший из Ривенделла (за исключением погибшего Боромира), продолжал действовать и проявлять лидерство ради достижения общей цели. Можно сказать, что лидерство как смысло-волевой импульс продолжало проявляться через действия участников Братства: ради общей цели Гэндальф возвратился в образе Белого Всадника, Арагорн возглавил войско мертвых, хоббиты Мерри и Пиппин убедили энтов присоединиться к борьбе.

Анализ

Если бы мы в начале исследования остались на традиционной позиции, рассматривая лидерство в качестве предмета, пришлось бы признать, что Фродо и Гэндальф потерпели поражение, ведь в конце пути Фродо решил оставить Кольцо себе, и лишь нападение Голлума спасло мир от катастрофы.

Однако, опираясь на наше предположение о том, что лидерство имеет собственное бытие, мы рассматриваем не столько историю похода группы людей ради выполнения определенной цели, сколько историю бытия смысло-волевого импульса в поведении группы людей. Поэтому наше внимание фокусируется не только на ключевых моментах

проявления лидерства, но и на менее заметных событиях, описанных автором. Первое такое событие — разговор Гэндальфа и Фродо в начале истории: Фродо выражает сожаление, что Бильбо Бэггинс не убил Голлума, когда мог¹³, а Гэндальф отвечает: «Жалость и милосердие: не убивать без нужды»¹⁴. Эти слова Фродо вспоминает, когда Сэм хочет убить Голлума, и они дают ему силы не делать этого¹⁵. Эти два эпизода морального выбора оказываются не менее важны, чем тот выбор, который Фродо делает в конце своего путешествия. С этих позиций смысло-волевой импульс, который мы определили как лидерство, достиг своей конечной цели и каждый выбор на этом пути был верным. Однако моральные выборы Бильбо и Фродо возвращают нас к вопросу «В какой войне участвуют герои?». Если это соревнование за то, кто первым доберется до источника власти, то принятые моральные решения были ошибочными. Если это битва добра и зла, то они были верными.

Выводы

Взяв в качестве примера выдуманную историю, мы продемонстрировали возможности анализа феномена лидерства с позиции наличия у феномена онтологического суверенитета. Опираясь на результат анализа, выскажем предположение, что любой кейс, в котором присутствует лидерство, может быть проанализирован посредством поиска ответов на следующие вопросы:

1. В каком противостоянии участвуют члены группы? (Это может быть соперничество спортивных команд, коммерческая

¹¹ Ibid., p. 399.

¹² Ibid., p. 406.

¹³ См.: *Tolkien J. R. R.* The Hobbit, or There and Back Again. Melbourne: George Allen & Unwin, 1978. 256 p.

¹⁴ *Tolkien J. R. R.* Op. cit., p. 59.

¹⁵ Ibid., p. 615.

конкуренция, война или онтологическая битва добра и зла, но противостояние всегда является основной частью контекста.)

2. В чем заключается цель лидера, в достаточной ли степени она нетривиальна?

3. В чем заключается необходимость в лидере для участников группы?

4. Каким образом лидерство распределяется в группе, какие роли должны будут взять на себя ее участники?

Онтологическое ядро лидерства составляет смысло-волевой импульс, направленный на цель, для достижения которой требуются лидер и последователи. Наш подход согласуется с идеями В. Франкла, согласно которым смысл объективен, человек не может понять его полностью, но может реализовывать. В этом отношении смысл может быть найден, но не дарован или вменен [6, с. 117], и «смысл смысла в том, что он направляет ход бытия» [6, с. 285], а «вечный», всеобщий моральный закон с конкретной ситуацией конкретного человека согласуется совестью [6, с. 98]. Применим эти идеи к нашему анализу: решение Фродо не убивать Голлума можно интерпретировать как то, что Бэггинс прислушался в этот момент к своей совести, — и это решение полностью оправдало себя в будущем, хотя Сэму, спутнику и защитнику Фродо, оно казалось нелогичным и опасным. Итак, мы можем заключить, что смысло-волевой импульс лидерства есть проявление объективного смысла.

Список литературы и источников

1. *Груздева Е. Н., Калмыкова В. В.* «Властелин Колец» как миф постиндустриального, сетевого и информационного общества // Вопросы философии. 2011. № 8. С. 75—84. EDN: OAMLLV.
2. *Гусева Н. И.* Современная модель лидерства в условиях глобального контекста // Изв. Иркутской гос. экон. акад. 2011. № 4. С. 82—88. EDN: NXMVLJ.
3. *Ковун В. А., Каширина И. Л.* Количественный подход к оценке влияния литературных произведений с использованием теории графов // Вестник Воронежского гос. ун-та. Сер.: Системный анализ и информационные технологии. 2019. № 3. С. 177—185. EDN: FXJTBV.
4. *Корнюхов Д. В.* Аксиологические основания феномена лидерства // Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2021. № 4 (32). С. 65—71. <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2021-4-65-71> EDN: SNCSWP.
5. Фрагменты ранних греческих философов. Ч. 1: От эпических теокосмогоний до возникновения атомистики / подгот. А. В. Лебедев; отв. ред. и автор вступ. ст. И. Д. Рожанский. М.: Наука, 1989. 575 с. (Памятники философской мысли).
6. *Франкл В.* Человек в поисках смысла: [сб.] / пер. с англ. и нем.; общ. ред. Л. Я. Гозмана, Д. А. Леонтьева; вступ. ст. Д. А. Леонтьева. М.: Прогресс, 1990. 368 с.: ил. (Б-ка зарубежной психологии).
7. *Шпенглер А.* Мир как воля и представление / [пер. с нем. Ю. Айхенвальда]. М.: АСТ, 2020. 672 с. (Книги, изменившие мир. Писатели, объединившие поколения) (Эксклюзивная классика).

References

1. Gruzdeva E. N., Kalmykova V. V. "The Lord of the Rings" as Myth of Post-Industrial, Virtual and Information Society". *Voprosy filosofii* 8 (2011): 75—84. (In Russian). EDN: OAMLLV.
2. Guseva N. I. "Modern Model of Leadership in the Conditions of a Global Context". *Izv. Irkutskoy gos. ekon. akad. = Bulletin of Irkutsk State Econ. Academy* 4 (2011): 82—88. (In Russian). EDN: NXMVLJ.
3. Kovun V. A., Kashira I. L. "Quantitative Approach to Evaluating the Influence of Literary Works Using the Graph Theory". *Vestnik Voronezhskogo gos. un-ta. Ser.: Sistemnyy analiz i informatsionnyye tekhnologii = Proceedings of*

- Voronezh State University ser. *Systems Analysis and Information Technologies* 3 (2019): 177—185. (In Russian). EDN: FXJTBМ.
4. Korniyukhov D. V. “The Axiological Background of the Phenomenon of Leadership”. *Ekonomicheskiye i sotsial’no-gumanitarnyye issledovaniya = Economic and Social Research* 4 (32) (2021): 65—71. (In Russian). <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2021-4-65-71> EDN: SNCSWP.
 5. Heraclitus. *Fragments*. Trad. B. Haxton. Forew. by J. Hillman. Bilingual ed. London: Penguin Books. 128 p. Penguin Classics.
 6. Frankl Viktor E. *Man’s Search for Meaning*. Pt. 1 transl. by I. Lasch. Forew. by H. S. Kushner. Afterw. by W. J. Winslade. Boston: Beacon Press, 2006. 184 p.
 7. Schopenhauer Arthur. *Die Welt als Wille und Vorstellung II*. Berlin: Suhrkamp, 2011. 925 S. (In German). Bd. 2 aus *Sämtliche Werke*.

Информация об авторе

Самольянов Олег Александрович — главный эксперт лаборатории человекоцентричности и лидерских практик Института государственного и муниципального управления Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Россия, 109028, Москва, Покровский б-р, 11).

Information about the author

Oleg A. Samolyanov — Chief Expert at the Laboratory of Human-Centricity and Leader Practices of Institute of Public Administration and Municipal Management, National Research University Higher School of Economics (Russia, 109028, Moscow, Pokrovsky ave., 11).

Статья поступила в редакцию 03.09.2024.

The article was submitted 03.09.2024.

**К 100-летию со дня рождения Э. В. Ильенкова:
XXV Международная научная конференция «Ильенковские чтения»**

Эвальд Васильевич Ильенков (1924—1979), пожалуй, единственный в отечественной истории, кого можно назвать философ-мыслителем. Он представлял собой историческую философскую классику, выразил ее в доступных формах мысли, без догматического ее толкования. Говоря своим языком, он говорил голосом исторического мышления. Его философия показала, как войти в ум, в смыслы человеческого бытия, показала суть трагических путей человечества. Ильенков, можно сказать, проделал революционную работу внутри такого мощного исторического движения, как марксизм, выводя мышление из сложившегося философского догматизма. Свобода и творчество стали принципами мышления и тем самым противопоставили Ильенкова всей советской философии. Смысл и роль классической формы диалектического мышления были показаны и творчески разработаны как формы, адекватные сегодняшнему содержанию общественной жизни, ее науки и культуры. Понятие и истина стали мерами человеческого бытия.

Школа должна учить мыслить, и эта столь близкая всем идея была разработана Ильенковым теоретически, а диалектика педагогического процесса была практически показана в деле воспитания ума и личности

человека. Все, кто восходил мыслью на вершины исторического мышления и кто шел на костры за истины этого мышления, — и те и другие своей судьбой выкладывали дорогу в человеческий мир, разъясняли, как совершается творение человеком самого себя, и положили себя на плаху истории. Ильенков встал рядом с Сократом и Христом, с Гегелем и Марксом — со всеми, чья мысль по сей день удерживает в общественно-историческом пространстве человеческий дух.

Преодоление в себе животности и сегодня остается главной проблемой человечества, — но зримой эта проблема остается только для философии. Не той философии, которая пишется в учебниках, а только той, которая становится формой теоретического самосознания; и Ильенков хорошо понимал, что быть в философии — это быть в уме, и школа без философии до ума не дотянется, даже если она на этот путь попытается встать.

Разумеется, надо принять на себя ответственность, чтобы сказать *так* о философии Ильенкова и его личностной позиции. Но сказать *так* надо, хорошо понимая, почему человечество проходит мимо высокой культуры мышления. Ильенков знал, что мир без ума преобразовать нельзя, и он знал, почему до ума не допускают.

Ряд статей, публикуемых ниже в связи со 100-летним юбилеем Эвальда Васильевича Ильенкова, разумеется, не могут и не ставят целью высветить всю суть философии Ильенкова, философии, которая дала анализ человеческого бытия от зарождения психики до его, человека, человеческого идеала — совместно-творческого бытия умных людей.

Так на простой язык Ильенков переводил догматически-закостеневшее выражение идеи коммунизма.

Приблизить читателя к диалектической форме мышления, подвинуть его к осмыслению исторически значимых проблем человечества — вот главная задача и цель вхождения в творчество Эвальда Васильевича Ильенкова.

*Г. В. Лобастов,
доктор философских наук, профессор,
президент Российского философского общества «Диалектика и культура»*

Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2024. № 3 (43). С. 132—140.

Economic and Social Research. 2024. No. 3 (43). P. 132—140.

Научная статья

УДК 165

doi: 10.24151/2409-1073-2024-3-132-140

<https://elibrary.ru/gvevlh>

Минимизация формализации: прагматическая аналитика Куайна и практический материализм Науменко

О. А. Казанцев

Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия

koznew@bk.ru

Аннотация. Автор изучает нестандартные совпадения и пересечения между разными направлениями и школами по обе стороны демаркации современной академической философии на континентальную и аналитическую. Эта актуальная тенденция в философских исследованиях направлена на поиски продуктивного взаимного использования ресурсов и методов из обеих традиций. Предмет особого внимания автора — проблема минимизации формализации и решения, предложенные У. В. О. Куайном и Л. К. Науменко, а также совместимость и различия их позиций.

Ключевые слова: Куайн, Науменко, Ильенков, аналитическая философия, континентальная философия, минимизация формализации, абстрактные объекты, радикальный перевод

Для цитирования: Казанцев О. А. Минимизация формализации: прагматическая аналитика Куайна и практический материализм Науменко // Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2024. № 3 (43). С. 132—140. <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2024-3-132-140> EDN: GVEVLH.

Original article

Minimizing formalization: Quine's pragmatic analytics and Naumenko's practical materialism

O. A. Kazantsev

Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

koznew@bk.ru

© Казанцев О. А.

Abstract. The author studies non-standard coincidences and intersections between different directions and schools on both sides of the demarcation of modern academic philosophy into continental and analytical. This current trend in philosophical research is aimed at finding productive mutual use of resources and methods from both traditions. The author pays special attention to the problem of minimizing formalization and solutions proposed by W. V. O. Quine and L. K. Naumenko, as well as their positions compatibility and differences.

Keywords: Quine, Naumenko, Ilyenkov, analytical philosophy, continental philosophy, minimizing formalization, abstract objects, radical translation

For citation: Kazantsev O. A. “Minimizing Formalization: Quine’s Pragmatic Analytics and Naumenko’s Practical Materialism”. *Economic and Social Research* 3 (43) (2024): 132—140. (In Russian). <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2024-3-132-140> EDN: GVEVLH.

К проблеме поисков пересечений между аналитической и континентальной философскими традициями мы уже обращались ранее [5]. Проведенное нами исследование представляет довольно общую и в чем-то закономерную тенденцию в современной академической философии [13], которая, как отмечает В. В. Васильев, встречается как в зарубежной [2, с. 273], так и в отечественной философской практике [1, с. 10—11]. Причины и мотивы для подобного сочетания, использования методов и материалов или гибридизации элементов обеих традиций могут быть самыми различными. В настоящем исследовании мы возвратимся к сравнению и взаимодействию континентальной и аналитической мысли на примере конкретного вопроса. В предыдущей работе он ограничивался межсубъектностью (интерсубъективностью), теперь им станет рассмотрение возможных решений того, что можно обозначить «минимизацией формализации».

По существу, представленный нами исследовательский вопрос можно свести к более обширной философской проблематике, характерной преимущественно для аналитической традиции, а именно к размышлениям о природе и границах применимости абстрактных объектов¹. Эта широкая

методологическая и гносеологическая тема не теряет актуальности и имеет множество обоснованных альтернативных решений², но ниже мы предлагаем найти аналогичность в формулировках подобной проблемы, путях ее преодоления и обозначаемых следствиях от их применения для оснований науки как таковых у американского философа и логика У. В. О. Куайна и российского специалиста по теории диалектики Л. К. Науменко.

Подобный компаративный анализ, с одной стороны, послужит продолжением нашей предыдущей работы (так как предметом рассмотрения станет в аналитической философии — линия, включающая Д. Дэвидсона и У. В. О. Куайна, а в континентальной философии — направление восточноевропейского марксизма, среди представителей которого Л. К. Науменко, М. Я. Щемек, Э. В. Ильенков и др. [11, с. 122]). С другой стороны, проводимая попытка найти что-то общее в столь специфических, различных и отделенных друг от друга собственными методологическими основаниями,

энциклопедия: переводы избранных статей: [философский портал] / под ред. Д. Б. Волкова, В. В. Васильева, М. О. Кедровой. URL: http://philosophy.ru/abstract_objects/ (дата обращения: 04.09.2024).

² Международная научная конференция «uAnalytiCon-2022: Абстрактные объекты», 13-14 мая 2022 г. [Электронный ресурс]. 06.08.2008. URL: <https://uanalyti-con.ru/2022/index.ru.html> (дата обращения: 04.09.2024).

¹ Розен Г. Абстрактные объекты [Электронный ресурс] / пер. А. В. Мерцалова // Стэнфордская философская

опорными авторами, континентами и политическими системами философских традициях может обогатить наше представление о «духе времени» и «путях истины», которые преодолевают все перечисленные выше ограничения и формируют единые интеллектуальные созвездия из столь отличных мыслителей. В конце концов, подобные проекты по выявлению перекрестков, сцепок и совпадений в континентальной и аналитической философии, на наш взгляд, способствуют и преодолению местами по-прежнему сохраняющейся предвзятости среди тех или иных интеллектуальных течений (внутри этих двух укрупненных философских направлений) по отношению друг к другу. Например, огульные обвинения марксистами в «позитивизме» всех немарксистов³ или не столь давняя снисходительная риторика аналитиков в сторону континентальных авторов [14, с. 15].

Прежде всего, обратимся к формулировке философской (гносеологической, эпистемологической, методологической) задачи минимизации формализации у У. В. О. Куайна и предлагаемой им стратегии достижения того, что мы назовем «минимальной формализованностью». Затем перейдем к способу разрешения этой проблемы у Л. К. Науменко, вспоминая истоки и предпосылки для выбора и формирования им собственной интеллектуальной системы в гегельянском марксизме Э. В. Ильенкова. В конечном счете, найдя общее и различное в двух школах мысли, рассмотрим, как взаимодействие и схождение обеих концепций и взглядов на формализацию, мышление и язык позволяет создать синтетическую философскую позицию, которую можно будет описать как «диалектическую трансмутацию» прагматизма в практический материализм.

³ Коноплев Е. Китайская комната как псевдопроблема [Электронный ресурс] // Syg.ma: [онлайн-медиа]. 2021. 19 июня. URL: <https://syg.ma/@eukonoplev/ie-konopliov-kitaiskaia-komnata-kak-psievdroproblema> (дата обращения: 25.12.2023).

Большинство проблем и концептуальных решений, которые рассматривал и изобретал У. В. О. Куайн, — например, философия языка и неопределенность перевода, вопросы онтологии и онтологическая относительность и т. д., — можно структурировать вокруг центральной задачи философа. А именно обновления понятийного языка наук (как естественных, так и социальных с гуманитарными, ведь, в отличие от некоторых других аналитических философов своего поколения, Куайн не отрицал научность последних [8, с. 47]) и, следовательно, перестройки общенаучной методологии на фундаменте номинализма [16].

Выражаясь словами самого Куайна, пусть и несколько иносказательно, его главный жизненный проект (или даже философское кредо: «быть как можно бóльшим номиналистом») описывается противопоставлением интеллектуальных стратегий номиналистического и реалистического (в платоновском варианте) философов: «Номиналист отверг бесконечный универсум универсалий как мир сновидений; он не стремится приписывать бесконечность своему универсуму отдельных вещей, если он не окажется бесконечным как предмет объективного факта, удостоверенного, скажем, физиком. <...> ...Утомленный номиналист может снизойти до концептуализма и все-таки успокаивать свою пуританскую совесть размышлением, что он еще не вполне разделяет участь лотофагов с платонистом» [8, с. 123]. Или, в ранней статье, более лаконично и менее метафорично: «...Возможно создать номиналистический язык, на котором может быть выражено все естествознание» [15, с. 709]. Жизненный проект Куайна — борьба с так понятым платонизмом (наличием в теориях абстрактных объектов, воспринимаемых как объекты реальные или, по Куайну, овеществленные [8, с. 99]) и утверждение номинализма (отрицание существования в реальности универсалий, абстрактных объектов и т. д. [8, с. 113]).

Несмотря на отмеченное Дж. А. Смитом-мл. постепенное снижение радикальности в настрое обосновать возможность и допустимость сведения математики и затем многих других наук к номиналистическим основаниям [17, с. 1563], Куайн оставался до самого конца не просто аналитическим, но и прагматическим философом. И именно его прагматизм даже при вполне определенных неудачах проекта реконструкции научного здания на платформе номинализма продолжал направлять философа в сторону иных выходов и маршрутов для минимизации формализации (а попутно, как заметил И. Джохадзе, прагматические установки Куайна «наэлектризовали» статус-кво аналитической философии, умножив в ней антипозитивистский настрой и установив общий курс на прагматизацию среди будущих поколений аналитиков [12, с. 13]). Как показывают тезисы из его последней прижизненной работы «Преследуя истину», прагматический аналитик продолжал оставаться убежденным номиналистом «в сердце» и вынужденным платонистом «на деле» [7, с. 156—157]. В таком случае нам необходимо ознакомиться с главными принципами прагматизма в науке (или научного прагматизма) У. В. О. Куайна.

В перечне собственных прагматических установок американский философ чаще всего указывал изящество, экономию понятий (или простоту), консерватизм (предпочтение имеющейся концептуальной схемы полному отказу от нее, если не встает выбор между простой и сохранением наличного [9, с. 21]), предсказательную силу и эффективность коммуникации [8, с. 78], общность, опровержимость и умеренность [7, с. 42]. Большинство из названного не отличается от стандартного и традиционного для многообразной прагматической философии набора основополагающих опорных пунктов. Тем не менее есть и отличительная черта: все они встроены в новаторскую идею Куайна о концептуальной схеме [8, с. 21]. Именно

размышления о последней выводят мыслителя на проблемы психологии (в том числе психологии развития), языка (вместе с вопросами о взаимоотношениях языка и мышления), лингвистического познания и логики развития научного знания. Затем из проработки этих проблемных областей произросли авторские концепты предложений наблюдения [7, с. 15], процесса овеществления опыта в объекты [7, с. 45—46], языка как каркаса любой онтологии [8, с. 21], радикального перевода [7, с. 80—82] и глобальной науки [7, с. 167—168]. Помимо чисто теоретической, Куайн формировал и прикладную сторону минимизации формализации (в частности, собственную версию теории множеств [7, с. 146]), однако здесь мы не будем останавливаться на этих технических аспектах.

Итак, несмотря на то, что и терминологически, и содержательно прагматические принципы У. В. О. Куайна подпадают под ленинское определение эмпириокритицизма [10, с. 68], все-таки натурализм (как вариант материализма), методологический холизм (как теоретическая системность [7, с. 32]) и антиидеализм (как противостояние платонизму, излишним абстракциям и т. д.) философа приближают его к некоторым марксистским школам мысли.

Переходя к конкретному направлению среди различных версий марксизма, а именно к направлению, связанному с именами Э. В. Ильенкова, Я. М. Щемека, Л. К. Науменко, С. Н. Мареева и др., заранее укажем на заметное присутствие в нем изучения проблем и парадоксов формализации, а также на наличие размышлений об абстракциях. Центральная для Куайна задача максимального сокращения количества абстрактных объектов для эффективного функционирования науки вполне существенна и для этой марксистской школы. Во всяком случае, внешняя сторона предлагаемого решения, связанная с материалистическими (натуралистическими) установками

и гносеологической (эпистемологической) сущностью решаемого вопроса, также сближает выбранных представителей аналитической и континентальной философии. Но серьезные различия проявляются в деталях.

Метод движения от абстрактного к конкретному, выделенный Э. В. Ильенковым как фундаментальный методологический принцип⁴, имеет мало общего со стремлением Куайна к минимальной формализованности. Различие состоит в том, что Ильенков интерпретировал переход от абстрактного к конкретному не просто как один из многих научных методов, но и вообще как естественное положение дел в научном процессе. Позиция Куайна скорее состоит в поиске и конструировании искусственных способов сокращения абстракций и увеличения конкретного как эмпирических данных. Далее отметим, что и сами понятия «абстрактное» и «конкретное» американский и российский философы толковали противоположным образом. Если для Куайна, как и в научном мейнстриме логики и математики, абстракции — это общие понятия, обобщенное знание, умственные «объекты», которые из-за когнитивных и языковых особенностей людей становятся чем-то слишком реальным, то для Ильенкова характеристика абстрактности может встречаться не только в познании, но и в реальной действительности [3, с. 11–12].

Обратимся непосредственно к рассуждениям Л. К. Науменко, ученика Э. В. Ильенкова, о формализации и ее минимизации. Здесь необходимо указать еще одно расхождение, возможно, наиболее важное в нашем контексте. Ранее мы обозначили, что и гегельянские марксисты, и аналитические прагматисты в вопросе абстрактных объектов согласны в гносеологичности

этого вопрошания. Но для Ильенкова, его учеников и единомышленников характерно совпадение гносеологии и онтологии или даже порождение гносеологией онтологии: «...Диалектика есть наука не только о законах мышления, но столь же и о законах (о всеобщих) развития любого процесса... <...> законы мышления ТОЖДЕСТВЕННЫ законам природы по самому своему существу, по природе самого мышления, по природе самого мыслящего, теоретического познания. Тождественны в сущности, а различны по форме» [4, с. 233]. Даже при столь специфической и отдаленной похожести на корреспондентскую теорию истины мы не сомневаемся в том, что Куайн с необходимостью отверг бы подобные тезисы [8, с. 78].

Тем не менее и при наличии такого ряда существенных несовпадений позиция Науменко в некоторых аспектах сходится с размышлениями американского философа по рассматриваемому предмету. Во-первых, это определенное согласие по материалистической (натуралистической) предпосылке к интеллектуальной работе (лишь «определенное» из-за замечания Науменко: «Натуралистическую версию диалектики отождествляли с материализмом, тогда как на деле — это всего лишь *наивный* материализм»⁵). Во-вторых, выводимое из первого пункта непринятие самостоятельно существующих платоновских универсалий и вообще утвердившегося в культуре дуализма Платона («От Платона пошло деление всего сущего “надвое”. Реальность была рассечена на две половинки, одна — оставлена, другая — выброшена»⁵). В-третьих, общее понимание формализации и процедур абстрагирования как проблематичных и приводящих

⁴ *Ильенков Э. В.* Так кто же мыслит абстрактно? — Необразованный человек, а вовсе не просвещенный [Электронный ресурс] // Caute: [сайт А. Д. Майданского]. URL: <http://caute.ru/ilyenkov/tra/denkabc.html#il> (дата обращения: 03.09.2024).

⁵ *Науменко Л. К.* Эвальд Ильенков и диалектическая традиция в мировой философии [Электронный ресурс] // Колея права: [блог В. А. Королева]. URL: <https://koleyaprava.ru/evald-ilenkov-i-dialekticheskaya-tradiciya-v-mirovoj-filosofii-naumenko-l-k/> (дата обращения: 04.09.2024).

к теоретическим затруднениям («Парадоксы — это плата за грехопадение формализации. Формализация ведь и состоит не в том, что содержание вообще выбраковывается, а в том, что различия в содержании редуцируются к различиям в форме, т. е. представляются как формальные различия. Без этого мышление не может обойтись. Иначе оно не будет предметным для себя самого»⁵).

Но совпадение в постановке и формулировке проблем вновь заканчивается предлагаемыми решениями. Повторимся, что Куайн, не только прагматический, но и аналитический философ, достаточно радикальный для своего места и времени, всё же видел путь к ответам на основной вопрос в корректировке постановки этого вопроса. Суть корректировки — минимизация формализации и сокращение количества абстрактных объектов при помощи замены прежнего набора процедур и инструментов формализации и продуцирования абстрактных объектов на новый, с меньшим количеством проблемных элементов. Науменко же радикализировал саму проблему: «Парадоксы в теории Фреге возникли в *результате формализации*. У Рассела они запрещены. А не логичнее ли запретить не парадоксы, а саму формализацию, в результате которой они возникают? Можно ли запретить формализацию? Ведь именно это и будет запретом запрета наложенным на противоречие. Возможно ли, однако, мышление без формализации? Уничтожая противоречие, не уничтожим ли мы само мышление, как мы уничтожаем его, редуцируя мысль к языку, мышление к “говорению”?»⁵

И после радикализованного вопрошания отечественный мыслитель предлагает собственный ответ. Он совершает характерную и значимую в рамках ильенковской школы марксизма операцию, которую можно назвать «расширение логики» или «логическая экстраполяция»: «Совсем иной результат мы получим, если будем исходить

из другой схемы: знак-значение-смысл. Слово — знак вещи. <...> Но не только знак вещи. Как знак вещи слово — имя. Слово — знак смысла. Вещь сама — знак. Объективно она может иметь и имеет разные значения, т. е. “назначения”, выполнять разные функции, играть разные роли. *Смысл вещи объективен*. И он всегда конкретен. Одна и та же вещь может иметь разные значения, т. е. объективные смыслы. И один и тот же смысл может натурализоваться в разных вещах»⁵. Этот функциональный подход затем используется философом и для «поглощения» универсалий: «*Ильенковская концепция идеального — это второе (после Платона) “открытие” объектов “особого рода”, включившее не только признание их особого статуса, но и точное указание на ту особую объективную реальность, внутри которой только и существует идеальное во всех его модусах. Это реальность культуры, понятой широко, как сфера общественно-человеческой деятельности, существующая не в голове, но и не без помощи головы*»⁵.

Таким образом, противостояние с платоническим идеализмом в гегельянском марксизме Науменко, как и в концепции Куайна, тоже приводит к частичному его принятию. А точнее, в рассматриваемом примере, к «экспроприации» платонического идеального с позиций практического материализма⁶.

Итак, мы объявили возможным найти (кроме различий) параллельные постановки вопросов, общность изначальных установок и единый ход поставленных задач между двумя очень не похожими друг на друга представителями различных традиций, а именно между прагматическим вариантом аналитической философии У. В. О. Куайна и практическим материализмом (или гегельянским марксизмом, ильенковским марксизмом)

⁶ Загорски М. Категория «die Verkehrsformen» и практический материализм [Электронный ресурс] // Пропаганда: научно-популярный журнал: [интернет-издание]. URL: <https://www.propaganda-journal.net/10451.html> (дата обращения: 25.12.2023).

Л. К. Науменко. И невзирая на существенные расхождения и противоположные стратегии решения, всё же нашлись достаточно общие, весьма формальные и не самые существенные сходные элементы в двух философских направлениях. Но, продолжая сравнительный анализ, можно ли найти нечто, что также роднит прагматизм Куайна и материализм Науменко? Так или иначе подведению окончательных итогов нашего исследования послужит рассмотрение концепции радикального перевода аналитического философа.

В одной из статей о сути гипотезы радикального перевода Куайн, отвечая на критику, вводит интересное различие между неопределенностью результатов переведенных лингвистами предложений и недоопределенностью природы в науках: «...Наши руководства по переводу могут быть верными или неверными только относительно речевого поведения туземцев; здесь ничего не утверждается о скрытых механизмах нервной системы. Если переводчики расходятся в переводе какого-то предложения туземного языка, но ничто в поведении самих туземцев не указывает на это расхождение, то в таком случае просто нет факта, который можно обсуждать. В случае же естествознания, напротив, такой факт есть. Он существует даже в том случае, если всех наших возможных наблюдений недостаточно для того, чтобы точно и определенно его выявить. Факты природы выходят за пределы как наших теорий, так и всех наших возможных наблюдений, тогда как традиционная семантика выходит за пределы фактов языка» [6, с. 45].

С одной стороны, это замечание интересно тем, что открыто подтверждает реалистические взгляды Куайна («Противопоставляя таким образом недоопределенность естествознания и неопределенность перевода, я занял сторону реалистического взгляда на природу, которого на самом деле и придерживаюсь» [6, с. 45]) по сравнению с его же осторожными заявлениями о равенстве

различных концептуальных схем, а также о физических объектах как удобных мифах в физической концептуальной схеме [8, с. 46—47]. А с другой стороны, зададимся вопросом: что, если применить логическую экстраполяцию Ильенкова и Науменко и в этом случае? Что станет с прагматическими установками американского философа, если вывести логику из языка в большой мир человеческих дел и далее, рассматривать не только слова как знаки вещей, но и вещи как знаки неких общественных функций и назначений в неорганическом теле человечества?

В куайновском смысле радикальный перевод — это долгая и постепенная работа над изучением и составлением словаря языка туземцев, крайне отличного от исследовательского (через постоянный сбор наблюдений, остенсивных определений, регулярной практики взаимодействия с носителями туземного наречия, всё большее расширение контекста жизни изучаемого племени и конкретизации их культуры), тогда как использование указанной операции из практического материализма преобразует концепцию американского философа в диалог человечества и Природы (Мира).

Науку в таком случае можно представить как большой Словарь, один из языков в котором — язык Мира (монистичного, целостного объекта — такого же единого и холистического, как и языковые сообщества говорящих из оригинального мысленного эксперимента Куайна), другой — язык человеческих дел, практики человечества. Разработка этого Словаря всех словарей — дело всей прошлой и всей будущей истории разумной жизни, в которой потенциальной точкой, многоточием или двоеточием может стать финал из ильенковской «Космологии духа». Или концовка из азимовского романа «Сами боги». В любом случае пока мы далеки от успехов, даже промежуточных, что ярко демонстрируют экологические проблемы и общественные потрясения, ведь и общество — часть Мира с большой буквы.

Таким образом, этот шаг как раз и приводит нас к возвращению деятельности и ее объекта в формализацию, возвращает мышлению его само. Формализация становится одним из промежуточных когнитивных инструментов в построении научного здания, т. е. словаря дел всего человечества для продуктивного общения с Вселенной. Практического общения. В ленинском понимании — моментом в непрерывном движении от относительной к абсолютной истине [10, с. 146—147]. В этом месте и проявляет себя диалектический переход из прагматизма в практический материализм, логическое доведение до предела изначального противоречия между гносеологическими позициями Куайна и Науменко. При этом проблема минимизации формализации оборачивается неожиданным решением, при котором искомая минимизация достигается по мере углубления нашего практического (и теоретического) общения и понимания окружающего мира и нас самих в нем.

Список литературы и источников

1. **Васильев В. В.** Метафилософия: история и перспективы // Эпистемология и философия науки. 2019. Т. 56. № 2. С. 6—18. <https://doi.org/10.5840/eps201956222> EDN: GJUEOO.
2. **Васильев В. В.** Что и как доказывает М. Габриэль в книге «Я не есть мозг» // Философия истории философии: сб. статей / под ред. А. А. Иваненко. Т. 2. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2022. С. 271—281. <https://doi.org/10.21638/spbu34.2021.117> EDN: BVTUNL.
3. **Ильенков Э. В.** Диалектическая логика. М.: Канон+: РООИ «Реабилитация», 2023. 464 с. (Собрание сочинений; т. 4).
4. **Ильенков Э., Коровиков В.** Страсти по тезисам о предмете философии, 1954—1955 / [авт.-сост. Е. Иллеш]. М.: Канон+, 2016. 271 с.
5. **Казанцев О. А.** Дональд Дэвидсон и Марек Ян Щемек: пересечение двух традиций в проблеме межсубъектности // Наука. Искусство. Культура. 2023. № 4 (40). С. 132—143. EDN: GUBEFR.
6. **Куайн У. В. О.** Еще раз о неопределенности перевода / пер. В. Суровцева // Логос. 2005. № 2 (47). С. 32—45. EDN: ХНКЕQJ.
7. **Куайн У. В. О.** Преследуя истину / пер. В. А. Суровцева, Н. А. Тарабанова; под общ. ред. В. А. Суровцева. М.: Канон+, 2014. 175 с. (Б-ка аналитич. философии).
8. **Куайн У. В. О.** С точки зрения логики: 9 логико-философских очерков / пер. с англ. В. А. Ладова, В. А. Суровцева; под общ. ред. В. А. Суровцева. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2003. 166 с. (Б-ка аналитич. философии).
9. **Куайн У. В. О.** Слово и объект / [пер. с англ. А. З. Черняк, Т. А. Дмитриев]. М.: Праксис: Логос, 2000. 385 с. (Философия) (Университетская б-ка).
10. **Ленин В. И.** Материализм и эмпириокритицизм. Критические заметки об одной реакционной философии. М.: Политиздат, 1989. 507 с.
11. **Морозов М. Ю.** Логика фрактальности как монистический проект материалистической диалектики // Stasis. 2022. Т. 13. № 1. С. 118—150.
12. Прагматизм и его история: Современные интерпретации: [сб.] / пер. с англ.: А. Веретенников [и др.]; отв. ред. И. Джохадзе. М.: Академический проект, 2018. 231 с. (Философские технологии: современная философия).
13. **Скрипник К. Д.** История, современное состояние и метафилософия оппозиции «аналитическая/континентальная» философия // Философский журнал. 2021. Т. 14. № 4. С. 174—187. <https://doi.org/10.21146/2072-0726-2021-14-4-174-187> EDN: XWRIKI.
14. **Уэст Д.** Континентальная философия: введение / пер. с англ. Д. Ю. Кралечкина. М.: Дело, 2015. 446 с.
15. **Quine W. V.** Designation and existence // Journal of Philosophy. 1939. Vol. 36. Iss. 26. P. 701—709. <https://doi.org/10.2307/2017667>
16. **Smith J. A. Jr.** Quine's intuition: Why Quine's early nominalism is naturalistic // Erkenntnis. 2020. Vol. 85. No. 5. P. 1199—1218.

17. **Smith J. A. Jr.** Quine on naturalism, nominalism, and philosophy's place within science // *Synthese*. 2021. Vol. 198. Iss. 2. P. 1549—1567. <https://doi.org/10.1007/s11229-019-02143-7>

References

1. Vasilyev V. V. "Metaphilosophy: History and Perspectives". *Epistemologiya i filosofiya nauki = Epistemology & Philosophy of Science* 56.2 (2019): 6—18. (In Russian). <https://doi.org/10.5840/eps201956222> EDN: GJUEOO.
2. Vasilyev V. V. "What and How Markus Gabriel Proves in His Book 'I Am Not a Brain' ". *Filosofiya istorii filosofii = Philosophy of the History of Philosophy*: collection. Ed. by A. A. Ivanenko. Vol. 2. St. Petersburg: St. Petersburg Univ. Publ., 2022. 271—281. (In Russian). <https://doi.org/10.21638/spbu34.2021.117> EDN: BVTUNL.
3. Ilyenkov Evald V. *Dialectical Logic*. Moscow: Kanon+; ROOI "Reabilitatsiya", 2023. 464 p. (In Russian). Vol. 4 of *Sobraniye sochineniy*.
4. Ilyenkov Evald, Korovikov Valentin. *Passions about Theses on the Subject of Philosophy, 1954—1955*. Auth. and comp. by E. Illesh. Moscow: Kanon+, 2016. 271 p. (In Russian).
5. Kazantsev O. A. "Donald Davidson and Marek Jan Szczemek: the Intersection of Two Traditions in the Problem of Intersubjectivity". *Nauka. Iskusstvo. Kul'tura = Science. Art. Culture* 4.40 (2023): 132—143. (In Russian). EDN: GUBEFR.
6. Quine Willard Van Orman. "Indeterminacy of Translation Again". *Journal of Philosophy* 84.1 (1987): 5—10. <https://doi.org/10.2307/2027132>
7. Quine Willard Van Orman. *Pursuit of Truth*. Rev. ed. Cambridge, MA: Harvard Univ. Press, 1992. 128 p.
8. Quine Willard Van Orman. *From a Logical Point of View, 9 Logico-Philosophical Essays*. Cambridge, MA: Harvard Univ. Press, 1953. 192 p.
9. Quine Willard Van Orman. *Word and Object*. Cambridge, MA: MIT Press, 1964. 309 p.
10. Lenin Vladimir I. *Materialism and Empirio-Criticism*: Full text of 1909 edition. E-book ed. Amazon Kindle, 2013.
11. Morozov Maxim. "The Logic of Fractality as a Monistic Project of Materialistic Dialectics". *Stasis* 13.1 (2019): 118—150. (In Russian).
12. *Pragmatism and its History: Recent Interpretations*: collection. Transl. A. Veretennikov et al. Ed. by I. Dzhokhadze. Moscow: Akademicheskiy proyekt, 2018. 231 p. (In Russian).
13. Skripnik K. D. "The History, Contemporary State and Metaphilosophy of the Opposition 'Analytic/Continental' Philosophy". *Filosofskiy zhurnal = Philosophy Journal* 14.4 (2021): 174—187. (In Russian). <https://doi.org/10.21146/2072-0726-2021-14-4-174-187> EDN: XWRIKI.
14. West David. *Continental Philosophy: An Introduction*. Cambridge: Polity, 2010. 354 p.
15. Quine Willard V. "Designation and Existence". *Journal of Philosophy* 36.26 (1939): 701—709. <https://doi.org/10.2307/2017667>
16. Smith James A. Jr. "Quine's Intuition: Why Quine's Early Nominalism Is Naturalistic". *Erkenntnis* 85.5 (2020): 1199—1218.
17. Smith James A. Jr. "Quine on Naturalism, Nominalism, and Philosophy's Place within Science". *Synthese* 198.2 (2021): 1549—1567. <https://doi.org/10.1007/s11229-019-02143-7>

Информация об авторе

Казанцев Осип Андреевич — аспирант 3 курса направления 22.00.08 Социология управления Института социологии и регионоведения Южного федерального университета (Россия, 344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, д. 105/42). SPIN-код: 8274-0814.

Information about the author

Osip A. Kazantsev — 3rd year Postgraduate Student at the Direction 22.00.08 Sociology of Management at the Institute of Sociology and Regional Studies, Southern Federal University (Russia, 344006, Rostov-on-Don, Bolshaya Sadovaya st., 105/42). SPIN code: 8274-0814.

Статья поступила в редакцию 27.02.2024.

The article was submitted 27.02.2024.

Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2024. № 3 (43). С. 141—153.

Economic and Social Research. 2024. No. 3 (43). P. 141—153.

Научная статья

УДК 1(091)

doi: 10.24151/2409-1073-2024-3-141-153

<https://elibrary.ru/vkgbzn>

Боль среди одиночества
К столетию со дня рождения Эвальда Васильевича Ильенкова
(экзистенциальное эссе)

Г. В. Лобастов

Российское философское общество «Диалектика и культура», Москва, Россия

lobastov.g.v@yandex.ru

Аннотация. Через призму личностных проявлений Э. В. Ильенкова развернуты экзистенциальные определения его жизненной судьбы. Рассматриваются его отношение к общественно-исторической действительности, его объективно складывающаяся личностно-человеческая позиция, выражена непосредственная связь этой позиции с объективно-исторической тенденцией человеческого развития, аналитически акцентируется тождество личностных определений его *Я* с содержанием культурно-исторической действительности. Логические анализы погружены в экзистенциальное содержание, как и, наоборот, личностные определения Э. В. Ильенкова выражаются через философскую и объективно-историческую логику человеческого бытия.

Ключевые слова: одиночество, боль, религиозное сознание, самоубийство, смерть, диалектика и позитивизм, логика, мыслящая способность, Э. В. Ильенков

Для цитирования: Лобастов Г. В. Боль среди одиночества. К столетию со дня рождения Эвальда Васильевича Ильенкова (экзистенциальное эссе) // Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2024. № 3 (43). С. 141—153. <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2024-3-141-153> EDN: VKGBZN.

Original article

Pain among loneliness
To the centenary of the birth of Evald Vasilyevich Ilyenkov
(existential essay)

G. V. Lobastov

Russian Philosophical Society “Dialectics and Culture”, Moscow, Russia

lobastov.g.v@yandex.ru

© Лобастов Г. В.

Abstract. Through the prism of E. V. Ilyenkov's personal manifestations, the existential definitions of his life way are unfolded. His attitude towards socio-historical reality, his objectively evolving personal-human position are considered, the direct connection of this position to objective-historical tendency of human development is expressed, and the sameness of personal definitions of his Self with contents of cultural-historical reality is analytically accented. Logical analyses are immersed in existential contents, as well as, inversely, personal definitions of E. V. Ilyenkov are expressed through philosophical and objective-historical logic of human existence.

Keywords: loneliness, pain, religious conscience, suicide, dialectics and positivism, logic, thinking ability, E. V. Ilyenkov

For citation: Lobastov G. V. "Pain among Loneliness. To the Centenary of the Birth of Evald Vasilyevich Ilyenkov (Existential Essay)". *Economic and Social Research* 3 (43) (2024): 141—153. (In Russian). <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2024-3-141-153> EDN: VKGBZN.

*Боль — потому что во многих мудрости много печали.
В одиночестве — ибо один в мудрости.*

Ощущение трагедий бытия в нем, в Ильенкове, соединялось с оптимизмом, определяющимся мощью способности мышления. Если не видеть выхода из складывающихся в истории проблем человечества, знание и в самом деле лишь множит печаль. Развитие мыслящего начала становится проблемой его анализа и формирования...

Фантасмагория жизни

Фантасмагория жизни, разумеется, отличается от фантасмагорий сновидений. Но боль в ощущениях реальности и смысловое переживание боли в сновидении дают сознанию почти одинаковые образы. Режиссер смотрит сны целый год, а потом ставит фильмы. Что то и другое опосредствовано и живет на субстрате биологии — это будто бы очевидно для всех наук. Но опосредствованность осуществляется и знаками — как знаками живого языка общественной культуры, так и языками любого вида: язык красок, язык звуков и т. д. И тем более символической.

Всё это из одной бытийной среды (реальная жизнь, сновидения, фантазии, иллюзии, заблуждения и, тем более, сама истина) легко перемещается в другую. Всё бытует там

и там как материя, на которой «паразитирует» образность бытия. В формальном анализе как будто всё равно — сначала сны, а потом искусство, или сначала жизнь, а потом сновидение. А такой жизненный процесс, как война, сосредотачивает в себе предельную глубину всех человеческих чувств и переживаний, являет то, что и в сновидении не увидится.

Здесь смерть и жизнь объективно срослись: убивают во имя жизни и сознательно, не лишая себя человеческого чувства и сознания, умирают в человеческом чувстве, чтобы убивать в объективной реальности. Умирание и воскресение — два противоположных процесса, тождественные в жизненном бытии, в делящемся процессе жизни. Абстрактно-обособленно они существуют только в одностороннем мышлении. Наблюдающее внимание их видит разведенными и в реально-эмпирической действительности — в общественно-историческом «теле» бытия. Есть служба рождения, есть служба умирания и смерти, есть служба жизни. Вся историческая жизнь подчинена своему собственному сохранению, и многие сотни видов деятельности подчинены этим трем моментам и обслуживают их. Видовой смысл

этой активности как будто и не имеет к этому отношения. Но даже война и всё производство средств войны направлены на сохранение исторически разделенных общественных образований. Кошмары исторических войн порождают боль и слезы, гордость и ликование. Видя в этом трагедию, в трагедии видят историческую судьбу. Войной воскрешают жизненное начало и творческую энергию воссоздавать жизнь — объективная фантазмагория бессознательных и сознательно-психических процессов в толще общественно-человеческого бытия, с его мгновенными перемещениями образов жизни и смерти. Современное бытие в крошечных проявлениях перехода жизни в смерть не измерить Дантовыми кругами ада. Утверждение жизни через жизнь смерти — вот всем понятная реальность человеческой объективно-реальной фантазмагии. Жизнь, отвоёвав у мира мир, разносит по разным местам человеческого пространства элементы притихшего кошмара, и здравый смысл спокойно, без ощущений смерти и ужаса начинает продолжаться в человеческой жизни, регламентируя и освящая ее сознательными нормами. Продолжать без содрогания обсуждать меру гуманности войны, ее правила, допустимость и ограничения того или другого, — всё это продолжает продолжаться в человеческом «нормальном» бытии. Выстроенном тем же невидимым молохом бытия.

И совсем нельзя сказать, что искусство фантазирует, — его изображения фантазмагорий уступают по своему внутреннему содержанию человеческому бытию, внутреннему его кошмару. Сознание и чувство человека «ко всему привыкают, даже к тому, к чему привыкнуть нельзя» (Мих. Лифшиц).

Сновидения явились, когда Ильенкова не стало. В них что-то продолжалось из того, что было в реальной действительности, но в этой действительности были видения гораздо более сложные и непонятные, чем всегда кажутся сны. В сновидениях

приоткрывается то, что рассудок не может уловить в содержаниях своей активно-бодрствующей души, где нормы социально-культурной действительности ограничивают безумствующее сознание. Нормы, которые направляют и удерживают реальную человеческую жизнь и ее сознание, — как некое табу. Психология и психиатрия вполне благополучно и уютно себя чувствуют в мире иллюзий, в больших мифах бытия, и прозрачную форму здравого смысла почитают критерием здоровья физического и умственного.

Ничуть не смущает и религиозная форма сознания. Никаких странностей не замечают и в школьной практике. Психологические науки своими «практиками» навязывают и утверждают «здравый смысл» *внутри себя*, и их мерами измеряют и формируют субъективный мир индивида в образовательной практике. Разумеется, распространенные представления психологии отражают внешний характер общественного бытия, существенные определения человека и его способностей остаются вне сознания.

Исторические масштабы действительности, однако, требуют абсолютных мер. Историческое развитие своей мощью разрушает любые стагнации общественной жизни, всякий покой погруженного в иллюзии и самообман слабого умом человека. Бессилие ума не дело тела, к которому привязывают себя психология и психиатрия. Это дело исторически создаваемой человеком общественной действительности. Без серьезной философии человеческий глаз тут истинных определений не увидит.

Но даже выходя в пространство общественного бытия, эти науки, современная психология и педагогика, чувствуют свою силу только в «здоровом смысле». Выйти за черту этих представлений почти означает оказаться в мире безумия, а при более строгом анализе, как это делает Кант, просто прийти к убеждению в тщете постичь мир таким, каков он есть.

Плутания в собственных представлениях теряют объективные ориентиры, кроме как будто только тех, которые фиксируются строгостью здравого рассудка. Тогда и сон — это только сон. А философия — болтовня. И математика — лишь мнящая себя *умом* наука, в которой человек себя чувствует в странной ситуации мало представляемого и совсем не ощущаемого мира, лежащего за ее, математической науки, математическим языком. Человеческая душа во сне много чего видит — даже без всякого языка. Ни математика, ни психология и иже с ними не могут уловить произвола сновидений. Не менее бессильны эти науки и в пространствах общественной истории. В которой произвола не меньше. Не меньше иллюзий и внутри истин, и в заблуждениях. Открытые условия и основания жизни фантазмагорий.

Но там и там есть своя некая логика, есть свои детерминирующие силы. И есть свобода, определенная будто бы сама собой, своим собственным ею полагаемым смыслом. И потому и сновидения, и логические конструкции здравого ума, и формы философского мышления, индивидуальные интуиции и общественно-исторические идеи — всё прорастает из единого корня. И если это не может понять философия, то паллиатив понимания тут как тут, возникает в форме воображаемого абсолюта. Исторические сны длятся веками. И пробуждения далеко не всегда вводят в истинные формы бытия. В них легко утверждаются *нормы безумных форм*.

И философия, ищущая возможности постижения истины и в истине усматривающая абсолютное содержание, создает свои мифы, живет в своих сновидениях. Голос Ильенкова насторожил мнящую себя в истине догматическую устойчивость сознания. Диалектическая логика не позволяет уму, в нее вошедшему, впасть в иллюзии и заблуждения, все проблемы, лежащие на пути познания, философия подвергает критической рефлексии — ничего умного не может быть,

если не может сдать экзамен исторической диалектике. Диалектике, которая единство противоположного обязательно замыкает на содержание абсолютного. Какая же будет логика, если она самой собой, своей силой не находит в себе обоснованных основоположений? Не найдет у Ильенкова этого только тот, кто умеет лишь пересказывать — даже если он красиво пересказывает самого Ильенкова.

Чтобы не утонуть в пересекающихся и взаимопереплетенных явлениях эмпирической действительности, в которой найти точку опоры так же сложно, как в болоте, — разумеется, эта проблема требует научного мышления, способного найти объясняющий принцип и способ ее, действительности, развития. Ильенков, как указывает А. Г. Новохатько, видел зависимость будущего от успехов «двух фундаментальных наук» — политэкономии и педагогики [4, с. 8]. Первая дает закон, управляющий кажущимся хаосом процесса производства, а вторая — формирует человеческие начала в каждом индивидуе.

Мошенники, симулянты, жулики и проходимцы, двуликие и многоликие, сволочи и подонки и т. д., — всю эту публику Эвальд Васильевич называл — как будто беззлобно — прохиндеями, — проникают во все поры человеческой жизни, настолько распространяются, что этот «сорняк» начинает казаться определяющей формой человеческой жизни. Заявив в начале пятидесятих годов прошлого века о мышлении как о предмете философии, Ильенков как бы открыл для глаз философско-профессиональной публики историческое развитие человеческого мышления, изучение которого имеет практически-необходимый смысл. Деревянно-догматическая болтовня на кафедрах философии вздрогнула, но защитила себя изгнанием Ильенкова из Московского государственного университета, фактическим отстранением его от преподавания философии.

Космология духа

Фантазмагория Ильенкова, прописанная в «Космологии духа» [3], многократно умнее естественно-научной мировоззренческой концепции Вселенной, якобы возникающей из точки и расширяющейся вместе с пространством-временем. Тем более религиозной.

Идея абсолютного смысла человеческого существования, конечно же, далеко не выражается космически-религиозными фантазиями. За идеей бога и за космическими фантазиями стоят реальные земные основания. Даже «Космология духа» Э. В. Ильенкова, кроме как будто в себе обоснованных диалектических положений «Диалектики природы» Ф. Энгельса, опирается на определенное представление физической науки, получившей значение закона, на второе начало термодинамики. Околоумствующий люд, раскрыв рты и глаза, энергично стал читать этот ильенковский научно-философский памфлет, «философско-поэтическую фантазмагорию». От этого умнее он не стал, а погрузиться в логические трактаты Ильенкова и тем самым в мыслительную форму, развернутую там, сделать ее, эту форму, собственной способностью у него просто ума (сил) не хватает. В «Космологии духа» искали, хотя бы намеком проявленное, нечто мистически-религиозное...

Сам же Ильенков с полуулыбкой и с неким внимательным ожиданием смотрел на реакцию читающего. Мол, даже Ойзерман, его научный руководитель («Космология духа» была написана в аспирантские годы), прочитав, развел руками и сказал нечто неопределенное, не зная, как правильно отреагировать: всё было согласовано с Энгельсом и наукой. Эта ожидающая полуулыбка Ильенкова, вероятно, относилась не только к читающим (читали у него дома в рукописи, текст не был опубликован, выносить он не давал, мне он не объяснял, почему — вероятно, не хотел возможной рас пространенности), но как будто и к самому

себе: посмотрите, какую веру может создать мышление!

Позже, через Спинозу, он скажет, что заблуждение всегда есть форма абсолютизации частно-ограниченного знания, и потому мышление должно быть критичным в отношении самого себя — чтобы быть уверенным в своей истинности. Именно этим и занимается философия.

Но почему же именно тезисы о предмете философии, написанные им совместно с Валентином Коровиковым, его другом, и представленные общественности философского факультета МГУ, так всколыхнули организованное философское сообщество? Дело, надо полагать, тут в том, что в мыслящей способности заключена сила свободы, тонко чувствующая необходимые связи внутри содержания любого бытия. Именно мышление, эта человеческая способность, была развернута в тезисах как собственное дело философии. Тем тезисы и вызвали бурю.

А в «Космологии духа» можно увидеть, конечно, человечески-значимый антирелигиозный смысл и одновременно некое философское обоснование современных космологических представлений. Но опубликована она не была и по рукам не имела широкого хождения, и Ильенков этим как бы и не был озабочен.

Этот памфлет был опубликован много спустя после смерти Ильенкова энтузиазмом журнала «Наука и религия». Это симптоматично, ибо при всей его антирелигиозности в нем чувствовалась определенная «религия» — великая идея смысла человеческого существования. Ее полнее всего и выразил Ильенков. Научные открытия всегда дают пищу околонуучным кругам для их религиозных фантазий. Открытия открывают возможность силами наличного ума строить такой образ, предчувствие какого давно сидит в душе, и этот образ, как сегодня говорят, «онтологизируется». То есть мыслится как объективно-реально существующее.

Онтологизируется фантазией. И утверждается как факт. Не с опорой на свое чувство, не с опорой на свое мышление, а со ссылкой на науку, со ссылкой на мыслящий авторитет. Потому смешно бывает сегодня слышать людей, якобы прочитавших ильенковскую «Космологию духа». Увидеть здесь логику случается редко, не глубже ведь прочитывается и картина воспитания слепоглухих детей. Ильенков остается непонятым. Естественна потому печаль мыслящего мышления.

Явление всегда и везде есть явление сущности. Если бы она не являла сущность, то была бы только явлением фантазмагорий. Явление явления широкое и многоликое, но если оно в самом деле есть явление сущности, то лишь один из его ликов может претендовать на истину, на ее полноту, конкретную определенность и абсолютность. Это тождество явления и сущности.

Я хорошо знаю, что ад и рай — на земле. И человеческая общественная жизнь давно это осознала. Осознала первоначально в форме религиозных представлений — осознала, когда то и другое, злое-активное и спокойно-доброе, стало очевидным.

Границу между раем и адом, однако, увидеть нелегко. Вопрос об истинности наших представлений возникает в первую очередь внутри реально-объективной практики человека. И возникает там не как теоретическая проблема, а как практическая необходимость разрешения возникающих проблем. От способности различения истины и заблуждения, добра и зла как раз и зависит человечески-осмысленная практика. Изменчивость действительности делает изменчивыми и оценочные суждения. Возникающей здесь относительности можно избежать, лишь умея содержание жизненной действительности соотносить с абсолютными определениями объективного бытия. Абсолютное, пробиваясь в сознание, становится и остается фундаментальной проблемой человека, имеющей мировоззренческое

значение и смыслообразующий характер. Определение абсолютного в сознании делает его предикатом суждений, претендующих на оценочную истинность.

Одиночество

«Тотальная универсальность предполагает тотальное одиночество», — красиво и точно сказал поэтизирующий философ Алексей Босенко [1]. Тотальное, надо бы добавить, есть понятие, удерживающее абсолютное знание. Или точнее, абсолютная потенция и неограниченная способность творения. Или целостность, завершенная в себе. Целое, живущее потенцией активности своих частей. Или, иначе, части в свободном своем проявлении одновременно проявляют потенции целого. Целое, в своих возможностях несводимое к сумме своих индивидуальных свобод и потенций. Свобода, осуществляющаяся через форму необходимости. Индивидуальное, совпадающее с общественным. Единичное, воплощающее в себе всеобщее.

Это и есть универсальная тотальность. Выраженная в ее необходимых внутренних определениях. Абсолютное бытие, тождественное самому себе и не содержащее в себе противоречий, есть бытие, которого нет. Которого нет, потому что тождество без противоречия есть ничто, ибо не имеет в себе различия, потому не имеет частей, нет движения, покой, смерть, ничто. Или бытие в своей абстракции. Кажется, Парменида не обойдем...

Остающийся в одиночестве, Ильенков не одинок. Все, кто не без ума, приходят, окружают его. Таких точек в истории немало. Паломники вон за тысячи километров идут, ползут на коленях. Идут поплакать, стену слезами облить, поцеловать мощи, выпросить здоровья, у провидцев узнать судьбу, заглянуть в будущее и т. д. Много в мире болячек, и они объединяют судьбы людей. И много пророков, ведущих слепых через человеческую пустыню человеческого мира.

Человеку много чего не хватает, о многом молят, многое ищут, но слепых всегда ведут.

«Соотносящаяся с самой собой определенность есть *единичность*» [2, с. 48]. Единичное бесконечно. Особенность его определяется через всеобщее. Через особенное обнаруживается различие многих единичных. Единичное снимает в себе и собой *особенную форму синтеза* всеобщих определений. Форма синтеза представляет собой *принцип целого*. Или, иначе говоря, принцип тотальности.

Эмпирическое содержание единичного превращается в проблему выражения его в специфических категориях, синтезирующих в себе логическое с эмпирическим. Экзистенциализм, уходя от фундаментальных проблем общественно-исторического бытия и замыкаясь в попытку выразить индивидуальное существование человека, развивает целый ряд специфических категорий, которые тяготеют к философскому выражению психологии личности.

Одиночество осознается в абсолютной форме, когда ты лицом к лицу со смертью. Со смертью индивидуальной. Здесь абсолютное одиночество перед абсолютной пустотой небытия. Ильенков чувствовал и в полном объеме содержал в себе человеческую смерть человечества.

Никакие внешние описания ситуаций, в которых оказывается Ильенков, как будто не могут показать нам содержание духа, живущего в нем. Он через них неузнаваем. Но все чувствуют в нем, в Ильенкове, нечто особенное, чувствуют везде и всегда, независимо от непосредственных ситуаций. Потому что он всегда тут и здесь, но его никогда как будто тут и здесь нет. Реальная замкнутость личности в свое тождество себе, замкнутое на себя это свое тождество, сведение всех определений действительности во внутреннее единство, в его форму личностного бытия, в его *Я* — но его глаза таили тайну мира, в них отражался мир и в этих глазах отражался человек. Этими глазами он видит

вас и ставит вас в тупик вашего самосознания. Перед ним совесть останавливает вас в пустых обращениях к нему, вы спотыкаетесь в себе и видите себя во внешнем мире.

Прикоснитесь к его уму в его текстах — и вы не подойдете к нему со своими интересами и вопросами. Ильенков как будто ждет тех, кто сам дорастает до этих человеческих начал, и когда люди что-то собой и в себе находили, тогда появлялось общее поле обсуждений. Он говорил только при таких условиях; вне их, этих условий, — молчание. Молчание, сквозь которое просвечивает ощущение одиночества.

Это — как позиция бога. К нему вы идете со своими болями и мольбами. В дела бога вмешаться вы даже не помышляете. И даже боитесь *дела* своего освобождения, предоставленного вам богом. Он не делает вас людьми, он предоставляет вам абсолютную свободу в деле творения самих себя. Он создает траву, свинью и волка, каждую тварь вместе с соответствующим способом ее бытия, — в порожденном им человеке абсолютная пустота. Кроме телесной потребности сохранять свою телесную жизнь, ее целостность. Такая животная целостность таит в себе возможность абсолютной возможности — потому что это абсолютная пустота. Будь там что-нибудь — и возможности человека не было бы. Потому же и мышление человека должно содержать в себе *чистую форму* — чтобы быть условием бытия человека в абсолютных пределах и возможностях своего человеческого существования.

Переживание этих пределов и возможностей — одиночество Ильенкова. Все, кто говорит о своем одиночестве, на самом деле от одиночества, в котором живет любой глубокий талант, далеки. Одиночество в точке *Я*, которое вбирает в себя весь мир. Быть в избранном в себя мире — быть в себе. Здесь глубокая внутренняя сосредоточенность субъективности, по внешнему проявлению напоминающая аутизм, по внутреннему — как будто жизни субъективности дана некая

тайна, в которую любого другого прямо и непосредственно ввести нельзя.

Это одиночество Ильенкова, ясно, носит философско-религиозный характер. Он «верил в буквальном смысле слова — хотя и был стопроцентным атеистом. Как сказал в подобном случае один пронизательный человек, Добролюбов, Писарев, Чернышевский — атеисты, но их темперамент глубоко религиозен» [4, с. 7, прим.]. Исходной точкой такого самосознания является ощущение бесконечных пространственно-временных определений бытия, является сознание, всматривающееся в сущность этого сознающего бытие человека.

Одиночество Эвальда Васильевича Ильенкова — не в отстраненности от людей. Он одинок в глубочайшем, всем своим существом, проникновении в *человечность*. Мы найдем и увидим таких, уединенно-одиноких, среди предельно религиозных людей, ушедших от истины реального бытия, не узревших в этом земном бытии абсолютных и вечных форм человеческой жизни, — в них мы видим людей, замкнувшихся в абстрактных определениях и чувством удерживающих их, эти абстракции, как внутренние человеческие определения.

Первая абстракция такого сознания лежит в разделении мира на действительность реальную и действительность воображаемую — на *этот* мир, эмпирически данный, и мир *тот*, представленный в воображении.

Кажется, что такая позиция сводится к абстрактному, отвлеченному от живой жизни определению, превратившемуся в специфический предмет философско-теоретического анализа. Превращение абстракции в предмет ведет в ловушку позитивизма, а более точно, в дуализм. И по методу мышления, и по предмету исследования. Метод остается принадлежащим субъекту, предмет — обособленная от субъекта форма, не важно, объективная или субъективная.

Мир Ильенкова был единым — не по случайному выбору такой философско-мировоззренческой позиции. Она глубоко продумана, такая попытка была представлена в его «Космологии духа». Эта его позиция есть позиция конкретно-определенная, он чувством и мыслью отождествлен с определениями мировой действительности. Восхождение к этой позиции с необходимостью ведет к ощущению одиночества. Потому что это одинокий путь. Ильенков рад любому уму, движение которого направлено к истине. А удержать диалектику истины значит умом уже выйти на эту диалектику.

Религиозное сознание как отчужденная форма

Мышление есть всеобщая форма и как таковая она тождественна себе, сохраняет всеобщую определенность, но выражает она всегда особенное, и движение к единичности тем более создает иллюзию уникальности мышления в каждом случае. В этом проявляется диалектика, как раз содержащая тождество противоположностей. И тут кажется, что диалектическое мышление не может быть тождественным самому себе, оно всегда само от себя отличается, совпадая с особенностями постигаемого предмета. В различии способностей индивидов видят проявление «естественной» природы мышления и пытаются его увязать с индивидуально-телесными особенностями или случайностью божественной одаренности. Не развитый ум, конечно же, неслучайно чувствует страх перед дьяволом — с его произволом и свободой: дьявольщину предугадать даже умному уму нелегко.

Дьявол противостоит богу с такой же, что и бог, претензией на абсолют, любой штамп мышления противостоит только другому штампу. А любая «штамповизация» — это уже само по себе не есть мышление. И только мышление как универсально-всеобщая форма претендует на абсолют, снимая собой и удерживая в себе всё действительное

и возможное. Здесь мышление противостоит вере и исторически делает свое великое дело. Это надо уметь вычитать у Ильенкова.

Самосознание ищет своей адекватности в мире своего активного бытия, и иллюзорность его, имея свое основание в неразвитости мышления, ничуть не мешает ему выполнять свою человеческую роль. Что миф есть заблуждение, осознается только тогда, когда мышление достигает соответствующего уровня развития. Начало этой мыслящей способности там, где мышление, мысля себя, видит себя соответствующим себе и тем самым отличает себя от мифа — от всего того, что не несет в себе истины. Что тождественно утверждению развития соответствующей предметно-преобразовательной практики. Определение Ильенковым *мышления как всеобщей идеальной формы предметно-практической деятельности* лишает сознание и самосознание идеалистически толковать свою исходную позицию и тем самым задает исходный принцип осознанного общественно-человеческого бытия. «Отпадение» религиозного сознания от истин реального мира легко превращается в устойчивые формы реального бытия. Действительной основой религиозного сознания, конечно же, является не самосознание, не самочувствие, а объективная форма иллюзорности, форма превращения, отчужденная и отчуждающая форма, возникающие и развивающиеся в материальном общественном производстве человеком самого себя.

В этом, конечно, содержится критика действительности, и позиция Ильенкова заключается в том, чтобы мышлением воссоздать этот мир, увидеть его мыслью в его внутреннем единстве и целостности. Здесь, разумеется, возникает проблема самого мышления, и проблема эта разрешается обоснованием принципа тождества мышления и бытия. Потому мышление проявляет себя как внутренний момент человеческого бытия, мышление, которое принципиально

нельзя понять иначе — никаким сколь угодно многообразным описанием его на разных уровнях, в различных лакунах бытия и т. д.

Вокруг Ильенкова много умных людей, но философско-исторический путь внимания к человеческому бытию, надо думать, кроме Ильенкова, не прошел никто. Всё найденное и осмысленное им не дает ему успокоения — ощущаемые определения мирового бытия являются внутренней мотивирующей силой превращения их в определения человеческой действительности. Религиозное сознание как будто в той же позиции. Гегель мыслимое и чувствуемое содержание религии и философии отождествляет.

Религиозная позиция бессознательно находит свое основание в самой действительности, здесь она вычитывает всё, что проецирует в пространстве воображаемого мира, этот момент ощущения и восприятия действительности можно легко обнаружить в субъективности каждого человека. Философско-теоретическое мышление легко объясняет эту особенность человеческого сознания (души, субъективности), но сознание религиозное, нащупав это ощущение в жизни человека, легко находит способ превращения его в абсолют. «Отпадение» от истин реального мира религиозной культурой легко превращается в устойчивые формы иллюзорного бытия. Бытия, однако, в этом мире, бытия, принимающего этот мир как бранный и преходящий, грязный и потому злой. *Временный*, имеющий для каждой вещи точку вхождения в него и точку прехождения. Разрывая диалектику, абсолютное абстрагируется и обособляется в представлении потусторонней абсолютной вечности неизменяющегося бытия.

Мистика и миф служат религии методом выстраивания человеческого в человеке. Понятно, что и сам образ человеческого в человеке мифологичен, представлен только в форме, понятной индивиду с его убитой,

порабощенной душой. И эта душа никак не может подняться в своем мышлении выше непосредственного отрицания формы своего существования. Потому она и к культуре этого мира, в любой форме ее бытия, безразлична — как душа кошки к вашим побрякушкам.

Боль

Человеческий путь к самоубийству — это не метания обывателя. Это снятие единичности, снятие в чувственно-осязаемой форме. Это чувством и умом прехождение пределов. Бытие держится в двух формах, всеобщей и единичной, — и это так, с какой стороны к нему бы ни подойти. И во всем — это осознанное единое бытие. Во всем — это если коротко и уже привычно, — бытие является таким, каким ты в бытии мыслишь себя. Тождество бытия и мышления. Совпадение образа бытия и образа мысли. Форма, давно приписываемая Сократу. Форма, давно у Ильенкова замеченная. Форма, на которую он сам не обращал внимания. В сознание это попадает только тогда, когда собственное распадение проявляется в осязаемо-болезненной форме. Трагедии и драмы общественного бытия проецируются и застывают в форме бытия индивидуального, в форме мышления и ощущения. Истина, т. е. тождество бытия и мышления, явившаяся миру в реальной форме, любым своим определением вынуждает увидеть и всю полноту. Увидеть предчувствием, интуицией, споткнувшейся мыслью, мыслью бессознательной. Совсем не удивительно, что люди, совершенно случайные, столкнувшись с Ильенковым, в нем, совершенно его не зная, видели *особенного* человека. И вдруг к нему появляется внимание и, появившись, замирает...

В таких людях как будто светится весь мир, всё культурно-историческое содержание. Внимать такому — как будто вслушиваться в мир. Но такие люди в сосредоточенном внимании к этому бесконечному миру

своей душой замирали сами. В каком-то моменте Ильенков столкнулся с этим миром в самом себе — и его потрясла его собственная смерть.

Смерть, которую он как будто видел, отчетливо и бессознательно готовил, знал, как и где, и видел, надо полагать, свою смерть глазами других людей. Себе близких. Что он видел с той позиции, которая всегда была его человеческой позицией, позицией, имеющей всеобщее значение? «Я убил себя» — живые слова собой убитого человека. Широкое поле своих чувств готовившему свою смерть человеку пришлось неоднократно переходить прежде, чем он упал под ударом своего ножа. Ножа, специально приготовленного. С той же нервозностью тонких восприятий в замедленном спокойствии он, приводя в порядок, расставлял на полке свои книги. Соотносил боль своей души с болью, живущей вокруг. Уходя от своей боли, он порождает боль других людей.

Но его своя боль была болью всеобщей, болью, растворенной в атмосфере человеческого бытия. Не в каждом она сосредотачивается. Бывает особая восприимчивость, тонкая чувством и сильная глубоким умом. Ум Ильенкова разворачивал себя до пределов, даже недоступных другим. Он делал свое бытие тождественным объективно-историческому содержанию. Индивидуальный смысл бытия совпадал со смыслом всеобщим.

В его индивидуальности острее проявлялась любая общественная трагедия. Плакал, когда случилась война между Китаем и Вьетнамом. Он не из слабых духом, выдерживал и отстаивал свою позицию, глубочайшую по основаниям, прошел по Европе в Отечественную войну. И вот плакал...

Боль человеческая, нравственно-духовная. Если вместе с мировыми трагедиями в тебе не порождается человеческая боль, что стоит метание души отдельного, обособленно-одинокого человека? Пустая душа не дрогнет и там, где горят целые страны,

где напалмом выжигают миллионы людей. Всё можно описать просто, ясно, натурально-точно и доступно.

Человеческая боль не ушла из жизни вместе с жизнью Ильенкова. Актом самоубийства не убивается жизнь, с гибелью человека не гибнет его боль. В форме боли проявляется — и в каждом индивиде в разной мере — то общественное содержание, неустроенность которого грозит разрушением бытия. Конечно, здесь есть аналогия с телом, нравственное чувство раньше теоретической мысли схватывает уродующие формы бытия. В индивидуальной жизни эти явления проявляются не просто по-разному, а часто так, что истинный смысл, действительные основания их остаются спрятанными. Кто живет смыслами своего тела, этой общественной боли не чувствует.

Позитивистский прагматизм, в котором уютно укутались «прохиндеи», процветал вокруг, через десяток лет после его жизни он утвердился во всем своем объеме — открыто и официально. Ильенков *знал* это реальное зло, живущее в разных сферах и в разных формах. Он знал, как оно распространяется и утверждается в жизни, знал, куда оно ведет. И видел, под какими образами прячется. Понимал, как и почему мир не чувствует и не видит свое собственное разрушение. Понимал, что боль возникает только тогда, когда болезнь уже разрывает тело жизни.

Позитивизм — такое умонастроение, которое мнит свой ум как субъективную способность, удержанную в формализмах и в формально-логических схемах описывающую объективную, только в противоположности мыслимую, действительность. Нынче он морочит голову людей «искусственным разумом». Путаница, вносимая в сознание, уродует мир, и это уродование начинается со школы. Где человека формируют как «мыслящую машину». В этой позиции человек ощущает себя в ясном и естественно-прозрачном, но примитивном сознании и лишается объективно-истинной

опоры — не зная того. Печаль и возмущение здесь одновременны, это являлось прямой реакцией на адрес заполнившего мир примитивизма позитивистских представлений, вырастающих из обыденного содержания пошлости измельченного человеческого бытия. Именно это порождало боль.

«...Понятие *раздвоилось*, придя к абсолютному своему неравенству самому себе, а так как понятие есть в равной мере абсолютное тождество в этом раздвоении, то живое есть для самого себя это раздвоение и обладает чувством этого противоречия, каковое чувство есть *боль*» [2, с. 227]. «Если говорят, что противоречие немислимо, то [нужно сказать], что скорее в боли, испытываемой живым [существом], противоречие есть даже действительное существование» [2, с. 227].

Человек переживает радость будущего. Ради этого способен жертвовать настоящим. Умеет переживать боль за рамками жизни. Человеческие фантазии формируют сознание, и душа не только переживает эти фантазии в себе, но она, фантазия, живет как человеческая организация реальной жизни. Кто-то сидит в кабинетах, кто-то в окопах, у тех и других разные переживания, разные боли, страдания, радости и печали. Но переживается не тут и теперь, а разносится живущим в тебе умом по разным *местам* пространства и *точкам* времени, своим чувством и мыслью удерживая в единстве. Так и просится параллель с физической теорией А. Эйнштейна.

Говорили, что Ильенков плакал, когда в войне схватились социалистические государства. Печально, что в мире случилось так, но наивно думать, что реальный исторический процесс становления социалистических обществ только объявлением своего пути очистится от «прохиндеев». Для капитализма война — это норма. Ильенков своей болью переживал исторические трагедии, люди плакали о гибели детей в условиях «нормальной» буржуазной войны, где, на

войне и войной, работают и зарабатывают деньги.

Читайте Гегеля. Без него и Маркса нет. Кому это говорит Ильенков? Мы ведь с вами в каждом своем акте не знаем, добро творим или подбрасываем полешки в адский костер, на котором сами и сгораем. Не только ума — ощущений достаточно, чтобы чувствовать, где пылают души и где сгорают тела. Уголовное следствие ищет того, кто держал нож. «Правовое государство» будет огромными своими институтами улавливать эти единицы, — общественные классы уголовный кодекс не судит. Правда, классовые идеи запрягают и закрепляют это конституцией. Кастрируют ум, но капитализм пролетариат не может уничтожить, уничтожить его можно только вместе с собой. Коммунизм уничтожает любое классовое различие, тем самым уничтожает классы вообще. Капитализм это знает. И его государство знает, как управлять и манипулировать обезволенной массой. Без ума глубокой исторической философии, говорит Ильенков, действительность будет на каждом шагу захлебываться пошлостью утилитарной философии, философии пошлой примитивной жизни. Как раз в унисон капиталистической установке — не допускать к уму, иначе потеряешь управляемость, «устойчивое развитие». И т. д.

Опровергать идеи оказалось гораздо сложнее, чем разрушить государства, их невозможно уничтожить путем уничтожения одержимых этими идеями людей. Они, идеи, объективно существующие, прочно укореняются в сознании людей и владеют ими как некие заразительно-мощные силы. В наши недавние времена от них, идей, бросились бежать и утвердились в *идее* уничтожить всякую идею. Даже конституционно. Животное не имеет идей, не без оснований думал современный буржуазный ум, и прятал свое лицо в цивилизованных животных формах.

Животное бытие совпадает с теми действиями, которые его индивидуальное бытие осуществляют. В индивидуальном

поведении животной особи проявляется родовый инстинкт. Биология, однако, уже давно понимает, что видовое бытие нельзя объяснить как обобщенную форму индивидуального поведения. В сознание же научного мира стихийно-навязчиво проникает метода через сравнение и аналогию из животного бытия всмотреться в бытие человеческое. Наблюдаемые картины животного и человеческого мира выводы о их принципиальном тождестве делают само собой разумеющимися. Столь же легко, из внешне-эмпирических чувственно-рисуемых картин, заключают и о якобы тождестве коммунизма и фашизма — явлений сугубо общественных. По такому принципу легко отождествляются сапожная щетка и еж. Банально-понятно, что такая метода восходит к позитивистской парадигме.

* * *

Да, вокруг Ильенкова было много людей — разного ранга и разного калибра. Но ни одного прохиндея. Прохиндей в нем, в Ильенкове, не видел смысла, они у порогов тех, кто удерживает человеческие возможности и человеческую силу. Ильенков тут про ум да мышление. Прохиндею всегда достаточно своего ума, чтобы не идти в философию. Ильенков их чувствовал на любом расстоянии. Были у него, к нему приходили люди разных профессий, академики и студенты. Химики, физики, филологи, историки, композиторы и музыканты, архитекторы и поэты, певцы и врачи и т. д. — все, кто искал в себе и вокруг решения общественно-человеческих проблем.

Какую революцию тут надо делать? Помните, как только провели социалистическую, тут же кинулись осуществить культурную. Хотя бы даже в самой ее примитивной форме: чтобы человек умел читать. Как научится, дадим ему Маркса, он посмотрит его «Капитал» и скажет, что всё это уже устарело, умный давно умнее «какого-то там

Маркса» и умеет делать дела посложнее, чем те, что в «Капитале».

Этот краткий абстрактно-логический, восходящий к экзистенциальной форме анализ образа мысли и чувств одного из самых крупных мыслителей современности — как некий сгусток проблем, восходящих к Э. В. Ильенкову. А потому и к его, Ильенкова, собственному образу. Его образ, как образ его личности, его *Я*, неотделим от его мышления, от его познающих способностей — как, собственно говоря, при попытке понять личность любую. Моя рука работала способом его мышления, но рисунок рисовала своими мазками, своей «графикой» выводила скупые контуры богатства его смыслов. Их пространство вряд ли уместится и в десятке томов, потому этот контурный логический очерк — лишь намек на способ мышления Э. В. Ильенкова. С моими, естественно, модификациями, согласующимися, надо надеяться, с его принципами.

Список литературы и источников

1. *Босенко А.* Время без свидетелей. Киев: Каяла; СПб.: Алетейя, 2016. 399 с. (Современная литература. Поэзия, проза, философия).
2. *Гегель Г. В. Ф.* Наука логики: в 3 т. Т. 3. М.: Мысль, 1972. 502 с. (Философское наследие).
3. *Ильенков Э. В.* Космология духа: избранные произведения о культуре, разуме и будущем Человека: [сб.]. М.: Новые перспективы, 2023. 254 с.
4. *Новохатько А. Г.* Об Э. В. Ильенкове // Диалектика абстрактного и конкретного в научно-теоретическом мышлении / Э. В. Ильенков. М.: РОССПЭН, 1997. С. 3—10.

References

1. Bosenko Aleksey. *Time without Witnesses*. Kyiv: Kayala; St. Petersburg: Aleteyia, 2016. 399 p. (In Russian). *Sovremennaya literatura. Poeziya, proza, filosofiya*.
2. Hegel Georg Wilhelm Friedrich. *The Science of Logic*. Transl. George Di Giovanni. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2015. 866 p. Cambridge Hegel Translations.
3. Ilyenkov Evald V. *Cosmology of Spirit: selected works on culture, reason, and future of the Human*: [collection]. Moscow: Novyye perspektivy, 2023. 254 p. (In Russian).
4. Novokhat'ko A. G. "About E. V. Il'yenkov". *Dialektika abstraktnogo i konkretnogo v nauchno-teoreticheskom myshlenii*. By E. V. Ilyenkov. Moscow: Rus. Polit. Encycl., 1997. 3—10. (In Russian).

Информация об авторе

Лобастов Геннадий Васильевич — доктор философских наук, профессор, президент Российского философского общества «Диалектика и культура» (Россия, 124498, Москва, Зеленоград, 247-30).

Information about the author

Gennady V. Lobastov — Dr. Sci. (Philos.), Prof., President of the Russian Philosophical Society "Dialectics and Culture" (Russia, 124498, Moscow Zelenograd, 247-30).

Статья поступила в редакцию 27.02.2024.

The article was submitted 27.02.2024.

Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2024. № 3 (43). С. 154—163.

Economic and Social Research. 2024. No. 3 (43). P. 154—163.

Научная статья

УДК 165.0

doi: 10.24151/2409-1073-2024-3-154-163

<https://elibrary.ru/zxareh>

Проблема идеального и социальный солипсизм: к диалогу Э. В. Ильенкова и М. А. Лифшица (часть 1)

М. Ю. Морозов

*Российская академия народного хозяйства и государственной службы при
Президенте РФ, Москва, Россия*

maxdiscovery@mail.ru

Аннотация. Первая часть статьи, написанной к 100-летию Э. В. Ильенкова, представляет собой рефлексию восприятия текстов советского философа мыслящей публикой в контексте проблемы вневременности идейного наследия. Обосновывается актуальность обращения к незавершенному диалогу Ильенкова с М. А. Лифшицем, который находит развитие в работах их последователей. Анализируется проблемный характер этого развития, связанный с противоречиями самого процесса истины, который имеет сущностное отношение к процессу рецепции теоретических текстов. Указанная проблемность, заключенная в этом процессе, приводит к деформации позиции Ильенкова даже у теоретиков, считающих себя его единомышленниками, не говоря уже о критиках. Показано, что проблема истинного понятия принимает форму проблемы межсубъектности.

Ключевые слова: Э. В. Ильенков, М. А. Лифшиц, идеальное, межсубъектность, социальный солипсизм, противоречие, понятие

Финансирование: работа выполнена при финансовой поддержке Российского научного фонда в рамках проекта № 24-18-00130.

Для цитирования: Морозов М. Ю. Проблема идеального и социальный солипсизм: к диалогу Э. В. Ильенкова и М. А. Лифшица (ч. 1) // Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2024. № 3 (43). С. 154—163. <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2024-3-154-163> EDN: ZXAREH.

Original article

The problem of the ideal and social solipsism: Towards a dialogue between E. V. Ilyenkov and M. A. Lifshitz (part 1)

M. Yu. Morozov

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia

maxdiscovery@mail.ru

© Морозов М. Ю.

Abstract. The first part of the article written on the occasion of the centenary of the birth of E. V. Ilyenkov is a reflection on the perception of this Soviet philosopher's texts by the thinking public in the context of the problem of the timelessness of the ideological heritage. The relevance of dealing with the unfinished dialogue between Ilyenkov and M. A. Lifshitz, which is developed in the works of their followers, is substantiated. The problematic nature of this development is analyzed in connection with the contradictions of the process of truth itself, which has an essential relationship with the process of reception of theoretical texts. The problematic character of this process leads to the deformation of Ilyenkov's position even among theorists who consider themselves his associates, not to mention his critics. It has been demonstrated that the problem of the true concept takes the form of the problem of intersubjectivity.

Keywords: E. V. Ilyenkov, M. A. Lifshitz, ideal, intersubjectivity, social solipsism, contradiction, notion

Funding: the work was supported by the Russian Science Foundation, project no. 24-18-00130.

For citation: Morozov M. Yu. "The Problem of the Ideal and Social Solipsism: Towards a Dialogue between E. V. Ilyenkov and M. A. Lifshitz (pt. 1)". *Economic and Social Research* 3 (43) (2024): 154–163. (In Russian). <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2024-3-154-163> EDN: ZXAREH.

Нетрудно представить себе реакцию некоторых читателей после ознакомления с заголовком и аннотацией предлагаемой их вниманию статьи: «Опять проблема идеального! Сколько можно носиться с этим философским хламом? Новые исследования в области когнитивных наук и развитие современной философии давно уже сняли с повестки дня эту так называемую проблему, а вы всё живете прошлым веком, этими пережитками давно списанной и отправленной в утиль ленинской теории отражения. Мы давно уже подвергли строго научной критике и Ильенкова, и Лифшица, и их понимание идеального, и результаты сфальсифицированного эксперимента в Загорске. Ископаемые марксисты!»

Что ж, не будем просить наших критиков продолжить чтение. Не будем также утаивать от читателя и то, что эта предполагаемая реакция есть лишь слегка перефразированные действительные суждения, взятые автором напрокат из нескольких статей и интервью. На последнее из них, принадлежащее А. И. Солженицыну, как всегда остроумно отреагировал М. А. Лифшиц, заметив, что ископаемые бывают и полезные. Хочется

продолжить в его духе и сказать, что если уж мысль (которая действительна только тогда, когда она общая, т. е. не моя, а наша) в самом деле, как иногда говорят, чем-то похожа на цветущий сад, то ведь этому саду нужны и удобрения. И хотя не все критики одинаково полезны, некоторые из них могут-таки сгодиться в таком качестве. Поблагодарим их за это и продолжим.

Да, проблема идеального есть центральный вопрос философской науки. И о ней сказано далеко не всё. А многое из того, что сказано и прочитано — не осмыслено, что и доказывают своим раздражением гипотетические полемисты. Поэтому обращение к «Диалогу с Эвальдом Ильенковым» [6] в год его столетия автор считает не чем-то досужим, в отличие от общих праздничных слов, а, напротив, необходимым делом, в котором мы застаем себя в едином пространстве живого общения с людьми, которые давно эту жизнь покинули. Однако предмет разговора очень серьезен. Как тут не скатиться в банальность суетного много-пусто-словия? Как быть понятным читателю и понятным им?..

«...Молчи!» — такой выход предлагает Ф. И. Тютчев в своем знаменитом стихотворении. И сразу же этим обнаруживает себя центральная проблема. «Молчи, скрывайся и таи и чувства, и мечты свои» — но сам содержательный смысл призыва поэта уже отличил себя от формы, в которой этот призыв осуществляется: молчание *уже* нарушено первыми словами. В этом противоречии — вся загадка творчества, которая для понимающего ума мировой философии оборачивается загадкой человеческого *Я*. Смысл для своего обнаружения (осуществления, утверждения) нуждается в форме, которая находит (и одновременно — создает) в собственной рефлексии свое-иное — материю. Но, продолжает Тютчев («Как сердцу высказать себя? Другому как понять тебя? Поймет ли он, чем ты живешь?»), смысл, сущность, оформляясь, теряет некоторую потаенную невысказанность, непостижимую внутренность, интимность, которая препятствует замыканию бытия в тотальности мысли: «Сущее не делится на разум без остатка»¹, как афористично замечает Гёте. Отсюда закономерный вывод: «Мысль изреченная есть ложь», и именно потому, что она не может, будто бы, схватить этот «остаток», нечто по отношению к мысли всегда-внешнее, и этим-де утверждается человечность, утверждается через манифестацию чего-то *нечеловеческого*, остающегося принципиально за «горизонтом» человеческой деятельности и мысли. Нетрудно здесь увидеть корни хайдеггеровской позиции. А кто-то может распознать такой мотив даже в знаменитой ленинской книге об одной реакционной философии.

Каким образом разрешить это противоречие? Жить «в себе самом», отвечает Тютчев, в своей душе, в глубине которой — целый мир, принципиально не высказывае-

мый, не постигаемый трезвой и холодной рассудочной мыслью, но *единый* и в некотором смысле куда более реальный, чем мир внешний. Вряд ли многие из читателей Тютчева обратят внимание на то, что здесь речь идет не только о страдании индивидуальной души, но о проблеме самого Абсолюта. «Приключения» абсолютного на протяжении всей философской традиции закономерно приводят к исканиям молодого Ф. Шеллинга (возникшим и снятым в идейном движении романтиков), позицию которого и излагает здесь Тютчев, не понаслышке и не из вторых рук знакомый со многими достижениями немецкой культуры. В поисках принципа решения проблемы отношения мышления и бытия, идеального и реального, объективного и субъективного Шеллинг приходит к идее абсолютного их тождества: «...две половины человеческого существа, изображенные у Канта и Фихте (несмотря на все старания последних эти половины связать) как изначально разнородные по существу и происхождению, всё же имеют “общий корень”, т. е. где-то в глубине, в изначальном существе дела, сливаются в одном образе, прежде чем расщепиться и разойтись в споре, дискуссии, антиномии. Тезис Шеллинга гласит, что обе формы деятельности *Я* (бессознательную и сознательно свободную) нужно наконец всерьез понять как две ветви, вырастающие из одного и того же ствола, каковой необходимо прежде всего обнаружить и проследить его рост до развилка» [4, с. 107].

И Шеллинг употребляет все возможные в его положении усилия, чтобы понять это единство всерьез. Но — все-таки — достигнутый им абсолютно необходимый результат исследования абсолютного не стал конечной точкой движения философской мысли: «Ничего более конкретного и определенного сверх того, что такое тождество *должно быть и есть*, Шеллинг пока не утверждает. Он ничего не говорит о том, в чем именно надо видеть такое изначальное тождество.

¹ Гёте И. Избранные сочинения по естествознанию / пер., [послесл.] и коммент. И. И. Канаева; ред. акад. Е. Н. Павловского. [М.]: Изд-во АН СССР, 1957. С. 395.

Характеристики его, по существу, негативны: это не сознание, но и не материя; не дух, но и не вещество; не идеальное, но и не реальное. Что же оно такое?» [4, с. 107]. Цитируемый Ильенковым Гейне, попутно ставя беспощадный диагноз Шеллингу, объясняет это так: «...Здесь г-н Шеллинг расстается с философским путем и стремится, посредством некоей мистической интуиции, достигнуть созерцания самого абсолюта; он стремится созерцать его в его средоточии, в его существе, где нет ничего идеального и где нет ничего реального — ни мысли, ни протяжения, ни субъекта, ни объекта, ни духа, ни материи, а есть... кто его знает что!» [3, с. 131]. Но разве не тем же путем идет и знаменитый русский поэт?

Из этого тупика выход только один — к Гегелю, который, полностью учитывая критические аргументы Якоби, Шеллинга и романтиков против всеобщности мышления, обосновывает эту всеобщность, разрешая проблему смысла. Да, соглашается с другом своей юности Гегель, смысл оформляется (опредмечивается). Да, для этого опредмечивания он нуждается в материи. Однако Гегелю потребовалось коренным образом преобразовать сами основы логики, претендующей на то, чтобы дать целостно-теоретический образ мыслительной способности, чтобы понять: «То, что являет себя как *деятельность формы*, есть, далее, в той же мере *собственное движение самой материи*» [1, с. 81]. Иное отношение к противоречию — а именно это и составило суть революции, произведенной Гегелем в науке о мышлении — переворачивает (революционизирует) и наше понимание обсуждаемых выше проблем. «Жить в себе самом» невозможно, абстрагируясь от внешнего мира, от всякого «овнешнения» (*Entäußerung*), в попытках сохранить некую таинственную невысказанную истину, которую овнешнение только огрубляет, оскопляет. Напротив — быть «у себя дома» или «в-себе-и-для-себя» (говоря словами Гегеля) возможно лишь

«обретая себя в своей абсолютной разорванности» [2, с. 17]. *Бытие*, неотличимое в начале от *ничто*, чтобы стать осознанным, или, что есть то же самое, *сознанием* (*das Bewußt-sien = das bewußte Sein*), должно свести себя к *видимости*, потерять себя в *противоречии*, «погибнуть» в нем, или уйти в свое *основание* (*zu Grunde gehen*), стать *действительным* и лишь через это породить свое *понятие*, которое в развитой собственной форме и есть *Абсолют*. Вся эта одиссея абсолютного понятия читателю гегелевских книг. Жить «в целом мире» можно только преобразуя *целый* мир в его целостности и целесообразности, т. е. по его собственной — абсолютной — логике. А для этого целый мир тебе нужно удержать своей мыслящей способностью в образе *субстанции*. И только в таком случае ты будешь «у себя дома» и в ладу с собой, где бы ты ни оказался. Именно это, как важнейшее условие и цель философии, понимали и Сократ, и Фихте: «Все исследования должны происходить изнутри, а не снаружи. **Я** не должен мыслить, как мыслят **другие**; но я должен принять, что **другие** должны мыслить так же, как должен мыслить **Я**. Достойная ли это цель для разумного существа — стремиться к согласию с теми, кто не согласен с самим собой?» [10, с. 361].

Можно согласиться с Тютчевым, что «мысль изреченная есть ложь», лучше сказать — заблуждение. Но это не повод абстрагироваться от действия и, более того, видеть в этом единственное определение истинной человечности, как это делает, например, герой «Записок из подполья» у Достоевского. Как бы мы ни хотели этого сделать, мы не можем начинать сразу с абсолютной истины: она есть *результат*, терпеливо разъясняет Гегель вслед за Лессингом, а вовсе не «отчеканенная монета», готовая для всякого употребления. Которое, кстати (употребление монет), теряет всякий смысл в условиях отсутствия продажности. Может, поэтому сегодня часто повторяют, что

«молчание — золото»? А золото, деньги — это, говорит Маркс, мера безмерного, истинное божество буржуазного мира, «предмет в наивысшем смысле», в который с радостью превращает себя человек, живущий желанием золота, делающий золото целью своей жизни. Золото своим блеском скрывает тайну отчуждения человека от самого себя. Поэтому прерывание молчания — а всякое начало есть прерыв постепенности, онтологического «молчания» — есть бунт, восстание против этого отчуждения, есть исходный пункт движения к действительной свободе. В котором не только Маркс, но и Гегель видят субстанциальную цель всеобщего развития. В первом же своем шаге бунт упраздняет истинность старого мира — он ложен по отношению к ней, но он есть также истина этого старого мира: шаг развития, который изменяет всё целое и, следовательно, взаимное отношение частей друг к другу и их — к этому целому. Шаг, в силу которого старое, бывшее *там* и *тогда* полным, сделалось неполным *здесь* и *сейчас*. Поэтому именно здесь, в моменте скачка, прерыва, обнаруживает себя диалектическое коварство всякого превращения по отношению к рассудочной способности мыслить в устойчиво-абстрактных противоположностях. Надо согласиться с Герценом и признать, что у него были все основания назвать диалектику «алгеброй революции».

Суждение выражает связь понятий, но само определено формой этой связи. Здесь имеются в виду, в первую очередь, не термины и речь, а определенность предметов в самом бытии: суждение — одна из основных форм предметно-практической чувственной деятельности общественного человека, преобразующего трудом природу и самого себя. Всякое суждение есть нарушение молчания, оно вызывает к жизни некоторую абстракцию, которая преодолевает себя, выходит за свои пределы в диалектическом (самостоятельном) движении. Творение вещи «запускает» (полагает) ее собственное

движение, особенно это наглядно в движении такой вещи, как слово: выскажи его — и спираль опосредствования закрутится сама собой. Слова проще и скорее других предметов начинают по видимости отрываться от собственного основания и жить своей жизнью. В высказывании (где «сказывание», конечно, не только вербально: в духе знаменитого гегелевского *Sage und Sache*, «былины» и «были», т. е. в свете принципа тождества мышления и бытия, стоит понимать и аристотелевское определение категорий как «того, что может быть высказано о бытии») сущность как *суть дела* «отчуждает» себя от себя в формах своей внешности, даже омертвляется, полагая себя в акустических колебаниях и письменных знаках, но и в этом «отчужденном от индивидов виде они служат развитию человеческого духа, участвуя в качестве средств деятельного общения людей, изменяясь и совершенствуясь в соответствии с новыми целями, рожденными духовным творчеством индивидов. Тем самым вполне предметные средства и результаты деятельности и общения в живых формах человеческого взаимодействия распремечиваются, рождая в людях осознанные потребности, развивая их способности, наделяя людей знаниями, навыками и умениями, то есть всеми культурно-духовными определениями сознания» [8, с. 135]. Только разумная форма разума способна «вдохнуть жизнь» в мертвые формы, совершить акт творения, который и есть превращение заблуждения в истину. Ведь заблуждение есть не безразличное «несоответствие знания предмету», а упорствующая в своем нежелании снять себя *истина*. «Противоречиво, но факт!» Да, заблуждение — это истина, переставшая быть со-временной действительности, принципом движения (абстрактно выражаемого длительностью) этой действительности, переставшая быть выражением ее времени, но ставшая вместо этого мнить себя вне-временной и низложившая себя этим

во временность; истина, слишком задержавшаяся в потоке бытия, застопорившаяся и тем самым сделавшая себя безнадежно отставшей от абсолютной формы развития. Истина — это процесс неистинного, в котором оно высвечивает свое отношение к собственному основанию, обнаруживая тем самым меру самого себя. Потому и настаивает Гегель, что истина — это отношение к самому себе. Абсолютное отношение — отношение абсолютного.

Это абсолютное противоречие заблуждения и истины четко очерчивает контуры озадачивающей нас проблемы: рецепция идей Гегеля и Маркса страдает от этого настолько больше прочих, насколько больше мера их мысленного проникновения в суть бытия и, соответственно этому, больше мера влияния на бытие. Сегодня то же относится и к Ильенкову — по этой причине «круглых дат», в которые положено чествовать мыслителей, автор статьи ждет в последнее время с неослабевающим внутренним напряжением. Как легко здесь уйти от сути, упростить ее или даже вовсе «не коснуться идеального» (как с сожалением замечает сам Ильенков), растрюбив попутно об их, юбиляров, значимости и достижениях и т. д.! «Круглая дата», конечно, тоже своего рода совершенство, «идеальное», как идеален геометрический круг. Однако и «круглый дурак — это совершенство, но лучше, пожалуй, в этом деле не достигнуть совершенства круга, быть гибридом чего-то лучшего» [6, с. 225]. Чего же — «лучшего»? Всё ведь хорошо в своем роде, вот только роды бывают разные, как замечал Н. Г. Чернышевский. «Лучше бы нас меньше почитали, но побольше читали»²: стоит, пожалуй, воспользоваться этим советом Лессинга и подумать над проблемами, которые Ильенков высветил своим творчеством, вместо того чтобы использовать слова похвалы и множить пустые разговоры.

² Приводится по: *Ленин В. И.* Полное собрание сочинений. 5-е изд. Т. 1. М.: Госполитиздат, 1958. С. 131.

Суть всякого творчества противоречива. Дело вовсе не в нашем неаккуратном, будто бы, обращении со словами, в неуточненности терминов и в других милых позитивистскому сердцу причинах. Рассуждая так, мы впадаем в «обычное <...> нежничанье с вещами, заботящееся лишь о том, чтобы они не противоречили себе, [которое] забывает здесь, как и в других случаях, что таким путем противоречие не разрешается, а переносится лишь в другое место, в **субъективную или внешнюю рефлексию вообще** (выделено нами. — М. М.), и что последняя действительно содержит в себе в одном единстве, как снятые и соотнесенные друг с другом, оба момента, которые вследствие такого удаления и перемещения провозглашаются просто как положенность» [1, с. 46]. Ленин, искавший в текстах классиков осмысление источников самодвижения общественной материи, бережно переписывает этот фрагмент «Науки логики» в свой конспект, комментируя «милую иронию» Гегеля, который высмеивает стремление очистить объективную реальность от противоречий и борьбы.

Вот и с милым сердцу образом Ильенкова нередко «нежничают», очищая его от противоречий, устраняя всякую проблемность из его мысли. Забывая, что при этом ведь удаляется противоречие не из предмета, а из **представления** о предмете (которое как раз и не терпит противоречий, в отличие от **понятия**), и это представление, омертвляющее предмет, делающее его сухим, бледным и безжизненным, выдают потом за истину. Указание на это несоответствие вводит собеседника в отрицание и злость, вызывает раздражение. Почему так происходит, прекрасно понимал Фихте: «Если наш интерес к истине не чист и не достаточно силен, то мы станем защищать себя, насколько только сможем, от проникающего к нам убеждения; и тут для нас дело идет не о форме, а о материи положения; мы защищаем ее, потому что она наша, и потому для нас суетная задача важнее, чем истина» [10, с. 355].

М. А. Лифшиц подметил противоречие в позиции Ильенкова, вызвав этим различные реакции. Лишь немногие из них оказались способными проникнуть в существо дела³. Наиболее распространенным «по обе стороны баррикад» в споре о правоте Ильенкова и Лифшица оказалось стремление «выгородить» своего любимого мыслителя, вытеснившее стремление *понять*. Но ничто не ново под солнцем, вновь прислушаемся к Фихте: «Им важна вовсе не истина, а лишь привилегия считать истинным то, что они до сих пор считали таковым, всё равно, из-за привычки или из-за того, что его содержание льстит их лености и испорченности. С ее помощью они получают надежду стать добродетельными и блаженными без всякого содействия» [10, с. 357—358]. Отношение, о котором говорит Фихте, можно выразить формулой: «свой, поэтому прав». А должно бы (в целях «оживления и повышения интереса к истине») быть наоборот: «прав, и поэтому свой».

Стоит сказать, что такого отношения не избежал и автор этих строк, который в свое время «для уяснения сути дела самому себе» написал критический текст с обоснованием правоты Ильенкова: как сейчас становится понятно, это обоснование было больше похоже на оправдание заранее заданного тезиса, словно в средневековых схоластических спорах, о сомнительном качестве которых высказывался сам Эвальд Васильевич. Открывая сегодня эти строки, написанные несколько долгих лет назад, автор

статьи не может не отнести к самому себе слова С. Жижека, когда он предлагает «читать Лакана *contre* Лакана»: какой идиот это написал? Есть, разумеется, только один ответ: ты сам, несколько лет назад.

Чтобы еще более бескомпромиссно «свести счеты с собственной философской совестью», а заодно спровоцировать своих ближайших коллег *начать мыслить*, автор статьи считает необходимым подчеркнуть: *Лифшиц по существу прав в своей критике Ильенкова*. Но...

Но не во всем. Тут самое интересное. Надо начать с некоторой странности: «идеальное» всё еще часто интерпретируется как «находящееся в сознании», несмотря на собственные слова-предостережение Ильенкова: «...философская система, именуемая “реальным” и “действительным” все то, что человек воспринимает как вне его собственного сознания существующую вещь, а “идеальным” — то, что в виде такой вещи не воспринимается, оказывается не в состоянии проявить силы критического различения к самым фундаментальным иллюзиям и заблуждениям человеческого рода» [5, с. 27]. Вдвойне странно, что эта интерпретация принадлежит по преимуществу теоретикам, желающим быть марксистами, которые, казалось бы, должны быть наиболее заинтересованы в «проявлении силы критического различения к иллюзиям человеческого рода». Это происходит в том числе и потому, что они не видят существенного различия между парами реальное-идеальное, материя-дух, бытие-мышление и предмет-сознание; для них остается неизвестной та огромная теоретическая работа, которую без страха преувеличения можно назвать прорывом, проделанная независимо друг от друга в разное время Марксом, Лениным и Ильенковым над классической философией (прежде всего — над «Логикой» Гегеля) и поднявшая их на новую высоту относительно широко бытующего и по сей день эмпиризма в теории познания. Продолжать, считая себя

³ Собственное мнение стоит недорого, но поскольку его еще не запрещено иметь, автор статьи утверждает: лучшее, что написано до сих пор по проблеме диалога «Ильенков — Лифшиц», это глава «Э. В. Ильенков: проблема идеального» из книги Г. В. Лобастова [7, с. 80—96]. Время от времени (до сих пор) при обсуждении проблемы идеального всплывает суждение, что «ничего нового-де по этой теме не сказано с 1970-х гг.», что проблема эта так и не разрешена. Всех, кто думает похожим образом, автор статьи отсылает к указанной книге. Можно допустить, что книга эта уже была ими читана. Но, в таком случае, понята ли? Тут, к сожалению, автор помочь бес-силен.

правоверным марксистом, настаивать на «идеализме» положения об объективности идеального — значит не понять главного тезиса Ильенкова.

К чести Лифшица и его учеников стоит заметить, что именно по этому пункту — об объективности идеального, связи его с проблемой истинности и всеобщности — они с Ильенковым согласны. Во многом, надо думать, из-за наличия серьезной причины обращения к философской традиции: аргументация Лифшица глубоко мотивирована его борьбой с «вульгарной социологией». Это и понятно: каждый видит в предмете в первую очередь самого себя, хотя этот образ чаще всего выступает под псевдонимом. Впрочем, Лифшиц явно отдает себе отчет в этом обстоятельстве, когда идейные битвы Ильенкова он осмысливает как закономерное продолжение своих собственных. При этом он вполне отчетливо видит опасную тенденцию в ильенковской разработке идеального, формулируя свое опасение так: «Бесспорно, что возможность безусловного знания или знания абсолютной истины открывает только процесс чувственно-предметной практики, который вместе с тем эту возможность исторически ограничивает, но безусловность и обусловленность нашего сознания не совершенно тождественны. Между ними есть некоторая щель, дифференциал, открывающий возможность необратимых в принципе новых завоеваний. Заменить же замкнутость физиологическую замкнутостью общественной (хотя бы и общечеловеческой) это еще не значит построить мост, связывающий наш малый берег с бесконечным материком природы и дающий нам возможность пусть небольшой доли свободы, истинной, а не только кажущейся, иллюзорной, иллюзии магнитной стрелки, всегда охотно бегущей к северу. Как нам здесь из церебрального рабства не попасть в рабство социологическое?» [6, с. 289].

Надо сказать, что этот аргумент сегодня повторяют критики Ильенкова в различных

формах, когда они обращают внимание на сходство разработанного им понятия «идеального» с «третьим миром» Поппера или с богдановским «социально-организованным опытом», или когда критикуют «гегельянский марксизм» в целом за то, что он-де ограничил тотальность мира человеческой практикой. От повторов этот аргумент не выигрывает, только замутняется: всё же до формулировки его в «чистой форме», на уровне М. А. Лифшица, критикам далеко. Впрочем, от них всегда можно отмахнуться, заявив, что они просто «ничего не поняли», но тогда возрастает опасность с водой выплеснуть и ребенка: упустить важное проблемное содержание, которое и составляет истинное в суждении, не совпадающем с моим наличным. И критики эти — тут не только провокация, а констатация горького факта — увы, *правы*, хотя и не против Ильенкова, но против некоторых «ильенковцев»⁴, которые любят как мантру повторять определение идеального как «отражения одного материального предмета в другом»⁵. Вот оно: «Под “идеальностью” или “идеальным” материализм и обязан иметь в виду то очень своеобразное и то строго фиксируемое соотношение между, по крайней мере, двумя материальными объектами (вещами, процессами, событиями, состояниями), внутри которого один материальный объект, оставаясь самим собой, выступает в роли *представителя другого объекта*, а еще точнее — *всеобщей природы этого другого объекта*, всеобщей формы и закономерности этого другого объекта, остающейся инвариантной во всех его изменениях, во всех его эмпирически-очевидных вариациях» [5, с. 13]. Невнимание к категориальным определениям деформирует выраженное в этой цитате понимание идеального,

⁴ Так же и критика Гегеля чаще бьет не по нему, а по гегельянкам.

⁵ Не говоря уже о пороке созерцательной позиции, которая, предполагая бездеятельное отражение мира в сознании, ставит субъекта и объект познания во внешнее отношение.

превращая его в синоним «репрезентации», «символизации», «означивания» и т. п. Ильенков тем самым превращается то ли в феноменолога, то ли в структуралиста, то ли в неокантианца, а идеальное — во всего лишь другое (лишнее?) название для «общественного»⁶.

Ильенков, конечно, и сам дает повод так себя трактовать, утверждая: «“Идеальность” — это своеобразная печать, наложенная на вещество природы общественно-человеческой жизнедеятельностью, это форма функционирования физической вещи в процессе общественно-человеческой жизнедеятельности. Поэтому-то все вещи, вовлеченные в социальный процесс, и обретают новую, в физической природе их никак не заключенную и совершенно отличную от последней “форму существования”, идеальную форму» [5, с. 41]. Тут-то критика Лифшица и оказывается продуктивной: социологическое рабство, куда с необходимостью приводит такая логика и где Ильенков оказывается единомышленником Богданова с его «социальным солипсизмом»⁷, ничуть не лучше рабства физиологического, против которого воюет сам Ильенков, полемизируя с позитивистами, искавшими идеальное в мозге. Здесь, кстати, обнаруживает свою меру истинности постмодернистская (скажем широко) критика «социального рабства», которая появляется как реакция на отрыв «мира культуры» от «мира природы».

⁶ А от понимания идеального ведь зависит и понимание материального: оно, в свою очередь, становится выражением, обозначающим природное и (или) чувственное. Тем самым игнорируется огромная проблема генезиса понятия материи в марксизме в целом и у Маркса в особенности. Эти вопросы автор статьи подробнее разберет позже.

⁷ Более того, это дает возможность «сторонникам ленинской линии» представить Ильенкова ревизионистом, идеалистом и т. д. Страшны здесь, понятное дело, не ярлыки, а то, что эти абстрактные определения заменяют собой необходимость *мыслить самостоятельно*, провоцируя распространение религиозной формы отношения к объективности, закрывая труды Ильенкова от находящихся в поиске ответов на вопросы потенциальных читателей.

Легко понять, что как никогда острой становится поэтому проблема *понятия* как *понимания другого*, обретающая форму межсубъектности, так интересующую Фихте. При внимательном чтении немецкого идеалиста становится понятно, что это — один и тот же вопрос: «...слова сами по себе суть не более чем пустой звук, колебания воздуха, который нас окружает. Смысл, который они имеют для Вас — если они для Вас имеют разумный смысл — придаю им не я, его придаете Вы, Вы вкладываете **для себя** смысл, как я в них вкладывал смысл **для себя**. Чем ближе этот смысл к тому, который я хотел в них вложить, тем лучше Вы меня понимаете, чем дальше он от него, тем меньше; чем больше сходства у идей, которые Вы по их поводу развиваете в себе, с теми, которые я при работе развил во мне, тем гармоничнее наш настрой» [9, с. 320]. Чтобы понять, какой смысл вложил в свои тексты Ильенков, нужно развить из самого себя собственное содержание, которое совпадет, гармонизируется, начнет «ладить» с определенным в его словах содержанием. Это значит — провести ту же работу по освоению богатства человеческой культуры, что и он. Чтобы смыслы эти, его идеи, стали ближе к нему, обрели «сходство».

Итак, проблема поставлена: как выдержать напряжение противоречия позиции Ильенкова и не впасть в «социальный солипсизм», пытаюсь освоиться с его понятием идеального? Существенно ли противоречие в позиции Ильенкова, которое фиксирует Лифшиц, или оно есть лишь необходимая кажимость? Ответствен ли мыслитель за повод, который он дает своим последователям, трактующим его неверно? В чем проявляется ограниченность позиции самого Лифшица? Ответ на эти и связанные с ними вопросы будет дан во второй части статьи.

**Список литературы
и источников**

1. Гегель Г. В. Ф. Наука логики. Т. 2. М.: Книга по Требованию, 2016. 248 с.
2. Гегель Г. В. Ф. Сочинения / под ред. А. Деборина, Д. Рязанова. Т. 4: Система наук. Ч. 1. Феноменология духа / пер. Г. Шпета. М.; Л.: Гос. изд-во, 1959. XLVIII, 438 с.
3. Гейне Г. К истории религии и философии в Германии / пер. А. Горнфельда // Собрание сочинений: в 10 т. / Г. Гейне. Т. 6. М.: Гослитиздат, 1958. С. 13—142.
4. Ильенков Э. В. Диалектическая логика. Очерки истории и теории. М.: Политиздат, 1974. 271 с.
5. Ильенков Э. Диалектика идеального // Логос. 2009. № 1 (69). С. 6—62. EDN: TJIGYX.
6. Лифшиц М. А. Диалог с Эвальдом Ильенковым: (Проблема идеального). М.: Прогресс-Традиция, 2003. 368 с.
7. Лобастов Г. В. Диалектика разумной формы и феноменология безумия. М.: Русская панорама, 2012. 560 с.
8. Михайлов Ф. Т. Загадка человеческого Я. Изд. 2-е. М.: Политиздат, 1976. 287 с.
9. Фихте И. Г. О различии буквы и духа в философии // Философия как наукоучение: Генезис научного метода в трудах И. Г. Фихте / А. А. Иваненко. СПб.: Владимир Даль, 2012. С. 313—350.
10. Фихте И. Г. Об оживлении и повышении чистого интереса к истине // Философия как наукоучение: Генезис научного метода в трудах И. Г. Фихте / А. А. Иваненко. СПб.: Владимир Даль, 2012. С. 351—362.
5. Ilyenkov E. V. “Dialectics of the Ideal”. *Logos* 1 (69) (2009): 6—62. (In Russian). EDN: TJIGYX.
6. Lifshitz M. A. *Dialogue with Eval'd Ilyenkov: (Problem of the Ideal)*. Moscow: Progress-Traditsiya, 2003. 368 p. (In Russian).
7. Lobastov G. V. *Dialectics of Rational Form and Phenomenology of Unreason*. Moscow: Russkaya panorama, 2012. 560 p. (In Russian).
8. Mikhaylov F. T. *Enigma of Human Self*. 2nd ed. Moscow: Politizdat, 1976. 287 p. (In Russian).
9. Fichte Johann Gottlieb. “Concerning Difference between the Spirit and the Letter within Philosophy”. *Early Philosophical Writings*. By Fichte. Transl. and ed. by Daniel Breazeale. Ithaca: Cornell Univ. Press, 1988. 185—216.
10. Fichte Johann Gottlieb. “On Stimulating and Increasing the Pure Interest in Truth”. *Early Philosophical Writings*. By Fichte. Transl. and ed. by Daniel Breazeale. Ithaca: Cornell Univ. Press, 1988. 217—232.

Информация об авторе

Морозов Максим Юрьевич — кандидат философских наук, доцент кафедры теоретической социологии и эпистемологии философско-социологического факультета Института общественных наук Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Россия, 119606, Москва, пр. Вернадского, 84, корп. 3). ORCID: 0000-0001-9772-642X. SPIN-код: 3326-2506.

Information about the author

Maxim Yu. Morozov — Cand. Sci. (Philos.), Associate Professor at the Department of Theoretical Sociology and Epistemology of Faculty of Philosophy and Sociology of Institute of Social Sciences, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Russia, 119606, Moscow, Vernadsky ave., 84, bldg. 3). ORCID: 0000-0001-9772-642X. SPIN code: 3326-2506.

Статья поступила в редакцию 27.02.2024.

The article was submitted 27.02.2024.

References

1. Hegel Georg Wilhelm Friedrich. *The Science of Logic*. Transl. George Di Giovanni. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2015. 866 p.
2. Hegel Georg Wilhelm Friedrich. *Phenomenology of Spirit*. Transl. A. V. Miller. Rev. ed. Oxford: Oxford Univ. Press, 1979. 640 p.
3. Heine Heinrich. *Zur Geschichte der Religion und Philosophie in Deutschland*. Berlin: Hofenberg, 2016. 126 S. (In German).
4. Ilyenkov E. V. *Dialectical Logic. Studies in History and Theory*. Moscow: Politizdat, 1974. 271 p. (In Russian).

Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2024. № 3 (43). С. 164—172.

Economic and Social Research. 2024. No. 3 (43). P. 164—172.

Научная статья

УДК 165.2

doi: 10.24151/2409-1073-2024-3-164-172

<https://elibrary.ru/zwsdzc>

Э. В. Ильенков и логика познавательного процесса

В. Н. Суханов

Российское философское общество «Диалектика и культура», Москва, Россия

suhi61@mail.ru

Аннотация. Автор анализирует борьбу Э. В. Ильенкова за действительную логику познавательного процесса. Подробно исследуется содержание «Гносеологических тезисов» Эвальда Ильенкова и Валентина Коровикова. Особое внимание уделяется первичности метода в научном познании. Производится тщательный разбор предмета философии таким, каким его видел Ильенков. Показано развитие Ильенковым положений В. И. Ленина, уничтожающих позитивизм. Анализируется «Наука логики» Г. В. Ф. Гегеля как логика реальной предметно-преобразовательной деятельности исторического человека. Статья, по форме близкая к эссе, написана к 100-летию Э. В. Ильенкова.

Ключевые слова: личность, позитивизм, мышление, предмет философии, метод, противоречие, онтологическое доказательство, Бог

Для цитирования: Суханов В. Н. Э. В. Ильенков и логика познавательного процесса // Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2024. № 3 (43). С. 164—172. <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2024-3-164-172> EDN: ZWSDZC.

Original article

E. V. Ilyenkov and the logic of the cognitive process

V. N. Sukhanov

Russian Philosophical Society “Dialectics and Culture”, Moscow, Russia

suhi61@mail.ru

© Суханов В. Н.

Abstract. The author analyzes the struggle of E. V. Ilyenkov for the actual logic of the cognitive process. The content of “Epistemological Theses” by Evald Ilyenkov and Valentin Korovikov is examined in detail. Particular attention is paid to the primacy of method in scientific knowledge. A thorough analysis of the subject of philosophy as Ilyenkov saw it is carried out. The development by Ilyenkov of V. I. Lenin’s provisions that destroy positivism has been shown. Hegel’s “Science of Logic” is analyzed as the logic of the real subject-transformative activity of historical person. The article, in form close to an essay, was written to mark the centenary of the birth of E. V. Ilyenkov.

Keywords: personality, positivism, thinking, subject of philosophy, method, contradiction, ontological proof, God

For citation: Sukhanov V. N. “E. V. Ilyenkov and the Logic of the Cognitive Process”. *Economic and Social Research* 3 (43) (2024): 164—172. (In Russian). <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2024-3-164-172> EDN: ZWSDZC.

Две всемирно-исторические личности, два мыслителя внесли существенный вклад в развитие материалистической диалектики. Первый из них — В. И. Ленин, «великий практик», как сказал о нем В. В. Маяковский. Основное детище Ленина — Великая Октябрьская социалистическая революция — и сегодня, через сто лет после кончины вождя мирового пролетариата, будоражит умы и сердца как сторонников идеи коммунизма, так и ее противников. Вторая личность намного менее известна, но значимость содеянного этим человеком трудно переоценить. Речь идет о советском философе Э. В. Ильенкове.

Ильенков родился 18 февраля 1924 г., менее чем через месяц после ухода из жизни Ленина. И если Ленин вел «полями битв, а не бумаг» (В. В. Маяковский), то Ильенкову была уготована совсем иная судьба. Поле битвы Ильенкова стали именно «бумаги», которые весили в истории человечества подчас намного более, чем любая практическая «битва». Что же придавало этим манускриптам такую «весомость»?

Выдающийся мыслитель XX в. М. Лифшиц в одной из своих статей писал, что существует некий «закон сохранения мысли». И, очевидно, такой закон действительно су-

ществует, поскольку духовный подвиг Ильенкова в том и состоял, чтобы бережно и стойко вытянуть в свое и теперь уже наше время нить ленинской мысли. Не дать ей порваться. Не дать извратить суть ленинских слов. И не случайно последняя (увы, прощальная!) книга Ильенкова называлась «Ленинская диалектика и метафизика позитивизма».

В 1908 г. Ленин в одиночку дал бескомпромиссный теоретический бой позитивизму, «эпидемия» которого охватила партию большевиков, в первую очередь ее руководителей. И эта «эпидемия» оказалась значительно опасней, чем пандемия коронавирусной инфекции, которую изобрели современные буржуа, чтобы оцифровать народ. И если в 2020 г. люди, случалось, умирали просто от страха, как чиновник из рассказа А. П. Чехова, чихнувший на лысину генерала, то во времена написания книги «Материализм и эмпириокритицизм» страх Ленина был вполне обоснованным: речь шла о судьбе революции, а как выяснилось впоследствии — и о движении всего советского государства. Именно поэтому Ильенков и начинает свою книгу словами: «За истекшие 70 лет со времени выхода книги В. И. Ленина “Материализм и эмпириокритицизм”

идейные битвы не стали ни менее напряженными, ни менее значимыми для судеб людей, объединенных в те же самые борющиеся партии, что и в начале столетия. Меняются имена и названия, совершенствуется, становясь все более изощренной, стратегия и тактика борьбы, но суть ее остается той же. Вопрос по-прежнему стоит так, как поставил его в 1908 г. Ленин: либо последовательный (диалектический) материализм — либо беспомощные плутания в теории, плутания, чреватые печальными, а то и трагическими последствиями. Начинаясь в отвлеченных, казалось бы, сферах, эти плутания рано или поздно заканчиваются на грешной земле» [2, с. 21].

Ленин называет свою битву с русскими махистами «философской дракой», а своего близкого друга Максима Горького, не понявшего сути этой «драки», обвиняет в богостроительстве, хоть и по-дружески, но очень жестко объясняя пролетарскому писателю: «Никогда идея бога не “связывала личность с обществом”, а всегда *связывала* угнетенные классы верой в *божественность* угнетателей» [4, с. 232].

Ильенков также не раз повторял, что «нет божества без убожества». Занимаясь постоянным философским и, скажем шире, общекультурным образованием, — штудирова Платона, Аристотеля, Спинозу, Канта, Гегеля, даже на фронте читая Маркса и Толстого, «хронически болея» музыкой Вагнера, — молодой ученый ясно видел, что наследие ленинской мысли в такой ключевой науке строительства коммунизма, как философия, разбазарено, размыто, стерто, неопределенно. В результате само определение предмета философии стало подобным определению «боженьки», с которым так рьяно сражался Ленин. Обожествлялись успехи естественных наук, обожествлялась сама техника, с помощью которой внедрялись достижения этих наук, обожествлялась технология про-

изводственного процесса. Что же оставалось на долю философии? Только обобщать эти «божественные успехи» как «царице наук», «богине богинь». Ильенков понимал, что философия никогда не была «над схваткой», а всегда стремилась стать нервом познания человеком природы и самого себя. В учебниках по марксистско-ленинской философии определение предмета философии звучало так: «Философия — наука о наиболее общих законах развития природы, человеческого общества и мышления» [7, с. 5]. Это упрощенное и слегка подправленное определение диалектики, данное Ф. Энгельсом в работе «Анти-Дюринг». Только у Энгельса вместо «наиболее общее» было «всеобщее». Но «всеобщее» — это гегелевское понятие. А вдруг какой-нибудь вдумчивый студент заглянет в Гегеля, да и увидит во всеобщем еще особенное и единичное? А в конкретном — единство многообразного? Так, как это сделали бывшие фронтовики, преподаватели философского факультета МГУ Эвальд Ильенков и Валентин Коровиков, которые в 1954 г., через 46 лет после битвы Ленина с Каприйской школой, поняли, «что молчать больше нельзя», и подали «Гносеологические тезисы», в которых указывали, что ***предметом философии является мышление в исторически развивающихся категориальных формах.***

Но послушаем самого Ильенкова. Приведем три его высказывания по предмету философии из «Философской тетради», датированной 1953—1954 гг. В этой тетради молодой ученый промышлял содержание будущих тезисов: «Философия занимается, по-видимости, тем, что исследует наиболее существенные, наиболее важные и характерные для эпохи тенденции развития научного мышления, и т[аким] о[бразом] косвенно отражает и те закономерности природы и общества, которые имеют существенно важное, жизненное значение для данной эпохи.

Мне думается поэтому, что предметом философии — всякой — идеалистической и материалистической — было одно — пугаться этого не следует — и это одно — основные, жизненно важные в общественном отношении закономерности природы и общества, поскольку они уже нашли свое выражение в общественном сознании в виде основных тенденций познания.

И поскольку мышление эти закономерности вскрывает, поскольку оно получает возможность расценивать отдельные успехи наук в общемировоззр[енческом] контексте — оно называется философским» [3, с. 174]. И далее об историческом движении философии к своему предмету: «Философия в ранние периоды развития пыталась охватить вообще весь круг вопросов, подлежащий разрешению усилиями всех наук в их развитии. В начале философия пыталась разрешить те вопросы, которые ей разрешить и не под силу, и прогресс состоял в том, что положит[ельные] науки отпочковывали из-под эгиды философии один круг вопросов за другим. Пока наконец у философии не остался лишь один четко стоящий перед нею и находящийся целиком в ее компетенции — это вопрос об отношении мышления и бытия, вопрос, который философия только тогда смогла решить подлинно научно, когда она отказалась от всякого философствования в старом смысле, и стала на почву реально-практ[ического] действия, когда она разрешила этот вопрос не философски, не умозрительно, а путем обращения к практике.

Только здесь философия обрела тот круг вопросов, который ей под силу разрешить, и тем самым стала иметь перед собою такой предмет, который подлежал конкретному, а не философскому исследованию, и философия сама приобрела характер положит[ельной] конкретной науки. И этот вопрос есть вопрос об отношении мышления к бытию, тот самый вопрос, который всегда,

во все времена был подлинным предметом, ядром, вокруг которого так или иначе группировались остальные вопросы, которые человечество пыталось решить философским способом только потому, что не умело еще решить их конкретным путем, путем положит[ельной] науки...» [3, с. 179—180]. И далее: «Ведь ясно, что постигнуть “мир в его единстве, в его движении, изменении и развитии” способно только все познание в целом, вся совокупность наук, и что такая задача никак не по плечу одной философии, хотя бы даже и марксистско-ленинской...

Не может философия решать задачу, которая по плечу лишь всей совокупности наук о природе и обществе, если она не хочет претендовать на роль “науки наук”» [3, с. 183].

И еще отрывок из «Философской тетради» Ильенкова о методе: «Я думаю, что мировоззрением философия является только потому, что она представляет собою метод научного постижения мира, а не наоборот, не потому она является методом, что сначала выступает как мировоззрение...

Она — сначала метод, а потом, и вследствие этого, проникая во все остальные науки, направляя их развитие, оплодотворяя их, она является и мировоззрением.

Методологически правильнее ставить вопрос так. Так, кстати, и Сталин ставил» [3, с. 207].

Добавим вслед за Ильенковым, что так вопрос ставил и Ленин в «философской драке» с позитивистами. Либо мы, вооружившись методом Гегеля, методом восхождения от абстрактного к конкретному, будем исследовать капиталистическую действительность так, как это делает Маркс в «Капитале», либо, исходя лишь из революционного чутья пролетариата и «комплексов ощущений» революционно настроенной интеллигенции, сотворим нечто далеко разнящееся с истиной, с логикой развития действительности.

Ведь и поражение революции 1905 г., и Ленин это отлично понимал, произошло во многом из-за неспособности руководителей революции теоретически верно оценивать ситуацию, неумения всесторонне учитывать соотношение сил и средств борьбы. Считая Гегеля буржуазным теоретиком, после поражения революции большевистские лидеры стали искать «новой философии». Не свихнулся в позитивизм только один Ленин. «Ленин ясно понимал, что те “особые философские взгляды”, которые с такой настойчивостью и чем дальше, тем активнее старались навязать партии Богданов, Базаров, Луначарский, Суворов и их единомышленники, делают головы доверившихся им людей абсолютно непригодными именно для самого важного, “общепартийского дела” — для научного марксистского осмысления уроков потерпевшей поражение революции. Речь шла не о пустяках, не о деталях понимания, не о частных тактических разногласиях — о самых глубоких основах марксистского мышления, о логике анализа действительности», — пишет Ильенков в книге о Ленине [2, с. 30]. Обращение к Ленину и его «философской драке» за основной вопрос философии Ильенкову было необходимо вовсе не из целей чисто гносеологических (хотя именно в гносеологизме Ильенкова обвиняли больше всего), — выдающийся советский философ отлично понимал, что головы, подменившие истинный основной вопрос философии позитивистским, напрочь лишены ума. С такими «головами» коммунизм не построишь: «Ибо не отношение сознания к мозгу, а отношение сознания к внешнему миру составляет тот вопрос, вокруг которого махисты сами затеяли спор. Отношение же сознания к мозгу — это тоже важный вопрос, но решается он конкретными нейропсихологическими исследованиями, психофизиологией.

Ленин и говорит: все, что происходит внутри тела человека и его мозга, его

нервной системы и органов чувств, — это монополия естествоиспытателей. Но им иногда начинает представляться, что решение вопроса об отношении сознания к мозгу и телу человека в целом и есть решение основного вопроса философии, вопроса об отношении всего сознания ко всему внешнему (по отношению к сознанию) миру» [2, с. 43].

Почему так получилось, что к 1954 г. в научном мышлении всюду господствовал позитивизм, а диалектика в познании мира была подменена формальной логикой? Соответственно и законы формальной логики стали руководящими как в теоретических исследованиях, так и в практических делах.

Ильенков в своей «Философской тетради» пишет и подчеркивает красным карандашом: «Истина есть процесс, а не метафизически данная застывшая величина», а на полях рядом с этой фразой уточняет: «Ленин» [3, с. 201]. Далее философ раскрывает это ленинское положение: «Философия не отвечает на вопрос — каков предмет сам по себе — она только корректирует движение познающего мышления.

Надо признать, что только такое понимание философии как науки о закономерностях действительно познающего, предметного мышления, и может дать четкое разграничение философского и положительного моментов в познании» [3, с. 206].

Действительно, чистые формы вещей исследует и математика (к примеру, геометрический шар — чистая форма всех круглых вещей), но у философии свой собственный интерес — это наука о том, каким способом изменяется наше действительное познание «вещи» в соответствии с ее чистой формой. Поэтому философия может и должна помочь любой положительной науке обнаружить ее собственное начало — предельно абстрактное пустое, но тем не менее абсолютно тождественное с познаваемой «вещью». В том-то и гибкость диалектического понятия, что,

будучи абсолютом, в каждой положительной науке оно проявляется по-разному. У каждого исследования, у каждой науки, у каждого предмета свое противоречие, которое должно разрешиться, чтобы родилась «вещь». Ведь если мы хотим найти начало вещи, мы обязаны найти начало начала. Где, скажем, такое начало в таких непростых науках, как педагогика, психология? Говорят, Ленин в детстве любил ломать игрушки. Может, он и искал здесь, в свободном экспериментировании с «вещью», свое начало? Может, поэтому так и внимателен Ленин в 1914 г. к «Науке логики» Гегеля, ко второму тому «Логике», где разбирается положение о противоречии? Вождю революции необходимо было сохранить жизнь революционного процесса, «оплодотворив» его истиной научного познания. Потому так и непримирим Ленин к мертвому «боженьке» и к формально-логическому мышлению позитивистов. Положение о противоречии и его разрешении руководитель партии большевиков выписывает в свою тетрадь из Гегеля почти полностью. Ленину в предреволюционной России Гегель был необходим как воздух, необходимо было понять, как и почему различия, подчас даже лежащие на поверхности, доводятся до остроты противоречия. Всякие ли различия необходимо доводить до противоречия? А если не всякие, то как определить, какие различия существенные, какие несущественные? Ведь, скажем, если различие между пролетариатом и буржуазией сама действительность заостряла до предела, то как быть с различиями между рабочими и крестьянами, различиями в укладах многих наций, входивших в состав Советского Союза?

Ильенков своим ученикам говорил: «Читайте Гегеля». Самые внимательные к словам философа понимали, что читать Гегеля можно только по-ленински. Ведь только тогда Гегель будет понят, когда он станет действительным

«корректировщиком» твоего практического преобразовательного процесса. Знание логики изменения знания и самого предметного познания предполагают друг друга. Насколько мы не можем осуществлять истинное познание «вещи», не зная логики преобразования знания, настолько и сам логический процесс будет неполным, неистинным, если не будет вычерчиваться точкой совпадения познания «вещи» с «вещью», точкой тождества мышления и бытия.

Именно поэтому вполне логично прийти к выводу, что в «Логике» Гегеля «нет никакого идеализма», что и было впервые высказано ровно через сто лет после «философской драки» Ленина с махистами на Ильенковских чтениях 2008 г. председателем Чтений Г. В. Лобастовым. Высказанное положение вызвало жаркую дискуссию. Оппонировал Г. В. Лобастову профессор В. Г. Арсланов, категорически утверждая, что «сам Ленин» называл Гегеля «идеалистической сволочью». От этой дискуссии веяло и жаром, и грустью. «Сам Ленин...» И снова вспомнился Владимир Маяковский: «Я боюсь, чтоб шествия и мавзолеи, поклонений установленный статут не залили б приторным елеем ленинскую простоту». И подумалось: как бы и нам, восхищающимся силою ума Эвальда Васильевича, не скатиться до банального и пошлого — «Сам Ильенков...»

Но дискуссия на Ильенковских чтениях — 2008 оказалась не бесплодной. В 2020 г. Г. В. Лобастов развернул свое положение о материализме Гегеля в статье «Логика понятия в философии Гегеля (к материалистической апологии гегелевской философии)» [6].

Ленин, штудирова Гегеля, постоянно пишет на полях: «Отбрасываю боженьку». Или: «Об онтологическом доказательстве, о боге чушь!» [5, с. 166]. Но, читая Гегеля, мы почему-то, сколько ни вглядываемся, «боженьку» не находим. Ведь ясно, о каком «боженьке» у Ленина идет речь — мертвом,

неразвивающемся, метафизическом, порабошающем сознание трудящегося боге. И бога (абсолют) Ленин видит только таким, объясняя «непутевому» Горькому, что «всякий боженька есть труположество — будь это самый чистенький, идеальный, не искомый, а строяемый боженька, все равно» [4, с. 226]. Но где у Гегеля в «Науке логики» «труположество»? Не ищите — не найдете даже миллиграмма! Более того, если бы объявить конкурс на эпитафию к «Науке логики» Гегеля, то Маяковский снова бы победил: «Ненавижу всяческую мертвечину! Обожаю всяческую жизнь!»

Повторюсь, положение о противоречии и его разрешении из второго тома «Науки логики» Ленин конспектирует предельно плотно. Примечателен один комментарий. «Идея универсального движения и изменения <...> угадана до ее применения к жизни и обществу» [5, с. 127]. И здесь, конечно, есть некое заблуждение Ленина. Гегель — не гадалка! Гегель выводит абсолютную идею из бытия и сущности. И кстати, по отношению к «боженьке» Гегель сразу, с первых строк «Науки логики», высказывает свое однозначное суждение, дабы сразу расставить все точки над *i* и навести немецкий *ordnung*. Метафизическое понятие Бога «как совокупность всех *реальностей*», которые «не противоположны и не противоречат друг другу» [1, с. 96], Гегель, в отличие от Ленина, не отбрасывает, а снимает, утверждая в движении категорий от непосредственного бытия до абсолютной идеи действительное онтологическое доказательство бытия Бога. Именно в этом суть статьи Г. В. Лобастова: «...Бог, мыслимый как начало и завершение бытия, полностью совпадает с логическим движением. Принцип тождества бытия и мышления находит здесь полное свое выражение. Абсолютная идея, развитие которой как раз и представлено логическим движением, есть внутренняя логика субстанции-

субъекта, которая и представляется как Бог. В логике Гегеля, надо сказать, осуществлено то, над чем бились великие мыслители, начиная от Ансельма и Фомы, — осуществлено доказательство бытия Бога. Здесь абсолютное содержание бытия — и чувствуемое, и мыслимое — выражено в движении логической мысли. Тем самым Бог, абсолютное, представлен в логической форме, сведен к логическому. Что и отвечает требованию доказательства. Абсолютное получило форму логического выражения, абсолютно-истинного знания, представлено в форме абсолютной идеи, которая, по существу, уже не требует отношения веры, субстанция исчерпана логическим движением, а мышление показано как абсолютная способность понятия, то есть понимания. Ведь идея доказательства бытия Бога заключается именно в том, чтобы показать выразимость абсолютного в мысли, а тем самым — их тождество. Показать, что мысль достигает пределов бытия, что абсолютная истина дана (дается) в логической способности мышления. Бытие абсолютного, Бога, доказано, если оно выражено в мышлении, согласовано и совпало с движением мысли.

Все аргументы, выстраиваемые в ряду исторических попыток доказательства бытия абсолютной сущности, даже самый сильный — онтологический, — более всех прочих развивающий и удерживающий диалектику мысли, не достигают своей цели. Гегелевская же диалектика детально-подробным своим разворачиванием чистых форм мышления как раз и выражает “божественную идею” абсолютного. Идею, которая не над миром и не до мира (позиция, которую занимает сознание мыслителя), а внутри него — как его собственное определение и как форма его самоопределяемости. Тем самым Гегель показывает логическую идею как мировую субъектность, субстанция здесь выражена как субъект. А развивающееся

в субъективной форме понятие — как мысль, снимающая бытие и сущность и одновременно выражающая их, бытия и сущности, внутреннюю логику. Потому и Бог тут оказывается тождественным логической идее» [6, с. 183].

В заключение хотелось бы вернуться к Максиму Горькому и его духовному поиску. Уже в детстве Горький увидел, что у дедушки и бабушки разный Бог. Когда Алеша Пешков был совсем еще малышом и спал в комнате вместе с бабушкой, он видел, что каждый вечер бабушка становилась на колени перед иконой и рассказывала Богу о всех прошедших за день делах. Долго, обстоятельно советовалась, просила разрешить конфликты между дедом и сыновьями и много всего другого. Фактически, бабушка не совершала ничего «труположского», наоборот! Ее разговор с Богом — это была своего рода рефлексия содеянного ее семьей за сутки. Конечно, бабушка фиксировала лишь различия, естественно находясь в плену представления. До противоречия различия заостряла жизнь. Вспомните из повести Горького «Детство», как дядья рвали каждый к себе Цыганка. И как это противоречие разрешилось в действительности. У деда был другой бог. Может, именно поэтому Горький всю жизнь искал бабушкиного Бога, преобразовывал его, и вошел в мировую литературу, в совершенстве владея методом обнажать в художественном образе противоречия жизни. «Правда — бог свободного человека!» — говорил писатель. Но разве метафизический «боженька» помог сотворить Горькому такие высокохудожественные образы Человека, как Сатин и Данко? Хочется высказать такую гипотезу: Ленин не совсем понимал личность, душу Горького, который пространство существования своего Бога выходил босыми ногами по матушке-Руси, заработав туберкулез. Именно босыми ногами (а это, может, еще

покруче, чем поездка Че Гевары на мотоцикле по Латинской Америке в юном возрасте). И думается, что Бог Горького был очень близок гегелевскому Богу как «совокупности всех отрицаний». И это не голословное утверждение — перечтите «На соли», «Старуха Изергиль», «Сказки об Италии», «Коновалов». Как замечательно фиксирует противоречие Коновалова писатель — пьет беспредельно, а работает бесконечно светло и красиво. И если любит — идет до конца: влюбившись в проститутку, отдает ей всего себя, делает всё, чтобы вытащить любимую женщину с самого дна. Разве вы найдете здесь хоть каплю зла? Разве вы найдете здесь дурную субъективность, столь жестко осуждаемую Гегелем? И разве Коновалов не художественный двойник Ильенкова? Коновалов влюбляется в женщину с самого дна и отдает ей свое сердце, не думая о последствиях. Ильенков так же, не думая о личном благе, отдает свое сердце Истине, которая тоже ведь начинается на дне, в рабочих руках, — вырывает сердце из груди и поднимает над собой, освещая нам дорогу.

Список литературы и источников

1. *Гегель Г. В. Ф.* Наука логики. Изд. 2-е, стер. СПб.: Наука, 2005. 799 с. (Слово о сущем).
2. *Ильенков Э. В.* Ленинская диалектика и метафизика позитивизма; Диалектика идеального / сост. А. П. Поляков. М.: Мир философии: Дмитрий Сечин, 2015. 336 с.
3. *Ильенков Э., Коровиков В.* Страсти по тезисам о предмете философии, 1954—1955 / [авт.-сост. Е. Иллеш]. М.: Канон+, 2016. 271 с.
4. *Ленин В. И.* Полное собрание сочинений. 5-е изд. Т. 48: Письма. Ноябрь 1910 — июль 1914. М.: Госполитиздат, 1964. XII, 543 с.
5. *Ленин В. И.* Философские тетради. М.: Политиздат, 1965. XXII, 752 с.
6. *Лобастов Г. В.* Логика понятия в философии Гегеля (к материалистической апологии гегелевской философии) // Вопросы философии. 2020. № 8. С. 181—192. <https://doi.org/10.21146/0042-8744-2020-8-181-192> EDN: HLQHYN.

7. Марксистско-ленинская философия. Диалектический материализм / ред. кол.: А. Д. Макаров и др. Изд. 2-е. М.: Мысль, 1971. 335 с.

References

1. Hegel Georg Wilhelm Friedrich. *The Science of Logic*. Transl. George Di Giovanni. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2015. 866 p. Cambridge Hegel Translations.
2. Ilyenkov Evald V. *Lenin's Dialectics and Metaphysics of Positivism. Dialectics of the Ideal*. Comp. A. P. Polyakov. Moscow: Mir filosofii; Dmitriy Sechin, 2015. 336 p. (In Russian).
3. Ilyenkov Evald, Korovikov Valentin. *Passions about Theses on the Subject of Philosophy, 1954—1955*. Auth. and comp. by E. Illesh. Moscow: Kanon+, 2016. 271 p. (In Russian).
4. Lenin V. I. *Letters. November 1910 to July 1914*. Moscow: Gospolitizdat, 1964. xii, 543 p. (In Russian). Vol. 48 of *Polnoye sobraniye sochineniy*, 5th ed.
5. Lenin V. I. *Philosophical Notebooks*. Transl. by Foreign Languages Publ. House. London: Lawrence & Wishart, 1961. 638 p. Vol. 38 of *Lenin Collected Works*.
6. Lobastov G. V. "The Logic of Concept in Hegel's Philosophy (To the Materialistic Apology of Hegelian Philosophy)". *Voprosy filosofii* 8 (2020): 181—192. (In Russian). <https://doi.org/10.21146/0042-8744-2020-8-181-192> EDN: HLQHYN.
7. *Marxist-Leninist Philosophy. Dialectic Materialism*. Ed. board: A. D. Makarov et al. 2nd ed. Moscow: Mysl', 1971. 335 p. (In Russian).

Информация об авторе

Суханов Валерий Николаевич — кандидат технических наук, участник Российского философского общества «Диалектика и культура» (Россия, 124498, Москва, Зеленоград, 247-30). ORCID: 0000-0003-1309-9284. SPIN-код: 4917-3982.

Information about the author

Valery N. Sukhanov — Cand. Sci. (Eng.), member of the Russian Philosophical Society "Dialectics and Culture" (Russia, 124498, Moscow, Zelenograd, 247-30). ORCID 0000-0003-1309-9284. SPIN code: 4917-3982.

Статья поступила в редакцию 27.02.2024.

The article was submitted 27.02.2024.

Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2024. № 3 (43). С. 173—181.

Economic and Social Research. 2024. No. 3 (43). P. 173—181.

Материалы конференции

УДК 14

doi: 10.24151/2409-1073-2024-3-173-181

<https://elibrary.ru/xdncnz>

Ильенковские чтения — 2024: обзор международной научной конференции

И. А. Ляшко

*Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
г. Белгород, Россия*

il.lyashko@yandex.ru

Аннотация. Подводятся итоги XXV Международной научной конференции «Ильенковские чтения» — «Э. В. Ильенков и мировая философия», посвященной 100-летию юбилею Эвальда Васильевича Ильенкова. Чтения организованы Российским философским обществом «Диалектика и культура» (Москва) с активным участием научно-теоретических центров России и Казахстана и прошли в режиме онлайн 17-18 февраля 2024 г. В обзоре конференции раскрыто основное содержание докладов, сгруппированных по тематическому признаку, что позволяет выявить ключевые направления актуальных исследований, посвященных наследию Э. В. Ильенкова.

Ключевые слова: Ильенков, Ильенковские чтения, диалектический материализм, марксизм

Финансирование: работа выполнена при финансовой поддержке Российского научного фонда в рамках проекта № 24-18-00130.

Для цитирования: Ляшко И. А. Ильенковские чтения — 2024: обзор международной научной конференции // Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2024. № 3 (43). С. 173—181. <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2024-3-173-181> EDN: XDCNCZ.

Conference report

Readings from Ilyenkov — 2024: Review of the international scientific conference

I. A. Lyashko

Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia

il.lyashko@yandex.ru

© Ляшко И. А.

Abstract. The author sums up the results of 25th International scientific conference “Readings from Ilyenkov” — “E. V. Ilyenkov and World Philosophy” dedicated to the centenary of the birth of Evald Vasilyevich Ilyenkov. The reading were organized by the Russian Philosophical Society “Dialectics and Culture” (Moscow) with the active participation of scientific and theoretical centers of Russia and Kazakhstan and took place online on February 17-18, 2024. The review of conference has revealed the main content of the reports, grouped thematically, which makes it possible to see the key areas of current research of E. V. Ilyenkov’s legacy.

Keywords: Ilyenkov, Readings from Ilyenkov, dialectical materialism, Marxism

Funding: the work was supported by the Russian Science Foundation, project no. 24-18-00130.

For citation: Lyashko I. A. “Readings from Ilyenkov — 2024: Review of the International Scientific Conference”. *Economic and Social Research* 3 (43) (2024): 173—181. (In Russian). <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2024-3-173-181> EDN: XDCNCZ.

Введение

Российское философское общество «Диалектика и культура» рассматривает ежегодные Ильенковские чтения как содержательно-организующую форму своей работы¹. XXV Международная научная конференция «Э. В. Ильенков и мировая философия», посвященная 100-летию юбилею Эвальда Васильевича Ильенкова, проходила два дня: 17 и 18 февраля 2024 г. Участвовало в ней более 50 человек, 39 из которых — докладчики. Особенность юбилейной конференции — в широком охвате наследия и личности мыслителя², тогда как обычно ежегодные Ильенковские чтения посвящены конкретной тематике. Первый день сфокусировал доклады по специально философской проблематике, второй — по гуманитарной.

Каждый доклад вовлекал участников в содержательную дискуссию. Выступавшие делились и личными, биографическими воспоминаниями, и своими достижениями, посвященными Ильенкову: Г. В. Лобастов

сообщил о выходе книги «Образ Эвальда Ильенкова в воспоминаниях» [5], А. Д. Майданский — о 7-м томе Собрания сочинений Ильенкова «Логика Маркса» [3], а также анонсировал следующие тома. Академик В. А. Лекторский отметил, что издания Ильенкова востребованы в Китае.

Ключевые темы, которые активно обсуждались на XXV Чтениях: тождество мышления и бытия, понятие системы, взаимосвязь философии и эмпирических наук, психика человека, искусственный интеллект, общество и, разумеется, вопросы образования, а также положение Э. В. Ильенкова в истории философии.

Фундаментальная философская проблематика

Задавая тон конференции, Г. В. Лобастов (Москва) высказал в своем докладе положение, что Э. В. Ильенков еще на заре своего профессионального становления четко обозначил предмет философии в знаменитых «Тезисах», показав, чем именно должен заниматься современный философ: это мышление (его исторически развивающаяся форма), ключевым принципом которого может быть только принцип тождества мышления и бытия. Сегодняшняя философская культура, по замечанию докладчика,

¹ Философское общество «Диалектика и культура»: официальный сайт. Сор. 2002—2024. URL: <https://dialecticus.ru/> (дата обращения: 12.09.2024).

² XXV «Ильенковские чтения» [Электронный ресурс] // Философское общество «Диалектика и культура»: официальный сайт. Сор. 2002—2024. URL: <https://dialecticus.ru/xxv-ilyenkovskie-chtenija> (дата обращения: 12.09.2024).

не может даже поставить такой вопрос — не то что разрешить его. Это положение делает Ильенкова, с одной стороны, представителем классической философии, а с другой, мыслителем, ориентированным в будущее философии, ибо действительное будущее — это истина прошлого. Поскольку люди не создают мышление, а развивают его, оценка фигур истории философии соотномеряется их вкладом в развитие диалектики бытия и мышления. Разработка проблемы идеального, утверждает Г. В. Лобастов, ставит Ильенкова в ряд мыслителей, труды которых необходимо изучить любому, кто входит в философскую культуру.

Ильенковские чтения традиционно становятся площадкой для продуктивных научных дискуссий. И в этот раз не все участники конференции восприняли обозначенный Г. В. Лобастовым посыл в равной степени позитивно. Прозвучали возражения: тождество мышления и бытия как принцип всякого философского мышления не только противоречит материализму, но и вычеркивает его из истории философии. В дискуссии докладчик дал достойный ответ на эти замечания: любой принцип должен быть обоснован логикой мышления, а значит, и материализм должен исходить из абсолютного основания; диалектический материализм способен показать, что форма относительного — это форма бытия абсолютного. Таким образом, принцип Эвальда Ильенкова, вызвавший в свое время «страсти по тезисам», и по сей день порождает живые дискуссии.

С резко полемическим докладом выступила М. Ю. Предеина (Челябинск), направив острие критики на принцип тотальности, обнаруженный ею на семинарах общества «Диалектика и культура», в частности, в тезисах и публикациях его активного представителя М. Ю. Морозова. По утверждению докладчицы, происходит «поиск рационального зерна» у Ильенкова, превращающийся в реабилитацию абсолюта, что сводит на нет

критику Марксом гегелевского идеализма. Главный тезис М. Ю. Предеиной можно свести к утверждению: движение мысли общества «Диалектика и культура» отходит от догматического прочтения классиков марксизма.

Проблематику тождества мышления и бытия поддержал В. Н. Суханов (Москва), определив орудие труда как то, в чем это тождество себя находит, ибо, с одной стороны, оно есть материальный объект, а с другой — продукт субъективной деятельности. Согласно докладчику, именно из орудия труда философия впоследствии открывает тождество мышления и бытия. На наш взгляд, этот тезис добавляет материал для научной дискуссии, поскольку возможен и обратный подход: орудие труда представляет собой относительную форму единства объективного и субъективного, выступая формой на пути развития изначального тождества мышления и бытия.

Вопрос о единстве субъективного и объективного затронул и А. Д. Майданский (Белгород), построив сообщение вокруг издания ранее не опубликованных работ Э. В. Ильенкова. Докладчик указал, что в ранних текстах философа мы узнаём точку зрения, исходящую из единства: субъективность, выбирая то, что важно для практики, не искажает объективность; объективность достигается в мышлении. Многие участники конференции поблагодарили А. Д. Майданского за работу по изданию рукописей.

Историко-философская оценка учения Э. В. Ильенкова

Принцип учения философа определяет его место в истории философии. Многие докладчики обозначали место Ильенкова в развитии философии, а также сопоставляли его принцип с принципами учений других мыслителей. Так, О. Ф. Иващук (Москва) сравнила советского философа с М. Хайдеггером. Обоих мыслителей, по ее мнению, объединяет позиция аутсайдеров

в современной им философской культуре, поскольку оба стремились к истине, а не к власти: выступали против главенствующего канона. Различие же их в следующем: Хайдеггер делает ставку на судьбоносность (иррациональность) макропроцессов в мире, выступая против принципа *Я*, тогда как для Ильенкова *Я* само по себе не есть зло, хотя может им стать — это зависит от системы образования: исходит ли она из диалектики или нет. *И. Е. Прись* (Минск, Беларусь) анализировал наследие Ильенкова с позиций контекстуального реализма — направления, к которому причисляет себя. Докладчик показал, что Эвальд Васильевич и контекстуальный реализм совпадают в критике идеализма, что делает их актуальными в критике антиреалистической направленности современной континентальной философии. С наследием Ильенкова *И. Е. Прись* познакомился недавно и дал ему высокую оценку: «Читая Ильенкова, я понял, как мы недооценивали диалектический материализм».

Место Ильенкова в историко-философском контексте рассматривал *А. Н. Муравьев* (Санкт-Петербург), показав на материале монографии «Ленинская диалектика и метафизика позитивизма» [1] источник трагической судьбы философа, а также проблематичность его теоретической позиции в споре с советским позитивизмом, выступавшим под именем марксизма. Ильенкова докладчик характеризовал как идейного наследника немецкой классической философии, видя в этом его превосходство над оппонентами. Недостаток же позиции Эвальда Васильевича, согласно *А. Н. Муравьеву*, в не до конца разрешенном противоречии между философией и опытом, вследствие чего возражать позитивистам Ильенков мог только указанием на не выносящий противоречий формализм рассудочного способа мышления. Доведение до конца отрицательно-разумного разрешения противоречия отношения относительной и абсолютной истины делает труды Ильенкова необходимым

заключительным шагом к положительно-разумному разрешению противоречия философии и опыта, чем обеспечивает ему, по заключению *А. Н. Муравьева*, вечную актуальность в историко-философском образовании. Тезис, положенный в основание выступления: общая предпосылка любого позитивизма и материализма — классический эмпиризм. Это утверждение возбудило интерес и активную дискуссию. Так, *А. Э. Савин* указал на различие между диалектикой и подлинным диалектическим материализмом. В ответ *А. Н. Муравьев* возразил, что это различие не устраняет главного основания: всякий материализм состоит в абсолютном примате материи над сознанием и относительности сознания.

Тему нового этапа развития философии и борьбы Ильенкова с советским позитивизмом поддержал доклад *В. А. Рыбина* (Челябинск), в котором утверждалось, что философский проект Советского Союза потерпел крушение и «философию нужно обнулять». Противопоставляя этому позитивизму материалистическую диалектику, Ильенков сделал противоположную ему ставку: на гуманитарное знание, а не естественно-научное. *В. А. Рыбин* предложил начать философию заново — как новую версию теоретического знания, в которое философия и наука войдут составными частями.

Тему позитивизма также затронул *С. Н. Бычков* (Москва), посвятив доклад полемике Э. В. Ильенкова с учеными-физиками и математиками. Искренне убежденные в положениях диалектического материализма, эти ученые тем не менее не выходили за пределы гипотетико-дедуктивного позитивного метода, несовместимого с материалистической диалектикой, в особенности с ее развитием у Ильенкова как метода восхождения от абстрактного к конкретному. По прогнозам *С. Н. Бычкова*, реализация позитивистского подхода будет вести ученых к противоречиям, показывающим отсутствие действительных объективных

оснований у имеющихся сегодня принципов эмпирических наук.

В контекст истории философии Ильенкова ставили не только с точки зрения фундаментальных принципов, но и анализируя отдельные логические категории в его учении. Нами представлены³ результаты небольшого исследования категории «субстанция» в наследии советского философа. Она рассмотрена в трех аспектах: (1) как понятие, (2) как необходимая составляющая метода познания, (3) как определенность материи, обеспечивающая ее цикличность. В качестве вывода нами проблематизирована категория материи указанием на то, что при ее исключении из текстов Ильенкова и сохранении категории субстанции теоретическая система философа принципиально не меняется. На наш взгляд, материя есть субстанция лишь в качестве постулата, поскольку не показано ее самоотрицание в последующие состояния. В ходе обсуждения доклада М. Ю. Морозов заметил, что материализм как способ начинать познание с материи состоит в том, чтобы не удерживать эту категорию как абстракцию, а дать ей перейти в субстанцию.

Внимание *М. А. Иванова* (Ростов-на-Дону) было сосредоточено на понимании категории идеала. Докладчик сопоставил точки зрения Ильенкова и Канта, показал различия в их подходах к идеалу и подошел к мысли: Ильенков, в отличие от Канта, акцентирует реализуемость идеалов (прежде всего, социального идеала). Вера в эту реализуемость жизнеутверждающая, хотя и не исключает трагедии, как социальные, так и личностного плана — когда идеалы для субъекта гибнут, вступая в конфликт с реальностью.

Историко-философской оценке учения Ильенкова посвящался и доклад *М. Ю. Морозова* (Москва). Он проблематизировал само отношение к наследию Ильенкова, видимая простота текстов которого обрачивается сложностью. Согласно основной интенции выступающего, нам всем следует исходить из того, что мы не понимаем Ильенкова, дабы избежать поспешных и оттого ложных интерпретаций. Наличие же таких интерпретаций дает М. Ю. Морозову основание сделать вывод: в тексте необходимо рассматривать проблему, резонирующую с его содержанием; разрешение этой проблемы и обеспечивает «умное» вхождение в мысль Ильенкова по ее «собственным контурам». И действительно, как утверждал сам Эвальд Васильевич, лишь проблема пробуждает процесс мышления. Так, например, слепоглухота не оставляет шансов халатному отношению к образованию. Поэтому нельзя не согласиться с выводом М. Ю. Морозова: простота Ильенкова — это свернутая сложность, следовательно, невозможно понять простоту его мысли, не развернув ее во всей сложности.

Понятие системы

Вопрос о системе и методе стал на XXV Ильенковских чтениях самым обсуждаемым. Его инициировала *Н. В. Гусева* (Усть-Каменогорск, Казахстан), высказавшись о том, что диалектическая логика исключает систему, так как последняя, будучи замкнутой, превращается в статичную формальность. Вероятно, завершенность означает идеализм и тотальность, запрет на которые установил Энгельс. *Н. В. Гусева* предложила исходить из понятия структуры, которую каждый раз необходимо конкретизировать в предмете, а не рассматривать саму по себе как систему категорий. Справедливый момент этой точки зрения, на наш взгляд, состоит в том, что система не может быть бессодержательной и абстрактной, однако этим не снимается замеченное

³ Ляшко И. А. (Санкт-Петербург). Анализ категории субстанции в наследии Э. В. Ильенкова. Доступно: https://www.youtube.com/watch?v=tjYRqtasXNQ&list=PLEPJAlhonby_xZ3X6KI37SXRWjT8YvDkL&index=19&pp=iAQV

противоречие диалектического развития и спекулятивной тотальности. XXV Ильенковские чтения показали, что эту проблему необходимо подробно исследовать.

Человек, общество и искусственный интеллект

Иллюстрируя в своих работах диалектический метод определения понятия, Э. В. Ильенков обращался к понятию человека. На конференции были представлены доклады, затрагивавшие вопросы о человеке, его сознании и психике. Соотношение языка с высшими психическими функциями анализировал *А. А. Садиков* (Москва). Ссылаясь на отечественных психологов, он показал, что ключевая особенность человека, отличающая его от животного, — сознательность. А язык возникает как орудие сознательности, ибо если сознание есть способность восприятия себя как субъекта через другого субъекта, то язык — средство, обеспечивающее такое взаимодействие. Этот доклад вызвал дискуссию о биологическом и социальном в человеке, но наиболее примечательным оказался сюжет о возможностях искусственного интеллекта. Может ли нейросеть мыслить? Представляется, что нет, ибо мыслит живое. Однако *А. А. Садиков* допустил, что, в соответствии с определением *А. Н. Леонтьева* [4] (живое то, что активно реагирует на воздействие окружающей среды), возможна мыслящая нейросеть.

Тему искусственного интеллекта поддержали доклады *В. А. Лекторского* (Москва) и *В. П. Огородникова* (Санкт-Петербург). Дискуссия по этой теме свелась к утверждению, что нейросети не породят ни сознание, ни мышление, поскольку их не порождает и мозг сам по себе, но человек, находящийся в совместной трудовой деятельности.

Заслуживает внимания и аспект чувственности. *Е. В. Мареева* (Москва) обозначила в докладе, что чувство человека отличается от чувства животного идеальностью, определяемой воспитанием. Задачу

высокого развития чувственности решает искусство, в котором, как утверждают Ильенков и Лифшиц, человек раскрывает идеальное самой природы, становящееся его всеобщей мерой.

Еще один доклад, затрагивающий вопрос психологии и физиологии, был сделан *Е. Е. Соколовой* (Москва) на материале «Психологических этюдов» Э. В. Ильенкова [2], опубликованных в 2018 г. Будучи представительницей психологии, Елена Евгеньевна во всех деталях обрисовала состояние этой науки и показала, что и спустя 50 лет данная работа Ильенкова актуальна. Так, были указаны проблемы современной психологии: отсутствие определений фундаментальных понятий и физиологический редукционизм. Внутри самой психологии это решается культурно-деятельностным подходом, разработанным *А. Н. Леонтьевым*, в философское обоснование которого внесли существенный вклад указанные рассуждения Ильенкова. По убеждению *Е. Е. Соколовой*, для того чтобы современные психологи прекратили мыслить в рассудочной логике «или-или», диалектическая логика, и прежде всего Логика Э. В. Ильенкова, должна войти в психологию как науку.

Одно из ключевых положений диалектического материализма вообще и учения Ильенкова в особенности — это общественная природа сознания, поэтому Чтения не обходят стороной общественную проблематику. *Е. М. Дмитриевский* (Москва) обратился к известному положению: основной вопрос философии — отношение сознания к бытию. Докладчик подчеркнул, что речь идет не об индивидуальном, а об общественном сознании. *Н. В. Гусева* (Казахстан) обозначила принцип современного общества как функционализм, т. е. эксплуатацию продуктов культуры и человека как функции. В таких условиях даже сама философия становится формой регламентаций. Предметно-практическая деятельность позволяет снимать эти барьеры функционализма,

поэтому Н. В. Гусева видит в работах Ильенкова потенциал для проектирования развития человека вопреки технологизированным обстоятельствам.

Доклад А. А. Иваненко (Санкт-Петербург) проблематизировал тезис об общественной природе сознания. Докладчик представил на суд публики размышления по поводу статьи Э. В. Ильенкова «Маркс и западный мир»⁴, в которых затронул множество вопросов: от особенностей ликвидации частной собственности на Западе до проблематизации коммунистического проекта в связи с крахом Советского Союза. Но наиболее дискуссионным оказался тезис о Марксовом понятии личности как ансамбля общественных отношений. Поскольку для Маркса не существует вечной сущности человека, постольку она исторична, а все общественные формы — это «родовые пятна» капитализма, которые должны исчезнуть при коммунизме. Это приводит А. А. Иваненко к вопросу: как будет развиваться личность при коммунизме — в обществе, которое не имеет никаких устойчивых отношений? В ходе дискуссии Алексей Савин предложил заменить понятие «личность» иным, так как в условиях коммунизма будет иное устройство, следовательно, и человек будет формироваться иначе.

Доклад В. В. Пшенникова (Москва) проблематизировал ильенковское понятие человека как существа, производящего орудия труда. Согласно утверждению докладчика, когорта людей, занимающихся интеллектуальной деятельностью, выпадает из этого определения. Возникла дискуссия о понятиях всеобщего и совместного труда у Маркса.

Вопросы образования

Из-под пера Э. В. Ильенкова вышло немало текстов, посвященных фундаментальным вопросам педагогики и дидактики. Ценность этого наследия для практики подтверждается ежегодным вниманием представителей педагогики к Ильенковским чтениям. Необходимость изучения педагогических работ Э. В. Ильенкова подчеркнула Н. И. Карпова (Усть-Каменогорск, Казахстан). Она показала, что в современной педагогике даже при всех модных нововведениях обучающийся остается предметом воздействия, а общий педагогический стиль — монологическим.

Конкретным дидактическим средствам, позволяющим формировать мышление, посвящался доклад Т. Н. Ищенко (Красноярск). Показателем сформированности мышления, по мысли докладчицы, выступает отношение к противоречию. В заключение Т. Н. Ищенко настоятельно рекомендовала всем педагогическим работникам изучать наследие Ильенкова, чтобы правильно ставить педагогическую задачу и уметь проверять сформированность умения мыслить. Доклад не остался без внимания профессиональных философов: Н. В. Гусева усмотрела в предложенных в нем дидактических средствах ориентацию лишь на рассудочное мышление. В ответ Т. Н. Ищенко уверенно возразила, что диалектика уже содержится в процедурах самостоятельной работы с понятиями, суждениями и умозаключениями, а сам по себе рассудок — в любом случае необходимый первый этап вхождения в культуру мышления. В подтверждение своей позиции докладчица привела слова Гегеля о том, что для живого мышления необходимо сначала научиться удерживать абстрактные определения.

Представитель естествознания к. биол. н. С. В. Багоцкий (Москва) обратил в докладе внимание на то, что идеи Ильенкова лежат в большей степени не в области обучения и воспитания в школе, а в решении

⁴ Ильенков Э. В. Маркс и западный мир (1965) [Электронный ресурс] // Caute.ru: [сайт А. Д. Майданского]. URL: <http://caute.ru/ilyenkov/texts/phc/marxww.html> (дата обращения: 26.09.2024).

социальных проблем, препятствующих развитию мыслящей личности. Эта взаимосвязь социальной и педагогической проблематики в наследии Э. В. Ильенкова показывает: какими бы разными, на первый взгляд, вопросами ни занимался философ, все они находятся в гармоничном единстве.

Среди наиболее заметных докладов, вызвавших дискуссию, кратко отметим следующие:

- *Н. Ю. Фёдоров* (Москва) проблематизировал состояние современной отечественной социологии, указав на отсутствие монизма и объяснения социологических понятий;
- к. т. н. *Н. Л. Румянцева* (Москва) обратила внимание, что Ильенков определял личность как мыслящее существо (заметим, что это и есть подлинно классический философский взгляд);
- *Н. В. Листратенко* (Москва) указала на то, что наследие Ильенкова интересно не только специалистам, но и молодежи, находящей в его методе восхождения от абстрактного к конкретному основание для решения своих вопросов, с которыми не справиться привычными методами рассудочной логики;
- д. п. н. *В. Г. Ермаков* (Гомель, Беларусь) поделился опытом: наследие Ильенкова помогло построить авторскую программу математического образования дошкольников, успешно работающую уже 30 лет;
- к. филос. н. *О. А. Ивенкова* (Смоленск) рассказала о большой историографической работе с документами, связанными с биографией Ильенкова и историей его семьи, ведущейся в Смоленском государственном университете, на малой родине философа;
- аспирант *А. В. Шишов* (Воронеж) нашел в трудах Э. В. Ильенкова основание для рассмотрения проблем экологии.

Второй день Чтений завершился воспоминаниями тех, кому посчастливилось

лично общаться с Эвальдом Васильевичем. Эти исторические свидетельства придали ноту задушевности финальному аккорду юбилейного мероприятия.

Заключение

При всем разнообразии докладов конференции из года в год сохраняется единство Чтений. Способствует этому классический характер наследия Ильенкова, не отходящего от главного предмета философии — диалектического тождества мышления и бытия. Все особенные детали учения проникнуты этой всеобщей идеей, что и определяет высокий уровень дискуссии, и придает наследию Ильенкова непреходящую актуальность.

Список литературы и источников

1. *Ильенков Э. В.* Ленинская диалектика и метафизика позитивизма: Размышления над книгой В. И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм». М.: Политиздат, 1980. 175 с.
2. *Ильенков Э. В.* Психологические этюды // Идеальное. И реальность. 1960—1979 / Э. В. Ильенков; авт.-сост. Е. Иллеш. М.: Канон+: РООИ «Реабилитация», 2018. С. 263—273.
3. *Ильенков Э. В.* Собрание сочинений. Т. 7: Логика Маркса. М.: Канон+: РООИ «Реабилитация», 2023. 543 с.: портр.
4. *Леонтьев А. Н.* Эволюция, движение, деятельность / под ред. Д. А. Леонтьева, Е. Е. Соколовой. М.: Смысл, 2012. 559 с. (Живая классика).
5. Образ Эвальда Ильенкова в воспоминаниях: [сб.] / Рос. филос. о-во «Диалектика и культура»; авт.-сост. и отв. ред. Г. Лобастов. М.: Русская панорама, 2024. 447, VIII с.: портр.

References

1. Ilyenkov E. V. *Lenin's Dialectics and Metaphysics of Positivism: Reflections over V. I. Lenin's Book "Materialism and Empirio-Criticism"*. Moscow: Politizdat, 1980. 175 p. (In Russian).
2. Ilyenkov E. V. "Psychological Essays". *Ideal'noye. I real'nost'. 1960—1979*. By E. V. Ilyenkov. Auth. and comp. E. Illesh. Moscow: Kanon+; ROOI "Reabilitatsiya", 2018. 263—273. (In Russian).
3. Ilyenkov E. V. *Marx's Logic*. Moscow: Kanon+; ROOI "Reabilitatsiya", 2023. 543 p., portr. (In Russian). Vol. 7 of *Sobraniye sochineniy*. 7 vols. to date.
4. Leont'yev A. N. *Evolution, Movement, Activity*. Ed. by D. A. Leont'yev, E. E. Sokolova. Moscow: Smysl, 2012. 559 p. (In Russian). Zhivaya klassika.
5. Russian Philosophical Society "Dialectics and Culture". *Image of Eval'd Ilyenkov in Memoirs: collection*. Auth., comp. and publ. ed. G. Lobastov. Moscow: Russkaya panorama, 2024. 447, viii p., portr. (In Russian).

Информация об авторе

Ляшко Илья Анатольевич — кандидат философских наук, научный сотрудник Белгородского государственного национального исследовательского университета (Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85). ORCID: 0009-0000-9992-039X.

Information about the author

Илья А. Ляшко — Cand. Sci. (Philos.), Research Fellow, Belgorod State National Research University (Russia, 308015, Belgorod, Pobedy st., 85). ORCID: 0009-0000-9992-039X.

Статья поступила в редакцию 31.08.2024.

The article was submitted 31.08.2024.

**ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ СИСТЕМА КООРДИНАТ:
ОБРАЗОВАНИЕ, ВОСПИТАНИЕ, РАЗВИТИЕ ЧЕЛОВЕКА
PEDAGOGICAL COORDINATE SYSTEM: EDUCATION, UPBRINGING,
HUMAN DEVELOPMENT**

Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2024. № 3 (43). С. 182—195.

Economic and Social Research. 2023. No. 3 (43). P. 182—195.

Научная статья

УДК 159.922.8 + 37.048.45

doi: 10.24151/2409-1073-2024-3-182-195

<https://www.elibrary.ru/ygotqc>

Особенности профессиональной идентичности современных старшекласников

Т. А. Егоренко¹, Е. С. Зорина²

^{1, 2} *Московский государственный психолого-педагогический университет, Москва, Россия*

¹ *egorenkota@mgppu.ru*

² *xes-zes@yandex.ru*

Аннотация. Представлены основные результаты исследования особенностей профессиональной идентичности и степени выраженности профессиональной готовности у современных старшекласников. Исследование проводилось в одной из школ г. Москвы, в нем приняли участие учащиеся 10-х классов в количестве 70 человек (26 юношей и 44 девушки). Результаты исследования позволили сделать выводы о связи между выраженностью компонентов профессиональной готовности и статусом профессиональной идентичности у современных старшекласников. По факту проведенного исследования также отмечена актуальность и необходимость психолого-педагогического сопровождения в школах как значимой задачи развития психологической готовности старшекласников к профессиональному самоопределению. Полученные результаты могут быть использованы педагогами при коррекционной работе, педагогами-психологами в работе с подростками и в дальнейших социальных, педагогических и психологических исследованиях, направленных на профессиональное самоопределение старшекласников.

Ключевые слова: социальное исследование, педагогическое исследование, психолого-педагогическое сопровождение, профессиональное самоопределение, профессиональный выбор, статус профессиональной идентичности, старшекласник, подросток, подростковый возраст, профессиональная готовность

Для цитирования: Егоренко Т. А., Зорина Е. С. Особенности профессиональной идентичности современных старшекласников // Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2024. № 3 (43). С. 182—195. <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2024-3-182-195>
EDN: YGOTQC.

© Егоренко Т. А., Зорина Е. С.

Features of the professional identity of modern high school students

T. A. Egorenko¹, E. S. Zorina²

^{1, 2} Moscow State University of Psychology and Pedagogy, Moscow, Russia

¹ egorenkota@mgppu.ru

² xes-zes@yandex.ru

Abstract. In this work, the main results of the study of the features of professional identity and the degree of professional readiness manifestation in modern high school students are presented. The study was conducted in one of the schools in Moscow. It has involved a group of 70 school students of the 10th grades (26 boys and 44 girls). The results of the study made it possible to draw conclusions about the relationship between the manifestation of the components of professional readiness and the status of professional identity in modern high school students. Also, according to the fact of the conducted research, the relevance and necessity of psychological and pedagogical support in schools has been noted as an important task of developing the psychological readiness of high school students for professional self-determination. The results obtained can be used by teachers in correctional work, by educational psychologists in working with adolescents and in further social, pedagogical and psychological research aimed at professional self-determination of high school students.

Keywords: social research, pedagogical research, psychological and pedagogical support, professional self-determination, professional choice, professional identity status, high school student, adolescent, teenager, adolescence, professional readiness

For citation: Egorenko T. A., Zorina E. S. “Features of the Professional Identity of Modern High School Students”. *Economic and Social Research* 3 (43) (2024): 182–195. (In Russian). <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2024-3-182-195> EDN: YGOTQC.

Значимым вопросом на этапе обучения в старшей школе был и есть вопрос профессионального самоопределения. Вместе с этим одной из ключевых задач старшего подросткового возраста является формирование идентичности образа своего Я, ощущения единства себя как целостной системы [19]. Старшеклассники приходят к своей идентичности самостоятельно, интуитивно, благодаря собственным стремлениям, интересам и потребностям. Становление статусов профессиональной идентичности у подростка возникает в период его обучения в старших классах, на этапе развития своего предстоящего пути, когда происходит соотнесение себя как будущего обладателя той или иной про-

фессии и конкретной группы индивидов и (или) программируемой собственной траектории жизни. Важно отметить, что, с одной стороны, формирование психики старшеклассников не может проходить без самоопределения или кризиса идентичности. Между тем, с другой стороны, развитие идентичности является значимой преградой и своеобразным испытанием для старшеклассника в процессе перехода к взрослой жизни и дальнейшему как профессиональному, так и социальному, а также жизненному самоопределению личности [3; 4; 8; 10; 13; 17; 20].

В период кризиса подросткового возраста старшеклассники стремятся определиться с направленностью идентичности:

- положительная;
- отрицательная.

Вместе с тем они стараются интегрировать все имеющиеся у них роли:

- роль учащегося;
- роль друга;
- роль сына или дочери;
- и т. д.

Результатом этих «выборов», проведенных старшеклассниками, будет являться становление формирования идентичности. Следует отметить, что положительная, позитивная идентичность у старшеклассников будет развита в результате благоприятного течения кризиса подросткового возраста. При обратной ситуации происходит путаница, выражающаяся в колебании в отношении собственной личности, места в социуме и в профессиональном самоопределении [18; 19].

Таким образом, когда старшеклассники выбирают свой профессиональный путь, они оказываются в определенном статусе профессиональной идентичности. Исследователи выделяют четыре этапа ее становления. Данные этапы принимают во внимание: время, за которое принимается решение старшеклассником, его выбор, нравственные ценности и программу предстоящего профессионального направления [13].

Согласно теории статусов профессиональной идентичности А. А. Азбель и А. Г. Грецова, профессиональная идентичность делится:

- на неясный статус или отсутствие взглядов на будущую профессиональную деятельность («Неопределенная ПИ»);
- на статус принуждения к выбору профессиональной деятельности («Навязанная ПИ»);
- на статус отложенного выбора профессионального самоопределения («ПИ Мораторий» или «Кризис выбора»);
- на статус сформированности профессиональной идентичности («Сформированная ПИ»).

Старшеклассники не только делают выбор в пользу одной профессии, они программируют собственную траекторию жизни. На определенном статусе профессиональной идентичности важными являются взгляды относительно себя как обладателя той или иной профессии.

Основой изучаемого феномена считаются два критерия:

- присутствие или недостаток кризиса идентичности;
- независимое или принужденное профессиональное самоопределение.

«Неопределенная ПИ» — статус неопределенности свойственен старшеклассникам, которые не располагают конкретными планами относительно будущей профессии. Такие старшеклассники не стремятся развивать и строить профессиональный путь. Старшеклассники, обладающие неопределенным статусом, плохо понимают необходимость выбора профессионального пути.

«Навязанная ПИ» — статус принуждения к выбору профессии — демонстрирует то, что профессию старшеклассники выбирают не самостоятельно, а благодаря взрослым или сверстникам. Такой статус не дает гарантий заинтересованности старшеклассника в данной профессии, а также соответствия возможностей старшеклассника необходимым навыкам данной профессии.

«ПИ Мораторий», или «Кризис выбора» — статус отложенного выбора профессии, определяет старшеклассников, ищущих различные варианты своего предстоящего становления в профессии. Они стремятся уйти от такого состояния путем принятия взвешенного решения. Такие старшеклассники хотят владеть большим количеством информации о профессиях. Данный статус также свойственен старшеклассникам, у которых неустойчивые взаимоотношения в семье и со сверстниками.

«Сформированная ПИ» — сформировавшийся статус говорит о том, что старшеклассники могут самостоятельно выбрать

профессию. Они понимают, в какую сторону им двигаться, знают свои цели и уверены в себе. Старшеклассники со сформировавшимся статусом профессиональной идентичности точно знают, что сделают правильный выбор. Такие старшеклассники преодолевают кризис идентичности благополучно [3; 17; 20].

В рамках данной статьи мы рассмотрим особенности профессиональной идентичности и степень выраженности профессиональной готовности у современных старшеклассников, представим результаты сравнительного анализа компонентов профессиональной готовности у старшеклассников с разным статусом профессиональной идентичности, а также выявим связь между ними.

Методики исследования:

1. «Методика изучения статусов профессиональной идентичности» (А. А. Азбель, А. Г. Грецов) [1] помогла выявить уровень сформированности одного из четырех статусов профессиональной идентичности у старшеклассников.

2. Диагностическая методика «Профессиональная готовность» А. П. Чернявской [16] использована для выявления уровня

готовности старшеклассников совершить адекватный выбор будущей профессиональной сферы деятельности.

На первом этапе мы рассмотрим полученные результаты определения у старшеклассников статусов профессиональной идентичности (рис. 1).

По итогу исследования можно отметить, что сформирована готовность к совершению осознанного выбора своего дальнейшего развития у старшеклассников, результаты которых были отнесены к ярко выраженной и выраженной выше средней степени профессиональной идентичности по статусу «Сформированная профессиональная идентичность» (18,6 и 14,3 % соответственно). На этапе самостоятельного формирования системы знаний о себе и своем профессиональном будущем находятся 21,4 % старшеклассников. Иногда начинают задумываться над этими вопросами столько же старшеклассников (21,4 %). Слабо выражен данный статус у 24,3 % старшеклассников.

Пытаются найти осмысленное решение в плане выбора своей будущей профессии 32,9 и 20 % старшеклассников. Их результаты соответствовали ярко выраженной

Рис. 1. Статусы профессиональной идентичности старшеклассников, %

и выраженной выше средней степени профессиональной идентичности по статусу «Кризис выбора». Иногда совершают попытки примерить на себя различные профессиональные роли 21,5 % старшеклассников. Ниже средней степени выраженности и слабо выражен кризис выбора у одинакового количества старшеклассников (12,8 %).

Необходимо отметить, что в данной выборке старшеклассников не выявлена «Навязанная профессиональная идентичность». Результаты всех старшеклассников были отнесены к таким степеням выраженности, как ниже средней (6,4 %) и слабо выражен (93 %).

Не имеют конкретных профессиональных планов только 2,9 % старшеклассников, которые отнесены к статусу «Неопределенная ПИ». Иногда сомневаются в правильно-

сти своего выбора 10 % старшеклассников. Превалирующее большинство старшеклассников осознают важность выбора будущей профессии (31,4 и 55,7 % соответственно).

На втором этапе мы определим степень выраженности профессиональной готовности у старшеклассников (рис. 2). Для данной цели были разработаны критерии оценки (табл. 1).

Рассмотрим полученные результаты определения у старшеклассников степени выраженности профессиональной готовности (рис. 2).

Автономность. Умеют отделять свои цели от целей родителей и других значимых лиц 57,1 % старшеклассников. Бывают ориентированы на успех 38,6 % старшеклассников. Зависимы от родителей только 4,3 % старшеклассников.

Таблица 1

Критерии оценки степени профессиональной готовности старшеклассников

Критерий	Степень профессиональной готовности	Количество баллов
Автономность	Высокая	14—20
	Средняя	7—13
	Низкая	0—6
Информированность	Высокая	12—17
	Средняя	6—11
	Низкая	0—5
Принятие решения	Высокая	14—20
	Средняя	7—13
	Низкая	0—6
Планирование	Высокая	14—20
	Средняя	7—13
	Низкая	0—6
Эмоциональное отношение	Высокая	16—22
	Средняя	8—15
	Низкая	0—7

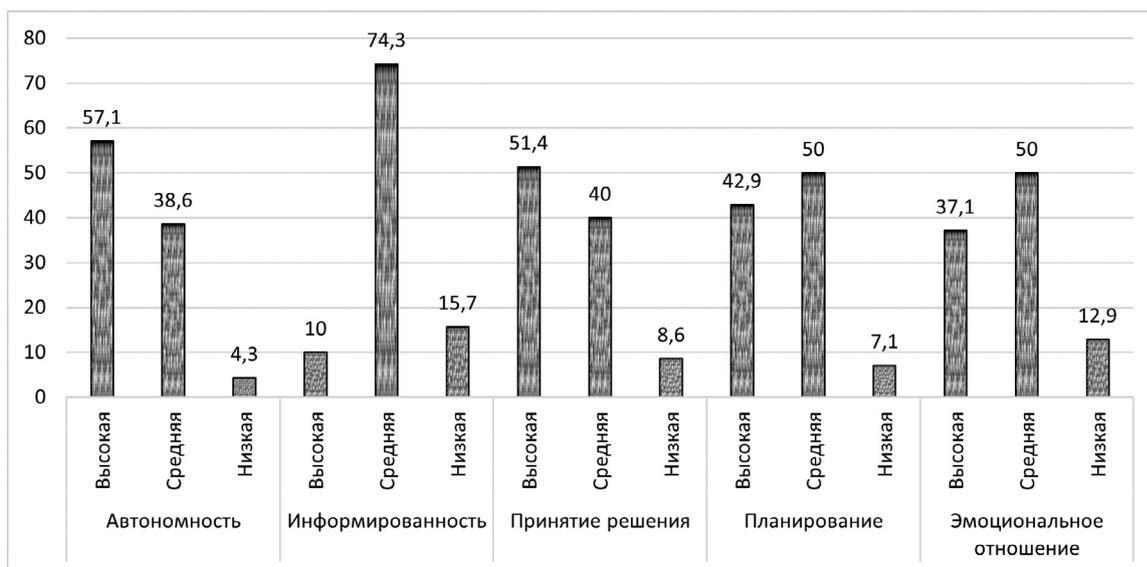

Рис. 2. Результаты профессиональной готовности старшеклассников, %

Информированность. Готовы совершать поиск информации для вынесения суждений о соответствии специфики своей личности и специфики профессиональной деятельности только 10 % старшеклассников. Не всегда усваивают поступающую информацию и соотносят ее со своими особенностями 74,3 % старшеклассников. Не готовы принимать информацию 15,7 % старшеклассников.

Принятие решения. Способны получить в процессе решения проблемы именно тот результат, который планировался, 51,4 % старшеклассников. Иногда могут соотнести имеющуюся информацию с рассматриваемой проблемой и оценить ее 40 % старшеклассников. Не умеют принимать эффективные решения, учитывающие все важные факторы настоящей ситуации и перспективы, только 8,6 % старшеклассников.

Планирование. Дифференцированно разделяют свое будущее на этапы 42,9 % старшеклассников. Иногда способны концентрировать усилия на том, что имеет основания для реализации в будущем, 50 % старшеклассников. Не сформировано целеполагание относительно своего развития в будущем только у 8,6 % старшеклассников.

Эмоциональное отношение. Позитивно эмоционально включены в выбор своей бу-

дущей профессии 37,1 % старшеклассников. Средней степени эмоциональной включенности в процесс выбора будущей профессиональной сферы деятельности соответствовали результаты 50 % старшеклассников. Низкая степень готовности по данному критерию зафиксирована у 12,9 % старшеклассников.

Далее, *на третьем этапе*, мы предоставим результаты проведенного сравнительного анализа выраженности компонентов профессиональной готовности у старшеклассников с разным статусом профессиональной идентичности (см. рис. 3, 4).

В состоянии кризиса принятия решения у старшеклассников со статусом «ПИ Мораторий» уже начинают формироваться стремления реализовать свои возможности в практических действиях, усваивать поступающую информацию и соотносить ее со своими особенностями, рассматривать альтернативы, концентрировать усилия на том, что имеет основания для реализации в будущем, и включенности в выбор своей будущей профессии. При наличии «Неопределенной ПИ» старшеклассники значительно реже задумываются над всеми ранее перечисленными проблемами.

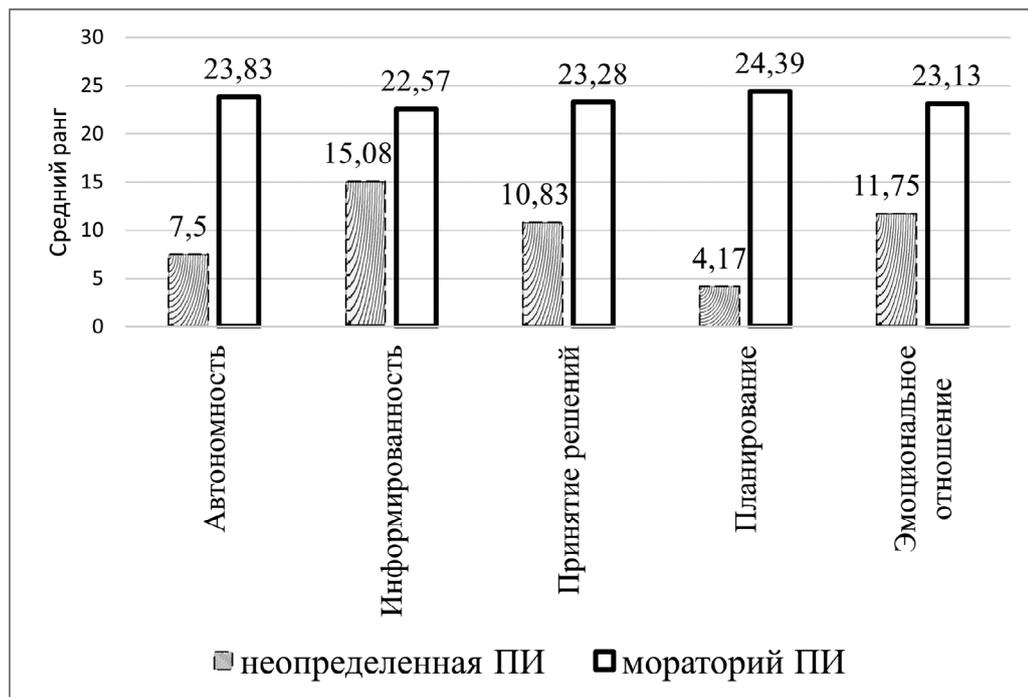

Рис. 3. Показатели профессиональной готовности старшеклассников с «Неопределенной ПИ» и с «ПИ Мораторий»

Рис. 4. Показатели профессиональной готовности старшеклассников с «ПИ Мораторий» и «Сформированной ПИ»

В состоянии кризиса принятия решений старшеклассникам со статусом «ПИ Мораторий» труднее взаимодействовать с поступающей информацией и соотносить ее со своими особенностями, тяжелее на первых порах концентрировать усилия именно на том, что будет иметь основания для профессиональной самореализации в будущем, чем старшеклассникам, у которых данные способности и активная профессиональная позиция более сформированы. По сравнению со статусом «ПИ Мораторий», через который ранее прошли старшеклассники со «Сформированной ПИ», у последних можно наблюдать значительный рост по таким компонентам, как: информированность, принятие решений и планирование. Те подростки, кто самостоятельно прошел путь познания себя, своих профессиональных целей и ценностей, овладел знаниями об особенностях избираемой профессии, увидел варианты дальнейшего профессионального развития и роста мастерства — гораздо увереннее смотрят в будущее, ведь направленность в будущее положительно воздействует на развитие личности в случае удовлетворенности настоящим.

Четвертым этапом мы рассмотрим анализ связей между сформированностью

статусов профессиональной идентичности и компонентами профессиональной готовности у современных старшеклассников.

Для выявления связей между компонентами профессиональной готовности и сформированностью статуса профессиональной идентичности у старшеклассников использовался коэффициент ранговой корреляции r_2 Спирмена (табл. 2).

По результатам проведенного анализа были выявлены особенности, отраженные в табл. 2 и на рис. 5.

У старшеклассников со «Сформированной ПИ» наблюдается прямая связь с такими компонентами профессиональной готовности, как:

– *автономность* ($r_2 = 0,409$; $p < 0,01$) — указывает на то, что подросток с сформированной профессиональной позицией демонстрирует способность к самостоятельности, стремлению к своему образу Я-концепции, самодетерминирован;

– *информированность* ($r_2 = 0,314$; $p < 0,01$) — указывает на то, что подросток знает источники получения информации о будущей профессии, готов усваивать поступающую информацию и соотносить ее со своими особенностями;

Таблица 2

Выявленные связи компонентов профессиональной готовности и сформированности статуса профессиональной идентичности у старшеклассников ($n = 70$)

Компонент	Неопределенная ПИ	Навязанная ПИ	Сформированная ПИ
Автономность	-0,518**	-0,035*	0,409**
Информированность	-0,229*	-0,056*	0,314**
Принятие решений	-0,530**	-0,043*	0,515**
Планирование	-0,675**	-0,053*	0,592**
Эмоциональное отношение	-0,368**	0,088*	0,390**

Примечание: * корреляция значима на уровне $p \leq 0,05$ (p — асимптотическая значимость);

** корреляция значима на уровне $p \leq 0,01$.

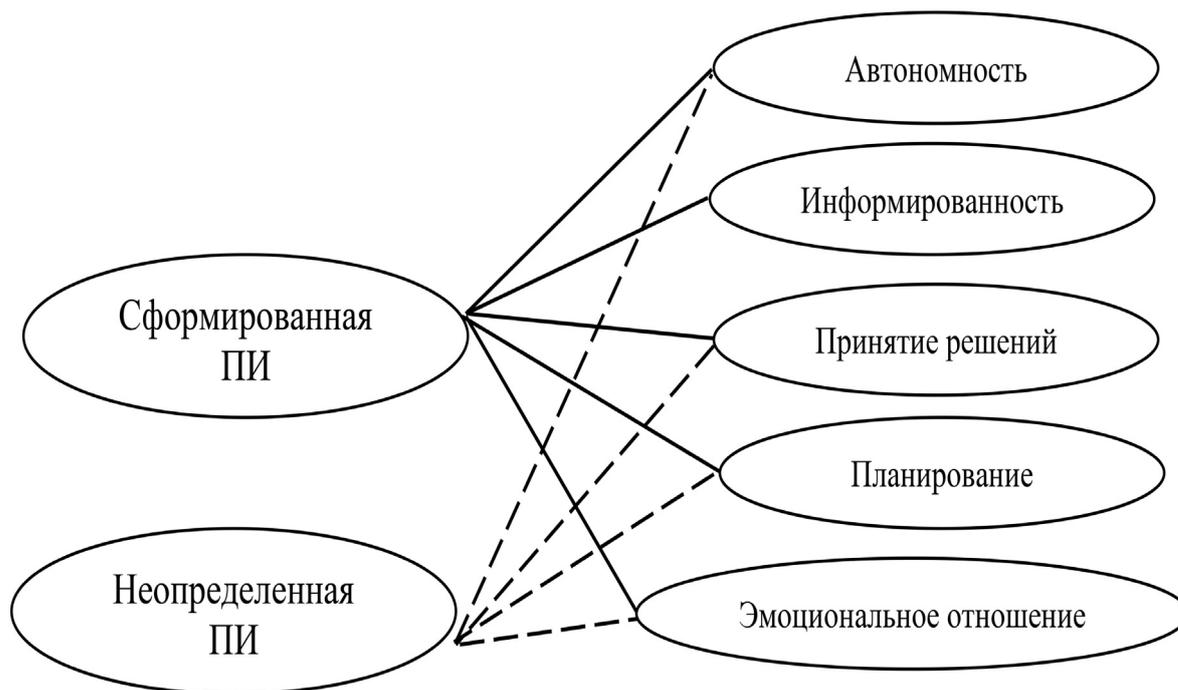

Рис. 5. Выявленные связи компонентов профессиональной готовности и сформированности статусов профессиональной идентичности у старшеклассников ($n = 70$)

– *принятие решений* ($r_2 = 0,515$; $p < 0,01$) — указывает на то, что подросток способен оценить альтернативы и сконцентрировать усилия на том, что имеет основания для реализации в будущем;

– *планирование* ($r_2 = 0,592$; $p < 0,01$) — указывает на то, что подросток способен выбирать цели, порядок их достижения, необходимые ресурсы и создавать план действий с учетом положительных и отрицательных прогнозов;

– *эмоциональное отношение* ($r_2 = 0,390$; $p < 0,01$) — указывает на то, что подросток положительно относится к своей будущей профессии, эмоционально включен в процесс выбора. У старшеклассников эмоциональная включенность в выбор является одним из важнейших показателей профессиональной зрелости.

У старшеклассников с «Неопределенной ПИ» наблюдается значимая обратная связь с такими компонентами профессиональной готовности, как: *автономность* ($r_2 = -0,518$;

$p < 0,01$), *принятие решений* ($r_2 = -0,530$; $p < 0,01$), *планирование* ($r_2 = -0,675$; $p < 0,01$), *эмоциональное отношение* ($r_2 = -0,368$; $p < 0,01$), *внутренние индивидуально значимые мотивы* ($r_2 = -0,291$; $p < 0,05$) и *внешние положительные мотивы* ($r_2 = -0,273$; $p < 0,05$). Слабо сформированные показатели профессиональной готовности, отсутствие личного смысла в избираемой профессии и стимулов, ради которых человек считает нужным приложить свои усилия, характерны для подростков, которые находятся в статусе «Неопределенная ПИ».

На основании изложенных выше результатов проведенного эмпирического исследования можно сделать следующие выводы и подвести итоги:

1. При определении у выборки испытуемых степени выраженности таких показателей профессиональной готовности, как автономность и принятие решений, высокие степени были диагностированы лишь

у чуть более половины всей выборки. Средние показатели (средняя степень выраженности) были выявлены по таким компонентам, как эмоциональное отношение и планирование, — также только у половины всей выборки испытуемых, а информированность была выражена на том же среднем уровне у 74,3 % всех старшеклассников. По нашему мнению, профессиональная готовность у старшеклассников находится на среднем уровне, учитывая время проведения нашего исследования (конец года, старшие классы). Можно предположить, что такие невысокие показатели связаны с кризисом идентичности подростков, а также с недостаточно развитым умением дифференцировать свое будущее на этапы (планирование), усваивать поступающую информацию и соотносить ее со своими особенностями, а наличие неудовлетворенности в настоящем и страх перед будущей необходимостью совершить профессиональный выбор снижает эмоциональное состояние подростка и уровень его профессиональной готовности.

2. Исследуя статус профессиональной идентичности, можно отметить, что ярко выраженную и выраженную выше средней степени «Сформированную ПИ» имеют меньше 20 % выборки, больше 30 % выборки находятся в ярко выраженном кризисе выбора («ПИ Мораторий») и пытаются найти осмысленное решение в плане выбора своей будущей профессии. Это тоже довольно низкие показатели, учитывая, что профессиональное самоопределение — это центральное новообразование раннего периода юности. Тем не менее можно отметить положительный момент: в данной выборке не выявлена среди высоких и средних показателей «Навязанная ПИ». «Неопределенная ПИ» слабо выражена больше чем у половины старшеклассников и средне выражена у 10 %.

3. По итогу сравнительного анализа выраженности компонентов профессиональ-

ной готовности у старшеклассников с разным статусом профессиональной идентичности можно закономерно отметить, что у старшеклассников со статусом «Сформированная ПИ» (в отличие от «Неопределенной ПИ» и «ПИ Моратория») более высокий показатель по уровню выраженности всех компонентов профессиональной готовности.

Невзирая на трансформации, происходящие со старшеклассниками в ходе их становления, идентичность формирует у них ощущение единства себя как целостной системы. Оценка разных параметров развития идентичности демонстрирует нам процессы прохождения старшеклассниками стадий разрешения волнующих их вопросов, принятия ответственности за выбранные ценности и предстоящую профессиональную деятельность. Таким образом, важно отметить, что профессиональная идентичность является главным внутренним фактором профессионального самоопределения подростка [17; 18; 19], которое в свою очередь относится к главным характеристикам развития личности человека, необходимо для ее реализации, актуализации и осмысления человеком своего места в социуме.

Вместе с тем важно отметить, что профессиональное самоопределение старшеклассника также характеризуется психологической готовностью к нему. Развитие готовности — значимая задача психолого-педагогического сопровождения, которое должны осуществлять специалисты, компетентные в вопросах, связанных с профессией. Ответственным за процесс специалистам важно понимать задачи и содержание сопровождения старшеклассников в вопросах выбора профессии. Наряду с этим специалистам необходимо иметь исчерпывающее представление о возможностях и препятствиях формирования

психики относительно профессионального самоопределения и предстоящего образования. Мало просто проинформировать старшеклассника о существующих профессиях, ему необходимо предоставить такие условия, которые стимулируют его к развитию, сформируют умение самостоятельно справляться с различными трудностями, что впоследствии поможет старшекласснику ответственно подойти к профессиональному самоопределению [2; 11; 12]. При этом вопрос заинтересованности школы в психолого-педагогическом сопровождении старшеклассников остается важным и не теряет актуальности.

Список литературы и источников

1. *Азбель А. А.* Особенности формирования статусов профессиональной идентичности старшеклассников: автореф. дис. ... канд. психол. наук. СПб., 2004. 20 с. EDN: NIABTD.
2. *Александровская Э. М., Кокуркина Н. И., Куренкова Н. В.* Психологическое сопровождение школьников: учеб. пособие для студентов высш. пед. учеб. заведений. М.: Академия, 2002. 206, [2] с.
3. *Анищенко С. А.* Особенности профессиональной и гендерной идентичности в старшем подростковом и юношеском возрасте: автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2006. 27 с.
4. *Божович Л. И.* Этапы формирования личности в онтогенезе // Проблемы формирования личности / Л. И. Божович; под ред. Д. И. Фельдштейна. 2-е изд., стер. М.; Воронеж, 2007. (I): 193—212. (II): 213—227. (III): 228—244.
5. *Гинзбург М. Р.* Психологическое содержание жизненного поля личности старшего подростка // Мир психологии и психология в мире. 1995. № 3. С. 21—28.
6. *Голомшток А. Е.* Выбор профессии и воспитание личности школьника: Воспитательная концепция профессиональной ориентации. М.: Педагогика, 1979. 160 с.
7. *Егоренко Т. А.* Методы активизации профессионального самоопределения личности на этапе допрофессионального развития: опыт зарубежных стран // Современная зарубежная психология. 2022. Т. 11. № 3. С. 61—70. <https://doi.org/10.17759/jmfp.2022110306> EDN: EUWZQT.
8. *Егоренко Т. А.* Формирование профессиональной перспективы личности старшеклассника на этапе его допрофессионального развития // Инновации в профессиональном и профессионально-педагогическом образовании: материалы 24-й Международной научно-практической конференции (Екатеринбург, 23—24 апр. 2019) / под научн. ред. Е. М. Дорожкина, В. А. Федорова. Екатеринбург: Российский государственный профессионально-педагогический университет, 2019. С. 306—308. EDN: SMTRWD.
9. *Завалишина Д. Н.* Способы идентификации человека с профессией // Психология субъекта профессиональной деятельности / под ред. А. В. Брушлинского, А. В. Карпова. Ярославль: ДИА-пресс, 2001. С. 104—128.
10. *Красникова Ю. В.* Профессиональная идентичность как основной элемент профессионального воспитания // Материалы IV международной научной конференции «Актуальные вопросы современной педагогики» (Уфа, 20—23 нояб. 2013). Казань: Молодой ученый, 2013. С. 167—169. EDN: SWKNXD.
11. *Кузнецов А. С., [Егоренко Т. А.]* Готовность к профессиональному самоопределению старшеклассника в «ситуации неопределенности» // XIX Всероссийская научно-практическая конференция молодых исследователей образования «Доказательный подход в сфере образования» (Москва, 22—23 окт. 2020). Тезисы конференции. М.: ФГБОУ ВО МГППУ, 2020. С. 116—118.

12. **Массанов А. В.** Формирование психологической подготовки готовности старших подростков к профессиональному самоопределению: дис. ... канд. психол. наук. Киев, 1988. 114 с.
13. **Меркулова В. Н.** Статусные характеристики профессиональной идентичности старших подростков на ранних стадиях профессионального определения // Психология в России и за рубежом: материалы II Международ. науч. конф. (Санкт-Петербург, нояб. 2013). СПб.: Реноме, 2013. С. 57—63.
14. **Павленко В. Н.** Представление о соотношении социальной и личностной идентичности в современной западной психологии // Вопросы психологии. 2000. № 1. С. 135—142.
15. **Фельдштейн Д. И.** Возрастная и педагогическая психология: Избранные психологические труды: учебно-методическое пособие. М.: Изд-во Моск. психолого-соц. ин-та, 2002. 432 с. (Б-ка психолога).
16. **Чернявская А. П.** Психологическое консультирование по профессиональной ориентации. М.: Владос-пресс, 2001. 96 с. EDN: RWHSLT.
17. **Шнейдер Л. Б.** Личностная, гендерная и профессиональная идентичность: теория и методы диагностики: учебное пособие. М.: Изд-во Моск. психолого-соц. ин-та, 2007. 128 с. (Б-ка психолога). EDN: SWDCQD.
18. **Шнейдер Л. Б.** Профессиональная идентичность: теория, эксперимент, тренинг: учебное пособие. М.: Изд-во Моск. психолого-соц. ин-та; Воронеж: МОДЭК, 2004. 599 с. (Б-ка психолога). EDN: QXMAWB.
19. **Эрикссон Э.** Идентичность: юность и кризис: пер. с англ. М.: Прогресс, 1996. 344 с.
20. **Ядов В. А.** Социальные и социально-психологические механизмы формирования социальной идентичности личности // Мир России. Социология. Этнология. 1995. № 3-4. С. 158—181. EDN: TSKDIW.

References

1. Azbel' A. A. *Features of the Formation of Professional Identity Statuses of High School Students: Extended Abstract of Cand. Sci. (Psychol.) Diss.* St. Petersburg, 2004. 20 p. (In Russian). EDN: NIABTD.
2. Alexandrovskaya E. M., Kokurkina N. I., Kurenkova N. V. *Psychological Support of Schoolchildren: textbook for students of higher pedagogical educational institutions.* Moscow: Akademiya, 2002. 206, [2] p. (In Russian).
3. Anishchenko S. A. *Features of Professional and Gender Identity in the Senior Adolescent and Youthful Age: Extended Abstract of Cand. Sci. (Psychol.) Diss.* Moscow, 2006. 27 p. (In Russian).
4. Bozhovich L. I. "Stages of Personality Formation in Ontogenesis". Bozhovich L. I. *Problemy formirovaniya lichnosti.* Ed. by D. I. Fel'dshteyn. 2nd print. Moscow, Voronezh, 2015. (I): 193—212. (II): 213—227. (III): 228—244. (In Russian).
5. Ginzburg M. R. "Psychological Content of the Life Field of the Personality of the Senior Adolescent". *Mir psikhologii i psikhologiya v mire* 3 (1995): 21—28. (In Russian).
6. Golomshtok A. E. *Choice of Profession and Education of Schoolchild's Personality: Educational Concept of Professional Orientation.* Moscow: Pedagogika, 1979. 160 p. (In Russian).
7. Egorenko T. A. "Methods for Activating Professional Self-Determination of a Person at the Stage of Pre-Professional Development: the Experience of Foreign Countries". *Sovremennaya zarubezhnaya psikhologiya = Journal of Modern Foreign Psychology* 11.3 (2022): 61—70. (In Russian). <https://doi.org/10.17759/jmfp.2022110306> EDN: EUWZQT.
8. Egorenko T. A. "The Formation of the Profes-

- sional Future of the Person of the Senior Pupil at the Stage of Its Professional Development”. *Innovatsii v professional’nom i professional’no-pedagogicheskom obrazovanii: materialy 24-y Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* (Ekaterinburg, 23—24 apr. 2019). Ekaterinburg: Russian State Vocational Pedagogical Univ., 2019. 306—308. (In Russian). EDN: SMTRWD.
9. Zavalishina D. N. “Ways of Human Identification with Profession”. *Psikhologiya sub”yekta professional’noy deyatel’nosti*. Ed. by A. V. Brushlinskiy, A. V. Karpov. Yaroslavl’: DIA-press, 2001. 104—128. (In Russian).
 10. Krasnikova Y. V. “Professional Identity as the Main Element of Professional Education”. *Materialy IV mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii “Aktual’nyye voprosy sovremennoy pedagogiki”* (Ufa, 20—23 noyab. 2013). Kazan’: Molodoy uchenyy, 2013. 167—169. (In Russian). EDN: SWKNXD.
 11. Kuznetsov A. S., [Egorenko T. A.] “Readiness for Professional Self-Determination of a High School Student in the ‘Situation of Uncertainty’”. *XIX Vserossiyskaya nauchno-prakticheskaya konferentsiya molodykh issledovateley obrazovaniya “Dokazatel’nyy podkhod v sfere obrazovaniya”* (Moskva, 22—23 okt. 2020). Conference abstracts. Moscow: Moscow State University of Psychology and Education, 2020. 116—118. (In Russian).
 12. Massanov A. V. *Formation of Psychological Preparation of Readiness of Senior Adolescents to Professional Self-Determination*: Diss. for the Cand. Sci. (Psychol.). Kyiv, 1988. 114 p. (In Russian).
 13. Merkulova V. N. “Status Characteristics of Professional Identity of Older Adolescents at the Early Stages of Professional Determination”. *Psikhologiya v Rossii i za rubezhom: materialy II Mezhdunar. nauch. konf.* (Sankt-Peterburg, noyab. 2013). St. Petersburg: Renome, 2013. 57—63. (In Russian).
 14. Pavlenko V. N. “Representation of the Relationship between Social and Personal Identity in Modern Western Psychology”. *Voprosy Psichologii* 1 (2000): 135—142. (In Russian).
 15. Fel’dshyteyn D. I. *Age and Pedagogical Psychology: Selected Psychological Works: educational and methodical manual*. Moscow: Moscow Psychological and Social Institute Publ., 2002. 432 p. (In Russian). B-ka psikhologa.
 16. Chernyavskaya A. P. *Psychological Consulting on Professional Orientation*. Moscow: VladoPress, 2001. 96 p. (In Russian). EDN: RWHSLT.
 17. Shneyder L. B. *Personal, Gender and Professional Identity: Theory and Methods of Diagnostics*: textbook. Moscow: Moscow Psychological and Social Institute Publ., 2007. 128 p. (In Russian). B-ka psikhologa. EDN: SWDCQD.
 18. Shneyder L. B. *Professional Identity: Theory, Experiment, Training*: study guide. Moscow: Moscow Psychological and Social Institute Publ.; Voronezh: MODEK, 2004. 599 p. (In Russian). B-ka psikhologa. EDN: QXMAWB.
 19. Erikson Erik H. *Identity: Youth and Crisis*. New York: W. W. Norton & Co., 1994. 336 p.
 20. Yadov V. A. “Social and Socio-Psychological Mechanisms of Formation of Social Identity of a Person”. *Mir Rossii. Sotsiologiya. Etnologiya = Universe of Russia. Sociology. Ethnology* 3-4 (1995): 158—181. (In Russian). EDN: TSKDIW.

Информация об авторах

Егоренко Татьяна Анатольевна — кандидат психологических наук, доцент, заведующая кафедрой «Педагогическая психология имени профессора В. А. Гуружапова» факультета «Психология образования» Московского государственного психолого-педагогического университета (Россия, 127051, Москва, ул. Сретенка, д. 29).

Зорина Екатерина Сергеевна — педагог-психолог, магистр Московского государственного психолого-педагогического университета (Россия, 127051, Москва, ул. Сретенка, д. 29).

Information about the authors

Tatyana A. Egorenko — Cand. Sci. (Psychol.), Assoc. Prof., Head of Department of Pedagogical Psychology named after Professor V. A. Guruzhapov of Faculty of Psychology of Education, Moscow State Psychological and Pedagogical University (Russia, 127051, Moscow, Sretenka st., 29).

Ekaterina S. Zorina — Educational Psychologist with Master's degree, Moscow State Psychological and Pedagogical University (Russia, 127051, Moscow, Sretenka st., 29).

Статья поступила в редакцию 07.08.2024.

The article was submitted 07.08.2024.

Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2024. № 3 (43). С. 196—204.

Economic and Social Research. 2024. No. 3 (43). P. 196—204.

Научная статья

УДК 004.77: 004.056+159.9+37+613.8
doi: 10.24151/2409-1073-2024-3-196-204
<https://elibrary.ru/ccihvd>

Обеспечение безопасности в сети Интернет: психолого-педагогические аспекты

В. Л. Мрочко¹, Т. М. Рощина², М. Д. Тарасов³

¹ ООО «Центр Специальных Проектов Консалтинг», Москва, Россия

^{2, 3} Московский гуманитарный университет, Москва, Россия

¹ dr.discussion@yandex.ru

² reklama.vo.mosgu@mail.ru

³ MKStarasoff@yandex.ru

Аннотация. Рассматриваются информационные риски психофизиологическому здоровью пользователей в сети Интернет. Выявляются факторы, способствующие кибербуллингу, анализируются последствия цифрового преследования, домогательства и запугивания, побуждения к противоправным и аморальным действиям. Обозначаются основные направления правоохранительной деятельности по осуществлению мер конфиденциальности и безопасности, способы защиты молодежи от stalking и газлайтинга. Раскрываются психолого-педагогические методы укрепления морально-нравственного здоровья личности и особенности современной программы образования в решении проблемы социальной и коммуникативной подготовки личности, адаптированной к киберугрозам.

Ключевые слова: информационные риски, психофизиологическое здоровье, безопасность личности, морально-нравственное здоровье, цифровое преследование, кибербуллинг, stalking, газлайтинг, психолого-педагогические методы, защита от киберугроз

Для цитирования: Мрочко В. Л., Рощина Т. М., Тарасов М. Д. Обеспечение безопасности в сети Интернет: психолого-педагогические аспекты // Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2024. № 3 (43). С. 196—204. <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2024-3-196-204> EDN: CCIHVD.

Original article

Safety ensuring on the Internet: psychological and pedagogical aspects

V. L. Mrochko¹, T. M. Roshchina², M. D. Tarasov³

¹ ООО “Center for Special Projects Consulting”, Moscow, Russia

^{2, 3} Moscow State University for the Humanities, Moscow, Russia

¹ dr.discussion@yandex.ru

² reklama.vo.mosgu@mail.ru

³ MKStarasoff@yandex.ru

© Мрочко В. Л., Рощина Т. М., Тарасов М. Д.

Abstract. Information risks to the psychophysiological health of users on the Internet are considered. Factors contributing to cyberbullying are identified; the authors analyze the effects of digital harassment, victimization and intimidation, and inducement to illegal and immoral actions. The main directions of law enforcement activity on implementation of confidentiality and security measures, methods of protection of youth from stalking and gaslighting are outlined. Psychological and pedagogical methods of promoting the moral health of the individual and peculiarities of modern education program in solving the problem of social and communicative training of an individual adapted to cyber threats have been disclosed.

Keywords: information risks, psychophysiological health, personal safety, moral health, digital harassment, cyberbullying, stalking, gaslighting, psychological and pedagogical methods, cyberthreats protection

For citation: Mrochko V. L., Roshchina T. M., Tarasov M. D. "Safety Ensuring on the Internet: Psychological and Pedagogical Aspects". *Economic and Social Research* 3 (43) (2024): 196—204. (In Russian). <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2024-3-196-204> EDN: CСIИVD.

Специалисты в последние годы фиксируют в российском сегменте цифрового пространства сети Интернет значительное увеличение количества негативного контента. Роскомнадзор ежегодно блокирует тысячи сайтов, содержащих недостоверную информацию, с элементами экстремистского характера. По данным Роскомнадзора, в период с начала 2022 г. по конец 2023 г. было выявлено и заблокировано 30 тыс. призывов к массовым беспорядкам, 190 тыс. материалов с недостоверной информацией, 85 тыс. материалов с элементами экстремистского контента. В первое полугодие 2023 г. объем негативного контента в Интернете вырос более чем на 16 % по сравнению с аналогичным периодом 2022 г. Руководитель мониторингового центра «Безопасность 2.0» Елена Сутормина сообщила, что «сотрудники центра за шесть месяцев 2023 года выявили около 20 тыс. таких материалов» [9]. Таким образом, сеть Интернет сегодня содержит информационные угрозы и риски как для психофизиологического здоровья человека, так и для морально-нравственного здоровья общества в целом.

Психологическая безопасность личности в цифровой среде — это совокупность сложившихся объективных условий и субъективных факторов, которые дают человеку

возможность и право самостоятельно и сознательно формировать свои идеи, регулировать собственное морально-нравственное состояние и эмоциональное поведение вне зависимости от явного или скрытого внешнего информационного воздействия [12]. Законодательство РФ определяет формы информационно-психологического воздействия, регламентирует противодействие им и борьбу с ними [9]. Так, запрещены публичные выступления и публикации, содержащие порнографию, насилие и жестокость, пропагандирующие нетрадиционные сексуальные отношения, педофилию, смену пола и др. Однако число аморальных и экстремистских идеологий множится. Обратим внимание на идеологию чайлдфри (англ. *child-free*). Наряду с другими аморальными и экстремистскими идеями ЛГБТ-сообществ, эта идея отказа от рождения детей активно пропагандируется среди населения западных стран и насаждается сегодня российской молодежи через СМИ.

На сессии «Семья: сохранить, нельзя потерять» в рамках Петербургского международного юридического форума [13], состоявшегося в июне 2024 г., было заявлено, что в России разрабатывается законопроект, запрещающий идеологию чайлдфри. Наиболее распространена сегодня в России такая

информационная угроза психофизиологическому здоровью, как кибербуллинг. Сложность этой проблемы в том, что кибербуллинг использует цифровые платформы для нанесения вреда, запугивания или преследования людей. Через текстовые сообщения, комментарии в социальных сетях, на форумах и даже в онлайн-играх осуществляется «киберзапугивание». Оно может быть направлено на людей любого возраста, но особенно распространено среди детей и подростков.

Перечислим факторы, способствующие оказанию вредоносного психологического воздействия кибербуллинга через сеть Интернет:

1. Анонимность, обеспечиваемая Интернетом, позволяет киберхулиганам скрывать свою личность, что облегчает им совершение вредоносного поведения без непосредственных последствий для них.

2. Обезличенность цифрового нападения и отсутствие прямого контакта с киберхулиганом может подтолкнуть человека к аморальным и противоправным действиям.

3. Идеологически опасные сообщения, изображения или видео быстро распространяются и достигают большой аудитории.

4. Длительное сохранение провокационной информации приводит к эмоциональному расстройству жертвы.

5. Цифровая природа онлайн-контента усиливает негативное воздействие кибербуллинга, поскольку адресация контента регулярно повторяется, что нивелирует возможность избежать информационного преследования.

6. Круглосуточная доступность Интернета, а значит, непрекращающийся характер воздействия [2; 3].

Психологические последствия кибербуллинга: непрерывный стресс, тревога, депрессия и снижение самооценки, постоянный страх и унижение, которые могут привести к социальной замкнутости, изоля-

ции и даже суицидальным мыслям, нарушить режим сна, повлиять на успеваемость в учебе и успешность в работе. Психологический эффект киберзапугивания выходит далеко за рамки непосредственного воздействия: жертвы продолжают страдать от психологической травмы, помимо недоверия к сетевому взаимодействию испытывают трудности в формировании новых отношений и проблемы с восстановлением уверенности в себе [4].

Сообщить о случаях кибербуллинга зачастую непросто, поскольку нет рекламы, подсказывающей, к кому обращаться за помощью и как действовать в подобных ситуациях. Важно, чтобы жертвы имели доступ к ресурсам и системам поддержки, как онлайн, так и офлайн, включая телефоны доверия, специалистов по психическому здоровью и специализированные организации по борьбе с киберзапугиванием [10]. Поэтому следует разработать систему мер поддержки пострадавших от кибербуллинга. Перечислим основные направления этой правоохранительной деятельности.

Во-первых, следует проконсультировать родителей, школьных педагогов-психологов, мотивировать к необходимости максимального внимания к детям и подросткам, в поведении которых начали проявляться психологические отклонения.

Во-вторых, борьба с киберзапугиванием требует коллективных усилий, целенаправленной деятельности сообществ, образовательных учреждений и государственных онлайн-платформ в продвижении цифровой грамотности, воспитании сопереживания.

Обратим внимание на информационно-психологические риски и угрозы морально-нравственному здоровью личности в Интернете. Прежде всего такие риски и угрозы порождены преследованием в Интернете — преднамеренным и неоднократным использованием цифровых платформ для запугивания людей и домогательства. Оно может

включать отправку оскорбительных или угрожающих сообщений, распространение ложных сведений (слухов) или публичный позор. Преследование подразумевает сбор личной информации, наблюдение за деятельностью и попытки контроля. В июне 2024 г. на круглом столе, посвященном противодействию навязчивому преследованию, представители общественности обсуждали новый вариант законопроекта о stalking [8].

Интернет обеспечивает определенную степень анонимности и дистанции, что способствует созданию фальшивых профилей или анонимных аккаунтов с целью усложнить задачу идентификации преследователей и противостояния противоправным действиям, создать у жертвы ощущение беспомощности и страха.

Обозначим психологические последствия домогательства и преследования. Это доведение стресса до третьей стадии — от тревоги и страха за свою безопасность до снижения сопротивления. Тактика постоянного вторжения в личную жизнь жертвы за счет использования цифровых данных направлена на потерю приватности и приводит к ощущению слежки, нарушению сна, социальной замкнутости и ухудшению общего самочувствия.

Домогатели и преследователи часто меняют тактику эмоционального манипулирования своими жертвами, используют технику газлайтинга, чтобы заставить жертву сомневаться в собственном восприятии и опыте. Цель газлайтера — исказить ситуацию так, чтобы обесценить чувства и мысли жертвы и получить возможность управлять реальностью жертвы. Специалисты советуют: во-первых, сохранять электронные документы, чтобы предъявить их в качестве доказательства; во-вторых, определить триггеры, которые провоцируют манипулятора на совершение нападения, например: деньги, наследство, власть, полномочия; в-третьих, оценить, какая эмоция ранит

в большей степени, и контролировать себя с помощью рефлексии.

В более широком масштабе газлайтеры создают клеветнические кампании в Интернете или распространяют ложную информацию, чтобы нанести ущерб репутации жертвы. Последствия противоправных и аморальных действий в цифровой среде охватывают и социальную, и личную жизнь жертвы. С одной стороны, потеря доверия к другим людям приводит к напряженным личным отношениям. С другой стороны, изменение поведения в социальных сетях и онлайн-платформах — ограничение общения в электронных ресурсах — еще более изолирует жертву, в частности от сообществ и сетей поддержки.

Риски усугубляются за счет транснационального характера Интернета и трудностей с идентификацией преступников [7]. Законы и нормативные акты, касающиеся преследования и домогательств в Интернете, различаются в разных юрисдикциях, поэтому жертвы могут столкнуться с препятствиями при обращении в суд.

Кроме того, огромный объем контента Интернета в открытом доступе содержит откровенные, насильственные или тревожные материалы. Случайное или преднамеренное воздействие такого контента может вызвать дистресс, тревогу и другие психологические травмы, особенно у детей и уязвимых лиц, которые более восприимчивы к негативной информации. Например, это доступ к широкому информационному материалу откровенно сексуального содержания, включая порнографию, который возможен при просмотре веб-страниц с недостоверными ссылками. Порнографическая информация в раннем возрасте искажает представление о сексуальности и потенциально провоцирует психические расстройства [6].

Особую опасность представляют видео и графические изображения, демонстрирующие насилие, несчастные случаи, жестокость

в реальной жизни. Такой контент вызывает чувство страха, тревоги и беспомощности у людей любого возраста. Неожиданность получения агрессивной информации, когда таким контентом делятся без предупреждения или надлежащего контекста, провоцирует психическую травму.

Для несовершеннолетних представляют опасность онлайн-конкурсы, побуждающие к экстремальным физическим нагрузкам или рискованному поведению. Подростки чувствуют давление, заставляющее их участвовать в конкурсе, что приводит к потенциальному физическому и психическому ущербу [11]. Ряд онлайн-платформ используют язык вражды, экстремистские идеологии или радикализирующий контент. Воздействие такого контента направлено на развитие негативных убеждений, предрассудков и нетерпимости, может привести к чувству гнева, тревоги и дистрессу.

В-третьих, образование и информационная культура развивают навыки, необходимые для ответственной навигации в сетевом мире и защиты своего психологического благополучия [17].

В 2023 г. в Российской академии народного хозяйства при Президенте РФ начата подготовка киберполицейских, специализация обучения включает расследование правонарушений в отношении граждан (кибербуллинг), юридических лиц (пиратство) или государства (экстремизм). Завкафедрой медиаобеспечения государственных интересов и национальной безопасности ИПНБ РАНХиГС Лидия Малыгина напомнила, что медиабезопасность — это комплекс мер по защите государства, общества и человека в медиaprостранстве: «В задачи “медиабезопасников” входит борьба с пропагандой терроризма, идеологии криминальной культуры, суицидов среди подростков, оскорбления чувств верующих. <...> Программа реализуется при поддержке Национального антитеррористического комитета» [9].

Комплексная программа направлена на повышение осведомленности пользователей о различных видах психологических угроз в Интернете. Благодаря примерам конкретных ситуаций, программа помогает пользователям понять риски, связанные с киберзапугиванием, преследованием, кражей личных данных, просмотром откровенного или тревожного контента, а также мошенничеством и обманом в Интернете, дает знания о тактиках, используемых злоумышленниками, о попытках фишинга, поддельных веб-сайтах и подозрительных ссылках. Эти знания призваны научить осторожности в предоставлении личной информации в Интернете или в общении, особенно с незнакомыми пользователями [15].

Кроме того, современное образование направлено на развитие навыков критического мышления, способности оценить онлайн-контент на предмет достоверности и потенциальных рисков, отличить надежный источник информации от ложного. Педагоги подчеркивают необходимость ответственного поведения в Интернете и соблюдения этических норм. Студентов учат относиться к другим пользователям с уважением и сочувствием, что способствует формированию цифровой культуры цивилизованного общества. Первоочередная цель современного образования — формирование профессиональных качеств личности, социально адаптированной к изменениям внешней среды, в связи с этим задачи программы воспитания направлены на умение ориентироваться в контенте Интернета, распознавать опасную информацию, использовать проверенные, государственные ресурсы, иметь чувство ответственности и сострадания к другим и контролировать свои личные данные в цифровой сфере.

Меры по обеспечению конфиденциальности и безопасности призваны защитить от психологических угроз в Интернете и снизить риск несанкционированного доступа

к личной информации или неправомерного ее использования [14].

1. Прежде всего цифровая безопасность обеспечивается созданием надежных паролей для каждой из собственных учетных записей в Интернете. Надежный пароль отличается уникальной комбинацией букв, цифр и специальных символов.

2. основополагающим в защите от вредоносного ПО является регулярное обновление программного обеспечения, операционных систем и антивирусных программ, включая поиск и исправление лагун в системе безопасности, что помогает снизить риск несанкционированного доступа к персональным устройствам.

3. Осторожность при передаче конфиденциальных данных в Интернете предполагает использование надежных веб-сайтов, а именно с защищенным соединением HTTPS, и предоставление личной информации исключительно по электронной почте, поскольку фишинг часто маскируется под дизайн сайтов законных организаций.

4. Снизить риск кражи личных данных позволяет настройка параметров конфиденциальности на платформах социальных сетей. Эта мера защиты основана на функциях контроля видимости своих сообщений и ограничении объема личной информации, доступной другим.

5. Необходимо отслеживание вредоносных ссылок или вложений, которые могут содержать вредоносные программы или открывать фишинговые веб-сайты.

6. При доступе к общественным сетям Wi-Fi такие технологии шифрования, как виртуальные частные сети (VPN), обеспечивают дополнительный уровень безопасности. VPN шифруют данные, передаваемые между устройствами и онлайн-сервисами, что затрудняет хакерам доступ к конфиденциальной информации.

Перечисленные меры по обеспечению конфиденциальности способствуют созда-

нию более безопасной онлайн-среды. Далее обратим внимание на меры по достижению психологического благополучия в цифровой сфере.

1. Ответственное поведение в цифровой среде обеспечивается внимательным отношением к передаваемой информации, осторожностью хранения личных данных, таких как полное имя, адрес, номер телефона, и финансовой информации.

2. Важно формировать критическое мышление для контроля взаимодействия с физическими и юридическими лицами в Интернете. Это не только осмотрительность. Критический принцип мышления означает умение опровергать ложные высказывания, обязывает проверять на прочность любую альтернативу, разрушать спекулятивную аргументацию, активно защищать истину, разрушать стереотипы в мышлении, не допускать распространения ложных мнений. Критика и самокритика в современной образовательной программе относится к коммуникативной компетентности. *Коммуникативная компетентность* — это умение передавать информацию собеседнику в соответствии с правилами коммуникации, презентовать себя в качестве субъекта общения, адекватно воспринимать и расшифровывать вербальные и невербальные послания собеседника, взаимодействовать в процессе общения, руководствуясь принципами сотрудничества, толерантности, фасилитации. Дидактические задачи развития критического мышления в образовательной программе решает метод раскрытия противоречий, его значение — в исключении ошибок в суждениях, предотвращении провалов в доказательствах, он ограждает от заблуждений и необоснованных выводов, исключает слепую веру.

3. В обеспечении онлайн-безопасности и психологического благополучия детей и уязвимых лиц играют жизненно важную роль инструменты родительского контроля

и контент-фильтры, они позволяют ограничить доступ к контенту веб-сайтов, не соответствующему возрасту. Родители и опекуны имеют возможность активно управлять использованием детьми Интернета — устанавливать ограничения, например, блокировать определенные сайты или отфильтровывать откровенные материалы, обеспечивая защиту детей от потенциально вредного или тревожного контента [16]. Регулярный контроль за деятельностью детей в Интернете имеет большое значение. Зная, какие сайты посещают их дети, какими приложениями пользуются и с кем взаимодействуют, родители могут выявить любые потенциальные риски или признаки преследования и киберзапугивания. Более того, доверительное общение между родителями и детьми на тему опыта пребывания в Интернете является необходимым условием кибербезопасности: только так можно своевременно оказать ребенку помощь и поддержку. Ознакомление детей с правилами пользования Интернетом, установление ограничения времени пользования (фильтр работы с экраном) — меры безопасности, которые помогают выработать у ребенка здоровые привычки пользования Интернетом и сохранить психологическое благополучие в семье.

4. Обучение молодежи вопросам безопасности в Интернете должно включать знания об ответственном поведении, о важности защиты личной информации от фишинга, цифровую грамотность и навыки критического мышления как возможность принимать взвешенные решения и защищать себя от фишинговых психологических атак [1; 5].

Способы обеспечения психологического здоровья общества в интернет-навигации сегодня направлены на контроль за использованием Интернета детьми, на обучение подростков мерам компьютерной безопасности и на предупреждение террористического манипулирования сознанием молодежи. Кроме

того, модернизация современного образования сосредоточена на развитии полноценной личности, профессионально устойчивой и адаптированной к изменениям социальной и информационной среды. Этому способствуют дидактические принципы дискуссионного метода обучения, в частности обучение критическому мышлению, и интериоризация компетенций — коммуникативной, социальной, философско-мировоззренческой, правовой и др. — в целях умения ориентироваться в окружающей реальности. Однако этих мер для защиты от психологических угроз и рисков в цифровой среде сегодня уже явно недостаточно, поэтому представляется целесообразным включить изучение основ кибербезопасности в образовательные школьную и вузовскую программы.

Список литературы и источников

1. *Бикамова З. И., Гимазетдинова Ю. Р., Иксанов Р. А.* Информационная безопасность ребенка в сети Интернет // *Аллея науки*. 2018. Т. 2. № 4 (20). С. 145—149. EDN: ХОНОХР.
2. *Буханцева А. С., Леонтьева В. Л.* Влияние информационного поля на поведение интернет-пользователей // *Неделя науки СПбПУ: материалы науч.-практ. конф. с междунар. участием (С.-Петербург, 19—24 нояб. 2018)*. Ч. 1. СПб.: С.-Петерб. политехн. ун-т Петра Великого, 2019. С. 277—279. EDN: ЗАЕМГТ.
3. *Денисов Д. В.* Безопасность в Интернете: защита от внешних угроз // *Прикладная информатика*. 2016. Т. 11. № 2 (62). С. 57—64. EDN: VVERTR.
4. *Заболоцкая А. В., Ткачева Е. Г.* Психологическая безопасность личности в Интернете // *Автономия личности*. 2022. № 1 (27). С. 91—97. EDN: PUXMVM.
5. *Клячева А. В., Анашкина О. М.* Информационно-психологическая безопасность подростков в сети Интернет // *Актуальные проблемы безопасности жизнедеятельности в образовании: материалы Всерос. науч.-практ. конф. (Саратов, 8 февр. 2022)*. Саратов: Саратовский источник, 2022. С. 76—81. EDN: KWOUGT.
6. *Луцинкина А. И., Юдеева Т. В., Ушакова В. Р.* Информационно-психологическая безопас-

- ность личности в интернет-пространстве: учеб. пособ. Симферополь: ДИАЙПИ, 2015. 151 с. EDN: VNTFSX.
7. **Лызь Н. А., Веселов Г. Е., Лызь А. Е.** Информационно-психологическая безопасность в системах безопасности человека и информационной безопасности государства // Известия ЮФУ. Технические науки. 2014. № 8 (157). С. 58—66. EDN: STQREF.
 8. **Меркачева Е.** Депутаты обсудили меры борьбы с абьюзерами и сталкерами [Электронный ресурс] // МК.ru: электрон. период. изд. / Редакция газеты «Московский комсомолец». 25.06.2024. URL: <https://www.mk.ru/social/2024/06/25/deputaty-obsudili-meru-borby-s-abuuzerami-i-stalkeraami.html> (дата обращения: 16.07.2024).
 9. **Мишина В.** Сетевые протоколы [Электронный ресурс]: в России начали учить на медиаполицейских // Известия: [портал]. 08.11.2023. URL: <https://iz.ru/1601617/valeriia-mishina/setevye-protokoly-v-rossii-nachali-uchit-namediapolitceiskikh> (дата обращения: 15.07.2024).
 10. **Мрочко Л. В., Пирогов А. И.** Информационная безопасность молодежи как социокультурная проблема // Вестник Московской государственной академии делового администрирования. Серия: Философские, социальные и естественные науки. 2012. № 3 (15). С. 109—113. EDN: PMIWJX.
 11. **Ненашев С. М.** Информационно-технологическая и информационно-психологическая безопасность пользователей сетей // Вопросы кибербезопасности. 2016. № 5 (18). С. 65—72. <https://doi.org/10.21581/2311-3456-2016-5-65-72> EDN: XEFZHP.
 12. Психологическая безопасность личности: учебник и практикум для вузов / А. И. Донцов, Ю. П. Зинченко, О. Ю. Зотова, Е. Б. Перелыгина. М.: Юрайт, 2024. 222 с.
 13. Семья [Электронный ресурс]: сохранить, нельзя потерять // XII Петербургский международный юридический форум: [сайт]. 27.06.2024. URL: <https://legalforum.info/programme/business-programme/5380/> (дата обращения: 17.07.2024).
 14. Социальные сети и психологическая безопасность: учеб. пособ. для вузов / А. Г. Остапенко, Е. Б. Белов, А. О. Калашников и др.; под ред. Д. А. Новикова. М.: Горячая линия — Телеком, 2021. 232 с. (Теория сетевых войн; вып. 5.).
 15. **Строганов В. Б.** Методы противодействия манипуляции в Интернете // Инновационный потенциал молодежи: информационная, социальная и экономическая безопасность: материалы Междунар. молод. науч.-исслед. конф. (Екатеринбург, 04—05 дек. 2017). Екатеринбург: Урал. федер. ун-т им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, 2017. С. 414—417. EDN: YPHRHX.
 16. **Черноситова В. А.** Психологическая безопасность личности в Интернете // Парадигмы аппроксимации данных в науке и практике: современное состояние и перспективы развития: сб. науч. статей по итогам Междунар. межвуз. студенч. науч.-практ. конф. (С.-Петербург, 18—20 дек. 2020). СПб.: КультИнформПресс, 2020. С. 39—41. EDN: НМООHS.
 17. **Яковлева Ю. В.** Взаимосвязь информационной безопасности и информационной культуры // Вестник науки. 2022. № 1 (46). С. 77—81. EDN: PVTNKX.

References

1. Bikamova Z. I., Gimazetdinova Yu. R., Iksanov R. A. “Digital Security of Child in the Internet”. *Alleya nauki = Alley of Science* 2.4 (20) (2018): 145—149. (In Russian). EDN: XOHXR.
2. Bukhantseva A. S., Leont'yeva V. L. “Influence of Information Field on Behavior of Internet Users”. *Nedelya nauki SPbPU: materialy nauch.-prakt. konf. s mezhdunar. uchastiyem* (S.-Peterburg, 19—24 noyab. 2018). Pt. 1. St. Petersburg: Peter the Great St. Petersburg Polytechnic Univ., 2019. 277—279. (In Russian). EDN: ZAEEMGT.
3. Denisov D. V. “Security in the Internet: Protection against External Threats”. *Prikladnaya informatika = Journal of Applied Informatics* 11.2 (62) (2016): 57—64. (In Russian). EDN: VVERTR.
4. Zabolotskaya A. V., Tkacheva E. G. “Psychological Safety of a Person on the Internet”. *Avtonomiya lichnosti = Autonomy of the Personality* 1 (27) (2022): 91—97. (In Russian). EDN: PUXMVM.
5. Klyacheva A. V., Anashkina O. M. “Information and Psychological Safety of Adolescents on the Internet”. *Aktual'nyye problemy bezopasnosti zhiznedeyatel'nosti v obrazovanii: materialy Vseros. nauch.-prakt. konf.* (Saratov, 8 fevr. 2022). Saratov: Saratovskiy istochnik, 2022. 76—81. (In Russian). EDN: KWOUGT.
6. Luchinkina A. I., Yudeyeva T. V., Ushakova V. R. *Information and Psychological Safety of Personality in Internet Space: study guide*. Simferopol: DIAIPI, 2015. 151 p. (In Russian). EDN: VNTFSX.

7. Lyz' N. A., Veselov G. E., Lyz' A. E. "Information-Psychological Security in the Human Security and State Information Security Systems". *Izvestiya YuFU. Tekhnicheskiye nauki = Izvestiya SFedU. Engineering Sciences* 8 (157) (2014): 58—66. (In Russian). EDN: STQREF.
8. Merkacheva Eva. "Deputies Have Discussed Crackdown against Abusers and Stalkers". *MK.ru. Moskovskiy komsomolets*, 25 June 2024. (In Russian). Web. 16 July 2024. <<https://www.mk.ru/social/2024/06/25/deputaty-obsudili-mery-borby-s-abyuzerami-i-stalkerami.html>>.
9. Mishina Valeriya. "Network Protocols: In Russia They Started to Train Media Policemen". *Izvestiya. OOO MITs "Izvestiya"*, 08 Nov. 2023. (In Russian). Web. <<https://iz.ru/1601617/valeriia-mishina/setevye-protokoly-v-rossii-nachali-uchit-na-mediapolit-seiskikh>>.
10. Mrochko L. V., Pirogov A.I. "Information Security of Youth as Socio-Cultural Problem". *Vestnik Moskovskoy gosudarstvennoy akademii delovogo administrirovaniya. Seriya: Filosofskiy, sotsial'nyye i estestvennyye nauki* 3 (15) (2012): 109—113. (In Russian). EDN: PMIWJX.
11. Nenashev S. "Information-Technical and Information-Psychological Security of Social-Network Users". *Voprosy kiberbezopasnosti* 5 (18) (2016): 65—72. (In Russian). <https://doi.org/10.21581/2311-3456-2016-5-65-72> EDN: XEFZHP.
12. Dontsov A. I., Zinchenko Yu. P., Zotova O. Yu., Perelygina E. B. *Psychological Security of Personality: study guide and practical course for universities*. Moscow: Yurayt, 2024. 222 p. (In Russian).
13. "Preserving the Institution of the Family". *12th St. Petersburg International Legal Forum*. 27 June 2024. Web. 17 July 2024. <<https://legalforum.info/en/programme/business-programme/5380/>>.
14. Ostapenko A. G., Belov E. B., Kalashnikov A. O., Los' V. P., Ostapenko O. A. *Social Networks and Psychological Security: study guide for universities*. Ed. by D. A. Novikov. Moscow: Goryachaya liniya — Telekom, 2021. 232 p. (In Russian). *Teoriya setevykh voyn* 5.
15. Stroganov V. B. "Methods of Counteracting Manipulation on the Internet". *Innovatsionnyy potentsial molodezhi: informatsionnaya, sotsial'naya i ekonomicheskaya bezopasnost': materialy Mezhdunar. molod. nauch.-issled. konf.* (Ekaterinburg, 04—05 dek. 2017). Ekaterinburg: Ural Federal Univ. n. a. the first President of Russia B. N. Yeltsin, 2017. 414—417. (In Russian). EDN: YPHRHX.
16. Chernositova V. A. "Psychological Safety the Person". *Paradigmy approximationsii dannykh v nauke i praktike: sovremennoye sostoyaniye i perspektivy razvitiya: sb. nauch. statey po itogam Mezhdunar. mezhvuz. studench. nauch.-prakt. konf.* (S.-Peterburg, 18—20 dek. 2020). St. Petersburg: Kul'tInformPress, 2020. 39—41. (In Russian). EDN: HMOOHS.
17. Yakovleva Yu. V. "The Relationship of Information Security and Information Culture". *Vestnik nauki* 1 (46) (2022): 77—81. (In Russian). EDN: PVTNKX.

Информация об авторах

Мрочко Владимир Леонидович — кандидат исторических наук, генеральный директор ООО «Центр Специальных Проектов Консалтинг» (Россия, 109028, Москва, Покровский б-р, 16/10, стр. 1).

Рощина Татьяна Михайловна — старший преподаватель кафедры журналистики факультета рекламы, журналистики, психологии и искусства Московского гуманитарного университета (Россия, 111395, Москва, ул. Юности, 5).

Тарасов Максим Денисович — ведущий менеджер (супервайзер) компании «Свит Лайф Фудсервис» (Россия, 196240, Санкт-Петербург, ул. Кубинская, 84); магистрант Московского гуманитарного университета (Россия, 111395, Москва, ул. Юности, 5).

Information about the authors

Vladimir L. Mrochko — Cand. Sci. (Hist.), Director General, OOO "Center for Special Projects Consulting" (Russia, 109028, Moscow, Pokrovsky ave., 16/10, bld. 1).

Tatiana M. Roshchina — Senior Lecturer at the Department of Journalism of the Faculty of Advertising, Journalism, Psychology and Art, Moscow State University for the Humanities (Russia, 111395, Moscow, Yunosti st., 5).

Maxim D. Tarasov — Leading Manager (Supervisor), "Sweet Life Foodservice" company (Russia, 196240, St. Petersburg, Kubinskaya st., 84); Master's student, Moscow University for the Humanities (Russia, 111395, Moscow, Yunosti str., 5).

Статья поступила в редакцию после доработки 03.07.2024.

The article was submitted after updating 03.07.2024.

*Институт лингвистического и педагогического образования (ЛПО),
Национальный исследовательский университет «МИЭТ», Москва, Россия*

**Итоги круглого стола Института ЛПО
«Актуальные вопросы современной лингвистики»**

**8 апреля 2024 г.
(часть 2)**

Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2024. № 3 (43). С. 205—209.
Economic and Social Research. 2024. No. 3 (43). P. 205—209.

УДК 372.881.111.1
doi: 10.24151/2409-1073-2024-3-205-209
<https://elibrary.ru/vsqt dj>

**Актуальность учебника «Практический курс английского языка»
под редакцией В. Д. Аракина в контексте современной парадигмы
профессионального обучения**

Е. С. Арсеньева

Национальный исследовательский университет «МИЭТ», Москва, Россия

kesvik37@gmail.com

Аннотация. Приводятся результаты оценки студентами лингвистических направлений учебно-методического комплекса «Практический курс английского языка» под редакцией В. Д. Аракина. Значительное внимание уделяется задаче обновления и модернизации учебного материала с учетом современных требований и потребностей студентов, что позволит вузам повысить качество обучения и соответствовать современным образовательным стандартам.

Ключевые слова: учебно-методический комплекс, современные методические подходы, модернизация учебного материала, компетентностный подход, практико-ориентированный подход, развитие языковых навыков

Для цитирования: Арсеньева Е. С. Актуальность учебника «Практический курс английского языка» под редакцией В. Д. Аракина в контексте современной парадигмы профессионального обучения: [доклад на круглом столе Института ЛПО «Актуальные вопросы современной лингвистики»] // Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2024. № 3 (43). С. 205—209. <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2024-3-205-209> EDN: VSQTDJ.

**Relevance of the textbook “Practical Course of English”
edited by V. D. Arakin in the context of the modern paradigm
of vocational training**

E. S. Arsenieva

National Research University of Electronic Technology, Moscow, Russia

kesvik37@gmail.com

© Арсеньева Е. С.

Abstract. The results of evaluation of the educational and methodological complex “Practical Course of English” (edited by V. D. Arakin) by students of linguistic fields are provided. Significant attention is paid to the task of updating and modernizing the educational material, with due account to modern requirements and needs of students, which will enable the universities to improve the quality of education and to meet modern educational standards.

Keywords: educational and methodological complex, modern methodological approaches, educational material modernization, competence-based approach, practice-oriented approach, language skills development

For citation: Arsenieva E. S. “Relevance of the Textbook ‘Practical Course of English’ Edited by V. D. Arakin in the Context of the Modern Paradigm of Vocational Training: [in Proceedings of Round Table of Institute of LPE on Actual Questions of Modern Linguistics]”. *Economic and Social Research* 3 (43) (2024): 205—209. (In Russian). <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2024-3-205-209> EDN: VSQTDJ.

Соответствие учебно-методических комплексов (УМК) современным трендам в обучении является крайне важным условием при организации эффективного образовательного процесса.

Во-первых, современные тренды в обучении часто отражают сдвиги в социокультурной и экономической сферах, а также новые технологические достижения. Понимание этих трендов позволяет образовательным учреждениям и педагогам адаптировать свои методики и материалы к изменяющимся потребностям учащихся.

Во-вторых, анализ УМК с учетом современных трендов помогает учитывать разные стили обучения, предпочтения и потребности обучающихся. Использование современных трендов в обучении позволяет педагогам и вузам создавать более индивидуализированные и адаптированные подходы к обучению.

В-третьих, образование должно готовить студентов к будущему, а не только к настоящему. Анализ УМК с учетом современных трендов позволяет внедрять в образовательный процесс новые и актуальные концепции, технологии и методики, которые помогут выпускникам успешно адаптироваться в меняющемся мире.

И наконец, современные тренды в обучении могут вдохновлять на инновации в учебном процессе, способствовать созда-

нию новых и более эффективных методов обучения, что в конечном счете приведет к повышению качества образования.

В современной системе образования компетентностный и практико-ориентированный подходы становятся центральными элементами. Они нацелены на подготовку студентов к успешной и продуктивной деятельности в современном мире, непосредственно в профессиональной среде, в которой им предстоит работать, где акцент делается не только на знаниях, но и на умениях, навыках и компетенциях.

Компетентностный подход в вузах представляет собой, по определению И. А. Зимней, «методологический подход к образованию, ориентированный на развитие у студентов набора компетенций, необходимых для успешной деятельности в современном обществе и на рынке труда. Вместо акцента на запоминание фактов и данных, компетентностный подход сосредотачивается на развитии навыков, умений, и способностей, которые позволяют применять знания в реальных ситуациях» [3, с. 5].

«Под практико-ориентированным подходом, — пишут М. Н. Реутова и И. В. Шавырина, — нами понимается совокупность приемов, способов, методов, форм обучения, направленная на формирование практических умений и навыков в профессиональной деятельности. Практико-ориентированный

подход в обучении позволяет решать одну из главных задач подготовки специалистов — создание условий для развития профессиональной компетентности личности, способной конкурировать на рынке труда» [2, с. 85].

Анализ УМК с учетом требований, предъявляемых практико-ориентированным и компетентностным подходами, помогает выявить необходимость внесения в них изменений или обновлений для повышения их эффективности.

До сих пор во многих вузах на занятиях по иностранному языку у бакалавров-лингвистов основным УМК является «Практический курс английского языка» под редакцией В. Д. Аракина. Оценка содержания, практической направленности, возможностей для развития коммуникативных навыков и интеграции современных методик по формированию профессиональных компетенций поможет определить сильные стороны УМК и области, нуждающиеся в улучшении, а также адаптировать его к современным требованиям в области профессионального образования и к потребностям современных студентов в изучении английского языка.

Мотивация студента и интерес к изучаемому материалу способствуют более успешному освоению предмета и достижению лучших результатов. В связи с этим для выявления наличия в учебнике актуальных и эффективных упражнений, а также для оценки УМК на соответствие современным методическим трендам и подходам нами проведен опрос студентов лингвистических (педагогического и переводческого) направлений подготовки.

Предложенная студентам анкета состояла из 15 вопросов открытого и закрытого типа. Анкета была создана в сервисе Google Forms, на вопросы ответили 63 студента разных лет обучения из разных вузов: МИЭТ, МГУ, РУТ (МИИТ), РГГУ, НГПУ, КФУ ИФМК, ДВФУ, СГУ.

Результаты анкетирования выявили некоторые проблемы, связанные непосред-

ственно с желанием студентов изучать иностранный язык при помощи УМК под редакцией В. Д. Аракина.

В первом блоке опроса, который касался удовлетворенности студентов учебником, при ответах на вопросы «Каково ваше общее впечатление от учебника “Практический курс английского языка” под редакцией В. Д. Аракина?» и «Какие положительные аспекты вы выделяете в этом учебнике?» 65,2 % респондентов ответили, что абсолютно не удовлетворены, и 21,7 % респондентов — что частично удовлетворены качеством учебника для изучения иностранного языка; из положительных аспектов были выделены «структурированность», «большое количество лексики», «много упражнений на перевод».

На следующий вопрос из второго блока анкеты, который касался актуальности содержания учебника: «Считаете ли вы учебник В. Д. Аракина актуальным для включения в программу изучения английского языка?», 65,2 % респондентов ответили отрицательно.

На вопрос «Почему вы считаете, что данный учебник стоит (или не стоит) включить в программу обучения?» самыми популярными ответами у респондентов были «не стоит, потому что»:

- учебник неактуальный, скучный, модули построены однообразно, мало актуальных тем, нет творческих заданий;
- устаревшие формулировки, слова, словосочетания, которыми в нынешнее время уже не пользуются, особенно в современной разговорной речи;
- любой язык развивается каждый день, в нем появляется новая лексика, а учебник под редакцией В. Д. Аракина выпущен достаточно давно и не обучает студентов современным аспектам языка;
- задания устарели, преподаватели используют грамматико-переводный метод на парах, не развивается диалогическая разговорная речь.

Кроме того, на вопрос «Есть ли темы, которые, по вашему мнению, не соответствуют современным реалиям? Почему?» 54,8 % респондентов ответили «нет». 23,2 % респондентов сочли, что сами темы в учебнике могут быть интересными только в теории, так как большинство упражнений неинтересны и однообразны, повторяются из юнита в юнит.

Стоит сказать, что респонденты действительно заинтересованы в обновлении учебника и его совершенствовании, модернизации, что отражается в ответах на вопрос «Какие темы вы считаете наиболее интересными и почему?». Респонденты отметили, что им и в нынешней современной парадигме обучения из всех тем, которые можно встретить в УМК 1—4 курса (приводятся далее), было бы интересно обсуждать следующие темы (выделены жирным шрифтом): **1. Choosing careers. 2. Illnesses and their treatment. 3. Meals. 4. Geography. 5. Travelling. 6. Theatre. 7. Changing Patterns of Leisure. 8. Man and the Movies. 9. English Schooling. 10. Bringing Up Children. 11. Painting. 12. Feelings and Emotions. 13. Talking about People. 14. Family Life. 15. Customs and Holidays. 16. Television. 17. Difficult Children. 18. Books and Reading. 19. Higher Education in the United States of America. 20. Educators and Game Station.**

По мнению респондентов, «на такие темы легко вести дискуссии», «они актуальны в любое время», «они представляют интерес для изучения».

Третий раздел анкеты представлял собой набор вопросов по поводу наличия и достаточности методических материалов для изучения языка. Вопросы касались оценки степени необходимости дополнительных материалов и упражнений для развития языковой компетенции. 48,8 % респондентов отметили, что наиболее эффективными методическими материалами в учебнике являются диалоги и тексты для развития умения чтения; 53,5 % респондентов сочли, что упражнения, направленные на формирование лек-

сических навыков, представлены в достаточном количестве. Из проанализированных ответов на вопрос «Какие методические материалы, используемые в учебнике, вам кажутся наиболее эффективными?» можно сделать вывод, что студенты не считают творческие упражнения и задания по созданию диалогических и монологических высказываний эффективными и достаточными.

87,9 % респондентов отметили, что в большинстве случаев возникала потребность в дополнительных упражнениях по углублению и расширению лексического материала, в обновлении содержания и коммуникативных упражнениях для полноценного обсуждения предложенной темы. Большинство ответов звучит следующим образом:

— лексика устарела, примеры тоже, но тема актуальна, поэтому хотелось расширить ее, включая современные выражения и примеры;

— во время занятия по этому учебнику каждый раз обращалось внимание на устаревшие данные, поэтому приходилось часто уточнять их актуальность;

— достаточно часто бывают ситуации, когда преподаватель или студенты отмечают, что изложенный в учебнике материал не соответствует действительности, поэтому приходится дополнительно обсуждать тему с современной точки зрения;

— необходимость в дополнительном обсуждении возникает из-за отсутствия свежей лексики и выражений, а также из-за малого количества упражнений, ориентированных на разговорную речь.

Следует подчеркнуть, что респондентам действительно важна современная лексика и актуальность, возможность ее практического применения, что подтверждается ответами на вопрос «Существуют ли у вас индивидуальные предпочтения в выборе учебников для изучения английского языка?»: 82,5 % опрошенных выбрали ответ «да»; а также ответами на вопрос «Если да, какие критерии для вас являются наиболее важными при вы-

боре учебника для изучения английского языка?» — самыми распространенными были ответы «актуальность лексики», «большое количество творческих и разговорных заданий», «интерактивность и практичность».

Подведем итог.

Из результатов анкетирования следует, что учебник «Практический курс английского языка» под редакцией В. Д. Аракина вызывает значительную неудовлетворенность у студентов, особенно в контексте его актуальности и методических подходов. Большинство респондентов выражает несогласие с использованием в учебнике устаревших материалов и неактуальных заданий, а также отмечает недостаток разнообразия в учебном процессе.

Следовательно, необходимы обновление и модернизация учебного материала с учетом современных требований в области профессионального образования и потребностей современных студентов в изучении английского языка. При этом рекомендуется помнить о формировании не только предметных, но и универсальных компетенций: когнитивных, коммуникативно-социальных, личностных [1]. Изменения должны привести к дополнению учебника современной, актуальной лексикой, творческими и интерактивными заданиями, а также коммуникативными упражнениями на развитие монологической и диалогической речи.

Список литературы и источников

1. *Давиденко Е. С., Байдикова Н. Л.* Формирование у студентов универсальных компетенций в процессе обучения иностранному языку // Вестник МГЛУ. Образование и педагогические науки. 2019. № 1 (830). С. 116—130. EDN: MSNKPI.
2. *Реутова М. Н., Шавырина И. В.* Практико-ориентированный подход как инструмент развития интеллектуального потенциала студентов // Воспроизводство интеллектуаль-

ного капитала в системе высшего профессионального образования: материалы Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием (Белгород, 18—22 нояб. 2013) / отв. ред. И. С. Шаповалова. Белгород: ИД «Белгород», 2013. С. 85—87.

3. *Зимняя И. А.* Ключевые компетентности как результативно-целевая основа компетентностного подхода в образовании. М.: Исслед. центр пробл. качества подгот. специалистов, 2004. 38 с.

References

1. Davidenko E. S., Baydikova N. L. “Universal Competences Development at University EFL Classes”. *Vestnik MGLU. Obrazovaniye i pedagogicheskiye nauki = Vestnik of Moscow State Linguistic University. Education and Pedagogical Studies* 1 (830) (2019): 116—130. (In Russian). EDN: MSNKPI.
2. Reutova M. N., Shavyrina I. V. “Practice-Oriented Approach as Instrument of Students’ Mental Performance Development”. *Vosproizvodstvo intellektual’nogo kapitala v sisteme vyshego professional’nogo obrazovaniya: materialy Vseros. nauch.-prakt. konf. s mezhdunar. uchastiyem* (Belgorod, 18—22 noyab. 2013). Publ. ed. I. S. Shapovalova. Belgorod: “Belgorod” Publ. House, 2013. 85—87. (In Russian).
3. Zimnyaya I. A. *Key Competencies as Result-and-Target Basis of Competence-Based Approach in Education*. Moscow: Issled. tsentr probl. kachestva podgot. spetsialistov, 2004. 38 p. (In Russian).

Информация об участнике

Арсеньева Ева Сергеевна — магистрант 2 курса Института ЛПО Национального исследовательского университета «МИЭТ» (Россия, 124498, Москва, Зеленоград, пл. Шокина, д. 1).

Information about the participant

Eva S. Arsenieva — 2nd year Master’s Student at the Institute of LPE, National Research University of Electronic Technology (Russia, 124498, Moscow, Zelenograd, Shokin sq., 1).

Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2024. № 3 (43). С. 210—217.
Economic and Social Research. 2024. No. 3 (43). P. 210—217.

УДК 372.881.111.1
doi: 10.24151/2409-1073-2024-3-210-217
<https://elibrary.ru/xjxjkd>

Индивидуализация и персонализация обучения иноязычному говорению с помощью нейросети Twee

Н. Л. Байдикова¹, Е. С. Давиденко²

^{1, 2} Национальный исследовательский университет «МИЭТ», Москва, Россия

¹ nataleon22@list.ru

² des_kr@mail.ru

Аннотация. Рассматривается проблема организации индивидуализированного и персонализированного обучения иноязычному говорению с помощью нейросети Twee. Уточняются понятия «индивидуализация» и «персонализация», выявляются различия в способах реализации индивидуализированного и персонализированного подходов в учебном процессе. Утверждается, что платформа Twee, несмотря на некоторые ограничения, предоставляет довольно широкие возможности по генерированию и видоизменению текстов для реализации индивидуализации и персонализации на уроках иностранного языка при обучении говорению в школе, а также для формирования предметных, личностных и метапредметных образовательных результатов, зафиксированных в ФГОС основного общего образования.

Ключевые слова: индивидуализация, персонализация, нейросеть Twee, обучение иноязычному говорению, предметные образовательные результаты, личностные образовательные результаты, метапредметные образовательные результаты

Для цитирования: Байдикова Н. Л., Давиденко Е. С. Индивидуализация и персонализация обучения иноязычному говорению с помощью нейросети Twee: [доклад на круглом столе Института ЛПО «Актуальные вопросы современной лингвистики»] // Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2024. № 3 (43). С. 210—217. <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2024-3-210-217> EDN: XJXJKD.

Individualization and personalization of teaching foreign language speaking using the Twee neural network

N. L. Baydikova¹, E. S. Davidenko²

^{1, 2} National Research University of Electronic Technology, Moscow, Russia

¹ nataleon22@list.ru

² des_kr@mail.ru

Abstract. The authors discuss the problem of organizing individualized and personalized teaching of foreign language speaking using the Twee neural network. The concepts of “individualization” and “personalization” are clarified, and differences in the ways of implementing individualized and personalized approaches in the educational process are identified. It is argued that

despite some limitations, the Twee platform provides quite broad opportunities for generating and modifying texts for the implementation of individualization and personalization in foreign language lessons when teaching speaking at school, as well as for the formation of subject, personal and meta-subject educational results recorded in the Federal State Educational Standard for basic general education.

Keywords: individualization, personalization, Twee neural network, teaching foreign language speaking, subject educational results, personal educational results, meta-subject educational results

For citation: Baydikova N. L., Davidenko E. S. "Individualization and Personalization of Teaching Foreign Language Speaking Using the Twee Neural Network: [in Proceedings of Round Table of Institute of LPE on Actual Questions of Modern Linguistics]". *Economic and Social Research* 3 (43) (2024): 210—217. (In Russian). <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2024-3-210-217> EDN: XJXJKD.

При обучении иностранному языку (ИЯ) в школе учитель сталкивается с рядом трудностей, препятствующих достижению эффективных образовательных результатов. Учащиеся занимаются по одному учебно-методическому комплексу (УМК), учебные группы состоят не менее чем из 15 человек, имеющих собственные психолого-педагогические особенности и разный уровень обученности. Таким образом, наблюдается противоречие между коллективной формой организации учебного процесса и дидактическим принципом индивидуализации обучения.

Современные электронные сервисы на основе искусственного интеллекта (ИИ) предлагают определенные возможности для реализации индивидуального подхода. Более того, тексты и задания, созданные с помощью таких ресурсов, позволяют не только индивидуализировать, но и персонализировать учебные занятия по ИЯ и актуализировать субъектную позицию учащихся. Это особенно важно при обучении иноязычному говорению, так как продуцирование речевых сообщений всегда лично окрашено и имеет субъектный характер.

Выявим методические возможности нейросети Twee по генерации текстов и заданий для организации индивидуализированного и персонализированного обучения говорению на английском языке в школе.

Понятие «индивидуализация» достаточно хорошо изучено в психолого-педагогических научных исследованиях [3; 4; 5].

Под индивидуализацией традиционно понимается «организация учебного процесса с учетом индивидуальных психологических особенностей учащихся», которая «позволяет создать оптимальные условия для реализации потенциальных возможностей каждого обучающегося» [1, с. 77].

Термин «персонализация» сравнительно недавно появился в российской педагогической науке. Наиболее четко понятия «индивидуализация» и «персонализация» разграничиваются в журнале EduTech, выпускаемом СберУниверситетом: «В персонализированном подходе студентам предоставляется возможность выбора условий обучения, в то время как в индивидуализированном подходе преподаватель сам определяет условия, учитывая особенности каждого. Важно разграничить, кто именно делает выбор»¹.

Ключевой идеей и индивидуализации, и персонализации является идея выбора. Выбор может касаться любых условий и аспектов образовательного процесса:

¹ Персонализированный и индивидуализированный подход — это одно и то же? [Электронный ресурс] // EduTech: [электрон. журн.] / СберУниверситет. 2023. № 4 (55). С. 12. URL: https://sberuniversity.ru/upload/uf/ac1/gey5u67x1zw3ek6s9d1twx47q2beinf8/EduTech_55_web.pdf (дата обращения: 11.06.2024).

цели, приемов, средств, форм, содержания, оценки и контроля — и соотноситься с предметными, личностными и метапредметными результатами обучения.

Для обеспечения индивидуализированного и персонализированного подходов одной из самых трудоемких и затратных по времени процедур является модификация содержания обучения. Учителю необходимо подготовить достаточное количество разнообразного учебного материала. При индивидуализации учитель сам определяет, какой материал предложить каждому учащемуся, а при персонализации учащиеся самостоятельно выбирают материал из перечня предложенных. Это касается подготовки любых учебных материалов, в том числе дополнительных текстов для обучения иноязычному говорению.

Облегчить учителю подготовку индивидуализированных и персонализированных материалов позволяют современные электронные средства на основе ИИ, такие, например, как платформа Twee.

Созданная для учителей английского языка платформа обладает большим потенциалом в генерации текстов для обучения говорению. Ресурс является условно бесплатным и позволяет сделать в месяц двадцать запросов на работу с текстом и десять — на работу с видеисточниками; при этом загружать для обработки можно только видеофайлы с видеохостинга YouTube длительностью не более 5 минут.

Нейросеть может создавать тексты:

- различных жанров (вымышленная история (fictional story), текст-описание (descriptive article), газетная статья (newspaper article), текст аргументативного типа (argumentative article), сообщение в блоге / блог-пост (blog post), рецензия / обзор (review), отчет (report), официальное письмо (formal letter), неформальное / неофициальное письмо (informal letter));
- различного объема (50—750 слов);
- на указанную тему;

- с указанной лексикой;
- указанного уровня сложности (от А1 до С2, согласно Общеввропейской системе уровней владения ИЯ).

Нейросеть может делать подборки коротких текстов (на уровне словосочетания, предложения или сверхфразового единства): прайс-лист, объявления, приглашения, инструкции и заголовки; список цитат известных авторов; интересные факты по заданной теме; список преимуществ и недостатков по заданной проблеме; четыре мнения о проблеме.

Инструмент позволяет упрощать тексты, усложнять их, укорачивать или, наоборот, удлинять, а также представлять текст монологического характера в форме диалога, сохраняя его содержание.

Покажем, как можно использовать возможности нейросети Twee для индивидуализации и персонализации процесса обучения иноязычному говорению. Мы использовали нейросеть для генерирования дополнительных учебных материалов к УМК по английскому языку для 5 класса «Звездный английский (Starlight)» авторов К. М. Барановой, Д. Дули, В. В. Копыловой и др. [2], модуль 1, урок Е, тема «Внешность» (Appearance). Материал данного модуля соответствует общеввропейскому уровню А2. При генерировании текстов с помощью платформы Twee будем начинать с уровня А1, чтобы учесть потребности учащихся с более низким уровнем владения языком.

При введении активной лексики из учебника по теме «Внешность» (fair, wavy, curly, beard, slim, thin, plump, well-built, fat, middle-aged, young, straight hair, long, short) в инструмент платформы Twee под названием *Create a text on a certain topic* были получены тексты описательного характера.

Уровень А1. *This is a photo of my family. My dad's name is David and he's 45 years old. He's got short, curly hair and a beard. My mom's name is Sarah and she's 40 years old. She's got long, wavy hair. I've got one sister. Her name is Emma and*

she's 12 years old. She's got straight, blond hair. And this is me! I'm Jack. I'm 16 years old and I'm a student.

Уровень C2. *This is a picture of my family. My father, David, has got fair hair and he's got a beard. He's quite slim, but he's got a bit of a tummy now! My mother, Mary, has got long wavy hair. She isn't thin, but she isn't plump. My sister, Emma, is twenty-one. She's got short curly hair and she's very pretty! I'm the youngest. My name's Jenny and I'm fifteen. I've got long straight hair.*

Тексты для уровней B1-B2 и C1-C2 (по сравнению с текстами для уровней A1-A2) содержат дополнительные лексические единицы по теме, выходящие за рамки активного вокабуляра (pretty, tummy) и более сложные грамматические конструкции (a bit of, quite slim, the youngest). Однако внутри каждого из трех уровней А, В, и С различия между созданными нейросетью текстами несущественны по степени лексико-грамматических сложностей.

Создание текстов **разной сложности** может служить хорошим подспорьем при индивидуализации и персонализации обучения иноязычному говорению. При применении индивидуального подхода учитель, в соответствии с уровнем иноязычных навыков и умений учащихся, назначает им сгенерированные нейросетью тексты разной сложности в качестве образцов для составления собственных сообщений. Отличие персонализированного подхода заключается в том, что выбор сложности текста предоставляется учащимся. Здесь может возникнуть проблема: учащийся может выбрать для себя более легкий текст, чтобы без усилий справиться с заданием. Мотивировать учащихся к достижению высоких личностных результатов — задача педагога, требующая профессионального мастерства.

Кроме варьирования уровня сложности текстов с помощью платформы Twee можно изменять их **объем** (от 50 до 750 слов). Полученные тексты разного объема учитель может назначить разным детям не только в зави-

симости от их уровня владения языком, но и в зависимости от некоторых особенностей нервной системы (скорость реакции, темп выполнения заданий). Например, холерики и сангвиники могут за одну единицу времени выполнить больший объем заданий, чем флегматики или меланхолики. Иногда учитель может дать учащимся самим выбрать объем текста для того, чтобы каждый учащийся чувствовал себя комфортно, с одной стороны, и ощущал ответственность за результат, с другой стороны. В любом случае, все учащиеся познакомятся с основным содержанием, которое заключено во всех текстах, независимо от их объема, и смогут его передать в своем монологическом высказывании.

Таким образом, способность нейросети создавать тексты разной сложности и объема позволяет учителю индивидуализировать и персонализировать процесс обучения иноязычному говорению, содействуя достижению учащимися как предметных, так и личностных результатов.

Кроме количественных характеристик (сложность и объем) инструмент Twee можно использовать для создания подборки коротких текстов по теме, которые отличаются друг от друга **ценностно-эмоциональным компонентом**. Так, цитаты, подобранные нейросетью по теме «Внешность» (инструмент *Find quotes by famous people on the topic*), могут служить материалом для составления речевых коммуникативных упражнений. Например, задание на обсуждение / комментирование цитат создает на уроке речевую ситуацию, определяющую мотив говорения для школьника, происходит естественное обращение к его личностному опыту, обсуждение вызывает эмоциональную оценку и интерпретацию прочитанного в монологе или диалоге. Ниже приводится пример подбора пяти высказываний знаменитых людей о красоте.

1. *"Beauty is not in the face; beauty is a light in the heart." — Kahlil Gibran (Lebanese-American philosopher and artist).*

2. “Beauty is how you feel inside, and it reflects in your eyes. It is not something physical.” — Sophia Loren (Italian actress).

3. “Beauty is power; a smile is its sword.” — John Ray (leading 17th-century English naturalist and botanist).

4. “Beauty is not caused. It is.” — Emily Dickinson (American poet).

5. “Beauty is truth’s smile when she beholds her own face in a perfect mirror.” — Rabindranath Tagore (Indian writer and poet).

Реализуя индивидуальный подход и действуя в воспитательных целях, учитель может предложить прокомментировать определенные высказывания заранее намеченным учащимся.

Сформулировать персонализированное задание на обсуждение для пятиклассников можно следующим образом: “Pick a quote that you really like. Talk with a friend or a small group about why you picked that quote and what it means to you. Share any stories or examples from your life that connect to the quote”. («Выберите цитату, которая вам действительно нравится. Обсудите с другом или в группе, почему вы выбрали эту цитату и что она значит для вас. Поделитесь личными историями или примерами из своей жизни, которые отражают смысл этой цитаты».)

Ограничение этого инструмента состоит в том, что нейросеть оценивает сложность цитаты, опираясь только на ее языковые характеристики, но не подвергая анализу содержание. Для того чтобы упражнение соответствовало интеллектуальным возможностям пятиклассников, учителю, вероятно, нужно исключить из списка цитаты, которые может быть трудно понять школьникам (см., например, цитаты 4 и 5). Другим недостатком этого инструмента Twee является вероятность того, что цитата может быть выдуманной. Достоверность информации, полученной от нейросети, приходится проверять.

Кроме задач по формированию предметных образовательных результатов (за счет варьирования сложности и объема заданий)

и личностных результатов обучения (за счет выбора ценностно-эмоциональных характеристик заданий) необходимо формировать и метапредметные результаты. Они представляют собой третью группу образовательных результатов, зафиксированную в ФГОС наряду с предметными и личностными результатами в качестве необходимого целевого ориентира при обучении школьников любому предмету. Метапредметные результаты включают в себя освоение учащимися универсальных учебных действий, в том числе коммуникативных умений и организации учебного сотрудничества со сверстниками². На уроках по ИЯ достижению такой цели способствуют парные и групповые формы работы.

Платформа Twee предоставляет возможность создания **текстов диалогического характера** на основе монологических текстов из учебника с помощью инструмента *Create a dialogue on any topic*.

В анализируемом уроке Е модуля 1 по теме «Внешность» кроме отработки новой активной лексики в вопросо-ответных упражнениях предлагаются четыре коротких монологических текста (25—35 слов) о представителях необычных племен (масаи, карены, пигмеи, даяки). Если указать в инструменте тему (Appearance. Special people), ввести ключевые слова (the Maasai, a tribe, in Africa, tall, long legs, short black curly hair, Kenya, Tanzania) и задать уровень (например, Simple A1-A2), то платформа выдаст диалог-расспрос, который представлен ниже.

Lucy: Sarah, have you ever heard of the Maasai people?

Sarah: No. Who are they?

Lucy: They’re a tribe in Africa.

Sarah: What’s so special about them?

² Федеральный государственный образовательный стандарт основного общего образования (5—9 кл.) [Электронный ресурс] // ФГОС: [портал]. URL: <https://fgos.ru/fgos/fgos-ooo/> (дата обращения: 11.06.2024).

Lucy: **Well, for one thing they're really tall!**
And their legs are super long.

Sarah: **Really? How tall are we talking here?**

Lucy: **Like, over six feet.**

Sarah: **Wow!**

Lucy: **Yeah, and they have short black curly hair.**

Sarah: **Interesting.**

Lucy: **They live in Kenya and Tanzania.**

Sarah: **Have you ever met someone from the Maasai tribe?**

Lucy: **Yes, I actually worked with a woman from there when I was volunteering in Africa last summer.**

Sarah: **Cool! What did she look like?**

Lucy: **She was very tall, with long legs and short black curly hair. But she was also incredibly strong and athletic.**

Sarah: **Sounds amazing.**

Lucy: **It really was. Their culture and way of life is fascinating.**

Важно, что помимо активного вокабуляра, подлежащего усвоению при формировании продуктивного лексического навыка говорения, в тексте диалога-образца содер-

жатся клише, характерные для английской разговорной речи (разговорные слова и выражения, идиомы, междометия, эллиптические конструкции, примеры коллоквиального переспроса и коллоквиальной инверсии). Они выделены жирным курсивом. Из урока в урок учителю следует обращать внимание школьников на эти разговорные клише в диалоге, тренировать их употребление в других контекстах для эффективного формирования у учащихся умений диалогической речи и социального взаимодействия на ИЯ.

При индивидуализированном подходе учитель ИЯ сам делит учащихся на пары с учетом различных факторов (уровень владения ИЯ, кругозор, межличностные отношения, пол, тип темперамента) [6].

Применяя персонализированный подход, учитель предоставляет учащимся самим выбрать собеседника для работы над диалогом.

Возможности реализации индивидуализированного и персонализированного подходов на уроках ИЯ с помощью платформы Twee отражены в таблице.

Возможности реализации индивидуализированного и персонализированного подходов на уроках ИЯ с помощью платформы Twee

Группы результатов освоения образовательной программы по ФГОС	Сущностные характеристики заданий по ИЯ, позволяющие реализовать индивидуализацию и персонализацию	Возможности платформы Twee по генерированию и видоизменению текстов для обучения иноязычному говорению
Предметные результаты	Уровень сложности задания	Выбор уровней от A1 до C2
	Объем задания	Варьирование объема от 50 до 750 слов
Личностные результаты	Ценностно-смысловые установки, реализованные в задании	Генерирование коротких текстов, содержащих ценностно-эмоциональный компонент
Метапредметные результаты	Учебное сотрудничество при работе над заданием диалогического характера	Генерирование диалогических текстов на основе монологических

Таким образом, индивидуализированный и персонализированный подходы к обучению представляют собой взаимосвязанные, взаимозависимые дидактические сущности. В организационном плане подготовительный этап разработки учителем учебных материалов является единым для осуществления и индивидуализации, и персонализации. Оба подхода позволяют обеспечить учет определенных особенностей каждого ребенка, а не ориентироваться только на среднего ученика. С помощью индивидуализации и персонализации можно достичь образовательных результатов всех трех групп: предметных, личностных и метапредметных.

Разница между индивидуализированным и персонализированным подходами заключается в том, что первый из них оставляет функцию распределения индивидуализированных заданий за учителем, а второй подход отдает это право в руки самих учащихся. При этом учителю следует способствовать осознанности выбора учащихся, активизации их субъектной позиции, развитию самостоятельности и автономности в учении.

Использование инструментов на основе ИИ, в частности нейросети Twee, облегчает педагогу процесс организации индивидуализированного и персонализированного обучения. Несмотря на некоторые ограничения (возможные лексико-грамматические ошибки при построении предложений, искажение фактологической информации при генерировании текстов, отсутствие изобразительной наглядности для текстов описательного характера), платформа Twee предоставляет довольно широкие возможности по генерированию и видоизменению текстов для реализации индивидуализации и персонализации при обучении иноязычному говорению.

Список литературы и источников

1. *Азимов Э. Г., Щукин А. Н.* Новый словарь методических терминов и понятий: (теория и практика обучения языкам). М.: ИКАР, 2009. 448 с.
2. Английский язык. 5 класс: учебник для общеобраз. учреждений и школ с углубл. изуч. англ. яз. / [К. М. Баранова и др.]. М.: Просвещение; Newbury: Express publ., 2013. 120, [64] с.: цв. ил. (Звездный английский. Starlight).
3. *Мудрик А. В.* Социальная педагогика: учебник для студ. пед. вузов / под ред. В. А. Сластенина. 5-е изд., доп. М.: ИЦ «Академия», 2000. 200 с.
4. *Петровский А. В., Петровский В. А.* Индивид и его потребность быть личностью // Вопросы философии. 1982. № 3. С. 44—53.
5. *Уит И. Э.* Индивидуализация и дифференциация обучения. М.: Педагогика, 1990. 190 с. (ОПН).
6. *Evdokimova M., Baydikova N., Davidenko Ye.* Grouping criteria for training foreign language interpersonal communication skills of engineering students // The European Proceedings of Social & Behavioural Sciences. 2018. Vol. 35. P. 264—272.

References

1. Azimov E. G., Shchukin A. N. *New Dictionary of Instructional Terms and Concepts (Theory and Practice of Language Teaching)*. Moscow: IKAR, 2009. 448 p. (In Russian).
2. Baranova K. M. et al. *English. Grade 5: textbook for gen. educ. institutions and schools with adv. English learning*. Moscow: Prosveshcheniye; Newbury: Express publ., 2013. 120, [64] p., color ill. (In Russian). *Zvezdnyy angliyskiy. Starlight*.
3. Mudrik A. V. *Social Pedagogy: textbook for ped. univ. students*. Ed. by V. A. Slastenin. 5th ed., upd. Moscow: "Akademiya" Publ., 2000. 200 p. (In Russian).

4. Petrovskiy A. V., Petrovskiy V. A. “Individual and His/Her Need to Be Personality”. *Voprosy filosofii* 3 (1982): 44—53. (In Russian).
5. Unt Inge E. *Individualization and Differentiation of Learning*. Moscow: Pedagogika, 1990. 190 p. (In Russian). OPN.
6. Evdokimova Mary, Baydikova Natalia, Davidenko Yelena. “Grouping Criteria for Training Foreign Language Interpersonal Communication Skills of Engineering Students”. *The European Proceedings of Social & Behavioural Sciences* 35 (2018): 264—272.

Информация об участниках

Байдикова Наталия Леонидовна — кандидат педагогических наук, доцент, доцент Института ЛПО Национального исследовательского университета «МИЭТ» (Россия, 124498, Москва, Зеленоград, пл. Шокина, д. 1).

Давиденко Елена Сергеевна — кандидат педагогических наук, доцент, доцент Института ЛПО Национального исследовательского университета «МИЭТ» (Россия, 124498, Москва, Зеленоград, пл. Шокина, д. 1).

Information about the participants

Natalia L. Baydikova — Cand. Sci. (Ped.), Assoc. Prof., Associate Professor at the Institute of LPE, National Research University of Electronic Technology (Russia, 124498, Moscow, Zelenograd, Shokin sq., 1).

Elena S. Davidenko — Cand. Sci. (Ped.), Assoc. Prof., Associate Professor at the Institute of LPE, National Research University of Electronic Technology (Russia, 124498, Moscow, Zelenograd, Shokin sq., 1).

Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2024. № 3 (43). С. 218—221.
Economic and Social Research. 2024. No. 3 (43). P. 218—221.

УДК 378
doi: 10.24151/2409-1073-2024-3-218-221
<https://elibrary.ru/inqkbn>

Учет ведущего типа мышления студентов в образовательном процессе

К. А. Назарова

Национальный исследовательский университет «МИЭТ», Москва, Россия

mail-nazarovaap@mail.ru

Аннотация. Исследуется влияние типа мышления обучающихся на образовательный процесс в высшем учебном заведении. Приведены результаты опроса студентов-бакалавров 1 курса НИУ МИЭТ, организованного с целью определить ведущий тип мышления у студентов.

Ключевые слова: типы мышления, образовательный процесс, когнитивные особенности, студенты, эффективность обучения

Для цитирования: Назарова К. А. Учет ведущего типа мышления студентов в образовательном процессе: [доклад на круглом столе Института ЛПО «Актуальные вопросы современной лингвистики»] // Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2024. № 3 (43). С. 218—221. <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2024-3-218-221> EDN: INQKBM.

Consideration of students' leading type of thinking in the teaching/learning process

К. А. Nazarova

National Research University of Electronic Technology, Moscow, Russia

mail-nazarovaap@mail.ru

Abstract. As the title implies the author examines the influence of the type of thinking on the educational process in universities. The results of a survey of first-year undergraduate students of the National Research University of Electronic Technology, conducted in order to determine the leading types of thinking among students, are given.

Keywords: types of thinking, teaching/learning process, cognitive characteristics, students, learning effectiveness

For citation: Nazarova K. A. “Consideration of Students’ Leading Type of Thinking in the Teaching/Learning Process: [in Proceedings of Round Table of Institute of LPE on Actual Questions of Modern Linguistics]”. *Economic and Social Research* 3 (43) (2024): 218—221. (In Russian). <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2024-3-218-221> EDN: INQKBM.

В современном образовательном процессе в высших учебных заведениях крайне важно учитывать такую индивидуальную особенность студентов, как мышление. Мышление — это, согласно общепринятому определению, «...один из важнейших компонентов познавательной деятельности, характеризующийся обобщенным и опосредованным отражением действительности, это высшая форма психической деятельности, благодаря которой отражается сущность, взаимосвязи и отношения» [4, с. 232—233]. Таким образом, мышление отражает уникальные способы переработки информации каждого человека, определяет его предпочтения, интересы и профессиональную ориентацию, являясь ключевым личным качеством человека.

В современной науке существует множество различных подходов к классификации типов мышления. В данном исследовании использована методика Дж. Брунера «Тип мышления» в модификации Г. В. Резапкиной [3], которая позволяет выделить пять базовых типов мышления.

Предметно-действенное мышление — это, по определению, приводимому В. В. Нурковой и Н. Б. Брезанской, «...мышление, осуществляющееся в процессе действий во внешне заданной предметной ситуации» [2, с. 438]. Данный способ мышления проявляется в ходе действий в конкретной предметной ситуации, происходит прямое восприятие объектов в процессе физического взаимодействия с ними.

Наглядно-образное мышление — по определению, приводимому В. В. Нурковой и Н. Б. Брезанской, «...мышление, осуществляющееся путем оперирования образами и представлениями» [2, с. 438]. Людям, у которых преобладает наглядно-образное мышление, важно видеть информацию, а

не только слышать или читать ее. Они могут использовать различные методы визуализации, чтобы помочь себе лучше понимать и запоминать информацию.

Словесно-логическое мышление представляет собой форму мышления, осуществляемую через применение логических операций к понятиям. Такой тип мышления характерен для людей с развитым вербальным интеллектом, что позволяет им ясно формулировать свои мысли и передавать их другим людям.

Абстрактно-логическое мышление — вид мышления, который основан на выделении основных свойств и взаимосвязей объекта. Процесс мышления осуществляется через применение логических операций к понятиям в целях вывода новых знаний. Люди с таким типом мышления способны усваивать информацию с помощью символических математических концепций и операций, которые не имеют физического воплощения.

Креативное мышление — это мышление, позволяющее нестандартно мыслить, а также находить нетрадиционные подходы к решению задач. Данный тип мышления присущ людям, обладающим талантом в различных областях деятельности.

Кроме того, стоит отметить, что определенный тип мышления в чистом виде может встречаться крайне редко, в большинстве случаев у одного человека представлено смешение нескольких типов.

С использованием названной выше методики нами проведен опрос с целью определить ведущие типы мышления у студентов НИУ МИЭТ. В опросе приняли участие 91 студент 1 курса неязыковых направлений подготовки и 40 студентов 1 курса, обучающихся по направлению «Лингвистика». Результаты анкетирования представлены в табл. 1 и 2.

Таблица 1

Ведущие типы мышления у студентов-лингвистов, чел.

Уровень развития	Тип мышления				
	Предметно-действенное	Абстрактно-символическое	Словесно-логическое	Наглядно-образное	Креативность (творческое)
Высокий	17	1	15	29	12
Средний	23	13	21	10	26
Низкий	—	26	4	1	2

Таблица 2

Ведущие типы мышления у студентов-нелингвистов, чел.

Уровень развития	Тип мышления				
	Предметно-действенное	Абстрактно-символическое	Словесно-логическое	Наглядно-образное	Креативность (творческое)
Высокий	45	33	25	52	33
Средний	43	50	54	36	55
Низкий	3	8	12	3	3

Анализ результатов опроса позволил сделать следующие выводы:

1. В результате опроса студентов было обнаружено, что наиболее распространенным типом мышления у них является наглядно-образный, что свидетельствует о преобладании визуальной и смешанной модальностей восприятия у большинства студентов. Учет данного типа мышления в процессе обучения позволяет лучше запоминать и усваивать информацию.

2. Словесно-логическое мышление развито на среднем уровне у большинства студентов. Это может указывать на то, что им труднее работать с абстрактными понятиями и логическими связями. Однако среди опрошенных всё же присутствует некоторый процент студентов с высоким уровнем развития этого типа мышления, что может говорить об их способности к аналитическому мышлению и к логическому аргументированию.

3. Абстрактно-символическое мышление развито на среднем уровне у большинства студентов-нелингвистов, а у лингвистов

оно на низком уровне. Это объясняется тем, что не все студенты обладают способностью работать с символами, абстрактными понятиями и формулами.

4. Следующим по распространенности типом мышления у студентов является креативное мышление. Творческое мышление может быть полезным в процессе обучения любому студенту.

Резюмируя полученные данные, можно утверждать: один человек обычно обладает разными типами мышления в разных соотношениях, однако в учебном процессе необходимо принимать во внимание ведущий тип мышления студентов — наглядно-образное мышление. Студенты с таким типом мышления лучше воспринимают информацию в нелинейной форме. Преподавателю следует использовать разные виды визуализации, стимулирующие не только логическое мышление, но и эмоционально-образное восприятие. В современных условиях роль преподавателя претерпевает изменения. Ему необходимо, подчеркивают Н. Л. Байдикова

и Е. С. Давиденко, выполнять не только обучающие функции в рамках своего предмета, но и функции психологической фасилитации: «Задача преподавателя состоит в организации психолого-педагогической поддержки (сопровождения) личности студента в ходе овладения им иностранным языком» [1, с. 156].

Очевидно, что эффективность образовательного процесса зависит не только от типа мышления студентов, но и от множества других факторов, включающих мотивацию, темперамент, усидчивость, трудолюбие, систематичность и т. д. Тем не менее учет ведущего типа мышления современных студентов может способствовать повышению эффективности образовательного процесса.

Список литературы и источников

1. Байдикова Н. Л., Давиденко Е. С. Типологические особенности личности (экстраверсия / интроверсия) в контексте личностно ориентированного обучения студентов неязыковых вузов иностранному языку // Вестник МГЛУ. Образование и педагогические науки. 2018. № 2 (796). С. 155—163. EDN: UTXQFD.
2. Нуркова В. В., Березанская Н. Б. Общая психология: учебник для вузов. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2016. 524 с. (Бакалавр и магистр. Академический курс).
3. Резапкина Г. В. Отбор в профильные классы. М.: Генезис, 2006. 124 с.
4. Циркин В. И., Трухина С. И., Трухин А. Н. Нейрофизиология: основы психофизиологии: учебник для вузов. 2-е изд., испр. и доп. М.: Юрайт, 2020. 577 с.
1. Baydikova N. L., Davidenko E. S. "Personality Types in Teaching a Foreign Language to Extravert and Introvert Non-Linguists Students in the Learner-Centred Context". *Vestnik MGLU*.
2. Nurkova V. V., Berezanskaya N. B. *General Psychology: textbook for universities*. 3rd ed., rev. and upd. Moscow: Yurayt, 2016. 524 p. (In Russian). Bakalavr i magistr. Akademicheskii kurs.
3. Rezapkina G. V. *Selection for Subject Oriented Classes*. Moscow: Genezis, 2006. 124 p. (In Russian).
4. Tsirkin V. I., Trukhina S. I., Trukhin A. N. *Neurophysiology: Fundamentals of Psychophysiology: textbook for universities*. 2nd ed., rev. and upd. Moscow: Yurayt, 2020. 577 p. (In Russian).

Информация об участнике

Назарова Ксения Алексеевна — магистрант 2 курса Института ЛПО Национального исследовательского университета «МИЭТ» (Россия, 124498, Москва, Зеленоград, пл. Шокина, д. 1).

Information about the participant

Kseniya A. Nazarova — 2nd year Master's Student at the Institute of LPE, National Research University of Electronic Technology (Russia, 124498, Moscow, Zelenograd, Shokin sq., 1).

References

1. Baydikova N. L., Davidenko E. S. "Personality Types in Teaching a Foreign Language to Extravert and Introvert Non-Linguists Students in the Learner-Centred Context". *Vestnik MGLU*.

Памятные и знаменательные даты

Memorable and remarkable dates

List of landmarks and significant dates in world history.

В июле — сентябре 2024 г.

28 июля 1804 г. (220 лет назад) родился *Людвиг Андреас фон Фейербах*, немецкий философ-материалист и атеист. Он окончил Эрлангенский университет, а позднее преподавал там. Фейербах написал трехтомную «Историю новой философии». В своих сочинениях неоднократно касался вопроса об отношении философии к религии — и отстаивал свободу разумного исследования, говорил о том, что изучение закономерности явлений — основание науки и философии, а также затрагивал проблему психогенезиса религиозных догматов.

27 июля 1929 г. (95 лет назад) родился *Жан Бодрийяр*, французский социолог, культуролог и философ-постмодернист, один из самых известных представителей философии постмодернизма. Он получил степень доктора философии и несколько десятков

лет преподавал в Нантеррском университете в Париже. А в 1968 г. опубликовал работу «Система вещей» — развернутую критику «общества потребления». Данную проблематику Бодрийяр разрабатывал в своем творчестве и позже. Основные темы исследований Бодрийяра — соотношение реальности и ее символического отображения; он писал о символическом обмене, его перу принадлежат ставшие популярными понятия «гиперреальность» и «симулякр».

13 августа 1624 г. (400 лет назад) *Арман Жан дю Плесси кардинал де Ришельё* был назначен Первым министром Франции. При нем возродили университет Сорбонну, основали Французскую академию, самым выдающимся и талантливым художникам, писателям, архитекторам назначали достойные пенсии.

Даты, отмечаемые ежегодно

12 августа отмечается *Международный день молодежи* (International Youth Day), цель которого — напомнить о роли молодых людей в развитии и построении мира и об их повседневных проблемах. Дату установила Генеральная Ассамблея ООН по предложению Всемирной конференции министров по делам молодежи (Лиссабон, 8—12 августа 1998 г.). В середине 2020-х гг. половина населения планеты — люди в возрасте 30 лет и моложе; ожидается, что к концу 2030 г. этот показатель достигнет 57 %. Молодежь

составляет четверть мировой рабочей силы — но и половину безработных. Генеральный секретарь ООН призвал международное сообщество признать, что поколения взаимозависимы, и решать проблемы разных возрастов сообща, повышать степень осведомленность молодежи о существующих проблемах, рисках и способах их решения.

8 сентября отмечается *Международный день грамотности* (International Literacy Day) — один из международных дней, отмечаемых в системе Организации Объединенных

Наций. Его учредила ЮНЕСКО в 1966 г. по рекомендации «Всемирной конференции министров образования по ликвидации неграмотности» (Тегеран, сентябрь 1965 г.), чтобы напомнить о важности грамотности в жизни людей и общества и о необходимости ее распространения. Дата празднования — день торжественного открытия этой конференции. Грамотность — один из базовых показателей социально-культурного развития населения. Необходимы программы по распространению грамотности, направленные на уязвимые группы учащихся, требующих особого внимания.

28 сентября отмечается *Международный день всеобщего доступа к информации* (International Day for Universal Access to Infor-

mation) — памятная дата, учрежденная в 2015 г. ЮНЕСКО. Позже, в 2019 г., Генеральная Ассамблея ООН также включила эту дату в список своих международных дней. Доступность информации для общественности очень важна. Это было провозглашено еще во Всеобщей Декларации прав человека, 19-я статья которой четко гласит: человек обладает правом и свободой искать, получать и распространять информацию. Организаторы мероприятий, приуроченных к этому дню, добиваются повышения информированности граждан об их праве на информацию, а также напоминают представителям государственной власти о необходимости обеспечить соблюдение законодательства, гарантирующего право на информацию.

Книжные новинки

New books

Books on pedagogy, economics, philosophy and pedagogical anthropology edited recently by leading Russian publishing houses.

Зорина Е. М. Игра как педагогическая опора для развития правовой культуры и гражданской грамотности : монография / Е. М. Зорина. — Киров : Межрегиональный центр инновационных технологий в образовании, 2024. — 91 с. — ISBN 978-5-907851-41-2. — EDN FMEIRB.

Автор исследует феномен игры как педагогического инструмента (опоры) для развития правовой культуры студентов. В теоретической части работы представлены инновационные методики обучения, классификация дидактических игр, раскрыто влияние геймификации на образовательный процесс. В практической части рассмотрены

готовые и авторские игры, предлагаемые для использования на занятиях и во внеаудиторной деятельности для повышения гражданской грамотности студентов. Исследование, отраженное в монографии, может дополнить материалы для изучения дисциплин «Основы российской государственности» и «Правовая культура».

Образ Эвальда Ильенкова в воспоминаниях : [сборник] / Российское философское общество «Диалектика и культура» ; автор-составитель и ответственный редактор Геннадий Лобастов. — Москва : Русская панорама, 2024. — 447, VIII с. : портр. — ISBN 978-5-93165-506-2.

Книга представляет собой сборник воспоминаний об Эвальде Васильевиче Ильенкове (1924—1979) людей, знавших его по жизни и по творчеству. Авторы рассказывают о самых разных сторонах личности выдающегося философа с мировым именем, рассказывают в разном жанре и с разной глубиной о проблемах его философского анализа. Момент «фотографичности» переплетается с размышлениями различного рода и в разной стилистической форме. Захват

проблем весьма широк: они из философии, психологии, педагогики, искусства, политэкономии, исторической культуры, литературы и многих других областей знания. Авторы — ученые разных интересов, разных характеров, в разных формах и по-разному стилистически осуществляющие себя в творчестве, но все они нигде не теряют образа Э. В. Ильенкова и в той или иной мере в своей философской жизни живут вместе с ним.

Педагогическая антропология Иммануила Канта и современная философия образования (к 300-летию со дня рождения) : монография / С. А. Петрушенко, И. Э. Голобородько, О. А. Музыка [и др.]. — Ростов-на-Дону : Издательско-полиграфический комплекс РГЭУ (РИНХ), 2024. — 135 с. — ISBN 978-5-7972-3326-8. — EDN AISEXO.

В монографии собраны результаты междисциплинарных исследований проблем воспитания и образования в фокусе философско-антропологических и этико-педагогических воззрений великого немец-

кого философа И. Канта. В издании освещены теоретико-методологические аспекты взглядов мыслителя на этику, философию и педагогическую антропологию в контексте культурно-исторической парадигмы.

Показана роль антрополого-педагогических воззрений Канта в развитии современного педагогического образования. Книга адресована философам, педагогам, психологам, преподавателям, аспирантам и студентам педагогических вузов, а также специалистам в области воспитания и образования.

Пищулов В. М. Пространственная экономика. Становление и развитие институтов рынка : монография / В. М. Пищулов. — Москва : ИНФРА-М, 2024. — 205 с. — (Научная мысль. Экономика). — ISBN 978-5-16-019322-9. — <https://doi.org/10.12737/2108537>. — EDN FLQJIP.

Монография посвящена вопросам пространственной структуры экономики. В качестве методологической основы исследования используется институциональный анализ построения воспроизводственных процессов в территориально организованных экономических образованиях. Автор уделяет внимание проблемам зарождения и развития территориально организованных экономических структур, представленных в виде ранних цивилизаций. Рассматриваются вопросы формирования и воспроизводства форм проявления институтов товарного хозяйства, таких как отношения частной собственности и гражданские отношения. Книга может быть полезна ученым и практикам в сфере экономики и финансов, а также студентам вузов.

РЕТРАКЦИЯ RETRACTION

Ретракция статьи

Редакция журнала «Экономические и социально-гуманитарные исследования» сообщает, что на заседании редакционной коллегии журнала «Экономические и социально-гуманитарные исследования» (протокол № 4 от 30 сентября 2024 г.) принято решение о ретракции (отзыве) статьи из журнала «Экономические и социально-гуманитарные исследования» № 1 (17) за 2018 г.

Journal article retraction

Editorial Board of the journal *Ekonomicheskiye i sotsial'no-gumanitarnyye issledovaniya [Economic and Social Research]* (hereinafter ESGI journal) reports that at the ESGI journal Editorial Board meeting (Minutes no. 4 of the September 30, 2024) it was decided to retract an article from ESGI journal no. 1 (17) 2018.

Редакция журнала «Экономические и социально-гуманитарные исследования» (ЭСГИ) сообщает, что на заседании редакционной коллегии журнала ЭСГИ (протокол № 4 от 30 сентября 2024 г.) принято решение о ретракции (отзыве) статьи из журнала ЭСГИ (2018. № 1 (17). С. 194—200) под названием «Математическая модель количественной оценки пассионарного напряжения открытой системы» автора Севрюковой Е. А. по причине того, что данная статья содержит (без ссылок на первоисточник) заимствования авторских терминов, текста, математических выкладок из следующих ранее опубликованных (с 2002 по 2015 г.) и находящихся в открытом доступе статей:

Плуцевский А. М. Физический фактор социальной и культурной динамики народов [Электронный ресурс] // СОЦИНТЕГРУМ: сайт. 2002. URL: <http://www.socintegrum.ru/Plushch.html> (дата обращения: 07.12.2017);

Плуцевский А. М. Термодинамика исторической жизни народов // Евразийское Научное Объединение. 2015. Т. 2. № 3. С. 146—157. EDN: TQLSIH;

Плуцевский А. М. Термодинамика исторической жизни народов [Электронный ресурс] // libcats.org: сайт. 2007. URL: [https://dl.libcats.org/genesis/280000/495aa386c8fa1424b4a85f41c4caa6f6/_as/\[A.M.Plushchevsky.\]_Termodinamika_istoricheskoi_zhizn\(libcats.org\).pdf](https://dl.libcats.org/genesis/280000/495aa386c8fa1424b4a85f41c4caa6f6/_as/[A.M.Plushchevsky.]_Termodinamika_istoricheskoi_zhizn(libcats.org).pdf) (дата обращения: 27.05.2024).

**Главный редактор журнала ЭСГИ,
д-р полит. наук, доцент Т. В. Растимешина**

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ FOR THE AUTHORS

The section contains the current rules on the design of materials submitted to the editing office.

(Правила оформления рукописей
действуют с 1 сентября 2022 г.)

ВНИМАНИЕ! Для публикации статьи в журнале автор оформляет подписку на 2 номера журнала. Онлайн-подписка оформляется по каталогу «Пресса России». Ссылка на каталог: <https://www.pressa-rf.ru/cat/1/edition/t80114/>

Научный журнал «Экономические и социально-гуманитарные исследования» публикует на русском языке оригинальные и обзорные статьи.

Основные рубрики:

- экономические науки;
- философские науки;
- социологические науки;
- политические науки;
- исторические науки;
- педагогические науки;
- психологические науки.

В редакцию предоставляются:

- 1) текст статьи (подписанный всеми авторами, допускается электронная подпись в формате pdf), включая список авторов, название, аннотацию, рисунки, таблицы, библиографический список;
- 2) анкеты авторов (см. бланк анкеты на сайте журнала; адрес сайта: <http://esgi-miet.ru/>);
- 3) рекомендации кафедры; сопроводительное письмо на официальном бланке (для сторонних организаций).

Ориентировочный объем публикаций: для статьи — не менее 8—10 страниц текста (от 20 000 до 40 000 знаков); материалы объемом менее 6 страниц текста (12 000 знаков) рассматриваются как краткие сообщения.

Материал для публикации должен быть собран в один файл с названием **Фамилия_ИО_Название статьи.**

Внимание! Все поступающие материалы проходят проверку в программе «Антиплагиат». Оригинальность текста: не менее 78 %; самоцитирование не более 10 %; цитирование не более 20 %.

Оформление первой страницы статьи: индекс УДК; название статьи; инициалы, фамилия автора; название учреждения, где выполнена работа; аннотация на русском и английском языках; ключевые слова. Далее следует текст статьи. (*Подробнее см.:* шаблон оформления статьи на сайте журнала. Адрес сайта: <http://esgi-miet.ru/>)

Содержание статьи должно соответствовать тематическому направлению и научному уровню журнала, обладать определенной новизной и представлять интерес для широкого круга читателей.

Авторам настоятельно рекомендуется структурировать текст статьи: выделить вводную часть, описание материалов и методов исследования (изложение теоретических основ, обзор основных теорий), результаты и их обсуждение, сделать выводы.

Аннотация (описательная) предоставляется *на русском и английском языках*, должна включать характеристику исследования с освещением его основных вопросов: предмет, основные гипотезы, результаты и выводы. Рекомендуется использовать отработанные клише: рассмотрены, изучены, представлены, проанализированы, обоснованы, показаны и др. Объем аннотации — до 150 слов.

Ключевые слова или словосочетания должны отвечать тематике исследования, соответствовать тематике статьи. Приводятся *на русском и английском языках*, отделяются друг от друга запятой, в конце точка не ставится.

Рисунки дополнительно предоставляются в отдельных файлах; они должны быть черно-белыми или в градациях серого. *Векторные рисунки* предоставляются в любом из форматов pdf; eps; ai. *Растровые рисунки* (фотографии) — в любом из форматов jpeg; tiff; png; psd. Разрешение 300 точек на дюйм, ширина рисунка ≤ 160 мм.

При выборе **единиц измерения** следует руководствоваться утвержденной системой единиц физических величин (см. ГОСТ 8.417-2002).

Географические названия должны соответствовать атласу последнего года издания.

В тексте **ссылки на цитируемую литературу** даются в квадратных скобках. Список литературы и источников оформляется в порядке алфавита фамилий авторов и (или) первых слов названий (слово за словом). Источники на иностранных языках располагаются в конце списка и выстраиваются в соответствии с латинским алфавитом.

Рекомендуется использовать не более 15 (опубликованных) литературных источников для оригинальной статьи, не менее 30 источников для обзорной статьи.

Библиографическое описание оформляется согласно ГОСТ Р.7.0.5-2008 «Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления».

Необходимо указать:

- для *книг*: фамилию и инициалы автора (курсивом), полное название книги, место издания, издательство, год, том или выпуск, ссылку на конкретные страницы;
- для *периодических изданий*: фамилию и инициалы автора (курсивом), название статьи, название журнала, год издания, том, номер, страницы публикации;
- для *материалов конференций, школ, семинаров*: фамилию и инициалы автора, название доклада, время и место проведения конференции (мероприятия), название конференции (мероприятия), город, издательство, год, страницы публикации;
- для *электронных ресурсов*: фамилию, инициалы автора, название, год, номер (если есть), URL, дату обращения.

Список авторов и сведений о них должен содержать:

- информацию о каждом авторе для публикации (на русском языке) — фамилия, имя, отчество (полностью), ученая степень, ученое звание, место работы (полное название организации), занимаемая должность, почетные звания и т. п.;
- e-mail для публикации в интернете. Необходимо также предоставить контактную информацию (не для публикации) — телефон, адрес электронной почты. В статье, подготовленной несколькими авторами, следует указать ответственного за прохождение статьи, для аспирантов — научного руководителя. Все сведения должны соответствовать указанному в авторской анкете.

Требования к оформлению текста: шрифт Times New Roman, кегль 14, интервал полуторный, выравнивание по ширине, поля 2 см, отступ 1,25.

Для форматирования текста не следует использовать повторяющиеся пробелы и знаки табуляции. Необходимо различать дефис (-), знак «минус» (−) и тире (—). Нумерация рисунков и таблиц сквозная. Единственная таблица, единственный рисунок не нумеруются. Мелкие формулы выполняются в текстовом редакторе, а крупные в редакторе формул. Использование аббревиатур предполагает расшифровку.

Решение о публикации или отклонении рукописи принимается редколлегией по результатам анонимного рецензирования.

Рукописи, не соответствующие указанным требованиям, редакцией не рассматриваются.

Статьи направлять по адресу:

124498, Москва, пл. Шокина, д. 1, МИЭТ, редакция журнала «Экономические и социально-гуманитарные исследования».
E-mail: esgi.miet@yandex.ru

Подписной индекс 80114

Подписаться на журнал можно по объединенному каталогу «Пресса России» в любом отделении Почты России, обратившись к оператору